

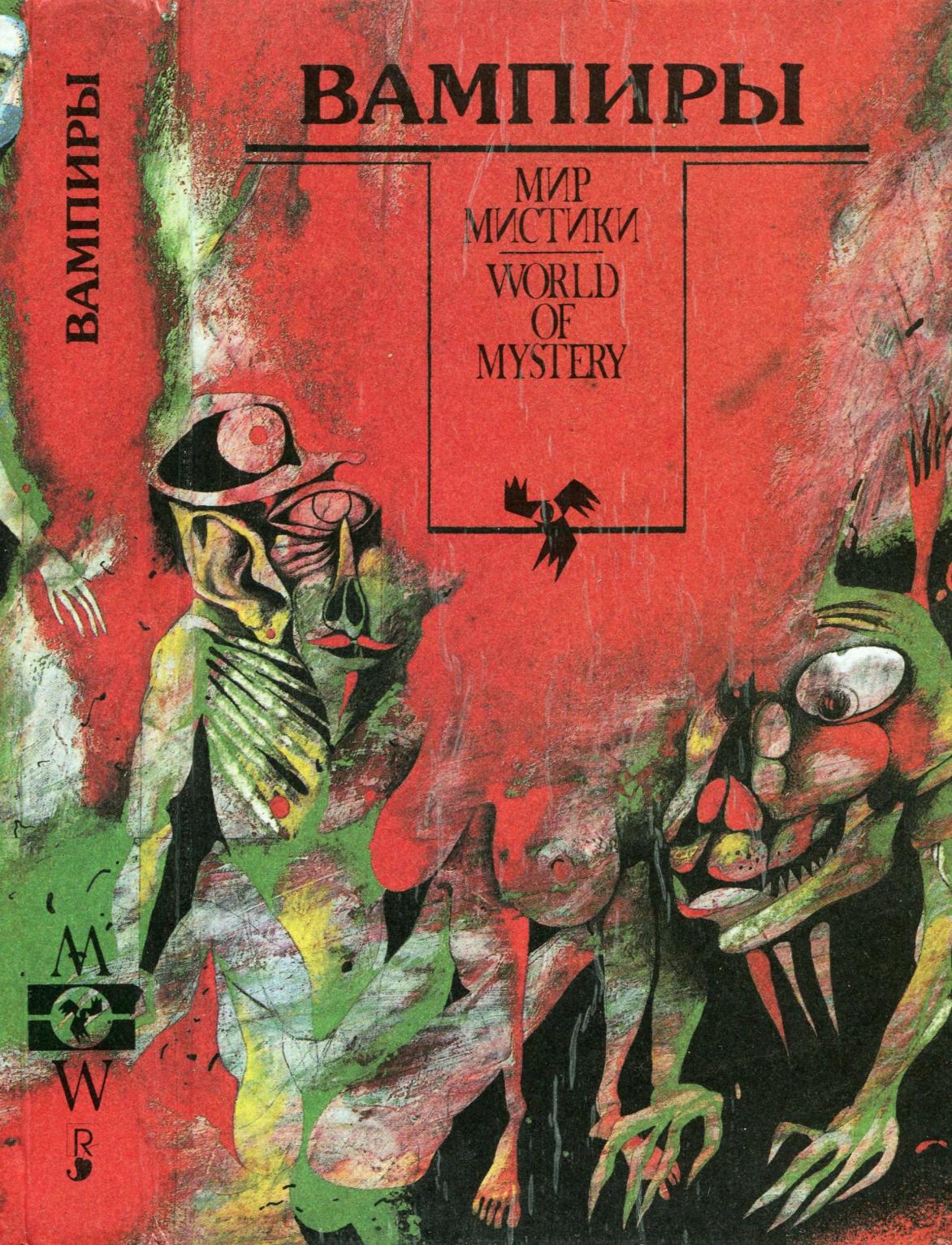
ВАМПИРЫ

ВАМПИРЫ

МИР
МИСТИКИ
WORLD
OF
MYSTERY

M
W
R

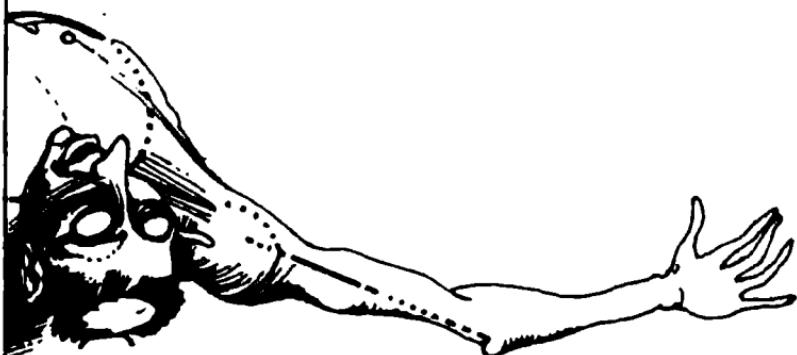

МИР
МИСТИКИ
WORLD
OF
MYSTERY

ВАМПИРЫ

МОСКВА
RENAISSANCE
БУО-БАБ
1994

Серия МИР МИСТИКИ

Основатель серии *И. В. Розова*

Художник *Владимир Радько*

Вампиры. Сборник. — Издательство “Ренессанс” СП “ИВО-СиД” (Серия “Мир мистики”), 1992 — 432 с.

ISBN 5-8396-0015-6

...Вечная жизнь, о которой люди так часто склонны мечтать, оказывается вампирической маятой, чередованием актов насилия с исступленными выплесками сверхъестественной энергии, когда насилием на следующем витке становится насильником, когда уже невозможно говорить о человеческой подлинности, о тождестве человека себе самому, но остается только неутомимая, нескончаемая, захлестывающая весь мир пульсация кровавого колеса. И, напротив, отстаивая свое право умереть, человек тем самым борется за единственное доступное ему самосохранение, за возможность пройти до конца предназначенную ему дорогу — жить и умереть самим собой...

В сборник вошли два романа — “Вампир” польского писателя Владислава Реймента и фантастический роман барона Олшеври “из семейной хроники графов Дракула-Карди “Вампиры”, объединенные общей темой — традиционным мифом о Вампире.

4703000000 — 055
Б (03) — 73 — 92 без объявл.

ББК 84

ISBN 5-8396-0015-6

© Оформление: Владимир Радько, 1992;
© Составление: В. В. Громова, 1992.

Владислав РЕЙМОНД

ВАМПИР

Роман

I

Огни погасли, только в зеленоватом хрустальном шаре между окон дрожал раздробленный, едва заметный для глаза огонек, похожий на мерцающего во тьме светляка.

Сразу наступила тишина, воцарилось гнетущее ожидание.

Все сидели, затаив дыхание, напряженные до омертвления, полные терзающего беспокойства, еле сдерживая дрожь боязни.

Время медленно текло в глубоком молчании, в тягостной ужасной тишине тревожных предчувствий; только иногда сдержанный вздох проносился в темноте, или по-трескивал пол, заставляя вздрогнуть, или непонятный шорох, будто шум пролетавшей птицы, носился по комнате, овеяя холодом распаленные лица и замирая во мраке.

И снова проплывали минуты, долгие, как века, — минуты гнетущего молчания и ожиданий.

Вдруг стол дрогнул, сильно закачался, поднялся на воздух и опустился на пол без шума.

Ледяная дрожь охватила сердца, кто-то крикнул, кто-то стал нервно всхлипывать, кто-то вскочил, как бы желая бежать; дыхание обжигающего страха пронеслось в темноте и заклубилось в душах мучительной дрожью, но сейчас же все стихло, побежденное безмерной жаждой видений.

Чуда просили тревожные души, распятые в скорбной тоске.

Тишина стала еще глубже, все затаили дыхание, сдерживали боязливое биение сердец, напрягали всю волю, чтобы не вздрогнуть, не отозваться, не шелохнуться,

даже не смотреть, только замирать в такой безгласности, что даже тиканье часов болезненно пронзalo сердца и ударяло в висках тяжелыми молотками.

Глухой, смешанный шум, рассеянный и далекий, как удаляющееся море, монотонно гудел за окнами, дождь шел не переставая, тихо звеня и стекая по вспотевшим серым стеклам бесконечными нитями бисера, то вдруг ветер ударял в окна и с жалобным криком сползал, замирая, вниз по стенам, а потом какие-то деревья, слепые и безмолвные, похожие на всклокоченные тучи, тихоклонились к окнам и качались еле уловимой тенью, как сон, не удержаный памятью и утонувший во мраке.

А комната была все так же глуха, нема и бездонна, только зеленый огонек, как звезда, отразившаяся в черной глубине, непрерывно дрожал, распыляясь в светящийся призрак, да чай-нибудь взглядел иногда сверкал рассеянным пламенем и сейчас же угасал среди темных, неопределенных, еле уловимых колебаний воздуха, невидимых движений, беспокойных вздрагиваний, замирающего шепота, гаснущих блестков и затаенного дрожащего страха.

Стол опять вырвался из-под рук сидевших, с силой поднялся на воздух и с громким стуком упал на свое место. Цепь рук разорвалась, несколько голосов вскрикнуло, кто-то кинулся зажигать свет.

— Тише... по местам... тише! — раздался повелительный голос.

Руки опять сплелись в одну замкнутую цепь, наступило молчание, но уже никто не смог победить нервной дрожи; руки дрожали, сердца усиленно бились, души потрясал вихрь священного ужаса; все сидели склоненные над столом, как над непонятным единственным существом, каждое движение которого было видимым, живым чудом.

Джо, председатель собрания, стал шептать молитву, а за ним дрожащими губами повторяли и все присутствующие — все сильнее, все громче; темная комната наполнилась шепотом, дрожащим, быстрым, страстным, вырванным из-под сердца, из глубины просветленных душ. Слова падали вдохновенные, горящие верой, легкие, как дыхание, могучие жаждой откровений, желанием чуда.

Вдруг из другой комнаты или из какой-то глубины, раздались приглушенные звуки фисгармонии.

Стон замер в сжатых гортанях, души погрузились в

сонный испуг, как в ожидании смерти; никто не ждал этой музыки, никто не знал, откуда плывут эти звуки, не понимал, настоящие ли они или только сладкое очарование.

Все припали грудью к столу, потому что уже не хватало сил, судорожно держались за руки, боясь отпустить, боясь пропасть в одиночестве, погружались в эти странные звуки, проносившиеся как нежный ветер по струнам невидимой арфы.

И до того забылись, что уже никто не знал, действительность это или волшебный сон.

А музыка разливалась во тьме кадильным дыханием молитвы, росой серебристых тонов, веянием мелодии — такой сладостной, что души колебались в мечтательном упоении, как цветы в лунную ночь.

И была эта музыка как торжественное пение — могучее, безграничное, как будто пел весь мир.

И была она как крик души, потерянной во вселенной.

И еще выше возносилась она — в гимны слез и восторга, вдаль таких порывов тоски, что была уже как бы эманацией новых миров, рождающихся из тайны и мечты.

Еще люди не опомнились от впечатления, еще души их сонно раскачивались в такт умирающих звуков, как вдруг дверь из передней открылась настежь, полоса света упала столбом на пол и на пороге появилась высокая светлая фигура...

Все вскочили с места, но раньше, чем кто-либо успел крикнуть, фигура эта двинулась и медленно пошла по полосе света. Шла она напряженно и тяжело, вытянув перед собой руки, покачиваясь и порой останавливаясь.

Дверь бесшумно закрылась, и ночь снова охватила комнату.

— Кто ты? — затрепетал сдавленный вопрос.

— Дэзи, — пронесся бесплотный шепот.

— Долго будешь с нами?

— Нет... нет...

— Где твое тело?

— Там... в комнате... сплю... ты звал... пришла... Гуру...

Шепот стал невнятен и так тих, что только беззвучные отрывистые волны пробегали во мраке.

Мистер Джо нажал кнопку, и электрический свет залил комнату.

— Дэзи! — крикнул кто-то, бросаясь к ней, но вдруг остановился, как пораженный громом. Она обратила к

нему свое слепое лицо, силясь что-то сказать, шевеля губами...

— Нет, это не Дэзи...она, но чужая, другая какая-то.

Он в удивлении наклонился и осторожным, боязливым взглядом скользил по ее лицу и всей фигуре. Лицо знакомо, но черты не те — чужие... чужие...

“Дэзи! Нет...нет...” — кричало в нем удивление, и воспоминания проносились молниями безумия и ужаса.

Он ничего не понимал, он не мог уяснить себе этой странной перемены; ему казалось, что он видит тяжелый сон, что перед ним стоит какое-то зеркальное отражение Дэзи, которое вот сейчас развеется, исчезнет, как привидение.

Он закрыл глаза, снова открыл их, но тотчас Дэзи стояла на прежнем месте, перед ним, он видел ее с совершенной ясностью. И вдруг она бросила на него мрачный, бездонный взгляд, такой чужой и страшный, что им овладел ужас и он отступил назад.

Все стояли, похолодев от страха.

Мистер Джо боязливо приблизился к ней и прикоснулся пальцами к ее векам; те дрогнули и глубоко опустились. Потом он поочередно касался ее висков, рук, груди, плеч, провел несколько раз руками над головой, отступил назад и произнес повелительным голосом:

— Иди!

Она не двинулась с места.

— Иди! — произнес он громче, медленно отступая и не спуская с нее взгляда. Она вздрогнула и, с трудом отрывая ноги от пола, напряженно, как бы автоматически двинулась за ним в глубину соседней, ярко освещенной комнаты.

Никто не пошевелился, не вздохнул, не дрогнул. Все глаза двигались вслед за ней.

Мистер Джо взял ее за руку и подвел к большой кушетке, стоявшей посередине комнаты. Она бессильно упала на кушетку.

— Можешь говорить? — спрашивал он, склоняясь над ней.

— Могу...

— Ты — сама Дэзи?

— Не спрашивай...

— Никто из нас не мешает?

— Нет... нет... что же может мешать воле “А”...

Голос у нее был чужой, совершенно незнакомый и

какой-то мертвый; временами казалось, что он выходит из фонографа. Безжизненным шелестом выходил он прямо из горла — ни губы, ни мускулы лица не производили при этом движений.

— Значит, всем можно оставаться в комнате? — спрашивал мистер Джо.

Она не ответила, только сделала неторопливое движение, подымая тяжелые веки; закатившиеся глаза блеснули белками, слабая улыбка промелькнула на бледном как мел лице, она протянула руку в пустое пространство, как бы приветствуя кого-то невидимого, и стала что-то тихо шептать.

Мистер Джо внимательно слушал, но напрасно старался понять хоть что-нибудь. Она говорила на совершенно незнакомом языке.

— Что ты говоришь? — спросил он потом, кладя руку на ее лоб.

— Сарватассида!

— Магатма?

— Тот, который есть, который наполняет все, который есть “А”, мой дух...

— Будет ли он говорить через тебя?

— Не мучь меня...

— Случится ли что-нибудь сегодня? Братья собрались, ждут в тревоге, ждут, прося знака, чуда...

— Никто из воплощенных не достоин чудес! Никто! — раздался могучий мужской голос, такой сильный, точно он проходил сквозь медную трубу.

Джо отскочил в испуге и стал глядеть вокруг, но в комнате никого не было. Дэзи лежала неподвижно, электрические лампы ярко горели, и все собравшиеся стояли сплоченной группой в другой комнате, прямо против него.

— Пусть он играет, он! — прошептала Дэзи, приподымаясь и показывая рукой на Зенона, и сейчас же опять упала, прямая, напряженная, и так и осталась лежать.

Напрасно Джо пытался заставить ее разговаривать, — она лежала как труп. Руки ее были холодны и лицо покрыто ледяной росой.

— Полная каталепсия. Ничего не понимаю, — прошептал он испуганно.

— Что же мы будем делать? — спросил кто-то.

— Молиться и ждать.

— Что... это в самом деле Дэзи? — спросил Зенон.

— Дэзи... не знаю, может быть... но не знаю.

Дверь в круглую комнату, где она лежала, закрылась сильным шумом.

— Садитесь, тише... начинаем!

Зенон сел за фисгармонию, стоявшую в глубокой нише направо, против окон, и начал тихо играть.

Свет сразу погас, еще некоторое время в люстре краснели раскаленные угли, потом почернели, и только хрустальный шар светился зеленоватым дрожащим огоньком.

Все расселись вдоль стены, в один ряд, уже не образуя цепи.

Зенон играл какой-то торжественный гимн; тихие звуки сливались в сладкий хорал, далекий, точно струившийся с небесных высот, и рассыпались в непроницаемой темноте.

Джо опустился на колени и стал шептать молитву; затем послышался шорох отодвигаемых стульев и потрескивание пола — по-видимому, все стали на колени; шепот молитвенных голосов зашумел распаленным, кипящим ливнем и вторил волнам проникавшей в душу музыки.

Зенон играл все тише, звуки медленно гасли, становились глушее и, как застывшие жемчужины, тяжело падали вниз; только какие-то смутные аккорды, как потерянные вздохи, блуждали в тишине, возвращались и рыдали упорно, проникновенно.

Наступило продолжительное гробовое молчание, потом аккорды вдруг взорвались, как крик среди запустения, крик неожиданный, пронизывающий, ужасный.

И опять стало мертвенно тихо, и из тишины время от времени вырывались одинокие плачущие аккорды.

Молитва замолкла, но эти монотонные звуки то раздавались громче, то ослабевали... замирали... снова стонали, снова блуждали и пронизывали всех дрожью, потому что были — как отчаяние, как крик падающих в бездну.

Джо не выдержал и осветил комнату.

Зенон сидел неподвижно, глаза его были закрыты, голова откинулась на спинку стула, правая рука лежала безучастно на коленях, а левой он двигал автоматически, мерно ударяя по клавишам.

— Он в трансе! — прошептал Джо и опять потушил электричество.

В комнате становилось жутко, все сидели в гробовом молчании, подавленные тревожным ожиданием, блуж-

дая взглядами во мраке и хватаясь, как за спасение, за этот единственный огонек в зеленом шаре.

Странным холодом веяло от стен, все дрожали, несмотря на сильное возбуждение.

Тишина была такая, что нельзя было выдержать, и этот беспрестанно повторяющийся монотонный аккорд пронизывал все большим ужасом.

И вдруг в темноте стало что-то происходить.

Прежде всего лежавшие на столе грифельные дощечки стали подыматься и падать, словно их кто подбрасывал, потом ударились с треском в потолок и рассыпались по полу осколками.

А несколько мгновений спустя в темноте засветилось бесконечное множество рассеянных по воздуху блесток, таких мелких и едва заметных, что их можно было принять за фосфорическое свечение гнили; они падали блестящей росой, осыпались вдоль стен, медленно сгущались и светились все сильнее, заливая комнату блестящим колеблющимся туманом, как бы голубоватым снегом, падающим бесшумно рассыпчатой, рыхлой волной.

— Ом! — прозвучал в тишине чистый, кристальный голос.

И они склонили головы и хором застонали сдавленными голосами, смиренные и растроганные:

— Ом, Ом, Ом!

Светлый дождь усилился, комната стала как бы темно-голубой бездной, через которую проплывал поток звездной пыли. Было так светло, что стены, двери, картины, различные предметы и синие испуганные лица отчетливо были видны сквозь эту дрожащую и падающую огненную пряжу.

Туманный силуэт, призрак, сотканный из света, вдруг появился в дверях той комнаты, где была уснувшая.

— Ом, Ом! — шептали они все тише, отступая к стене, и, прижавшись к ней, замерли в священном ужасе и изумлении.

Видение поднялось вверх, как цветок из колеблющегося пламени; оно было как бы излучением рассеянного света, из которого выливался контур человеческой фигуры, все время то образуясь, то вновь распыляясь взрывами коротких разрозненных сверканий.

Огненный дождь погас, комната наполнилась мраком, только привидение медленно реяло ярко блестящим желтоватым облаком и носилось вокруг, подымаясь на

несколько футов от земли. Человеческая фигура временами ступала из мрака так отчетливо, что можно было видеть женское лицо, окруженное длинными волосами, очертания плеч и всю фигуру; иногда было видно даже голубоватое мерцающее платье. Но черты лица были неприметны, потому что напряжение света беспрерывно изменялось и режущий глаза блеск, из которого был соткан призрак, все время смешивался и переливался в постоянном круговороте, линии рисунка ежеминутно превращались в световую пыль и сейчас же обозначались снова.

На некоторое время призрак принял определенные человеческие формы и приблизился так близко, что всех охватил безумный ужас. Он качался в воздухе прямо перед ними, приближая свое ужасное лицо. Лицо было слепо и без очертаний, как грубо отесанный шар с продырявленными черными отверстиями, как маска из клубящихся мелких огоньков — кошмарная, ужасная маска.

Призрак передвигался от одного человека к другому, заглядывая глазами впадинами в их похолодевшие лица, и руки его, какие-то скользкие и влажные, как бы из нагретого каучука, ужасные мертвые руки прикасались к каждому лицу.

Кто-то тяжело застонал, как в ночном удушье, и призрак сразу разлился в светлый мерцающий туман.

Но раньше, чем можно было опомниться, он появился опять в нише рядом с Зеноном.

— Дэзи! — крикнул бессознательно Джо.

И все узнали ее. Да, это она стояла там, теперь было ясно видно; черты ее лица резко выделялись в той удивительной яркости, которая лучилась из нее самой; можно было различить все подробности фигуры, даже хорошо знакомый цвет волос, все были глубоко убеждены, что это она сама стоит там, как бы в светлом облаке, облитая мягким сиянием.

Она склонилась над спящим, точно желая шепнуть ему что-то на ухо, а он поднялся с места и с блаженной улыбкой подал ей руку. И вдруг, как дерево, рассеченное молнией, он распался на два лица: сидел по-прежнему с головой, откинутой на спинку стула, и в то же время стоял перед нею, склонив голову.

Крик изумления сорвался со всех уст и сразу замер, потому что раскрылась дверь в круглую комнату и все увидели, что Дэзи лежит на кушетке.

Два тела были погружены в глубокий сон, и одновре-

менно два привидения, два призрака, или две души, облеченные в видимую форму и излучающие свет, словно зеркальные отражения Дэзи и Зенона, проходили во мраке совсем близко около них.

Как долго это продолжалось — мгновение или вечность, — никто не знал, никто не думал и не понимал.

Души очевидцев преклонились в восторге и ужасе перед чудом.

В этот священный миг Изида приоткрыла уголок завесы перед жаждущими света, мечты становились чем-то большим, чем действительность, — чудом, непонятным, таинственным, но видимым чудом.

Все почувствовали, что они на краю непостижимого, как бы в самой глубине бытия, среди немыслимых существований и вещей, совершенно непонятных для слепых глаз человека.

Исчезла вся жизненная память, вся пыль земли слетела с их душ, выгорели все мысли, осталась только самая сущность жизни, пред которой открываются все тайны. И вот там, в двух шагах от них, в темноте стояли две светящиеся фигуры и происходило непонятное чудо. Теневая линия очерчивала оба призрака, создавая для них как бы рамы, из которых резче выступали лучистые видения, как два столба, сияющие мертвенным светом и переносящиеся с места на место без шума, среди такой тишины, что каждый слышал ускоренное биение собственного сердца.

В одно неуловимое, не отмеченное памятью мгновение призраки стали медленно бледнеть, угасать и всасываться в темноту, только головы оставались в воздухе несколько дольше, качаясь как огненные цветы на волнах мрака. Они были все время рядом, одна возле другой, двигались плавными, колеблющимися движениями, то исчезая на мгновение в брызгах ослепительного блеска, то всплывая опять, но уже более бледные, более туманные и легкие, похожие на витражи в темных храмах; глаза еще светились с прежней силой и жизнью, но лица уже расплывались, умирала человеческая форма, пока, наконец, не потухли и взгляды их, затмившиеся, будто сразу погруженные в темноту, рассыпавшиеся в медленно угасавшую белую пыль.

Все прекратилось. Ночь и молчание снова объяли присутствующих, никто, однако, не двинулся с места, ослабевшие сердца едва заметно бились, мысли двига-

лись лениво и неохотно, пробуждаясь от летаргии воссторга и очарования.

Ах, опять жизнь, опять глупая действительность, опять те же будни, та же бесконечная мука и тоска — опять!

Глухой далекий шум города ударял монотонно в окна, дождь звенел по стеклам, а огонек, заключенный в хрустальный шар, трепетал зеленоватым таинственным глазком, как бездонная тоска, как память о прошедшем и невозвратном.

Только спустя некоторое время Джо пересилил себя и зажег свет.

Дверь круглой комнаты была заперта, а Зенон сидел и спал на прежнем месте перед фисгармонией.

— Надо его разбудить, он слишком истощится.

Но раньше чем успели это сделать, Зенон сам проснулся и встал.

— Кажется, я спал, — произнес он, протирая глаза.

— Ты уснул сейчас же.

— Нет, ведь я что-то играл, кажется, Баха...

— Ты играл и после...

— Во сне?

— Ты был в трансе.

— И играл! Правда, мне вспоминается какая-то мелодия... сейчас... не могу поймать... какие-то рассеянные звуки у меня в памяти... Но это странно, я никогда не впадал в подобный сон.

— Ты ничего больше не припоминаешь, кроме этой мелодии?

— Нет... А Дэзи?

— Спит еще.

Зенон открыл дверь в круглую комнату и остановился в удивлении.

— Но ведь это она... я не спал, что вы мне говорите, я только что разговаривал с ней... мы ходили вместе по какому-то парку... да... помню... голубые деревья... она говорила... сейчас... где это было?

Он испуганно оглянулся кругом.

Все стояли и молча глядели на него с любопытством.

— Со мной что-то случилось, но что — не могу вспомнить... У меня так странно болит голова...

Зенон пошатнулся. Джо его поддержал и посадил на стул.

Он долго сидел неподвижно, углубившись в самого

себя, всматриваясь в какую-то неведомую даль, полную смутных видений и снов, которых он не мог припомнить. Тщетно пытался он вызвать в памяти хотя бы один образ, уловить хоть одну мысль среди каких-то отрывков, беспорядочно кружившихся у него под черепом.

Он погружался все более во мрак полного забвения. Последние слабые нити видений порвались, когда он хотел их схватить, последние лучи воспоминаний погасли — осталась только пустая, болезненная тоска по тому, что исчезло в неизвестной глубине. Как бы еще раз проснувшись, Зенон широко открыл глаза, пристально поглядел на всех и встал.

— Я так странно утомлен и обессилен, еле на ногах держусь, — жаловался он.

— Иди, ляг сейчас же, — шепнул ему Джо.

— Действительно, это будет самое лучшее.

— Я отведу тебя домой.

— Зачем же, я на лестнице не усну.

Он весело засмеялся и вышел в переднюю, но, дойдя до дверей коридора, вернулся и тихо спросил:

— Дэзи еще спит?

— Спит, но сейчас я пойду ее будить.

— Сеанс был удачный?

— Необыкновенно, завтра тебе все подробно расскажу.

— Но почему же я уснул? Не прощу себе этого!

Он сходил вниз по лестнице машинально, почти не сознавая, что идет, и, только дойдя до бельэтажа, остановился, внимательно поглядел вокруг и точно в третий раз проснулся.

Вспомнил вдруг, что был на сеансе и играл.

Дрожь пробежала по телу, холод пронизал его насквозь, чувство необыкновенной усталости и странное тяжкое беспокойство охватили его; какая-то мелодия стала припоминаться ему, он тихо начал ее напевать.

Широкий коридор был устлан красным ковром; было тихо, совершенно пусто и очень светло, целый ряд опаловых цветов, подвешенных к потолку, разливал электрический свет. Белые стены, прорезанные в нескольких местах дверями, тянулись длинной, скучной, однообразной линией.

Где-то медленно били часы.

— Уже семь. Целых два часа продолжался сеанс! — прошептал он в удивлении и поднял глаза, чтобы взгля-

нуть на часы, не ошибся ли он, считая удары, — но вдруг увидел даму, которая шла с другого конца коридора; он быстрее пошел ей навстречу и, не доходя, остановился пораженный.

— Дэзи! — крикнул он, отодвигаясь к стене.

Мисс Дэзи прошла мимо, поприветствовав его кивком головы, как всегда любезным и несколько гордым; маленький грум шел за ней, неся большую картонку.

Одно мгновение он стоял с закрытыми глазами, уверенный, что это было привидение или галлюцинация, — ведь только что он оставил ее спящей там, в комнате сеанса, видел ее собственными глазами, помнил... а она теперь здесь, одетая, как для выхода в город, идет с противоположной стороны!

Нет, это галлюцинация.

Он открыл глаза — мисс Дэзи была уже в конце коридора и поворачивала на лестницу.

Нечеловеческим прыжком он оказался у широкой лестницы и, облокотясь на перила, смотрел, как она спускалась вниз.

Она шла медленно, шлейф ее платья тянулся за ней по пологим мраморным ступеням, плащ цвета резеды, отороченный мехом, скутывал ее высокую фигуру, светлые волосы вырывались бурными волнами из-под большой черной шляпы. Он видел все эти подробности, слышал каждый ее шаг, чувствовал каждое ее движение.

Сойдя с лестницы, она повернула голову, и взгляды их, как молнии, скрестились, ударились и разбежались; он невольно отскочил в тень, но слышал ее голос, стук дверей, глухой топот лошадей по асфальту и скользящий шум отъезжающего экипажа.

— Кто это уехал? — сразу же спросил он у швейцара.

— Мисс Дэзи.

Он ничего не ответил; ему показалось, что его вдруг охватила тяжелая непреодолимая сонливость. Поднявшись снова в бельэтаж, он автоматически отыскал свою квартиру, долго блуждал по ней ощупью, задевая разные предметы и мебель, не зная, что делать, что с ним случилось и где он находится.

Наконец он упал на какой-то стул и сидел неподвижно, застывая от ужаса. Ему опять представились они обе вместе — та, спящая на кушетке, и эта, спускающаяся по лестнице.

Каким-то последним рефлексом сознания он зажег свет и позвонил.

Вошла горничная.

— Мисс Дэзи уже вернулась? — спросил он после долгого молчания, окончательно приходя в себя.

— Мисс только сейчас уехала.

— Но перед отъездом — когда она вернулась?

— Мисс никуда не выходила, легла, как только смерклось, и спала; я недавно сама разбудила ее.

— Спала и никуда не выходила? Никуда?

— Да, уверяю вас...

— Была в третьем этаже у мистера Джо...

— Нет, уверяю вас, не выходила....

— Неправда! — крикнул он с неожиданным раздражением.

— Но, право же... уверяю вас... — шептала та, изумленная, отступая под его мутным взглядом.

— Должно быть, я болен, у меня, конечно, жар, — громко сказал он, подозрительно оглядываясь вокруг, но уже никого не было — горничная убежала, двери были раскрыты.

Все комнаты были залиты светом, мебель стояла сухово и тяжело, зеркала блестели, как лучистые и пустые глаза, комнатные растения тихо струили свои краски, тяжелые гардины закрывали окна, а с темных стен глядели мрачные портреты.

Все это он знал, узнавал, помнил, чувствовал, что он у себя, в своей квартире, но все-таки... все-таки — из-за этих предметов и стен, зеркал и цветов проглядывали очертания каких-то воспоминаний, туманные контуры каких-то иных вещей, недоступных памяти, но где-то существующих, — вещей, воскресающих легкой тенью и неуловимым призраком.

И он сжимал руками голову.

II

— Ужасный день! — воскликнул Зенон, вздрагивая от холода.

— Страшный, скверный, отвратительный день, — весело передразнивая его, повторила красивая светловолосая девушка, выходя вместе с ним из-за громадных ко-

лонн портика святого Павла на широкие, мокрые и скользкие ступени.

— Втройне отвратительный день: холод, сырость и туман. Я почти совершенно позабыл, как светит и греет солнце.

— Преувеличение и экзальтированность, как говорит тетя Эллен.

— Значит, вы видели в этом году в Лондоне солнце?

— Но ведь еще только февраль!

— А вы вообще когда-нибудь видели солнце в Англии?

— Ох, мистер Зен, смотрите, моя тетя Долли скажет: берегись, Бэти, этот человек поклоняется солнцу как гвебр: он, должно быть, язычник! — И она смеялась, комически представляя голос своей тетки.

— Ведь с ноября ни на одно мгновение не выглянуло в Лондоне солнце — все туман, дожди, грязь, а я ведь не из клеенки, и вот я уже чувствую, что превращаюсь в кисель, в туман, в струйки воды.

— В вашей стране тоже нет постоянного солнца, — сказала девушка, притихнув.

— Есть, мисс Бэти, есть почти ежедневно, а теперь, вот сейчас, сегодня, оно светит обязательно, — искрится в снегах, огромное, сияющее, чудное, — говорил он, понижая голос, уходя вдаль внезапных, ослепляющих воспоминаний.

— Тоска, — шепнула она тихо и как-то удивительно грустно.

— Да, тоска... Тоска, которая, как коршун, падает и вонзается в душу острыми когтями, как крик, вырывается из сердца, с самого дна давно умерших дней и, как буря, несет... как буря... Давно уже, целые годы она не навещала меня, я думал, что ношу в себе только мертвые тени, как ношу в себе каждый вчерашний день. Но сегодняшнее богослужение, церковь, пение — все это опять воскресило истлевший пепел минувшего.

— Мистер Зен, — шепнула она, касаясь ласково его руки.

— Что, Бэти, что?

— Когда-нибудь вы повезете меня туда, мы поедем на эти снега, искрящиеся под солнцем, поедем в эти солнечные дни... в эти дни...

— Счастья! Да, Бэти, дни желанного счастья, — говорил он страстно, охватывая горящими глазами ее свет-

лую голову, отчего она отвернулась, полная радостного страха, озаренная мягким отблеском своих надежд; губы ее дрогнули, и белое, как лепестки розы, лицо засияло; она стала розовая и благоухающая радостью, как утро, заманчивая, как поцелуй, который сулили грэзы.

Они замолкли, заметив как-то вдруг после этого увлечения, что гранитные ступени удивительно скользки и круты, что из храма доносится еще чудное пение и что вокруг много народа и у людей, выходящих вместе с ними из храма, лица суровы и укоризнены.

Они стали поспешно спускаться вниз — на площадь, в серые, грустные, болотистые туннели улиц, под тяжелые, давящие своды, под туман, нависший желтовато-серыми клочьями, под этот движущийся, липкий, холодный, отвратительный туман, тающий грязными каплями дождя.

По слухаю воскресенья улицы были почти пусты и безмолвны. Они чернели низкими коридорами, придавленные туманом, который, как вата от перевязки, насыщенная гноем, обмакнутая в какие-то ужасные выделения, клубился, спускаясь все ниже в улицы, заливая дома, погружая в грязные волны весь город.

Магазины были закрыты, все двери заперты, тротуары почти пусты, черные дома стояли угрюмо, точно омертвела толпа этих каменных громад, скорбных, немых и совершенно ослепших, потому что все окна были покрыты бельмами, и только кое-где в верхних этажах, утонувших во мгле, мерцал какой-нибудь затерянный огонек.

Глаза безнадежно блуждали по угрюмой пустоте туманных улиц, даже бесчисленные вывески глядели полинялыми, мертвыми красками.

Воздух был душный, тяжелый, насыщенный сыростью, запахом грязи и размякшего асфальта, а со всех невидимых во мгле крыш, со всех балконов, со всех вывесок брызгали струйки воды, отовсюду капало, водосточные трубы непрерывно глухо гудели, подобно далекому шуму бесчисленных потоков.

— Какой дорогой пойдем? — спросил Зенон, раскрывая зонт.

— По Странду, потому что ближе.

— Вы так торопитесь домой.

— Мне холодно, — это достаточная причина.

— Значит, сегодня ждать теток не будем?

— Хоть один раз сделаем им сюрприз: будут искать нас — и не найдут.

— Дело не обойдется без комментариев, и ядовитых.

— Скажу, что это ваша вина, ага!

— Ладно, сумею защититься. Но это ежевоскресное, традиционное, чуть ли не служебно-официальное хождение в церковь довольно-таки скучно.

— Ах как скучно, как скучно! Только вы этого дома не скажите, а то все тетки будут против вас! — весело воскликнула девушка, прижимаясь к его руке.

— А вы бы меня защищали? А?

— Нет, нет, потому что я сама виновата, мне это тоже наскучило.

— Зачем же вы подчиняетесь тому, что вам не нравится и неприятно?

— Потому что я страшно боюсь теток. Сколько раз я хотела взбунтоваться против них, но как только тетя Долли посмотрит на меня из-под очков, а тетя Эллен скажет: — “Бэти!” — так сразу и конец, я уже ни слова не могу сказать, только плакать хочется, и так мне неприятно, так неприятно...

— Мисс Бэти еще большой ребенок.

— Но когда-нибудь вырасту, правда? — нежно спросила она. — Через год-то уж во всяком случае, — добавила она с улыбкой, пряча в муфту покрасневшее лицо, потому что через год была назначена их свадьба.

— О да, о да! — весело подхватил он, заглядывая ей в глаза. — Да, через год Бэти будет взрослой, через десять лет она будет уже дамой, через двадцать — степенной матроной, а через сорок лет мисс Бэти будет, как мисс Долли, старой, седой, скрюченной, читающей библию и не терпящей молодежи, смеха, игр, будет скучной, пахнущей камфорой, мистрис Бэти.

— Нет, нет, никогда такой не буду, никогда! — жалобно защищалась она, почти испуганная такой возможностью, о которой никогда еще не думала.

А ему тоже стало грустно; шутя рисуя себе эту далекую картину, он вдруг вздрогнул, как бы прячась в себя от страшного видения, которое встало у него перед глазами.

Вот навстречу ему шла Бэти... старая, сгорбленная, худая, выцветшая, некрасивая, как какой-то грязный лоскут, — шла шатаясь, опираясь на палку и глядя на него ввалившимися, бесконечно скорбными глазами.

Он отступил в ужасе, но раньше чем успел прийти в себя, видение исчезло в туман, на тротуаре не было никого, а рядом с ним, совсем близко, вися на его руке, шла Бэти, сияющая, как цветок, Бэти — весеннее дыхание, олицетворение молодости. Он нежно улыбнулся ей, как бы проснувшись от тяжелого сна.

— Что вы смотрите? — спросила она, когда он недоверчиво оглянулся, не понимая, явилось ли это в нем самом или вне его.

— Мне показалось, что прошел кто-то из знакомых.

— Я не видела никого, а может, у вас в глазах двоится? — весело щебетала она, заглядывая ему в глаза.

— Может быть! — с трудом выдавил он из себя, страшно бледнея от неожиданного чувства ужаса, который скрывался в этом видении. Его пронизал мертвящий холод этой загадки, но он сейчас же овладел собой, незаметно бросил пристальный взгляд на ее лицо, волосы, впился в самую глубину синих глаз, отененных черными ресницами, пробежал по всему гибкому молодому телу, подкарауливая ее движения, невольно сравнивая и находя их тождество с теми.

Он гадливо содрогнулся всем телом, — видение было страшно и отвратительно, но все-таки он не мог заставить себя прекратить эти сравнения, не мог подавить в себе какого-то странного беспокойства и чувства тягости, даже не слыхал ее вопросов. К счастью, на углу Флитстрита и одного переулка им преградила дорогу толпа, стоявшая под подвижной крышей зонтов вокруг какого-то раскричавшегося человека.

Они подошли ближе к высокой передвижной трибуне, на которой под зонтом стоял высокий, красный, упитанный господин и, перебрасывая то и дело из одной руки в другую раскрытый зонт, кричал охрипшим вдохновенным голосом нечто вроде проповеди, обильно сдобренной библейскими сравнениями и цитатами. Иногда он бросался вперед со странными угрозами и оставался как бы висящим в воздухе с распостертыми руками. Тогда выступала вперед женщина в черном платье с большим зеленым пером на шляпе, бледная и худая; она ударяла в огромный медный бубен с такой силой, что толпа пятилась назад, а четверо детей в длинных белых одеждах, промокших и забрызганных грязью, с крыльями на плечах начинали петь гимн пискливыми голосами и плясать вокруг трибуны, как вокруг Носва ковчега.

Проповедник был основателем новой секты — “Секты ужаса”.

Он проповедовал приближение конца мира, требовал всеобщего покаяния, раздачи всех земных благ, разрушения городов, прекращения всякого труда и ухода в поля и леса на эти дни последнего очищения.

Проповедовал он дико, смешно, но с захватывающей силой, совершенно не обращая внимания на издевавшихся над ним слушателей.

Кто-то бросил ему в лицо зажженную сигару, кто-то брызнул водой; остальные вторили его цитатам грубыми шутками и глупым, скотским смехом, но в конце концов он победил их силой своей страсти, овладел их вниманием и обуздал души. Притихли как-то, стали пробуждаться; вот один пьяный упал на колени перед трибуной и хотел громко исповедать свои грехи; какая-то женщина, растрогавшись, прикрыла своим платком продрогших, посиневших детей, многие уже слушали внимательно, и когда черная женщина с зеленым пером стала обходить толпу с тарелкой в руке, то пенсы посыпались довольно щедро, она же взамен раздавала цитаты из апокалипсиса, отпечатанные на красной бумаге, и адрес церкви, где верные собираются для совместных размышлений.

Бэти бросила целый шиллинг, что оратор, несмотря на состояние экстаза, заметил с быстротой молнии, закричав изо всех сил:

— Обращенная! Одна из содомских грешниц — обращенная!

— Пойдемте скорее, пойдемте, — просила Бэти, сконфуженная взглядами толпы.

— Пойдемте, а то еще один шиллинг — и вас объявит святой.

Они выскользнули из толпы и быстро пошли по пустому тротуару.

— На том углу тоже спасают, — заметил иронически Зенон.

И действительно, там, в глубине черной, узкой улочки, почти совершенно затопленной спускавшимся все ниже туманом, раздавался крикливый и вдохновенный голос уличного проповедника; там тоже собралось небольшое количество прохожих и тоже ударяли в бубен, пели гимны, проклинали грех, призывали к покаянию, спасали, собирали пенсы и раздавали отрывки из Священного писания, отпечатанные на светло-зеленых лис-

тках, которые, как молодые листья, падали на грязный тротуар.

— Слишком много этих спасателей мира!

— Вы думаете, — спросила Бэти, — что это все плуты и обманщики?

— Не знаю, знаю только, что власть их кончается с момента открытия трактиров, потому что потом уже не хватает ни слушателей, ни пенсов.

— Вы давно видели моего брата? — спросила она неожиданно.

— Три дня тому назад я был у него на сеансе.

— Так он все еще занимается спиритизмом! — воскликнула она возмущенно.

— Простите, я не знал, что он это скрывает от вас.

— Нет, нет, только я думала, что он уже бросил это, потому что давно не вспоминал об этом... Но и вы тоже этим занимаетесь? — спросила она испуганно.

— О, нет! Я был на сеансе, не принимая в нем никакого непосредственного участия, играл только, вернее, начал играть и уснул за фисгармонией. Меня разбудили, когда уже сеанс окончился.

— Вы в эти вещи не верите, правда? — почти просила она.

— Прежде всего — не знаю. Я ничего не видел и ничего не утверждаю и не отрицаю, потому что этим не занимаюсь. — В это время он вспомнил непонятную двойственность Дэзи, но не сказал об этом ни слова, чтобы не испугать Бэти.

— Джо уже больше двух недель не был дома, — жаловалась она тихо, — а ведь его отпуск скоро кончается и ему надо возвращаться в полк.

— Поскольку он об этом говорил, он уже не вернется на службу.

Бэти остановилась, пораженная.

— Не вернется! Боже мой! Вот отец огорчится, — простонала она.

Мистер Зенон начал горячо защищать своего друга, изображая военную жизнь в самых черных красках, говоря, что эта жизнь недостойна такого совершенно исключительного человека, как мистер Джо, но Бэти только печально качала головой.

— Что отец на это скажет?! Жизнь у нас в доме станет совсем невыносимой! Чувствую, что отец поссорится с ним окончательно, не простит ему этого. Тетки лишат

его наследства... Что с ним будет?.. И со мной что теперь будет?

Она не могла сдержать слез.

— Мисс Бэти, а я разве уже ничего не значу?

— Я иногда начинаю бояться, что и вам, мистер Зен, в конце концов опротивеет наш дом; надоедят тетки, вы поссоритесь с отцом, возненавидите меня — ах, разве я знаю, что еще будет! — одним словом, в один прекрасный вечер вы уйдете, и уже никогда я вас больше не увижу, — никогда! — В голосе ее дрожало беспокойство.

— Совсем незачем огорчаться преждевременно. Если даже тетки и доведут меня до этого и я поссорюсь с отцом, то я уйду из вашего дома, но с вами, Бэти, вместе с вами и навсегда.

Голос его звучал уверенно.

— Вместе и навсегда! — воскликнула Бэти, вся загоревшись от волнения. — Ах, мистер Зен...

— Что, дитя мое, что? — нежно спрашивал он, видя ее нерешительность.

— Как я вас страшно... страшно... нет, не могу теперь, не могу... после скажу, вечером...

Она отвернула покрасневшее лицо.

Зенон благодарно улыбнулся и не спрашивал больше, — он и так знал, какое слово благоухало на ее горячих губах и лучилось из засветившихся неожиданно глаз.

Они продолжали идти молча, оплетенные сладким ритмом этих недосказанных слов, полные тихой мелодии любви и глубокой веры друг в друга.

Они забыли о прежнем своем разговоре, не чувствовали уже ни холода, ни дождя, ни тумана, ни пасмурности этого ужасного дня, — шли по каким-то неожиданно расцветшим лугам, полные весеннего цветистого восторга.

Шли по душистым зеленым и звонким рощам любви, очарованные и восторженные, переживая невозвратные мгновения полного счастья.

Молчали, потому что дорога и желанна была им эта внешняя тишина; в ней они притаились как бы в пламенной чаше, как бы в светлом тумане стыдливой боязни, притаились, чтобы говорить только взглядами, прикосновениями рук, вздохами, в которых больше страсти, чем признания, улыбкой, в которой и горячая кровь кипела, и светилось что-то неуловимое, святое и упоительное, что было как бы запахом молитвенно пылающих душ.

Бэти часто обнимала его голову страстными, целующими взглядами и, непойманная, пугливо прятала влажные томные глаза, а он, сильно прижимая ее руку, наклонялся и жадными, воровскими взглядами ловил ее горячие губы.

Иногда какой-нибудь звук, который не был словом, который даже ничего не обозначал, пробегал от одного к другому тайно и так понятно, что они прижимались еще сильнее друг к другу, наклоняли головы, глубже вздыхали и незаметно для самих себя останавливались на одно мгновение, на мгновение обессиливающей радости — радости чувствовать себя друг возле друга...

— Я давно жаждал такой минуты, ждал ее, — сказал он громко.

— А я о ней ежедневно мечтала, — прошептала она так тихо, что он скорее глазами, чем слухом, поймал эти слова с ее уст.

Они входили в Трафальгарский сквер. Туман, висевший до сих пор неподвижно и застывший, как облако, теперь вдруг стал клубиться, раскачиваться и брызгать, как море, в которое ударили ураган. Он поплыл целыми каскадами, расплеснутыми волнами и опустился сырой непроницаемой пылью, такой густой, что в несколько минут вся площадь совершенно исчезла из глаз.

Колоссальная колонна памятника Нельсону и эти строгие чудовищные львы, высеченные из гранита, едва просвечивали слабыми, теряющимися контурами сквозь сыпучую, колеблющуюся зеленовато-серую пелену.

Исчезли дома и улицы, пропали деревья, вся площадь утонула в грязной мутни, затхлая сырость наполнила все липкой, удущливой мглой.

Черные высокие колонны портика Национальной галереи, мимо которых они проходили, слабо обрисовывались, как гнилые бревна, затонувшие в мутной воде.

На расстоянии двух шагов ничего не было видно, иногда почти рядом раздавались шаги, а человек оставался невидимым или же проплывал едва заметной тенью; то вдруг какой-нибудь экипаж, похожий на чудовищного краба, движущегося в водной глубине, проезжал и исчезал неизвестно куда.

Притупленные отзвуки шагов, глухие слова, неясные разговоры и замирающие звуки, неизвестно кем издава-

емые и откуда плывущие, блуждали в тумане, проносясь беззвучным и беспокойным шорохом.

Зенон и его спутница шли медленно, чтобы не заблудиться в этой непроницаемой пустоте и не попасть под лошадей на перекрестках. Оба они почему-то стали грустны.

Туман пронизывал их холодом и бросал на души мрачную тень, волшебные рощи упоения и счастья развеялись неожиданно в серой тягостной темноте; глаза потухли, и обоих охватила тихая, скорбная тоска.

Они уже были далеко, далеко друг от друга; души их разлетелись, как вспугнутые птицы, и неслись в чуждые задумчивые дали на крыльях неожиданной, необъяснимой тревоги, на крыльях тоски.

— Если бы можно было взять экипаж, мне так холодно, — шепнула неуверенно Бэти.

— На Ватерлоо будут лошади, там станция.

— Но вечером вы придете к обеду, да? — нежно спросила она.

Не успев ответить, он вдруг быстро отступил назад. Точно из-под земли, прямо перед ними, лицом к лицу, выплыла из тумана мисс Дэзи с каким-то высоким господином. Прежде чем он успел поклониться, они исчезли.

Он испуганно оглянулся, но увидел только неясный силуэт; глухо доносились отзвуки шагов.

— Вы ее знаете? — спросила Бэти пониженным и несколько дрожащим голосом.

Он ответил не сразу. Долго вглядывался в зажженный в этот момент фонарь, в волнующийся круг красного света, окруженного зеленым обручем и густым подвижным слоем тумана, из которого пламя виднелось только маленькой точкой.

— Немного знаю, — с трудом ответил он...

Проводив Бэти, мистер Зенон скорыми шагами пошел по направлению Грин-Парка и вскоре погрузился в туманную пустоту. Иногда, как блуждающий призрак, показывалось ему из мглы одинокое дерево, то вдруг выплывал цветник, то группа огромных деревьев тускло обрисовывалась развеивающимся султаном, как бы подымаясь столбами дыма, то вдруг вырастал человек и сейчас же опять исчезал, как рыба, проплывающая бездну.

Бездонное молчание, серая непроницаемая пустота окружали его, капли воды выделялись из тумана, шелестя с надоедливой монотонностью по невидимым лис-

тьям и кустам, то вдруг какой-то глухой, далекий голос пролетал над ним брызгами звуков, и снова наступали минуты полной тишины и пустоты. Он ускорял шаги, ему было холодно, туман пронизывал сыростью все тело, и, кроме того, его интересовало, застанет ли он сегодня за завтраком Дэзи. Со времени того сеанса он не виделся с ней, она не выходила к табльдоту — говорили, что она больна.

Несколько дней спокойных размышлений и занятий обычными делами сделали то, что он тогдашнюю двойственность Дэзи стал считать галлюцинацией, начал уже забывать отдельные мелкие подробности и всю эту сцену постепенно отодвигал на самое дно сознания вместе со всем хламом, предназначенным к забвению.

Он перестал размышлять об этом и был доволен, что понемногу избавляется от страха перед этой темнотой, неразрешимой загадкой, но вместо этого в нем рождалось настойчивое, беспокойное желание ближе узнать Дэзи.

Он часто думал о ней, а еще чаще, уже совершенно бессознательно, искал случая увидеть ее. Но она не появлялась.

Он пробовал заговорить о ней, но и это ему не удавалось, да и не с кем было: Джо со дня сеанса не появлялся в столовой, а в квартире он все не мог его застать; другис же молчали или — что еще более удивительно — отдельывались ничего не значащими, недосказанными фразами. Зенон видел по их лицам, что какая-то боязнь сдерживает их, что все они, разговаривая, незаметно, исподтишка взглядаивают на Магатму и сейчас же тревожно смолкают.

Эта неожиданная связь с Магатмой удивила его, но он не мог себе этого объяснить.

Прошло три дня безрезультатных вопросов и размышлений. Наконец все это надоело ему, он перестал спрашивать, но не мог перестать размышлять. И в глубине этих мыслей медленно вырастала боязнь, какое-то предчувствие будущих, еще неясных и далеких событий, неизвестных, но уже рождающихся в глубине грядущего дня.

И потому-то теперь неожиданная и такая необыкновенная встреча с Дэзи возбудила в нем странную, мучительную тоску.

Это не была тоска, похожая на ту, какую он чувствовал по Бэти, не видя ее несколько дней. Там была тоска по возлюбленной, здесь же было нечто несравненно бо-

лее могущественное и совершенно непреодолимое для человеческой воли — нечто подобное неудержному стремлению асфероидов, блуждающих в бесконечности за солнцами, или течению рек, бегущих в океаны.

Сам он еще не сознавал этого, но уже подчинялся этим бессмертным законам.

Пройдя парк, Зенон мчался по невидимым улицам, по каким-то затерянным в тумане площадям, по каким-то неузнаваемым переулкам, полным сдержанного гула, угадывая инстинктивно дорогу среди все более сгущавшейся темноты. Облака тумана теперь уже стали ползти густыми желтовато-черными полосами по самой земле, и он должен был с усилием прокладывать себе путь сквозь эту чащу отвердевших, мутных волокон.

Он жил за Регентс-парком на длинной и тихой Авеню-Род, которая теперь была так залита пенистыми волнами тумана, что он с трудом отыскал свой пансион.

III

Зенон поспешил переоделся и пошел в столовую.

Незаметно проскользнул на свое место и робко обвел взглядом комнату.

Мисс Дэзи не было, стул ее был не занят.

Комната была большая, продолговатая; стены, обитые темным деревом, как бы почерневшим от давности, подавляли своей мрачной тяжестью; в комнате было пасмурно и угрюмо, несмотря на электричество, горящее в золотистой связке цветов, печально свешивавшихся с потолка. Длинный стол посреди комнаты искрился и блестел приборами, и над мертвенно-бледной скатертью склонялось около двадцати голов, едва заметных на темном фоне стен.

В углу комнаты, около входных дверей, возвышался огромный камин, в котором куча обгоревших головешек вспыхивала время от времени кровавым пламенем, рассыпая на потертый ковер светящиеся искры, и затем снова тлела, медленно угасая.

А прямо против входа всю стену занимал огромный витраж; в тени почерневших красных и фиолетовых тонов, среди расплывшихся, притихших красок мерелись какие-то очертания одежд, выцветшие контуры че-

ловеческих фигур и стертыми движениями; золотистым отблеском светились утонувшие в тени глаза и простертые руки. А из узкой двери в соседней стене глядел в комнату бледный, больной день, и видно было широкую стеклянную галерею, где в полумгле стояли высокие пальмы и зеленая чаша кустов, среди которых был ключом и рассыпался брызгами журчащий столб воды.

Сидевшие сли в полном молчании, прислуга передвигалась без малейшего шума, никто не стукнул ножом по тарелке, не пошевелился слишком свободно, и если падало какое-нибудь более громкое слово, то все сразу подымали глаза и пугливо смотрели в сторону витража, где одиноко сидел Магатма Гуру.

Наступало еще более глубокое молчание, только фонтан монотонно журчал и порой слышалось из оранжереи отрывистое гневное рычание.

Зенон ел, не видя, что ему подают, и почти не зная, что говорит ему сидящая рядом с ним хозяйка. Он только поддакивал, бессознательно следя за тихими движениями кошек, игравших у нее на коленях, и прислушиваясь с нетерпеливой дрожью к малейшему шороху со стороны коридора.

Пустой стул мисс Дэзи стоял прямо против него; на спинке его висела красная индийская шаль, изборожденная каким-то фантастическим сложным узором черных линий. Зенон часто взглядал на эту шаль, но еще чаще водил глазами по комнате, как бы выхватывая каждое отдельное лицо из мрака и молчания и в то же время никого не замечая.

— Здравствуй, я только что заходил к тебе, — отозвался через стол мистер Джо.

— Я немного опоздал из-за тумана.

— Видел Бэти? Как там тетки?

— Бэти видел, но теток мне удалось сегодня не встретить.

— Ты был у нас дома?

— Нет, вечером пойду туда. Там с большим нетерпением ждут тебя. Бэти боится...

— Пойду сегодня с тобой, хотя меня не особенно тянет на новую ссору.

— Как хочешь.

Они замолчали, потому что из оранжереи раздался короткий жалобный вой и лязг цепи; кошки грозно още-

тинились и выпятили хребты, мистрис Трэси испуганно обхватила их руками.

— Ба! — прозвучал повелительный голос Магатмы.

В ответ пронеслось долгое, сдержанное рычание, и в дверях оранжереи мелькнул волнистый контур черной пантеры, передвигавшейся совершенно бесшумно. Зеленоватые глаза и белые клыки блеснули сквозь решетку медного намордника; животное гордо подняло голову, но, ударенное взглядом Гуру, упало на живот и подползло к нему, не смея поднять сверкающих глаз и хлеща себя по бокам длинным пушистым хвостом. Тот проронил какой-то звук, пантера лениво поднялась и, сладострастно потягиваясь под его ласкающей рукой, протяжно зевнула и стала медленно, осторожно, без малейшего шума двигаться вокруг стола, как черная ползущая тень.

Она шла по какому-то следу, с трудом находя его, нюхая то там, то здесь, и, очутившись около шали мисс Дэзи, радостно завизжала и прыгнула на стул. Опираясь передними лапами о край стола, она посмотрела в лица сидевших, несколько побледневшие и испуганные, хотя все знали, что она незлая и спокойная.

Это продолжалось одно мгновение; но вот, медленно опустив голову, Ба впилась страшными глазами в Зенона. Он не двинулся с места, не мог, был весь как связанный; голова его немного вздрогивала, но он не отвел своего взгляда от этих горячих, раскаленных карбункулов, подернутых изумрудной дымкой, которые, сужаясь, светились все ярче и вонзались в него, как острые, терзающие клыки.

— Ба!

Пантера вздрогнула при этом звуке, выгнула дугой черный хребет и с такой силой нажала лапами на стол, что все ее мускулы задрожали, как страшно натянутые и еле сдерживаемые пружины. Стол дрогнул под ее напором, и зазвенела посуда.

— Ба! — грозно крикнул Магатма. Пантера свернулась и одним огромным прыжком бросилась к его ногам.

Все облегченно вздохнули, так как уже ждали среди мертвотишины, что произойдет что-то страшное. Теперь, успокоившись, стали рассматривать пантеру, мирно пожиравшую из рук Гуру громадные куски хлеба.

— Она еще может быть опасной, — заметил кто-то.

— Ба никого не обидит, она смиреннее кошек, мистрис

Трэси, и умнее многих, многих людей, — мягко отозвалася Магатма.

— У меня было страшное чувство, будто она хочет броситься на меня, — сказал Зенон.

— Она не опасна, у нее намордник и когти срезаны.

— Да, но она могла бы убить самой силой прыжка; впрочем, достаточно и одних ее глаз, — ужасные!..

Зенон нервно вздрогнул.

— И почему она именно вас избрала?

— Может быть, потому, что я сижу против стула ее хозяйки, был ближе к ней, — трудно придумать иное объяснение.

— А все-таки в этом обязательно скрывается что-то другое, обязательно, — настаивал один седой господин с желтым сморщенным лицом, сидевший за хозяйствкой.

Зенон громко рассмеялся: таким ребяческим и смешным показалось ему это предположение.

— Я, однако, утверждаю, что в этом есть что-то особенное, — упрямо повторял тот.

— Вероятно, какая-нибудь тайна бытия, трансцендентальная загадка! — ответил Зенон насмешливо и недружелюбно.

— Все есть тайна и все есть загадка, — строго произнес собеседник.

— Что, мисс Дэзи уже позавтракала? — спросил Джо.

— Нет, вовсе не приходила, ест у себя, — шептала мистрис Трэси, прижимая к широкой груди все еще полуумертвых от ужаса кошек.

— Может быть, больна? — спросил Джо, заметив оживление в глазах Зенона.

— Здорова, но занята письмами; получила сегодня из Калькутты целую кипу.

— Много посетителей было у мистера Гуру?

— Целая процессия. Но он никого не принял, велел только служителю объявить всем, что приехал в Европу смотреть и спрашивать, поэтому пусть ждут, когда их спросят, — говорила хозяйка, понизив голос.

— Да, пусть ждут, когда я спрошу их, — неожиданно подтвердил Гуру.

— Ответ гордый и самоуверенный, — промолвил враждебно Зенон.

— Кто знает, тот не бросает слов попусту и кому попало.

— Никто не может сказать, что он знает, никто! —

воскликнул Зенон, задетый снисходительной улыбкой мудреца, и поднялся с места, а за ним встало и все общество, молча переходя в соседний читальный зал.

— Простите, я раздумывал о пантере и прихожу к выводу, что...

— Ах, мистер, я всегда восхищаюсь глубиной ваших выводов и охотно их слушаю, но этот ваш вывод совсем мне не интересен, совсем!

Он ответил, еле сдерживая раздражение, желтый господин посмотрел на него удивленно и поспешил отойти в противоположный угол комнаты, а Зенон был так возбужден, что даже желал какой-нибудь ссоры. Он прямо вызывающе смотрел на Магатму, когда тот, отведя пантеру в клетку, вошел в комнату после всех и занял место за круглым столом посредине комнаты, где прислуга уже готовила чай.

Магатма, ни на кого не глядя, пил чай; часть общества устроилась около него, остальные рассыпались по большой комнате, изящно обставленной письменными столиками, экранами, глубокими креслами, качалками в уютных уголках за ширмочками и массой изящных безделушек. Было светло и тихо; толстый ковер заглушал шаги, окна, закрытые тяжелыми занавесками, не пропускали городского шума, только иногда дребезжание канделябров, стоявших на камине, напоминало, что где-то недалеко находится улица и проезжают экипажи. Зеленоватые стены с нарисованными по ним акварелью букетами цветов навевали на душу спокойствие.

Зенон и Джо сели перед камином. Зенон положил ноги на решетку и смотрел на огонь, не переставая, однако, внимательно прислушиваться.

— Лучше было бы пить чай у тебя.

— Подождем еще немного, может, она придет, — ответил Джо. Повернув голову, он увидел, что служитель что-то тихо сказал Магатме и тот в ответ кивнул головой.

Мистрис Трэси расхаживала по комнате, наливая иногда чай в протянутые чашки; три белые кошки неотступно следовали за ней.

Разговор во всех группах поддерживался лениво и ежеминутно обрывался. Никому не хотелось говорить, всеми овладела сонливость или утомление.

Какая-то высокая худая дама села за фисгармонию, но, проиграв несколько тактов, отошла, скучая.

Зенон наклонился к Джо и шепнул, смеясь:

— Что же это, даже Магатма сегодня не поучает и не проклинает нас и нашу культуру.

— Господи, — печально прошептал Джо, — я бы отдал всю жизнь, отдал бы душу на самые страшные муки, чтобы только этот человек ошибался, чтобы его слова не были правдой. Но они — правда, горькая, как жизнь, ядовитая правда!

— Так-то ты защищаешь свое наследие, европеец!

— Я бы разорвал их на части, как пантера, если бы только мог из их внутренностей вырвать омертвевший дух и вдохнуть в него новую, святую, истинно человеческую жизнь!

— И это говорит тот, кто еще недавно сам нес смерть и ненависть.

— Сколько раз я убивал, столько раз моя душа умирала в проклятии. Да будут стократ прокляты войны!

— Знаю я этот мотив, знаю! Через века и народы плывет он, как печальная птица, блуждает по безднам человеческого ожесточения, никем не замечаемый и ненужный смертным, — ненужный!

В голосе его вдруг прорвалась накипевшая горечь.

— Нет, нет, его слышал Зороастр, заметили пророки, но впервые в индусской душе он свил себе бессмертное гнездо и там в джунглях живет до сих пор и милосердно царит.

— Так иди и проповедуй покаянье за прошедшее и воскресение нового будущего, — сказал Зенон наполовину насмешливо, наполовину грустно.

— Я знаю, кто-нибудь должен восстать и нести миру спасительное слово, должен, пока мир окончательно не утонул в преступлениях.

— Я вижу, ты заразился от Магатмы священной горячкой!

— Не шути, его мудрость была мне зеркалом, в котором я впервые увидал себя во всей своей настоящей наготе — себя и всех нас; нас — властителей мира, нас — избранных и единственных, нас — могущественных, глупых и ошалевших от гордости животных, мерзкое стадо гноящихся душ, орду преступников, погруженную в болото позора, нас — невольников зла, почитателей насилия, поклонников золота!

Он шептал отчетливо, скоро; горящие, страшные сло-

ва падали как молнии, убивали, раздирали душу до самого дна.

Зенон подался немногого назад, пораженный его взглядом, в котором было столько слез, застывших от боли, столько молний и такая сила страданий. Зенон понял, что вся тяжесть человеческой жизни обрушилась на эту нежную душу и всеми язвами страданий молит о милосердии, всеми стонами просит жалости. Понял, что слабая грудь этого человека вместила весь мир, кипящий, сотрясаемый бурей предвечной любви, неутолимой жаждой добра.

Однако он оглянулся и встал.

В комнату входила мисс Дэзи. Кивнув головой всем сидевшим с Магатмой, она обвела глазами комнату.

Зенон почти упал обратно на стул и уже не отрывал от нее глаз; слова Джо были для него далекими и непонятными звуками; он сразу как бы ослеп от блеска молнии, его пораженные глаза не видели уже ничего, кроме сияния ее бледного прекрасного лица, овеянного вихрем светящихся, как медь, волос, ничего, кроме ее глаз, глубоких и живых, как два больших шара синего яхонта, зажатых дугами бровей, прорезавших черным острием ее высокий белый лоб.

— Зен! — шепнул ему на ухо Джо, отрезвленный его неожиданной неподвижностью.

Но он не ответил, автоматически подошел к столу, придинул себе стул, налил чаю и снова утонул взглядом в Дэзи.

Та скользнула по его лицу холодным, острым блеском синих глаз и продолжала разговаривать со стоящей рядом с ней мистрис Трэси.

Зенон слушал внимательно, но не мог сосредоточиться и понять разговора. Он был как бы в состоянии самогипноза, не сознавал, что с ним происходит, затерялся во мгле неожиданного полного забвения, двигался в какой-то глухой и темной пустоте, прикованный только к ее глазам: все остальное исчезло из него, как вода из разбитого сосуда, осталась только необходимость вращаться в орбите Дэзи, за ее воплощенным видением.

Но никто не заметил его состояния — он держался нормально, разговаривал, отвечал, сам того не сознавая, движимый привычными рефлексами, обычновенным автоматизмом органов.

Он пересел ближе к Дэзи; на него пахнуло запахом

фиялок, ее обычными духами, и каждый отзвук ее движений пронизывал его странной дрожью.

Но он не сознавал своего состояния. Разговор начал оживляться, скука постепенно исчезала. Сухой желтый господин очень горячо спорил с Джо, дамы переменили места, перейдя от стены к камину, мужчины окружили Джо, прислушиваясь к диспуту, даже лицо Магатмы, словно выточенное из старой слоновой кости, прояснилось; он гладил свою белую бороду и все чаще вмешивался в разговор; только мистрис Трэси продолжала вместе с кошками разгуливать по комнате, а Дэзи молча перелистывала какой-то журнал.

— Я видел вас в Трафальгарском сквере, — неожиданно произнес Зенон, но казалось, что это говорит не он — голос был совсем чужой. Зенон шевелил губами, но лицо его ничего не выражало и взгляд был пустой и чуждый словам.

— Да, я проходила там, — ответила она, не подымая головы, — но в таком тумане трудно было кого-либо узнать.

— Как вы не заблудились. Лондон во время тумана — это бездна, легко сбиться с пути даже тому, кто его хорошо знает, — говорил он спокойно, почти тихо, но это опять был не он, это были только те мысли, которые возникли у него после их встречи и теперь выползали из какой-то позабытой тьмы, вырастали, независимо от него выходили наружу звуками, совершенно ему чуждыми и непонятными.

— Я ходила с хорошим проводником! — ответила мисс Дэзи после минутного молчания, медленно подымая голову и глядя Зенону прямо в глаза таким острым, пронизывающим и сильным взглядом, что он подался назад, как бы сторонясь удара; этот блеск ее глаз разорвал окутавшую его тьму, прошел как молния сквозь его омертвевшую душу, и он проснулся, полный живого чувства и мыслей, невольно связывая этот момент с тем, когда он сидел у камина; то, что было после, провалилось в неизвестную глубину, рассыпалось пеплом забвения, попросту он не знал, что оно существовало.

Он чувствовал себя удивительно спокойно, бодро и вполне владел собой; некоторое время он прислушивался к громкому разговору, смотрел на Магатму, который в это время встал и направился к Джо, а затем, понизив голос, обратился к Дэзи:

— Знаете, мисс, пантера чуть-чуть на меня не бросилась.

— Почти невероятно: она ласкова, как ребенок; может быть, она меня искала, и поэтому показалось, что хочет броситься.

— Села на вашу шаль и так страшно глядела, готовясь прыгнуть, что, если бы не приказание мистера Гуру, она, наверное, бросилась бы на меня.

— Очень извиняюсь перед вами за ваш минутный испуг!

— Ах нет, я не заслужил вашего извинения, так как совсем не испугался.

— Даже самый короткий миг страха неприятен.

— К сожалению, я не пережил даже такого мига. Я в этом отношении обижен природой, не могу и у других понять чувства страха, потому что никогда не пережил его сам.

— Никогда? — переспросила, оживляясь, Дэзи.

— Я, конечно, имею в виду страх перед какими-нибудь материальными опасностями, — такого страха я не испытываю никогда.

— А иного рода опасности? — Губы ее дрогнули, открывая ряд ослепительно белых зубов, грудь поднялась в стремительном, сдерживаемом волнении.

— Иных я не знаю, не знаю до сих пор об их существовании.

— Должно быть... наверное, существуют... бывают такие, о каких и сны не дают представления, даже самые мучительные сны...

— Я думаю, что только в помутившихся душах, в больных мозгах могут рождаться ужасные видения.

— Нет, не только там их источник, — они могут тайно пребывать и около нас, в живом мире, но только далеко, вне круга наших материальных представлений, в поле иного зрения.

Голос ее стал тише и перешел в робкий шепот; она склонила голову над журналом, а глаза ее, потухнув, блуждали по комнате.

Им уже не удалось вернуться к свободному, легкому разговору; напрасно Зенон старался достичь этого, начиная говорить об интересных, на его взгляд, вещах и предметах, он пытался даже иронизировать, чтобы вывести ее из молчаливого состояния, но она отвечала неохотно, порой нетерпеливо, уже не глядя на него и даже не заме-

чая, как он молча поднялся с места, задетый, почти обиженный ее невниманием.

Он прошелся по комнате, но так неловко, что чуть не раздавил кошечку, довольно холодно извинился перед мистрис Трэси и, раздраженный, сев к фисгармонии, стал нехотя перебирать пальцами клавиши, думая о странном поведении Дэзи.

В глубине комнаты, около камина, стояли Магатма и Джо с группой других мужчин. Они громко и оживленно разговаривали, но Зенон услышал только последнюю фразу индуса:

— Существуют только одни законы, управляющие миром, — законы бессмертного духа; остальное — только видимость, иллюзия или самоуверенная ученая глупость.

Зенон не слушал дальше, под его пальцами сама со-бою зазвучала та мелодия, которую он не мог припомнить, уходя с сеанса, и которую потом тщетно пытался воспроизвести в течение целых трех дней. Теперь она явилась сама, снизошла вся целиком, была поразительно проста, имела странный, никогда раньше не слышанный ритм и была ему совершенно чужда и по форме, и по музыкальному содержанию. Он играл внимательно, заучивая ее наизусть, повторял, наслаждаясь ее грозной красотой.

В нем проснулся артист: он уже не слышал окружающего, захваченный силой этой дикой, огненной песни, насыщенной тоской. Но чем глубже вслушивался он в эти звуки, тем сильнее вырастали в нем какие-то бледные и отдаленные воспоминания где-то слышанных слов, какого-то голоса, который пел эти слова, и вместе с тем вставал в памяти забытый, далекий ландшафт...

Песня была уже у него в мозгу, почти на языке, но он не мог окончательно припомнить ее.

— Могущественный гимн, точно хор взбунтовавшихся ангелов! Откуда вы это знаете? — услышал он сзади тихий голос Дэзи.

— Сам хорошо не знаю, а вы ее знаете?

— Да, вспоминается что-то где-то слышанное.

— В таком случае вы мне поможете, а то у меня вертятся в памяти какие-то слова, какое-то пение, я где-то слышал, но не могу вспомнить где... где-то совсем недавно... иногда мне кажется, что это было там, на сеансе у мистера Джо, — вы помните?

Так издалека спросил он о том, о чем раньше не решался заговорить открыто.

— Я не бываю на сеансах у мистера Джо. — Голос ее зазвучал твердо.

— Позвольте, ведь я видел вас там, все мы видели!..

— Может быть, но меня там не было! — Глаза ее гневно сверкнули.

— Я тоже не говорю неправды, — прошептал он резко и гордо.

— Верю... но...

Она взглянула на Магатму и молча отошла.

Зенон перестал играть, потрясенный ее словами. Он не понимал, что заставляло ее отрекаться. Он ее видел там, все видели, а она отрицает.

Сказав Джо, что ждет его у себя, Зенон, выходя, поклонился довольно сухо Дэзи. Та не ответила на поклон, словно не заметила его, сидя со сдвинутыми бровями, плотно завернувшись в индийскую шаль, нахмуренная, угрюмая, загадочная. Зенон уже в дверях обернулся и поймал ее глаза, смотревшие ему вслед, — глаза, полные влажного блеска, задумчивости и какой-то мучительной, немой и покорной мольбы.

IV

— Наконец-то! Я уже думала, что мы вас не дождемся, обед уже полчаса как готов, я все гляжу, гляжу! — радостно кричала Бэти, сама открывая им тяжелые двери.

— Суп остыл, баранина пережарилась, сладкий пирог осел, тетки злы, а мисс Бэти в отчаянии, — шутил Зенон, сердечно здороваясь с ней.

— Бэти в самом деле была в отчаянии! Я думала уже...

— Что мы не приедем! Прошу протянуть ручки, вот наше наказание за то, что опоздали.

Он развернул бумагу исыпал ей на руки целый спол чудных анемонов, таких же зардевшихся, как и она, и великолепных пурпурных роз, таких, как ее губы, которые она блаженно прижимала к холодным душистым цветам, подымая из-за них восторженные глаза и благодарно шепча:

— Добрый Зен! Добрый! Добрый!

— Из-за тумана все поезда страшно опаздывают, — отозвался Джо.

— И целых две недели ты по той же причине не заглядывал к нам?

— Нет, была другая причина, моя милая Бэти, совсем другая! — серьезно ответил он, целуя ее в лоб, а девушка понизила голос и шепотом просила, почти умоляла:

— Будь сегодня с ним добр, он болен, раздражен, он так тебя ждал — наверное, будет сердиться от скрытой нежности.

— Хорошо, милая, сам не начну, но... — Он замялся.

— Тетя Долли тоже в дурном настроении, плакала после завтрака, сегодня у нее какая-то печальная годовщина, — робко предупреждала Бэти.

— Вероятно, пятидесятилетие разрыва с пятнадцатым женихом, — зло отозвался Джо, вешая свой плащ, но, когда обернулся, тех двоих уже не было на прежнем месте; Бэти отвела Зенона в глубину коридора, к лестнице, ведущей наверх, и тихо просила его следить и сколь возможно не допускать Джо до ссоры с отцом.

Тот обещал, но в нем шевельнулось неудовольствие при мысли, что он может быть свидетелем новой истории. На сегодня с него уже было довольно, сам он был как-то особенно нервен и, направляясь сюда, надеялся успокоиться и отдохнуть.

— Душа смиренная, скажи, у тетки Эллен сегодня тоже мозоли болят?

— Тише, Джо, не смейся над страданиями других, пойдем, нас уже ждут.

Столовая была здесь же, внизу, отделенная от передней большой темной комнатой; сквозь открытую дверь белел стол, освещенный свечами в высоких канделябрах, а дальше, спиной к вошедшему, сидел в глубоком кресле мистер Бертелет; тетки прохаживались вдоль комнаты по обеим сторонам стола, двигаясь в противоположном направлении.

— Вот и мальчики наши! Поезда сегодня идут с опозданием, — говорила Бэти, сваливая цветочный сноп на край стола.

— Несчастная! Скатерть промокнет! — застонала тетка пониже — мисс Эллен.

— Не кричи! — холодно прошипел старик, подавая руку сыну и зло глядя на испуганное губчатое лицо мисс

Эллен. Взял под руку Зенона и с трудом приподняв свое отяжелевшее тело, он перешел к столу.

— Подавать! — буркнул он, застучав палкой об пол, так как кухня была в подвальном этаже.

Все молча заняли места, только Бэти, расставляя цветы в вазы, старалась создать веселое настроение, но напрасно — ее нежный, наполовину еще детский голос угасал, как цветок, в холодной атмосфере каких-то взаимных неудовольствий, гнева и вражды. Мисс Долли укоризненным взглядом убивала каждое ее слово и каждую веселую улыбку, а мисс Эллен мучила ее по-своему, ежеминутно вскакивая и поправляя ей непослушные пряди волос или перевязывая бантик.

Наконец старый лакей, похожий на восковую фигуру, стал обносить всех блюдами, он тихо и осторожно, как кошка, передвигался за спинками стульев, и желтое безволосое лицо его ежеминутно выныривало из-за чьего-нибудь плеча.

Ели среди такой глубокой тишины, что уже после супа Джо не выдержал и сказал:

— Что же это сегодня так угрюмо?

— Как обыкновенно; разве ты уже успел это забыть за две недели? — кисло заметила мисс Долли и печально вздохнула.

— Пуговицы на лифе отлетят от вздохов, — воскликнул старик.

Бэти разразилась неудержимым смехом.

— Бэти, перестань смеяться, — загремела тетка.

— Напротив, можешь свободно смеяться, Бэти!

— Я не могу есть при таком бессмысленном смехе.

— А у меня, наоборот, появляется хороший аппетит! Смейся, маленькая! — говорил старик.

— Ох уж эти мужчины! — гробовым голосом произнесла мисс Долли, переждав мгновение.

— Ох уж эти тетки! — повторил он с таким комизмом, что Бэти опять покатилась со смеху, даже Джо не мог удержаться, а Дик чуть не уронил блюда на спину мисс Долли, пряча за нее свое искривленное смехом и похожее на растоптанный лимон лицо.

— Остолоп! — шепнула мисс Долли, поражая лакея молниеносным взглядом.

— Что? Как?.. — еле выдавил из себя в страшном гневе мистер Бертелет.

Мисс Долли не соблаговолила ответить, даже не взглянула на него.

— Бэти, скажи тетке, что если это относится ко мне...

— Бэти, скажи отцу, что на такой вульгарный тон и на такие обвинения я не отвечаю.

— Бэти, скажи ей, что никаких замечаний я не принимаю и не терплю.

— Бэти, скажи ему, что он тиран, что он издевается над несчастной, что он...

Скрестились острые, злые слова, оба перестали есть, враждебные взгляды ударили друг в друга через стол неумолимыми остриями, но вдруг глаза мисс Долли затуманились, и слезы, как горох, посыпались на рыхлое напудренное лицо, оставляя на нем желтоватые борозды.

— Дик, дай мисс чистый платок, зеркало, пудру и баранину, потому что эта уже летит на пол вместе с тарелкой! — крикнул старик, потирая руки. Мисс Долли так стремительно встала из-за стола, что весь прибор полетел на пол. Но гнев его прошел, он стал есть, на смешливо поглядывая на выходившую из комнаты женщину.

Эта короткая буря совершенно очистила атмосферу, все вздохнули свободнее, даже мисс Эллен, в присутствии сестры всегда запуганная и немая, теперь стала говорить, а Зенон, дипломатично державшийся в стороне, заговорил с Бэти громче и веселее. Джо, однако, упорно молчал, почти не подымая лица от тарелки, хорошо в то же время зная, как сильно это раздражает отца.

Мистер Бертелет терял терпение, метал на сына суровые взгляды, морщил брови, стучал ножом по тарелке, но, не дождавшись ни слова, первый отозвался своим обычным ироническим тоном:

— Что же это за знаменитость обитает в вашем пансионе?

Джо поглядел на него задумчиво и угрюмо.

— Вот уже две недели, как все газеты пишут о нем.

— Я не читаю газет, — коротко возразил Джо.

— Но ты, конечно, знаешь, о ком я говорю! — начинял закипать старик.

— Старый брамин, Магатма Гуру, — да, живет у нас.

— Судя по газетам, он намерен предпринять в Англии какой-то новый мистический бизнес?

— Могу вас уверить, что он далек от того, что зло

называют мистическим бизнесом. Он приехал приглядеться к Европе.

— Ну, и при случае собрать немного наших фунтов.

— У него достаточно своих рупий, а кроме того, деньги в его глазах имеют свою действительную стоимость, то есть нулевую, — добавил Джо с особым ударением.

— Значит, там даром показывают какие-то спиритические чудеса?

— Да нет же, никаких чудес не показывают, и он совсем не спирит.

— А почему же к нему идут толпы паломников, о которых ежедневно пишут?

— Потому, что всегда и всюду найдется стадо бездельников, псевдоученых, падких на сенсацию, вынюхивающих материал для своих экспериментов, назойливых, полагающих, что мир создан затем, чтобы они могли писать о нем вздорные, запутанные и пустые бредни. Он принимает иногда некоторых, и даже случается, что очень охотно с ними разговаривает, часто спорит, но больше только наблюдает и слушает.

— Так это какой-нибудь серьезный ученый?

— Больше чем ученый — мудрец.

— Причем он часто бросает громы проклятий на нас и нашу культуру, — вмешался в разговор Зенон.

— Что? Что? Отрицать нашу культуру? — спрашивал мистер Бертелет, крайне удивленный, не смея верить собственным ушам.

— К сожалению, да. Он осуждает, и, что хуже всего, мы должны согласиться, что он прав.

— Он прав? Не дразните меня! Очень, очень интересно... Вы должны мне рассказать о нем, а то, я вижу, газеты дают ложные сведения.

— Конечно. Ведь из сотни репортеров, может, всего один видел его и говорил с ним. А написать должны были все, потому что весь Лондон интересуется им.

— Вы его лично знаете?

— Джо с ним совсем близок, даже дружен.

— Если можно так назвать отношение человека к абсолюту.

— Ты его так высоко ценишь? —тише спросил старик.

— Восторгаюсь им и преклоняюсь перед его мудростью.

— Дик, чай наверху, пойдемте туда, дети, — коман-

довал старик, пытаясь подняться со стула. Джо подал ему руку, он облокотился на нее и медленно, тяжело пошел, несколько сгорбленный, но все-таки громадный, подобный старому дубу, покрытому седым мхом, но еще крепкому. Лицо его было румяно, тщательно выбрито, челюсти были сильные, почти квадратные, нос сухой и длинный, лоб высокий, прикрытый густой щеткой седых волос, глаза бледно-голубые, словно выцветшие, но живо сверкающие из-под густых черных бровей. Весь он был теперь какой-то притихший, спокойный и время от времени твердым взглядом охватывал склоненную голову сына.

Бэти побежала вперед; слышно было, как скрипели ступеньки лестницы под ее ногами.

Зенон тоже опередил их, спеша за невестой, и онишли одни, часто отыхая, потому что больная нога старика не позволяла слишком торопиться.

— Я тебя ждал, — произнес отец с мягким упреком.

— Я не мог раньше, уезжал, — ответил Джо уклончиво.

Старик с сомнением покачал головой, но не возразил. Они снова остановились отдохнуть в сенях под железным фонарем старинной формы, висевшим под потолком, в кругу цветных огней, сливавшихся в одну радугу.

— Что же слышно у тебя в полку? — Это была любимая тема мистера Бергслета.

— Полк переводят в Африку, уже назначен день отправления...

— В Африку, в действующую армию? В Африку? — повторил он изумленно. В нем вдруг родился страх и железными тисками сжал ему сердце; ему стало трудно дышать.

— Я этого боялся, — шепнул он тише. — Да, поедешь, друг мой, служба, обязанность... да, обязанность, — повторил он еще тише. Голос у него окрип и завяз в горле.

— Еще целый месяц отпуска впереди, может быть, что-либо изменится, — успокаивал сын.

— Ничего не изменится, ничего, войне еще далеко до конца. А голодные жерла пушек ждут своего мяса, своей пищи! — Ненависть и презрение зазвучали в его голосе.

— Ждут своей пищи, — повторил старик угрюмо и грустно, как эхо.

Оба замолкли. Джо сейчас решил ничего не говорить

отцу об отставке, он не хотел ссориться, не хотел его раздражать; старик был сегодня так добр и мягок, что он боялся испортить ему редкую минуту хорошего настроения; кроме того, он рассчитывал, что известие о назначении его полка на место военных действий значительно смягчит отца. Ведь он уходил не потому, что боялся войны, — в сражениях он бывал уже не раз и знал их достаточно хорошо.

— На верные пули этих мужиков! — шептал про себя старик, когда они входили в большую светлую комнату на втором этаже. Это было что-то вроде зала и библиотеки.

На низком столике перед камином уже хозяйничала Бэти, приготовляя чай. Мистер Бертелет опустился в глубокое кресло, взял чашку и, медленно отпивая из нее, погружался в тяжелую задумчивость.

Вскоре появились и тетки, предшествуемые Диком, который нес подставки для ног. Мисс Долли была, как всегда, чопорна и величественно прекрасна, только еще больше вздыхала, кушая чай, и больше, чем обычно, тайными, осторожными взглядами следила за Бэти. А мисс Эллен, маленькая и тщедушная, как сухой стебель коровяка с последним бледным лепестком на макушке, робко прокользнула за сестрой, со страхом посмотрела на кресло брата; усевшись в углублении между библиотечными шкафами, она тихонько переворачивала пожелтевшие листы библии, понемногу углубляясь в созерцание священных текстов.

Джо прохаживался с чашкой в руках, рассматривая иногда корешки книг, расставленных на полках тесными молчаливыми рядами.

В комнате воцарилась тишина, удивительная тишина воскресного дня, полная миртворящего спокойствия, как бы насыщенная отзывками храмов, уже пустых и темных, но еще говорящих эхом давно замолкшего пения и рассеявшись вдохов, тишина, полная и молитвенного настроения, и скуки, и сонливости.

Все погрузились в сонную задумчивость, только Дик двигался бесшумно по комнате, разнося чай.

А Зенон и Бэти, сидя рядом на большом диване, занимавшем чуть ли не полстены, утонули в нем, прижавшись плечом к плечу, забыли об окружающем; занятые только друг другом, разговаривали шепотом и горячими, пламенными жестами.

В этой тихой и искренней атмосфере любви, под лу-

чами пылающих глаз своей невесты, Зенон чувствовал себя так же хорошо, как и всегда здесь, в этой комнате в такие же воскресные вечера.

Стараясь забыть загадочное, мучительное лицо Дэзи, отогнать беспокойные полумысли, полузвуки и полуобразы, переполнявшие его мозг, он усилием воли освобождался от них, пытаясь забыть обо всем, что не было этим хорошим, счастливым мгновением, обо всем, что не было связано с Бэти, что не было ею самой.

Порой это ему удавалось, и с тихим, почти робким от избытка чувством счастья он окидывал ее влюбленными взглядами. Бэти в своем воскресном платье из черного матового шелка, оживленного только белым отложным воротником и кружевными манжетами, стройная, высокая, гибкая, была действительно прекрасна. Ее свежее лицико, окруженное крупными завитками пепельных волос, цвело на этом черном фоне, как распускающийся цветок яблони, дышало весной и счастьем, а ее довольно крупный алый детский рот дрожал улыбкой и был полон сладких, знойных обещаний.

Бэти была счастлива. Обед прошел в общем довольно мирно, тетки молчали, Джо был дома, отец был спокоен, а он, Зен, сидел рядом с ней, да, сидел рядом с ней, и так близко, что ей вдруг непреодолимо захотелось прикрыть ему руками усы и поцеловать в самые губы. Но она лишь печально вздохнула, покраснев от этой неосуществимой мысли, и ласкала сияющими глазами его красивое, немного усталое лицо, и светлые глаза, и хищные губы, и манящую улыбку, спрятанную в уголках рта, добрую, обезоруживающую улыбку.

— Мисс Бэти обещала сказать мне одно слово, — шепнул он.

— Какое? Не помню. Когда и что я вам обещала?

— Там, на Странде, когда мы утром шли, — настаивал он.

— Нет, сейчас нельзя, услышат, нет, Зен, после... — испуганно просила она.

— Жду и томлюсь, хочу, чтобы вы исполнили обещание.

— Только... только, вы на меня не глядите, закройте глаза!...

— Уже ничего не вижу, только слышу.

Он придинул голову еще ближе, а Бэти, зардевшись и чувствуя легкую дрожь, робко и страстно стала шеп-

тать ему бессмертное: люблю. Шептала долго, иногда прикасаясь горячими губами к его уху, отчего он сильно вздрагивал, прижимая еще крепче голову к ее лицу, и сам шептал отрывистые жгучие слова, которые будто пламенем обжигали ее сердце. Каким-то последним усилием воли она отодвинулась от него и, тяжело дыша, сидела с сомкнутыми глазами, полная глубочайшей радости и вместе с тем странного сладкого трепета.

Они уже не могли разговаривать, даже не смотрели друг на друга, охваченные чувством упоения. Они только невольно и неудержимо склонялись друг к другу, как цветы, наполненные ароматом, клонятся в знойные ночи или как сонные деревья тянутся к журчащему потоку в весеннюю ночь, тоскующую и мечтающую о еще далеком солнечном дне.

Наступила сонливая, мертвая тишина. Все сидели неподвижно, даже Дик исчез, только иногда где-то из-под земли, как бы прямо из-под дома, вырывался короткий неумолимый гул проносившихся каждые две-три минуты поездов, да по временам раздавались меланхолические вздохи мисс Долли, заглядевшейся в невозвратные дали дорогих лет и событий; время от времени шевелился старик, бросая тревожный взгляд на сына, и снова погружался в неподвижность, спеша прикрыть ресницами блеснувшие на глазах слезы.

Вечер тянулся медленно, словно минуты шли усталым, сонным шагом, как немые, безымянные прохожие, никому неизвестные, нечужные, о которых никто никогда не вспомнит.

“Ибо от одежды исходит моль, а от женщины — злоба змеиная”, — неожиданно прозвучал громкий и вдохновенный голос мисс Эллен. Все вздрогнули, как бы вдруг пробудившись, Бэти вскочила с места, а старик разразился громким хохотом, а потом злорадно заметил:

— Сами пророки тебя будят? А? Сквозь сон — и такая великолепная цитата! Как это там было?

Но так как на камине часы стали вызванивать десять, то мисс Эллен не ответила, заслонив библией испуганное лицо, а Джо, сидевший против отца, встал и обратился к Зенону:

— Нам уже пора!

— Что, в десять часов домой? Этого еще никогда не бывало! — воскликнула Бэти.

— Отец утомлен, и все какие-то сонные, — оправдывался Джо.

— Нисколько, я сегодня великолепно себя чувствую и охотно посижу с вами еще, даже сыграл бы с тобой в пикет, а то я давно не играл.

— Сыграем, я не прочь, — оживился Джо.

Дик быстро подготовил все необходимое, и они углубились в игру. Вдруг старик, понизив голос, спросил:

— Так это уже достоверно известно, что полк идет на войну?

— Совершенно достоверно, потому что не только день, но и пароходы для перевозки уже назначены.

— А после высадки прямо в огонь?

— Вероятно.

Мистер Бертелет разозлился, стал ругаться и стучать палкой об пол; подбежала испуганная Бэти.

— Отец, дорогой мой, нельзя так волноваться, доктор запретил, — просила она, обвивая его голову руками.

— Ладно, ладно, уже молчу... Ну как тут не волноваться, когда... когда Джо сдает карты, словно он первый раз в жизни держит их в руках.

Узнав о причине гнева, Бэти ушла успокоенная. Она была как-то особенно радостно настроена и заскакивала Зенона бесконечными вопросами.

Тот отвечал весело, часто даже шутливо, и Бэти после каждого слова разражалась громким смехом. Она искренне смеялась, но в то же время с трудом удерживалась, чтобы не спросить о Дэзи; это имя становилось для нее ненавистным, обжигало губы и наполняло ее каким-то безотчетным страхом, но в то же время порождало в ней мучительное, болезненное любопытство. Зенон начинал это чувствовать по ее отрывистым и спутанным словам и по тем пропускам и недомолвкам, которые появлялись среди обычных ее расспросов о каждом дне, проведенном вдали от нее, о знакомых, о его занятиях; а иногда он ясно видел по немым, невольным движениям ее губ, что там, за ними, скрывается это грозное имя, оно, как раскаленное острие, обжигает ей горло, но произнести его она еще не смеет. И он не хотел допустить до этого и, сам не зная почему, боялся этого вопроса, а потому старался быть веселым, остроумным, рассказывал смешные анекдоты, лишь бы оттянуть этот момент или совсем избежать его. Но разговор обрывался, темы быстро исчерпывались, наступали все чаще и все продолжали.

жительнее беспокойные паузы, во время которых глаза их пугливо избегали друг друга.

К счастью, мисс Долли подсела к ним и стала с необыкновенным возмущением говорить о пьесе Дюма, которую она видела несколько дней тому назад с Сарой Бернар в главной роли.

Мисс Долли была страстью ненавистницей мужчин, даже председательствовала в клубе "Независимые женщины", возвещала грядущий матриархат и пламенно боролась за женское равноправие. Теперь она яростно набросилась на модный дюмасовский лозунг: "tue la".

— Преступная и позорная глупость — подобная теория! Убей ее? А за что? И кто имеет право решать судьбу женщины, кроме нее самой? Кто? И в чем же ее вина? Что не хочет быть его собственностью, что вырывается из-под деспотизма, что требует себе прав и свободы, что хочет жить своей собственной, независимой жизнью? И за это — убей, закуй в кандалы, брось на самое дно страданий и позора, растопчи ее душу и сердце, лиши ее человеческого подобия, — пусть неустанно дрожит под взглядами своего повелителя, пусть стоит на коленях и угадывает его мысли, пусть будет его эхом, тенью, рожает детей и остается униженной, покорной и безгласной рабой! Так должно быть, потому что так хочет господин, потому что господин устанавливает законы, господин имеет силу, власть и деньги! А если она в чем-нибудь не подчинится, убей ее! Так происходит в жизни, а тут вдруг появляется плюгавый француз и осмеливается провозглашать со сцены эту возмутительную теорию, а мы слушаем и серьезно рассуждаем об этой глупой и злой фразе! Ах, сестры-женщины, жертвы мужского насилия!

— Святые души, прикованные к скотам! Продолжение нам известно из твоих речей и воззваний! — отозвался насмешливым тоном мистер Бертелет.

Мисс Долли всю передернуло, но она промолчала.

— Декламируй, декламируй, Долли! Ты будешь главной проповедницей в этой будущей феминистской церкви, ты имеешь все данные: зычный голос, крепкую веру, презрение к истине, ненависть к чужим убеждениям и большой запас необыкновенно патетических и достаточно бессодержательных фраз. Ведь все публичные ораторы только этим и сильны.

— Невежа и тиран! — прошипела сквозь сжатые зубы

мисс Долли, поражая его высокомерным и презрительным взглядом.

— Ловкая теория, — безжалостно издевался стариk, сдавая карты, — взять все права, да еще в придачу деньги, а нам милостиво оставить все обязанности и тяготы!

Мисс Долли не произнесла в ответ ни слова и только, когда он опять занялся игрой, понизив голос и опасливо поглядывая в его сторону, продолжала:

— Жизнь женщины — это вечное рабство, это жизнь ангелов, прикованных к скотам, это беспрерывная голгофа.

Мисс Эллен, которая в это время осторожно приближалась к ним, произнесла своим тихим и мягким, как елей, голосом:

“Благодарная жена заботится о муже своем, и радует его, и утучняет кости его”.

— Жалкая болтовня верблюжьих пастухов! Повторяешь, как фонограф.

Мисс Долли разозлилась, потому что сестра ее очень часто, иногда совершенно некстати, подымала руку и вдохновенно произносila первую попавшуюся цитату.

— Хотя это очень удачно обрисовывает отношение мужчин к женщинам, — прибавила она. — Радует его и утучняет кости его! Да, вы только этого ищете в браке, только этого!

Но Зенон не дал вывести себя из равновесия и не выступал в защиту мужчин — все ее теории были ему хорошо известны и скучны. Он только из вежливости холодно ответил:

— Может, не все ищут только этого.

— Вас я не имела в виду, нет, я слишком хорошо знаю ваш возвышенный образ мыслей и так высоко ценю вас, что совсем не имею опасений относительно будущего моей дорогой Бэти, я совершенно уверена в ее счастье.

Бэти только улыбнулась в ответ на такую неожиданную заботу о ее счастье — слишком уж хорошо она ее знала; а мисс Эллен уже подымала руку и открывала рот, чтобы произнести соответствующий текст из священного писания, но Долли удержала ее решительным жестом и обратилась к Зенону, пытаясь атаковать его с другой стороны, чтобы втянуть в спор:

— Как вам понравилась Одетта?

— Я незнаком с этой пьесой, я не хожу в театр.

— Как, вы не посещаете театра?

— Да, вот уже пять лет, как я не был в театре.

— Значит, вы ходите только на концерты и оперы?

— Так как я сам немного занимаюсь музыкой, то не бываю и в опере и вообще принципиально не хожу ни на какие зрелища.

— Даже принципиально? У вас, должно быть, есть для этого какие-нибудь особые основания?

— Очень простые и самые обыкновенные, — улыбнулся Зенон.

“Сотрется грех вместе с грешником”, — торжественно произнесла мисс Эллен.

Зенон вспыхнул. Это с ним случалось очень редко, но тем сильнее его охватывало волнение.

— Попросту мне опротивела эта низкая ложь, называемая театром, и я возненавидел глупость, притворство и торгащество, имитирующие искусство. Довольно с меня этих ужимок, довольно этих жестов в пустоту, этих шутовских подделок под жизнь, обезьяньих подражаний, поз, долженствующих изображать человека, и всего этого обезумевшего от гордости зверинца авторов, актеров и рукоплещущей, опьяневшей от глупости черни.

— Чего же ты хочешь? — оживленно спросил Джо, переставая играть.

— Истинного и правдивого культа красоты.

— А Шекспир, а греки, а еще столько, столько других — это все не истинное искусство?

— Все эти знаменитые и так почетно повторяемые имена — давно уже только пустые звуки, настоящее их содержание умерло давным-давно, имена эти говорят нам столько же, сколько названия планет и солнц, таких же чуждых, далеких и не известных нам. Истерты монеты, совершающие свой круговорот по инерции, истины, произносимые на непонятном языке, трупы, которые мы несем на себе добровольно, отягчающие наши души, как олово, трупы, под тяжестью которых мы медленно погибаем, не смея даже подумать, что можно их сбросить с себя в яму музея.

— Да, я тебя понимаю, — мрачно заметил Джо, — я прозрел и вижу, что все господствующее в наше время и правящее нами лживо и мертвенно; и театр не может быть лучше всего остального.

— Он даже нечто худшее, потому что стремится быть храмом искусства, а в действительности является рассадником нравственного одичания, фабрикой фальшивых

ценностей, школой зла и глупости. От жрецов театр перешел в руки наемников и авантюристов, стал потребностью не духа, а животных инстинктов и обращается только к органам зрения и осязания всех духовных лакеев, думает за них, забавляет, льстит и остается для них ежедневным лекарством от скуки и интеллектуального бесполезия.

— Острые глуши должны пройти по засоренным полям жизни.

— И динамитом не сдвинуть с места косность и тяготение к наименьшему сопротивлению. Я перестал уже верить во внешние реформы.

— Так что же надо делать? — спросил заинтересованный мистер Бертелет.

— Не реформировать того, чего уже нельзя исправить, оставить зло его собственной судьбе, — пусть оно разъест само себя и сгниет окончательно. Говорю сейчас только о театре — пусть остается таким, как есть, для тех, кому он нужен. А для других надо создать новый театр — театр-храм, посвященный красоте. Были когда-то, в древние времена, у первобытных народов праздники весны и плодоносной осени, когда собирались все жители, чтобы провести их сообща в веселье. Следовало бы воскресить эти праздники. Я себе представляю какой-нибудь предвечный бор или пустынnyй дикий берег моря, вдали от всего будничного, вдали от сутолоки и крикливого фарса жизни, и там, под открытым небом, в весенном воздухе, в зеленой поющей глубине лесов, на лоне возрождающейся природы или же осенью, в задумчивые, бледные, тосклевые дни, священные, как причастие, в дни, когда стелется паутина и падают ржавые листья, на берегах синего моря, опоясанного радугой золотого восхода и кровавого заката, — там, на выровненном клочке родилицы-земли чудится мне храм всех искусств, Аполлонов алтарь восторга, возносящийся к нему гимн красок и мечты, звуков и форм, молитв и видений, гимн упоения безмерной красотой, очищающей душу от грехов зла и безобразия. Новый Элевзис для жаждущих восторга и созерцания, новый Иерусалим, возрождающий человечество. Вот моя мечта.

— Чудно, восхитительно, но невозможно и неисполнимо! — воскликнула с энтузиазмом мисс Долли.

— Все возможно для тех, которые хотят, — тихо сказал Джо.

“Боже мой, как это хорошо и как необыкновенно! Необыкновенно!” — думала Бэти, не смея громким словом спугнуть это очаровательное видение. Захваченная словами Зенона и тем воодушевлением, с каким он говорил, она с любовью, восторженно смотрела на его красивое бледное лицо, сиявшее вдохновением, мечтательное и в то же время тоскливо.

— Я вижу уже эти паломничества, эти бесчисленные толпы, эти праздники, таинственные и торжественные! — увлеклась мисс Долли.

— Торговый дом Кук и К⁰ мог бы заняться их организацией; можно даже создать акционерное общество для устройства таких праздников, — предприятие недурное, а если бы основать специальный орган, разослать агентов по всему свету и устроить пониженный тариф, то дело, наверное, пошло бы хорошо.

Старик трунил, но на него набросились, защищая проект, обе тетки, Бэти и даже Джо, и завязался беспорядочный горячий спор, причем старик ежеминутно вставлял насмешливые замечания. Зенон молчал и, только когда все немного затихли, неожиданно объявил:

— Моя мечта должна еще на некоторое время оставаться мечтой, а пока что мы откроем театр марионеток.

— Театр марионеток? Но ведь их и так уже несколько!

— Наш будет не для детей.

— Господи, для кого же еще может быть театр марионеток?

— Это будет театр для взрослых, для художников — театр, устроенный художниками же.

— Ребячество, декадентство, французские выдумки! — кричал мистер Бертелет.

— Может быть, но это ребячество ближе к истинному искусству, дает более непосредственное и глубокое впечатление, чем теперешний театр.

Зенон вдруг потерял охоту продолжать разговор, почувствовав страшную усталость, и нехотя объяснял некоторые подробности этого театра, обращаясь уже исключительно к Бэти, потому что старик начинал его раздражать своими грубыми замечаниями. Но вдруг, не окончив фразы, он вскочил с места и воскликнул:

— Сюда кто-то вошел!

Зенон совершенно отчетливо видел, как качнулись

дверные портьеры, слышал шорох шагов и шуршание платья, которое тянулось по ковру.

Все испуганно замолчали, а он, наклонившись, бледный, с блестящими глазами, прислушивался, к еле уловимому шороху, двигавшемуся по комнате к окнам. Он ясно его слышал, различал, был глубоко уверен, что кто-то идет, что кто-то вошел с лестницы и теперь скользит около них. И он бросился на середину комнаты, словно желая поймать невидимую гостью.

Никого, однако, не было, шорох погас, как огонек, который задули; все сидели в пугливом молчании и смотрели на Зенона. Он осмотрел всю комнату, открывал шкафы, заглянул за опущенные шторы.

— Я был уверен, что кто-то вошел и медленно идет по комнате.

— Дик, просмотри завтра книжки, опять, должно быть, завелись мыши! — весело закричал старик, но украдкой сам водил глазами по комнате.

— Я могу головой поручиться, что это были не мыши! Нет же, я видел, как покачнулась портьера, слышал шуршание платья, — уверял Зенон.

— Тебе просто это показалось. Нечто вроде слуховой галлюцинации; со мной это тоже довольно часто случалось в первый год моего пребывания в Индии — это обыкновенный результат жары. Но вскоре я совершенно излечился. — Джо говорил это спокойно, усиленно стараясь загладить неприятное впечатление.

— Да, — заметил Зенон, — здесь очень тепло, даже жарко.

— Дик, — закрой газ в камине, — приказал старик, отодвигаясь от огня.

— Если у вас болит голова, я сделаю компресс, — предложила Эллен.

— Ах, нет, я чувствую себя хорошо, очень вам благодарен.

Но разговор уже не налаживался, говорили короткими, отрывистыми фразами, единственно затем, чтобы заглушить какое-то неприятное чувство страха, поселившееся в сердцах. Обременительное молчание наступало все чаще, и все тревожнее скользили подозрительные взгляды по ярко освещенной комнате. Старик смеялся и говорил, что все слишком легко поддаются внушению, но и это не помогло, не восстановило прежнего настроения

и не развеяло какого-то тяжелого сумрака. К тому же был уже двенадцатый час, и все стали расходиться.

Тетки первые ушли в свои комнаты в третьем этаже, взяв с собой и Бэти. А мистер Бертелет отвел сына в сторону и о чем-то тихо просил его; это продолжалось так долго, что Зенон вышел, не желая им мешать.

— Мистер Зен! — услыхал он над собой на лестнице тихий голос Бэти. — Дорогой, золотой мой, обратитесь к доктору, — просила она, когда он подошел к ней несколько ближе.

— Хорошо, пойду к доктору, буду лечиться, проглочу целую гору лекарств, сделаю все, чего требует деспотическая мисс Бэти! — ответил он.

— До свидания через неделю, ужасно длинную неделю, — грустно шепнула она, спускаясь еще ниже по темной лестнице.

— О да, одна неделя иногда заключает в себе несколько тысяч лет тоски.

— И целую бесконечность тревоги и беспокойств, — повторила она как эхо.

— И... до свидания! — Ему послышалось, что скрипнули двери.

— Прошу только писать длинные и хорошие письма.

— По обыкновению, маленький томик *in octavo*, — ответил шутливо Зенон.

— Это мой календарь, по которому я высчитываю оставшиеся до воскресенья дни; я этим только и живу, — отзывалась Бэти еще тише и еще ближе, уже всего на несколько ступенек от него.

— Бэти! — Сердце его сразу сжалось любовью, он бросился к ней, схватил ее руки и стал горячо целовать.

— Ведь я так тоскую по тебе, так люблю, так жду, — взволнованно шептала она.

— Бэти, душа моя, родная, единственная! Если бы ты могла знать, сколько...

Он не договорил, — девушка вырвала руки, дотронулась пальцами до его губ и убежала, так как в эту минуту с верхней площадки лестницы раздался грозный голос мисс Долли.

И Джо уже вышел. У него было какое-то растроганное, таинственное лицо, а Дик, ожидавший их внизу с пальто в руках, еще что-то шептал ему, когда они выходили на улицу.

Было темно и холодно. Туман осел, но прямо в лицо

хлестал косой мелкий и частый дождь, подхватываемый проносившимся в темноте ветром.

Их окружил непроницаемый мрак, когда они выходили на так называемые ослиные луга, каких очень много на окраинах Лондона; они совершенно утонули в темной ночи, только издали, сквозь стеклянную сетку дождя, брезжили едва заметным кругом фонари.

Хотя дорога была посыпана песком, грязь все-таки хлюпала под ногами; они ускорили шаги, чтобы скорее дойти до улиц, уже просвечивавших сквозь темноту, как огромные, слабо освещенные окна; немая, мрачная пустота громадной площади навевала на них невольный страх.

Но улицы были так же угрюмы. В них царили сонная тишина воскресного вечера и уныние тяжелого, рабского завтрашнего дня. Дома стояли мертвой вереницей, мокрые, слепые и безнадежно скучные; ветер гудел по незримым крышам, иногда врывался в улицу, расплескивая черные блестящие лужи, а водосточные трубы беспрерывно звенели булькающим потоком стекавшей воды. Редкие тусклые фонари стояли, как часовые, мертвые от усталости, и бросали круги желтоватого света на черный мокрый асфальт.

Нигде не было ни человека, ни фиакра, ни малейшего движения среди этого моря камней, в этой тиши солнного города, только надоедливо звучала бесконечная дробь дождя и отвратительный гнилой воздух покрывал их лица скользкой и липкой росой.

Наконец они добрались до станции и сели в первый же шедший в их сторону поезд.

В купе было пусто и почти темно, так как Джо задернул огонь; они сидели друг против друга в глубоком молчании, глядя в оконные стекла, но чуждые всему, что выплывало перед ними из ночной темноты.

Поезд летел как молния, гремя и озаряясь искрами; проносился по каким-то паркам; появлялись и исчезали как призраки, обнаженные деревья, открывались черные пустыни пространства, мелькали щиты с рекламами или же вдруг неожиданно появлялся какой-нибудь дом и раньше, чем его можно было разглядеть, проваливался во тьму. Поезд с криком пролетал туннели и, как змея, вползая на высокие насыпи, пыхтя, пенясь, купаясь в клубах белого пара, как дракон выдыхая каскады кровавых искр; останавливался на каких-то слепых и сонных

станциях, выбрасывал людей на пустые площади, брал новых в каких-то местностях, которых во мраке нельзя было узнать, и продолжал путь, гремя и сверкая; наконец он стал уменьшать скорость, взбираясь на гигантские виадуки, раскинутые так высоко над домами, что внизу, среди склонившейся массы домов, залитых мраком, только линии улиц светились бесконечно длинными лентами, а кругом, вдали, насколько мог видеть человеческий глаз, вспыхивали затуманенные красные зарева чудовища-города.

— Скажи мне, кто эта — мисс Дэзи? — спросил наконец Зенон после долгого нерешительного молчания, не глядя на спутника.

— Не знаю. Вернее, знаю столько же, сколько и все: приехала из Калькутты, — вот и все мои сведения.

— Странная женщина; не могу понять того впечатления, какое она на меня производит. И это часто наводит на меня страх.

— О да, в ней есть что-то мрачное, она вселяет магический ужас. Странная женщина, какое-то таинственное воплощение неизвестного, — тревожно шептал Джо.

— Я думал, что ты с ней знаком ближе: она ведь участвовала в сеансе.

— Но невольно... Я даже думаю, что она сама об этом не знает.

— Была и не знает? Ничего не понимаю.

— Магатма, когда мы разговаривали о спиритических сеансах мистера Смита, заметил, что он подозревает в Дэзи большую медиумическую силу. Он даже посоветовал вну什ить ей, чтобы она пришла на сеанс, почему я и согласился устроить у себя собрание.

— Ну, и пришла?

— Гм, я до сих пор не знаю, была ли это сама телесная Дэзи или ее астральное существо.

— Но ведь я ее хорошо помню, а ты ее брал за руку, прикасался к ее глазам и лицу — значит, была телесная.

— Помню, но помню также и то, что ты мне рассказывал, когда мы ехали на обед, — как ты ее встретил на лестнице сразу же после ухода с сеанса, в то самое время, когда все присутствующие видели ее спящей.

— Но ты же должен был ее разбудить и видеть, как она уходила?

— Немного спустя после твоего ухода она пришла к

нам, мы ясно видели ее при полном свете люстры, я разговаривал с ней...

— А затем? — спрашивал Зенон, охваченный неожиданным мучительным страхом.

— Затем она запретила нам двигаться с места, свет сам собой погас, и она ушла.

— Нет, это тысячу раз невозможно! Сказка или сумасшествие! Я ее встретил в коридоре, она шла с противоположной стороны, и в то же самое время она якобы была среди вас! Была и здесь, и там одновременно! А ведь я голову дам на отсечение, что я ее встретил, шел за ней, сошел вниз к швейцару. Значит, то, что вы видели там, было только галлюцинацией, обманом!

— Было таким же действительным фактом, как и твоя встреча с ней. И ты ее видел, и среди нас она была.

— Значит, она раздвоилась на две совершенно тождественные личности? Не насмехайся надо мной, не убеждай, ведь это противоречило бы всему, что мы знаем, и было бы кощунством против разума! — кричал раздраженно Зенон.

— Чему бы противоречило? Нашему знанию и разуму? А что же мы знаем? Ничего! Мы утонули в глупых, ничего не объясняющих фактах, за которые мы держимся, как за перила над бездной, не смея пошевелиться, не смея даже подумать, что можно броситься в бездну и не погибнуть, не пропасть, а, наоборот, там найти единственную правду — человеческую душу.

— Оставим этот разговор, я сегодня не могу спорить с тобой, я так утомлен и обессилен, что упал бы как камень сквозь экзотические туманности твоих гипотез. Я — человек, верящий исключительно действительности, доступной моим внешним чувствам.

— Есть только одна действительность — Душа. Все остальное — только тень, падающая от нее в бесконечность, привидение и самообман.

— Эхо учений Магатмы Гуру! — шепнул недружелюбно Зенон.

— Да, я его ученик и поклонник.

— Боже мой, никогда человек не может обойтись без наставников!

— Потому что человек должен иметь спасителей, если он не остается только чандалой, только зерном в той массе человеческой икры, из которой, может быть, только со временем вырастут священные цветы духа. Гуру

спас меня, я вновь родился из его мудрости, я был слеп — и прозрел, я был лишь труп человеческий, а он меня вывел из мертвых на дышащие лотосом берега вечной, единой правды. И вот я весь принадлежу ему и со счастливым смирением и гордостью говорю тебе об этом.

— Пойдешь за ним? — спросил Зенон, с дрожью ожидая ответа.

— Да, я уже не оставлю его до того дня, в котором “стану и буду”.

— И ты мог бы отречься от отечества и своих близких?

— Отечество души — “он”, желание и цель ее — успокоиться в “нем”.

Зенон не ответил и сидел робко, удивленно поглядывая на друга.

Они вышли из вагона и прошли несколько пустых улиц в совершенном молчании. Прощаясь на лестнице гостиницы, Джо задержал руку Зенона в своей и, наклонясь, значительно прошептал:

— Советую тебе: опасайся мисс Дэзи!

И быстро удалился.

— Почему? — крикнул Зенон, потрясенный до глубины души его зловещим тоном, но Джо исчез без ответа в длинных и уже темных коридорах.

V

Они остались одни в читальном зале.

Зенон страстно ждал этого мгновения, сам не зная зачем, а когда оно наступило, когда дверь захлопнулась за последним оставившим комнату пансионером, его объял страх и беспокойство. Поднявшись с места, он начал нервно ходить по комнате, чувствуя сильное внутреннее раздражение и будучи не в состоянии произнести ни одного слова. В этот мучительный миг ему нечего было сказать, он только сознавал, был уверен, что теперь он стоит перед чем-то таким, что неожиданно всплывает на поверхность молчания. И в то же время он не ждал ничего определенного.

Еще полчаса тому назад, во время шумного и довольно банального разговора, поднявшись, чтобы уйти, он прочел в ее взгляде совершенно ясное приказание оставаться и остался, несмотря на настойчивые приглашения

Джо. Он ждал, дрожа внутренней мучительной дрожью неуверенности, которая, как змея, обвивает сердце холодными кольцами, медленно давит и пьет всю кровь и все мысли.

Мисс Дэзи, как бы не обращая на него внимания, играла какую-то тихую сложную мелодию, а он все ходил, слоняясь вокруг расставленной мебели, иногда смотрел в окна на серый, грустный день, смотрел, ничего не видя, всему далекий и чужой, прислушиваясь только к росистому водопаду все затихавших звуков, или же, вырываясь из-под их очарования, глядел на ее рыжие, словно из меди выкованные волосы и на белые длинные руки, скользившие по клавишам, как сладостный сон.

Она играла не останавливаясь, поворачивая иногда бледное задумчивое лицо, и тогда их глаза встречались на одно мимолетное, неотразимое мгновение. Кованые из холодного и твердого сапфира стрелы ее глаз пробивали насквозь его душу, и он вздрагивал и останавливался, так как ему казалось, что уже наступает то мгновение, когда исполнится какое-то ожидание, откроется тайна... Но она продолжала играть.

Его раздражение и беспокойство возрастили, он снова кружил по комнате, подстерегая каждое движение ее головы, каждый ее взгляд, который был все так же холоден, пронизывающ и безмолвен.

Уже несколько раз вспыхивало в нем возмущение, он решительными шагами приближался к дверям, намереваясь уйти, но не мог этого сделать.

Так проплывали долгие, долгие минуты молчаливого ожидания.

Незаметно сумерки стали задерживать дневной свет своей пепельной пылью, обволакивать все пеленой солнной задумчивости, гасили краски и сияния, ложились пушистым, колеблющимся, густым туманом.

Зенон, усталый, обессиленный, упал в кресло и сидел неподвижно; беспокойная тишина, молчание, звучавшее еле слышными тонами, ударяли его, как молотком, отнимали силы и пропитывали непонятной грустью.

Нет, он не мог уйти. Он сидел, точно прикованный невидимыми крепкими узами к этому силуэту женщины, уже едва различимому в сгущавшемся сумраке, и сам постепенно впадал в состояние сонного, немого омертвения, полного грусти и странных, расплывающихся во мраке привидений.

Комната становилась похожей на морское дно, где сквозь темно-зеленые колеблющиеся слои воды скользят едва заметные очертания неузнаваемых вещей, блики потускневших красок, неуловимые колебания контуров, водовороты теней, застывшие пятна серого вечернего мрака, а откуда-то, как бы с далекой и шумной поверхности, струятся приглушенные звуки и падают тяжелыми каплями на его усталую душу, ударяют неустанно, неуловимо, и каждая капля — как острая стрела, и каждая наполняет его грустью и едкой тоской.

Спустя некоторое время он очнулся и поглядел вокруг. Сумерки сгостились, комнаты почти совсем не было видно, только зеркала глядели на него, как пустые, засыпающие глаза, а большая пальма, стоявшая на столе посредине комнаты, обрисовывалась призрачным контуром на синем полусвете окон, медленно скрывавшихся под мертвыми ресницами теней.

Мисс Дэзи уже не было видно во мраке; она все еще играла, но как-то сонно, безучастно. Зенон быстро поднялся с решительным намерением заговорить с ней, но раньше чем он произнес слово, ему явилась неожиданная, отрезвляющая, как удар кнута, мысль, что ее повелительный взгляд, быть может, говорил только то, чего он сам тайно желал, что, может быть, это не произойдет ни сегодня, ни завтра, никогда, а он, как глупец, ожидал с дрожью любопытства и страха...

Ведь она очень часто приходила играть в читальный зал и, случалось, играла по несколько часов не переставая — и сегодня сделала то же, не обращая на него внимания, может быть, даже сердясь за то, что он мешает ей своим присутствием.

Зенон ощущал горький вкус разочарования и глубокое недовольство собой и возможно тише, с чувством неловкости, вышел из комнаты.

Он занимал квартиру по тому же коридору во втором этаже. Когда он открывал свою дверь, послышался сдавленный, протяжный вой Ба, и спустя мгновение мисс Дэзи прошла мимо, как бы совершенно не замечая его, хотя он стоял в ярком свете лицом к ней.

Этот слепой взгляд так неприятно и больно задел его, что он, входя к себе, с досадой хлопнул дверью, сразу же зажег электричество, так как не выносил темноты, и стал дрожащими руками распечатывать письмо, которое ожидало его на письменном столе с самого завтрака.

Письмо было от Бэти, но он ничего не понимал, читая его, не мог связать слов и уловить содержание. Нервничая все больше, он небрежно отбросил письмо в сторону и пошел к двери, решив выглянуть в коридор, уже пустой и тихий.

Теперь Зенон был вполне уверен в том, что тогда ошибся, и это причиняло ему такую досаду, что он долго не мог успокоиться.

“Да и что же она могла мне сказать? Зачем могла желать остаться со мной вдвоем? Иллюзия, и ничего больше! В этом сумасшедшем доме и я уже начинаю галлюцинировать!” — подумал Зенон и, заметив опять письмо Бэти, стал пробегать только глазами страницу за страницей, нисколько не растрогавшись нежным щебетанием невесты: вся его душа была полна воспоминанием о той. По прочтении письма он решил сейчас же ответить, даже написал заглавие, но ему попросту не хватило содержания, он не знал в эту минуту, что сказать и вдруг почувствовал непреодолимое желание уйти в город, пошататься по людным и шумным улицам, затеряться в толпе; но раньше чем он успел сделать это, служитель доложил, что его желает видеть мистер Смит.

Вошел худой и желтый господин с глазами вареной рыбы, с немного согнутой фигурой, осторожный, необыкновенно вежливый и преувеличенно скромный.

Зенон довольно сухо предложил ему сесть.

— Я пришел к вам с двумя просьбами, но если я помешал, то удаляюсь, хотя, признаюсь, мне было бы очень неприятно, если бы я не мог сейчас же изложить вам цель моего посещения...

— Пожалуйста! Я слушаю вас с удовольствием.

Однако Зенон был удивлен таким предисловием, так как знал этого господина только по табльдоту.

— Простите! — Гость вдруг поднялся, вкрадчивыми мягкими шагами приблизился к бронзовой Психе, стоявшей у письменного стола, надел пенсне и начал нежно гладить ее чудную тонкую талию. — Прекрасная! Высшая степень одухотворенности! — шептал он, с наслаждением проводя рукой по чистым девственным формам. — Первое дело: прошу мистера Зенона принять участие в нашем завтрашнем сеансе, — прочел он в блокноте, садясь на прежнее место:

— Мне очень интересно выслушать и второе дело, — старался быть вежливым Зенон.

— Простите! — Мистер Смит снова тихим кошачьим движением проскользнул к медной статуе Антиноя, стоявшей на углу на фоне ярко-лиловой драпировки. Он погладил ее по бедрам, щелкнул ногтем в колено, отчего зазвенела медь, и, вернувшись на место, прочел: “Прощу мистера Зенона убедить мистера Джо принять участие в том же сеансе”. И он склонил голову, уставившись своими рыбьими глазами, глядевшими из красных ободков, на фарфоровые безделушки, стоявшие на камине.

— Сожалею, что должен разочаровать вас, очень извиняюсь, но сеансов я не посещаю и спиритизмом не занимаюсь. Тогда я был единственno по просьбе Джо.

— Будет и мисс Дэзи, — произнес гость, как бы ненароком отводя глаза в сторону.

— Будет? — Зенон на мгновение заколебался... — Что же касается Джо, то я совсем не обещаю влиять на него в этом направлении; впрочем, полагаю, что он и так чересчур поглощен спиритизмом.

— К сожалению, так было только раньше, а со временем приезда Магатмы он оставил свои прежние убеждения и покинул братьев... Ах, с мистером Джо дело обстоит очень плохо, очень плохо... вы ведь знаете?

— Решительно ничего не знаю!

— Это не тайна, я могу говорить об этом, хотя мне и тяжело, но если вы не хотите слушать, если... — и он замялся.

— Напротив, мне важно все, что касается Джо, — обеспокоился Зенон его тревожным тоном.

— Он занялся факирскими экспериментами и под руководством Магатмы готовится стать йогом. Вы давно его видели?

— Три дня тому назад. Я думал, что он уехал, так как в квартире его нет.

— Он наверняка дома. Вот уже два дня как он сидит запершись, на одном месте, без движения, без воды, без пищи и намерен сидеть так до тех пор, пока не увидит самого себя, пока не раздоится. Опасный эксперимент.

— Я с ужасом слышу об этом, он мне ничего не говорил о таких занятиях.

— Мы узнали об этом только вчера на сеансе. Нам сообщила мисс Дэзи.

— Нет, если б даже пришлось взломать дверь, я про-

никну к нему, я должен вырвать его из этого безумия. Очень вам благодарен за сообщение.

— Мы в страхе за него, он не принимает никого из братьев, порвал все отношения с нами, а если еще попадет под власть мисс Дэзи...

— Тогда — что?

— Тогда может погибнуть навек! — мрачно шепнул мистер Смит, рассматривая на камине фарфоровые вешицы.

— Господи, кто же она, наконец, эта мисс Дэзи?

— Тайна... никто не знает... и не следует спрашивать!.. — почти кричал он, зажимая уши, чтобы не слушать вопросов.

— Почему тайна? Мне уже начинает казаться каким-то шарлатанством эта дутая тайна.

— Берегитесь, не раскрывайте этой тайны! Есть вещи, к которым нельзя прикасаться простым любопытством, которые за это мстят! Ты — “несерный” и, как ребенок, играешь с огнем, не зная, что он каждое мгновение может поглотить тебя... Ах, предупреждаю, держитесь дальше от мисс Дэзи — это зловещий огонь. Мы сами боимся ее. Она является на сеансах и производит такие чудеса, о каких никто не мечтал, открывает поразительные вещи и провозглашает такие истины, что... что мы имеем основание бояться... имеем основание бояться ее власти и подозревать, что она посланница не Господа, а — “его”... Может быть, даже воплощение...

— Чье воплощение? — тихо спросил Зенон, невольно вздрагивая.

— Бафомета! — со страхом прошептал мистер Смит, и вынув из жилетного кармана щепотку соли, стал суетносыпать ее вокруг себя.

— Бафомета? — переспросил Зенон, ничего не понимая.

— Тише! Не станем больше произносить этого имени! Боже мой! — вдруг крикнул он, падая на стул, потому что раздался близкий и страшный крик пантеры.

Зенон выбежал в коридор; ему показалось, что Баревела у самых его дверей, но коридор был совершенно пуст.

— Должно быть, рычит в клетке, может быть, голодна, — объяснял он, стараясь сохранять спокойствие.

— Нет, нет, в этом должен быть какой-то смысл! Я

ведь еще не знаю, является ли Ба только животным, не знаю...

— А чем же она является? Не самим ли Бафометом? — издевался Зенон.

— Тише, тише!.. Несчастный, не знаешь, что так произнесенное имя могло в этот миг для кого-то стать смертью, несчастьем, болезнью...

— Каким же это образом? Подхватывает на рога и уносит на Бланкенберг? — продолжал он издеваться.

— Все представляет из себя страшную загадку. Нас окружает мрак, в котором таятся ужас и вечная смерть. Есть слова убивающие, есть имена, от звука которых рассыпаются миры, есть желания, возникающие против нашей воли, есть мысли, от которых зависит движение звезд. Мы, как слепорожденные, ощущу блуждаем в вечном мраке, пока не настанет день освободительницы-смерти, мы с отчаянной верой придерживаемся земного праха и зовем громким голосом: ничего нет, кроме нашей слепой глупости! Но мир еще прозреет, мучительно прозреет! Пусть он побивает камнями пророков, пусть издевается над собственной душой, он все-таки должен быть спасен силой нашей веры и желаний, мы выведем его из бездны, выведем из греховного плена. Наша истина спасет мир! Но пока еще Тот царит и правит миром, гнездится во всех сердцах, подстерегает, ведет смертную борьбу с Богом... — с жаром шептал он, поднявшись с места.

— Старые, разрушенные предания, давно умершие мумии символов, воскресающие в самом трезвом столетии среди самого трезвого народа, вечная тоска по жизни, вечная боязнь смерти!

— А вы читали “Изиду без покрываала”? — неожиданно спросил мистер Смит.

— Читал, вернее, Джо говорил мне о ней, и я пришел к убеждению, что Блаватская не более как обыкновенная, даже вульгарная шарлатанка, а ее книжка представляет собой смесь бреда и сознательной лжи, рассчитанной на доверчивость наивных людей.

— Величайшая женщина, какую только имел человеческий род, первая святая нашей церкви, а вы о ней говорите как об уличной шарлатанке! — простонал Смит.

— Прошу извинения. Такое впечатление вынес я из рассказа о ней.

— Я ручаюсь, что и вы бы обожали ее, как и мы все. Она несколько дней тому назад приехала в Лондон. За-

втра придет в ложу вместе с полковником Олкоттом. Я охотно введу вас, сеанс будет необыкновенный, будут дары, присланые из Тибета самим далай-ламой. Блаватская — величайший медиум в мире!

— Благодарю вас, с меня уже довольно чудес.

— Господи, какое кощунство!

— И зачем мне видеть чудо, если я не знаю, что оно мне может объяснить?

— Да, вы очень “не знаете”, очень! Простите, оставим этот вопрос. Мне надо идти, но, может быть, вы будете любезны передать Джо, что она желает видеть его возможно скорее.

— Я не знал, что они лично знакомы.

— О, это с давних пор предмет поклонения Джо, еще из Бенгала, — шепнул мистер Смит, окинув сладострастным взглядом фигуру Антиноя и вышел.

А Зенон поспешил направиться к квартире Джо в третьем этаже, сильно встревоженный словами мистера Смита. Но он долго стучал, прежде чем ему открыл дверь высокий коричневый малаец, прекрасный, как Антина; волосы у него были, как у женщины, заплестины в косы и собраны на голове, а в волосах блестел высокий золотой гребень, украшенный изумрудами.

— Мистера Джо нет дома, — решительно заявил он, не впуская Зенона в квартиру.

— Должен быть, мы сегодня условились здесь увидеться, и он ведь уже два дня не выходил из дома.

Зенон хитрил, лишь бы проникнуть внутрь.

— Не знаю, вы не записаны, а здесь перечислены все, кого я должен был пропустить. — И он показал карточку, испещренную иероглифами.

— Очевидно, он позабыл записать. Ведь ты меня знаешь и помнишь, что я всегда вхожу без доклада.

— Но жертва уже началась...

— Я опоздал... — Он совершенно не понимал, о чем говорит малаец.

— Нельзя... нет... — защищался тот все слабее, не зная, что делать, так как ему было известно о дружбе Зенона и Джо. А Зенон тем временем, не обращая уже внимания на его сопротивление, вошел в переднюю.

Малаец озабоченно почесал за ухом, запер дверь на целую систему замков и провел его в боковую комнату, где на низком столе в медном подсвечнике горело семь высоких восковых свечей, возле стен стояли широкие

диваны, покрытые желтым шелком, стены тоже золотились горячим блеском китайских шелков с шитыми на них золотыми драконами.

Малаец подал ему длинную, тонкую, как паутина, и прозрачную, как вода, вуаль лилового цвета и открыл дверь в соседнюю комнату.

Зенон держал в руках удивительно мягкую шуршащую материю и не смел ни о чем спросить, чтобы не выдать, что он не принадлежит к посвященным. Только после ухода служителя он двинулся с места.

“Что все это значит? Какая это жертва началась?” — думал он, удивленно глядя кругом, так как никогда не был в этой части квартиры и даже не догадывался о ее существовании. Он заглянул сквозь открытую дверь в соседнюю комнату, но отступил назад. Там было совсем темно, вся комната была как бы разделена ширмочками на отдельные клетки. Зенон взял свечу и пошел в глубину помещения, проходя одну комнату за другой. Всюду царила тьма, было пусто и тихо, нигде не было ни единого человека; только в комнате, в которой раньше проходил сеанс, он услышал какие-то приглушенные, неясные звуки, какие-то стоны, выходившие как бы из-под земли. Иногда как бы крик доносился замирающим эхом и все куда-то глухо проваливалось. Он остановился в испуге, не понимая, откуда доносятся эти голоса. В комнате, как и везде, было пусто, только в окна заглядывали тени деревьев и мерцание далеких огней ползло по стеклу золотой паутиной.

Спустя некоторое время голоса зазвучали опять, и как-то ближе, яснее, почти рядом с ним. В ужасе отскочил он, свеча погасла, его окружил мрак, и тогда только он понял, что этот как бы сдавленный, странный шум плывет из круглой комнаты. Отыскав дверь, Зенон бесшумно открыл ее; за ней висела тяжелая гардина. Голоса, перемежающиеся звуками музыки, раздались совсем близко; он слегка раздвинул занавес — и в ужасе попятился назад.

Он бросился обратно в комнату сеансов, зажег папирус и, прижавшись лбом к стеклу, старался отрезвить себя оконным холодом и рассматриванием деревьев в саду.

“Вижу хорошо, — это тяя... чувствую холод... знаю, где нахожусь... сознания не потерял...” — медленно ду-

мал он. То, что он там увидел, обрушилось на него кошмарным ужасом.

“Я видел, но это невозможно... мне показалось... какое-то затмение в мозгу...” — размышлял он, как бы с трудом освобождаясь от безумного сна. Спустя какое-то время, окончательно успокоившись и уверившись, что он в полном сознании, Зенон опять пошел туда и робко заглянул за портьеру.

Круглая большая комната вся утопала в волнах мягкого голубого света; голубой ковер покрывал пол, голубого же цвета были глухие, лишенные окон стены, покрытые в некоторых местах золотыми таинственными знаками. Из бронзовой греческой лампы, свешивавшейся с потолка, проливалось пропущенное сквозь занавеску туманное сияние, и в этом сонном полусвете, в этом лунном мерцании, словно где-то в бесконечности, освещенной дрожанием звезд, среди упоительного аромата орхидей, склоняющихся из золотых корзин по стенам, среди сладких звуков каких-то неизвестных инструментов двигались призрачные фигуры, босые и почти нагие, овеянные только цветными, прозрачными, как вода, вуалями. Только головы и лица были у них тщательно закрыты. Это был какой-то дьявольский хоровод привидений, пляшущих в бешеном, хаотическом круге, стегающих себя длинными прутьями зеленого бамбука.

Джо сидел посредине комнаты на ковре, скрюченный, неподвижный, глядя тупым, застывшим взглядом и, как мертвец, ничего не слыша. Он был совершенно слеп и нечувствителен к этому бурному вихрю, который проносился вокруг него все быстрее, разеваясь радугой цветных тканей, звука охрипшими голосами и свистом истязаний, колеблясь вереницей белых тел под тонкими покровами, казавшимися паутиной, орошенной светом.

Семь мужчин и семь женщин кружились в безумной мистической пляске, ожесточенно бичуя себя среди диких криков и судорожного плача. Они били себя, опьяняясь болью, с фанатичной жаждой страданий, с жертвенным пылом мученичества, били один другого куда попало, сплетаясь в клубящуюся массу, в безумный слепой хоровод, несущийся с криками, судорожно дергающийся, потерявший сознание. Розги свистели все быстрее, движения становились неуловимыми, красные полосы, как змеи, все чаще извивались на белых тела, брызгала кровь... Иногда кто-нибудь со страшным криком падал на

пол, полз к ногам Джо и целовал его нагие стопы, не замечая, что весь этот круговорот проносится по его телу, топчет, давит его и летит дальше. Или кто-нибудь вырывался из безумного круга, бился головой об стену, дико, ужасно кричал и валился без чувств на землю.

Вдруг все пали ниц, и зазвучал хор смертельно усталых голосов, молитвенных стонов и жалобных слез: “За грехи мира прими страдание наше!.. За грехи мира прими кровь нашу!..”

И снова началось бичевание, еще более жестокое и неукротимое. Ужас наполнил комнату, все слилось в один хаос криков, запахов, звуков невидимой музыки и жгучих ударов, в один круговорот тел, залитых кровью. Наступило слепое бешенство, страшный шабаш одержимых душ, потрясаемых судорогами безумия и смерти.

Зенон стоял за портьерой как бы погруженный в мучительный фантастический сон, дико водил вокруг глазами, слушал и не мог поверить. Он закрыл глаза, щипал себе руки: не спит ли он? Кровавое, дикое видение не исчезало.

И только после этого гимна, несколько раз прерывавшего этот шабаш, он понял, что происходившее перед его глазами было самой реальной действительностью.

Он пытался узнать участников, но ни одного лица нельзя было различить под покрывалами. Только по стройной фигуре, по высокой груди, лебединой шее и прядям рыжих волос над ослепительно белыми плечами он угадал мисс Дэзи.

Не верил, но предчувствовал, что это она; временами ему даже казалось, что он различает ее голос, и тогда он замирал от какой-то дикой, нечеловеческой боли и его охватывало такое исступление, что он хотел броситься к ней, вырвать ее из этой толпы, унести далеко, целовать ее раны и горячими губами ловить струйки крови, стекавшие к ногам.

Он вовремя овладел собой, но чувствовал, что и его охватывает жар и кровавая жажда бичеваний и ран. Дикое, сладострастное желание крови просыпалось в нем, как голодная пантера, готовая прыгнуть; еще момент — и он бы не удержался и ринулся вперед. Нечеловеческим усилием воли он вырвался, побежал, гонимый фуриями ужаса и страха.

Сам не зная как и когда, очутился он в центре города,

на одной из широких улиц, среди крикливой толпы и лихорадочного движения.

Ослепительный свет электрических солнц, иллюминация на балконах, оглушительный крик, суета, стук экипажей и отрывки напеваемых арий — все это превращало улицу в какую-то могучую, бурную реку, в которую он упал всей силой инерции, на самое дно, совершенно не понимая, что происходит вокруг и куда несет его этот человеческий поток.

А толпа все увеличивалась, плыла, как лавина, множась шумными притоками из боковых улиц, заливалась всю Оксфорд-стрит бесчисленным морем голов, волнующихся и кричащих. Тысячи газет разевались над головами, сотни кебов и омнибусов, зажатых давкой, раскачивались над толпой, а с крыши почти каждого омнибуса кричал какой-нибудь человек, стараясь подчинить себе не-прекращающийся шум, тысячи шляп подымались вверх и тысячи глоток ревели изо всех сил, не переставая. Хаос усиливался еще более: с верхнего конца улицы приближались гудящие, могучие звуки труб. Но Зенон ничего этого не видел, в глазах у него все еще плясали голые окровавленные тела, он слышал над собой свист бамбука, невольно ежась и как бы сторонясь удара, и тревожно затаенными взглядами все еще следил за ее длинной шеей и вырвавшимися из-под повязки рыжими волосами.

“А может, это не она? — вдруг подумал он, с трудом отрываясь от кошмарного видения. — Ведь у меня нет никаких доказательств, мне только показалось, я только догадывался по волосам и по фигуре... Глупость, в этой толпе найдется тысяча похожих на нее, могла быть похожая и там!.. Но, может быть, это была все-таки она?”

В нем началась глухая борьба, упорная, злая и предательская. Всей силой сердца он отвергал подозрения, но уже одна эта мысль, что она могла быть в той одержимой, бичующей себя толпе, наполняла его дикой мукой и невыразимо угнетала... А ревнивый злой голос подозрения все сильнее звучал в нем, подобный змеиному шипению.

“Кто знает, кто она? Кто знает? — говорил он самому себе. — Искательница приключений, медиум, употребляемый для всевозможных экспериментов? Впрочем, какое мне дело до нее? Если ей нравится, может себя бичевать, может избить до смерти. Довольно с меня всего этого...”

И вдруг он позабыл обо всем: в нескольких шагах от

него вынырнула из толпы голова, до того похожая на Дэзи, что он бросился к ней, но она исчезла в уличной давке. В это время приблизился оркестр, и загремел “гимн королевы”, подхваченный всеми.

Зенон окончательно пришел в себя лишь тогда, когда его прижали к стене и чуть не поломали ребра; тут он узнал, что это победа над Арабим-пашой привела толпу в такой неистовый восторг и весь Лондон точно опьянел от радости.

— Черт вас возьми с вашими победами! — бесился он, еле удерживаясь на ногах, получая отовсюду толчки, задыхаясь и катясь вдоль стены, как ком теста под валиком; а толпа стихийным потоком стремилась за оркестром.

Наконец ему удалось свернуть в переулок, где он мог немного отдохнуть и прийти в себя; не зная, что с собою делать, и чувствуя страшную усталость, он пошел дальше по каким-то пустым переулкам. Шел, лишь бы идти, лишь бы дальше, глубже погрузиться в город, убежать от этих ужасных воспоминаний, от самого себя и от людей. Но еще долго сопровождали его голоса восторженной толпы и резкие звуки труб...

Зенон не мог забыть того, что видел. Теперь он вспомнил, как недавно в клубе ему говорили о существовании секты спиритов-бичевников. Тогда он смеялся и не верил. А теперь он увидел это собственными глазами!

Ведь Джо был там, среди них, и она тоже! Он содрогнулся, вспомнив Джо, нагого, скорченного, снова увидев перед собой окровавленное тело Дэзи, чудную высокую грудь, изрезанную красными рубцами. Каждая из этих ран имела свой голос, кричала в его сердце мукой и сожалением, он ощущал эти раны в себе самом, они жгли его, заливали живой теплой кровью, исступленно хлестали.

С бешеной злобой расталкивая толпу, Зенон, как безумный, пустился бежать. Какой-то полицейский погнался за ним. Но он бежал все быстрее, гонимый свистом бамбуковых прутьев и видением окровавленного тела Дэзи, таким близким и отчетливым, что, казалось, можно было протянуть руку и схватить его.

Наконец Темза преградила ему путь, а темнота и тишина набережной обессилили его. Он без сил опустился на какие-то ступеньки, спускавшиеся к реке; у ног его плескалась вода, брызги освежали горячее лицо, иногда волны, длинные и колеблющиеся, как змеи, тихо подпол-

зали и обнимали его ноги. Но он ничего не чувствовал, утонув глазами во мраке.

Черные подвижные массы воды с угрюмым рокотом протекали в непроницаемой мгле, плыли безостановочно, как бы в вечной погоне, в вечных жалобах на непрекращающийся, бессмертный труд.

Не было ни неба, ни звезд, только поблекшие зарева тлели над городом ржавой, влажной пылью. Вдоль невидимых, затерявшихся во мгле берегов светились фонари, колеблясь, как красные и золотые цветы, а вдали сонно гудели мосты, перекидываясь разноцветными яркими дугами над колышущейся мрачной рекой.

Иногда, какой-нибудь пароход пробегал в темноте, возникал как привидение, краснея освещенными окнами, и исчезал, как будто его никогда и не было.

А иногда из города доносились слабое эхо уличного шума, рассыпалось безжизненной дробью и замертво падало на поверхность воды. Или ветер, шумный и необузданный, пропитанный гнилью и болотной сыростью, вырывался из сети улиц, кружился, как пьяный, и полз по берегу к обнаженным, притаившимся в темноте деревьям. И долго-долго потом была слышна их жуткая дрожь и тихое рыдание.

Зенон сидел, обессиленный до полного омертвения, ушедший в себя и далекий от внешнего мира. По гранитной набережной то и дело стучали чьи-то шаги, но он их не слышал и не знал о том, что сзади него уже несколько раз появлялась из мрака чья-то тень и блестели чьи-то хищные, притаившиеся глаза.

Душа его была в обмороке, погрузилась во мрак, как та лодка, которая качалась на волнах у его ног, была мертва и пуста. Он слышал только тихий тревожный плеск воды, словно сонный шепот собственного сердца, всецело отдался власти непроницаемой ночи, полной тихого плача прозябших деревьев, порывистых всплесков воды и странной, неизъяснимой тоски.

Ему казалось, что он лежит на волнах и плывет в беспредельность гибели и забвения, что весь он ушел в этот неутешный, жалобный плач, а ночь охватывает его распаленную тяжелую голову холодными материнскими руками, нежно колышет баюкающими сладкими движениями и поет какую-то забытую песню детских грез и умершей тайны.

Он мог бы просидеть всю ночь в этой радостной затянутости, если бы над ним не загремел строгий голос:

— Советую отсюда уйти, здесь холодно и опасно.

— Зато тихо и хорошо, — ответил он недружелюбным тоном, подымаясь, так как полицейский взял его под руку и повел от реки.

— Не позволяете никому даже утопиться? — насмешливо спросил Зенон.

Но полицейский довел его до освещенной улицы, оглядел и отошел, не говоря ни слова.

“Если бы он меня арестовал, мне не надо было бы возвращаться домой”, — подумал Зенон, колеблясь некоторое время, не пойти ли ему за полицейским и не попросить ли его об этом как о величайшем благодеянии, но тот уже исчез. Он остался один, беспомощно блуждая глазами по пустой улице; ему не хотелось идти домой, никуда не хотелось идти; он охотно сел бы у стены первого попавшегося дома и так бы и остался на месте. Он бы, наверное, так и поступил, если бы не чувствовал отвращения к крысам, которые с писком бегали по водосточным канавам.

Он пошел дальше, почувствовав вдруг, что ему страшно холодно и хочется есть.

На Странде было совсем пусто, лишь иногда из ресторанов или из переулков вырывались группы пьяных и начинали орать охрипшими голосами. Было уже поздно, магазины были закрыты. Работали только бесчисленные ресторанчики, а по тротуару прогуливались раскрашенные женщины; они останавливали его приглашающими взглядами, а более смелые брали под руку, увлекая в темные боковые улицы. Зенон молча, но мягко отстранял их, ища, куда бы зайти, чтобы немного подкрепиться.

Он заглядывал в двери различных кабачков, но его отпугивали эти заведения, из которых вырывался запах алкоголя и пьяный шум голосов; он торопливо отходил и продолжал искать.

По улицам фланировали подозрительные и странные лица, из полумрака доносились какие-то слова, в боковых темных переулках собирались таинственные группы людей, а среди них суетился старый седой господин, раздавая красные и зеленые листки с текстами из Священного Писания, в которых говорилось о том, как позорно грязнить тело развратом, и, грустно улыбаясь, спешил

исчезнуть, чтобы чей-нибудь кулак не опустился на его спину.

Зенон перешел на другую сторону улицы — там, в темных углублениях домов, у подъездов многочисленных театров, перед освещенными еще кабинетами газет, везде, где только толпились прохожие, где чаще мелькали силуэты девушки и слышались призывные оклики, появлялась высокая, одетая в черное женщина, смело раздававшая всем священные тексты. Порой она ожидала где-нибудь в тени и неожиданно пересекала дорогу случайному сошедшему паром, не обращая внимания на оскорблении, пинки и ужасную грязную ругань, которую ежеминутно осыпали ее рассерженные девушки. Она принимала все это с покорностью, опускала голову и шла дальше, неутомимо делая свое святое дело милосердия и сострадания.

Зенон остановился перед ней, протягивая руку; она подняла на него красивое бледное лицо и подала ему целую пачку листков. Он нерешительно произнес:

— Вы сеете без устали доброе слово...

— Я была грешна, Господь просветил меня, поднял со дна позора, и вот я жизнью своей искупаю грех, — ответила она с торжественной строгостью.

— Вы принадлежите к Армии спасения?

— Я принадлежу к церкви “Истребление греха”.

— К церкви, желающей победить зло при помощи изречений? — В голосе его прозвучала ирония.

— Если эти изречения не накормят души, то и предложенный людям хлеб будет камнем.

— А кто же избавит их от нищеты?

— Мы избавим, наша церковь, искореняющая зло до дна, действующая добром! Вот подробные данные о нашей деятельности.

И она подала ему тонкую брошюру.

— Вы не боитесь оскорблений и опасностей?

— Со мной Господь.

— Может быть, но вы так молоды, так красивы и беззащитны, — невольно шепнул он.

Она обвела его суровым взглядом больших черных глаз.

“Красота твоя — это видимость, путем которой дьявол ведет тебя к греху, это маска, скрывающая под собой смердящий труп, — поэтому возненавидь ее и прези”, — произнесла она фанатично и отошла.

Он пожал плечами и, уже не колеблясь, вошел в первый попавшийся кабачок.

У буфета, блестевшего медной отделкой, стояли две ярко одетые девушки. Не обращая внимания на их попытки заговорить с ним, Зенон прошел в большую низкую залу, разбитую перегородочками на ряд отдельных лож, между которыми проходил узкий коридор. Заняв место, он приказал подать себе есть.

В соседней ложе вскоре уселись две девушки, то и дело они заглядывали к нему через перегородку, но он не замечал их, поспешно глотая пищу и запивая ее вином.

Он почти никогда не пил вина, и поэтому теперь ему было как-то особенно мучительно приятно опорожнять рюмку за рюмкой; вино успокаивало его, усталость постепенно исчезала, бессильная мысль понемногу прояснялась, и по всему телу разливалась спокойная теплота. Он быстро пьянялся, бессознательно подливая себе в рюмку; его охватила блаженная, сладкая тяжесть, и он улыбался самому себе глупой, тихой улыбкой.

А кабачок гудел пьяным говором, из-за тонких перегородок доносился звон бутылок и хриплый крик девушек, иногда раздавалась грубая брань, дым трубок и сигар едким туманом затягивал лампы и наполнял зал отвратительным запахом. Зенон ничего этого уже не чувствовал, не слышал, его охватила такая пьяная сентиментальность, что он готов был плакать над самим собой; он вдруг понял, как он одинок, ощутил бесприютность той жизни, о которой он не мог теперь вспомнить; он был уже настолько пьян, что ему было трудно двигаться, и, положив голову на стол и силясь что-то припомнить, он погрузился в кошмарную дремоту, иногда просыпался, пытался встать и засыпал снова.

— Господин, пойдемте со мной, — шептала одна из девушек, войдя в ложу.

— Что? Как? — пробормотал он по-польски, не понимая, откуда она явилась.

— Вы поляк? Рузя, иди сюда, мистер — поляк! — звала она удивленно подругу.

— Да что вам надо?.. Скорее, скорее...

— Но... ничего... так... мы уже шесть лет не слышали нашего языка... мы здесь близко, на Дорген-стрит... мы бы там поговорили по-нашему, идите к нам...

Они уселись около него, но замолкли, сконфуженные открытым, гордым выражением его лица и его молчанием.

ем, а может быть, и тем затаенным в глубине сердец странно радостным волнением, которое охватило их при звуках почти позабытого родного языка, при звуке слов, воскресивших давно умершие воспоминания.

Зенон вдругпротрезвел, потрясенный этой неожиданной встречей, и велел подать ужин и вино. Он почти насильно заставлял их есть, а они стыдились признаться, что голодны, и отказывались, тронутые его добротой. Наконец он их уговорил, и девушки жадно принялись уплетать кровавую баранину, ежеминутно отрываясь от пищи и подымая на него тревожные, вопросительные и благодарные взгляды, а он заботливо пододвигал им тарелки и наливал рюмки, решительно не зная, о чем с ними говорить. Девушки же обращались к нему с благодарными словами, то английскими, то польскими, произнося их с неприятным жаргонным акцентом.

Обе они были еще довольно молоды и красивы, но так сильно накрашены, нарумянены, обвшаны дешевыми украшениями, так автоматически привычны были их бесстыдные движения и позы, так безжизненны черты лица, что они казались затасканными восковыми фигурами из какого-то бродячего паноптикума. Под маской белил видна была смертельная усталость, в вызывающе подведенных глазах таилось выражение вечного страха и постоянного голода. Они сбросили с плеч накидки, с наивной гордостью выставляя на обозрение свои смешные наряды, вышитые блестками. Одна из них, выше ростом, была сильно декольтирована.

Зенон внезапно вздрогнул, увидев у нее на плече красный рубец, как бы от удара кнута.

— Откуда вы сами? — спросил он, незаметно всматриваясь в рубец.

— Мы обе из Кутна, вы, мистер, может быть, знаете?

— Знаю, знаю, — ответил он, думая об этом странном рубце.

— Мистер знает Кутно! Рузя! Мистер знает наш город! — удивленно воскликнула одна из девушек.

— Тише, Сальца, может быть, мистер и есть владелец Кутна, — умеряла ее пыл другая, более осмотрительная.

— Вы владелец Кутна, правда?

Он утвердительно кивнул головой, не понимая вопроса, будучи не в силах оторваться от красного рубца на плече. Неожиданно вспыхнувшее воспоминание перенесло его туда, в безумный хоровод бичевников. А де-

вушки, радостные, растроганные до глубины души, стали все смелее рассказывать, перебивая друг другку, о родном городе, припоминая разные подробности, воскрешая приятные мгновения — счастливые, ослепленные сиянием каких-то дней, всплывших из глубины памяти, далеких лет, исчезнувших в грязи и поругании и теперь снова вставших миражом радости и счастья. Они позабыли про ужин, кричали все громче, смеялись, как дети, упиваясь воспоминаниями и водкой, которой не жалели, вскакивали с мест, а потом, усталые, разгоряченные, с полными слез глазами, забывая и о нем, и о самих себе, и обо всем на свете, вдруг затихали и долго жалобно плакали...

— Ты, Сальця, помнишь владельца? Помнишь, у него была четверка черных лошадей, он ездил в карете, блестящей, как зеркало? Помнишь?

— А ты, Рузя, помнишь дом бурмистра?

— Еще бы не помнить, это не дом, а дворец; покажи мне такой дворец в Лондоне; во всем мире такого нет!

— А ты помнишь, за городом была гора, а за ней деревня?

Зенон ничего не слышал, а потом, вдруг очнувшись от задумчивости, он прикоснулся пальцем к рубцу на плече девушки и тихо спросил:

— Откуда у тебя этот знак?

— Это... я расцарапала... Это мой жених... — лепетала она, ежась под его повелительным взглядом.

— Неправда!.. Ты была там!.. — прошипел он, наклоняясь к ней.

— Где? Где я была? — испугалась девушка его безумного взгляда.

— Ты была, ты вся в крови... вся изранена, вся в рубцах... покажи... — требовал он, протянув к ней хищные, судорожно сжимавшиеся пальцы. И когда она хотела уже бежать, он, как когтями, схватил ее и с быстротой молнии порвал на ней кофту, обнажая бледную, синеватую спину.

Руки его бессильно опустились, он прислонился к стене.

Девушки, пораженные этим поступком Зенона, остолбенели и, не смея двинуться с места и заговорить, смотрели на него мертвыми, полными ужаса глазами.

— Не бойтесь, я не хотел вас обидеть, простите, —

бормотал он, сам пораженный тем, что случилось, и, отдав им все имевшиеся у него деньги, вышел из ресторана.

В гостинице все уже спали, огни были погашены, дом погружен во мрак и тишину, слабо освещенные коридоры тянулись мрачными туннелями, в которых кое-где брезжили огоньки, как глаза притаившейся пантеры.

Зенон сразу же лег в постель, но не мог уснуть; он лежал с открытыми глазами, далекий и чужой всему, находясь как бы на самом дне душевного омута, а по краям пугливого, неустойчивого создания ползли мрачные, зловещие привидения завтрашнего дня, терзая его мозг, вонзая в него острые когти мучительного бреда.

“Со мной происходит что-то страшное...” — подумал он.

Входная дверь вдруг хлопнула так сильно, что он сразу же очнулся. Казалось, кто-то шел по комнате, — застукрипел пол и довольно громко задрожала мебель.

— Кто там? — крикнул он.

Ответа не было, шаги затихли, но чьи-то руки пробежали по клавишам, и на одно мгновение в воздухе задрожали тихие звуки. Он вскочил с кровати и схватил револьвер.

— Кто там? — закричал он опять, но ответа не было, послышалось лишь резкое и быстрое скрипение пера по бумаге и шорох переворачиваемых страниц.

Он зажег свет и бросился в комнату, из которой слышался шум: там никого не было, он осмотрел все углы, заглянул даже в шкафы и под кровать — нигде не было ни малейших признаков чьего-либо присутствия. Осмотрев дверь, которая была заперта, причем ключ находился в замке, он вернулся к письменному столу, не зная что думать, как вдруг взгляд его упал на лист нотной бумаги, брошенный на открытую книгу; на нем чернели какие-то слова, написанные еще не засохшими чернилами.

“Ищи... иди за встреченным... ни о чем не спрашивай... молчи.. не бойся... S-o-f открывает тайны...”

Он несколько раз перечитал записку. Почерк был размашистый и четкий. По-видимому, для того чтобы обратить на себя внимание, надпись была сделана поперец бумаги, перо было еще мокро и лежало рядом.

— Что за дьявольщина! Ребусы какие-то! Кто это мне намазал? — воскликнул он, ни на одно мгновение не допуская иного объяснения. Он бросил бумагу на стол и лег обратно в постель в полной уверенности, что это ему

только показалось, и, погасив свет, завернулся в одеяло и попытался уснуть.

Снова донесся из соседней комнаты тихий, едва слышный звук рояля, раздалась та странная и таинственная мелодия, которую он слышал когда-то на сеансе.

— Кто?.. — И замолчал, сдавленный смертельный ужасом.

VI

Мистер Зенон уже три дня почти все время проводил на улицах города.

На следующий день после необъяснимого появления надписи он проснулся рано, перечитал еще раз загадочные слова, поспешил оделся и вышел из дома.

С тех пор он все ходил, ходил не переставая, даже ночевать не возвращался в свою квартиру, питался где случалось и где заставал его голод. Он боялся вернуться в отель и заглядывал туда только затем, чтобы взять у швейцара письма Бэти, которых, однако, не читал.

Он все блуждал по городу, бежал от чего-то и в то же время кого-то искал; хотел скрыться и в то же время не мог уйти от толпы, с величайшим вниманием вглядывался в лицо каждого встречного, ловил тревожно каждый взгляд и дрожал в постоянном ожидании услышать какое-то слово, увидеть какой-то знак, понять какой-то взгляд, встретить осуществление данного ему обещания.

Он не замечал ни холода, ни тумана, ни дождей, ни времени дня, безостановочно переходил с места на место, часто целые часы простоявал на перекрестках улиц и, прячась в тени, наблюдал прохожих, угадывал в темноте их лица и бежал наобум за каждым силуэтом, за каждым необычным взглядом. Иногда он заходил в кофейни и шумные кабачки, чтобы отдохнуть, но, разглядев лица сидевших, оставлял недопитый стакан, чувствуя, что должен идти дальше, должен искать, должен ждать.

“Ищи... иди за встреченным... ни о чем не спрашивай... не бойся... S-o-f... открывает тайны”. Слова эти все время звучали в его душе неотвратимым, могучим приказом.

В нем не родилось ни малейшего желания сопротивляться, он был как стрела, брошенная неумолимой рукой, стремящаяся по своему непонятному пути к неведо-

мой цели, слепо послушная и безучастная ко всему, что находится вне этой темной, безвестной необходимости.

А в то же время он сознавал все, отдавал себе отчет во всем окружающем, только оборвались в нем связи с прошлой жизнью. Он думал о ней, как думают иногда о странных рассказах, слышанных когда-то очень давно и уже утонувших в пепельных далаях забвения.

“Что будет?” — думал он в редкие минуты внутреннего пробуждения, и тогда всей силой воли хотел он вырвать из мглы неведомого ожидающее его чудо. Но туман, в котором он блуждал, не рассеялся, не разорвался заколдованный круг слепого стремления, и он снова искал, снова ждал.

Бродя по Сити, он целыми часами плыл по течению, подхваченный волнами толпы, чужой им всем и далекий, не переставая поджидать и высматривать кого-то напряженными, голодными взглядами. Он заглядывал в музеи, углублялся в пустые, размякшие, утонувшие в тумане парки, блуждал по набережным, ездил во всех встреченных омнибусах, постоянно пересаживаясь из одного в другой, посещал многолюдные театры и банки, объезжал весь Лондон по подземным железным дорогам, появлялся всюду, не зная отдыха, лихорадочно спеша за неумолимой тенью, ожидая и, безусловно, веря, что найдет то, что ищет.

Даже полицейские стали обращать внимание на его бледное лицо и мутные глаза, все время ищащие чего-то в толпе, проницательные и в то же время пустые; на его бессознательные движения, когда он бросался в самую гущу экипажей и омнибусов, прямо под ноги лошадей, каким-то чудом оставаясь невредимым и даже не осознавая, что ему грозила опасность.

И в этих безумных поисках неизвестного, а может быть, и несуществующего он постепенно, сам того не замечая, стал терять чувство действительности; до предела напрягая свое внимание, он перестал замечать людей и выделять их из толпы; они казались ему каким-то чудовищным пресмыкающимся, наделенным тысячью голов и ног, извивающимся, глухо ревущим.

А потом и весь город превратился для него в какую-то фантастическую пущу, глухую и мертвую, полную странных призраков, полную таинственных и страшных видений, которые он не мог понять. Он только чувствовал, что эти видения возникают вокруг него, что они

существуют, и он ходил в тихом восторге и необъяснимой, смутной тоске; перед ним стала открываться как бы душа всех вещей, невидимая обыкновенному взгляду.

Он ходил по городу, словно по сказочной, заколдованной стране, замечал какие-то больные дома, склонившиеся в муке векового существования, полные ран, стонов и утомления, чувствовал мучительную дрожь деревьев, утонувших в тумане и умирающих от тоски по солнцу, по живительному весеннему ветру, слышал их никогда, никогда не умолкающий стон и тихие слезы, стекающие с больных веток.

В раздумье остановился он перед Товрской башней; она стояла угрюмая, трагически пережившая давно минувшие дни, но возвыщенно гордая в своем одиночестве, и презрительно глядела на новые дела и новые дни, мерзко копошащиеся у ног ее бессмертного величия.

Он пугливо бежал от плоских, тщеславных и глупых дворцов Уэст-Инда, которые смеялись над ним ожиревшими наглыми голосами рассудка, бежал от громадных складов и магазинов, где мученически стонали ограбленные страны всего мира.

Он утопал в ленивом шуме туманных парков, в рабском пугливом шепоте зеленых изгородей, напряженных и вечно сторожащих, прислушивался к полету птиц, проносившихся в невидимой высоте и жалобно о чем-то кричавших, разговаривал с бездомными собаками, гниющими в мусорных ямах, и те шли за ним целыми стаями; везде и во всем чувствовал он больную душу, трагический гнет существования, вечно живое насилие, грубую необходимость судьбы. Даже камни памятников в Гайд-парке жаловались ему на тех, кто оторвал их от лона предвечной тишины и бросил на яркий свет мучительных дней; даже воды вечно струящейся Темзы жалобно шумели, и забытые на берегу железные машины, усталые, заржавленные, скованные человеческой мыслью, беспомощно рвались, покорно жалуясь на вечный труд.

Он бродил как во сне, убаюканный, стремящийся в какую-то глубину, точно падающая в бесконечность звезда.

Случайно очутился он в Уэст-Минстере, мертвый от усталости, долго сидел там у подножия какой-то статуи в полной прозрачности.

Пусто было в этих мрачных, угрюмых стенах громадного собора; иногда кто-то незримо проходил мимо и ис-

чезал и эхо шагов звучало под высокими сводами; в тусклом свете витражей, в грустном блеске тающих в полу-мраке красок, словно собравшиеся на совет привидения, стояли толпою мраморы и бронзы всех великих духов Англии, соль этой старинной земли — целые века истории, забытые, отошедшие эпохи и только что минувшие времена, неустранные рыцари, завоеватели, поэты, епископы, законодатели, высокие сердца и низкие душонки, герои и мошенники, пророки и знаменитые парламентские фразеры, тираны мира и королевские шуты, святые и преступники, проклинаемые памятью поколений, добродетель, самоотверженность и предательство, кладбище испепеленных веков, но кладбище вечно живое, оплодотворяющее человеческую мысль, каменные тени веков, сошедшиеся в этом старом соборе на немой совет, в молчании судящий о вчерашнем и ожидающий новых дней и новых душ своих преемников, — корень прошедшего и грядущего.

В этой священной тишине гробов Зенон несколько пришел в себя. Изваяния, казалось, смотрели на него широко открытыми глазами, наклонялись и говорили что-то своим глубоким молчанием. Он вздрогнул и стал медленно пробираться сквозь каменную толпу, направляясь к выходу среди сгущавшегося мрака.

Но вдруг он стремительно отступил назад, в толпу белых статуй, едва видневшихся в темноте: знакомая высокая черная фигура вошла в главные двери и повернула налево по высокому узкому проходу, ведущему в заднюю часть храма. По левую сторону одна за другой весело стояли часовни королей.

Зенон пошел за ней в темноту. В высоте, среди почерневших готических линий, дрогали робкие остатки дневного света, внизу уже легла полная ночь. Из готических часовен, отделенных железными решетками, лилось застывшее мерцание фиолетовых, золотых и пурпурных витражей. Смутно обрисовывались королевские саркофаги, где в каменном спокойствии среди бездонной тишины царственные четы наслаждались непробудным сном смерти. Струйки света обвевали радужной туманной пылью каменные профили, крепко сложенные руки, тяжело сомкнувшиеся веки и суровые, гордые головы. Скипетры и короны мрачно блестели вековым золотом, и на всем лежало тяжелое величие смерти и каменный покой равнодушия.

Дэзи остановилась перед одной из часовен и, облокотясь на решетку, глядела на саркофаг.

— Я знал, что встречу вас, — прошептал Зенон, становясь рядом с нею.

Она взглянула на него строго, как бы приказывая соблюдать тишину.

Он уже не чувствовал усталости, безумие оставило его, он снова был обыкновенным нормальным человеком.

— А все-таки им лучше в царстве вечной тишины, — снова шепнул он.

— Кто знает? А если их души прикованы к этим телесным изображениям, если они прикреплены к материи и должны находиться здесь, должны населять эти своды и наполнять их неслышным для смертного слуха стоном и тоскою ожидания до тех пор, пока существуют эти бронзы и мраморы, пока время не рассыплет всего этого в прах и не освободит их, не вернет их предназначению?

— Это было бы слишком ужасно, — невольно содрогнулся он, представив себе эту картину.

— А кто знает, от чего зависит смерть и жизнь, что связывает и что освобождает?

— S-o-f, — медленно произнес он, почти невольно, как иногда произносят слова, засевшие в мозгу и бессознательно срывающиеся с языка.

Он почувствовал, как она пошатнулась и на одно мгновение оперлась на его руку.

Молча пошли они дальше, останавливаясь поочередно перед каждой часовней; мрак все сгущался, витражи тихо мерцали, как сквозь лесную чащу мерцают последние отблески заката.

— Я давно не видела вас, — произнесла она удивительно мягко, как бы с упреком.

— Давно? — Он удивился и вдруг вспомнил сцену бичевания и все те подозрения, которые он теперь усиленно старался отогнать от себя.

— Вас, должно быть, дня три не было дома, мистрис Трэси уже беспокоилась.

— Три дня!.. Нет... вчера или даже сегодня я вышел из дома... нет, право, со мной впервые происходит что-то... что я не могу точно вспомнить...

— Вы потеряли память этих дней? — В голосе ее прозвучал сдержаненный вопрос.

— Нет, почему же... даже помню, как сегодня после

завтрака вы играли в библиотеке на фисгармонии, — быстро произнес он, с трудом связывая воспоминания.

— Вы ошибаетесь: вот уже три дня, как я не прикасалась к клавишам.

— Да?.. Что же со мной происходило... за эти три дня?.. — испуганно прошептал он.

В мозгу его забрезжили отрывистые, сонные воспоминания чего-то такого, на чем он не мог сосредоточиться, чего не мог вывести на поверхность сознания.

— Однако... однако я ждал вас...

Она не ответила. Сторож начал звонить; по собору стали передвигаться огни фонарей: осматривали храм, перед тем как его запереть. Они вышли в сквер.

— Иногда мы забываем о своем существовании или смотрим на него как на чужое, находящееся вне нас. А иногда душа, подхваченная каким-то таинственным круговоротом, губит тело, сама того не замечая, — говорила она в тихой задумчивости.

— Значит, и я затерялся во времени?

Они дошли до угла Виктории-стрит; Дэзи протянула ему руку.

— Вы не домой? — спросил он, делая усилие, чтобы освободиться от какого-то сонного состояния.

— Я должна еще перед обедом навестить моих калькуттских друзей, — весело ответила она, и он при свете фонаря и магазинных окон увидел на ее чудном лице удивительно нежное и сердечное выражение, какого раньше никогда не замечал.

Она глядела ему прямо в глаза тихим и добрым взглядом и оглянулась на него еще раз из ксба. Его охватила дрожь радостного волнения, и он долго смотрел ей вслед. И сейчас же поехал домой, нетерпеливо торопя кучера.

Швейцар радостно встретил его и передал ему целую пачку газет и писем, осторожно сообщив, что какие-то две дамы справлялись о нем сегодня уже два раза. По некоторым подробностям Зенон догадался, что это была Бэти с одной из своих теток. Ему это было очень неприятно.

— Что же вы им сказали?.. Ведь... мистер Джо дома? — спросил он.

— Недавно поднялся наверх.

Зенон вбежал в свою квартиру, зажег свет и удивленно остановился перед зеркалом, пораженный собствен-

ным видом: он был грязный, обросший, оборванный; платье испачкано так, будто он ночевал на земле.

— Где же это я так себя отдал?

Переодевшись, он хотел было приступить к чтению писем, но первое, что он заметил, была та бумага с таинственной записью.

“Надо узнать, кто это написал”, — подумал он, пряча бумагу в карман.

Письма Бэти сильно огорчили его; он не понимал, почему их было так много.

Он проверял числа, но не мог разрешить загадки, потому что, как только слабое воспоминание этих дней начинало мерцать у него в голове, он сразу чувствовал головокружение, как будто смотрел с высоты в бездну, и спешил отойти и погрузиться в добрые, сладкие излияния Бэти, жаловавшейся на то, что он не давал о себе знать и позабыл ее.

Он написал ей длинное письмо, от всей души стараясь успокоить ее и обещая появиться еще до воскресенья.

Лакей доложил, что обед подан, и принес еще одну депешу: это Бэти, не дождавшись письма, в длинной телеграмме выражала снова свое беспокойство, умоляя его ответить хотя бы несколькими словами, что происходит с ним и с Джо.

А в конце кратко извещала о том, что болен отец.

Зенон написал несколько успокоительных слов, отоспал телеграмму и пошел обедать.

Мистрис Трэси, нежно прижимая кошечку к широкой груди, стала участливо спрашивать, здоров ли он и что с ним было.

— Я уезжал из города, — коротко ответил он, замечая, что мисс Дэзи сидит уже на своем месте и держит голову Бэти на коленях. Зеленые глаза пантеры впивались в него с такой силой, что он смущился.

— Что с тобой случилось? — спросил Джо, садясь рядом с ним.

Он, не отвечая, подал ему депешу Бэти:

— Поеду туда после обеда... напрасно беспокоятся. Поедешь со мной?

— Не знаю...

— Что это за свита вокруг Магатмы?

— Профессора из Итона и различные ученые, — шепнул Джо, указывая незаметно на нескольких стариков,

сидевших около Гуру в конце стола. — Будет настоящая платоновская беседа, — прибавил он, подчеркивая слова.

— Да, Валаамова ослица произнесет сейчас новую истину, — с насмешкой заметил Зенон.

— Ты не ответил мне на мой вопрос.

— Но ведь и я не спрашиваю тебя ни о чем... ни о чем!

Его раздражал напряженный взгляд пантеры, и он не мог удержаться от злого тона.

— Спрашивай, я от тебя ничего не скрываю, — мягко ответил Джо, удивленный его неприязненным тоном.

— Мисс Дэзи тоже была с вами?

— Где? Ничего не понимаю, скажи прямо.

— Ну там, на этом кровавом обряде бичевания... Ведь не станешь же ты отрицать... и не скажешь, что позабыл? — тихо, но твердо произнес он, но, увидев в широко открытых глазах Джо глубокое и искреннее изумление, замолчал.

— Даю тебе честное слово, что ты говоришь о чем-то таком, чего я совершенно не знаю.

— Расскажу тебе подробно, когда ты вернешься из дворца Бертелет, а пока скажи, не знаком ли тебе этот почерк? — и он протянул ему таинственную записку.

Джо прочел и долго думал, незаметно бросая на Дэзи проницательный взгляд. Она была сегодня необыкновенно разговорчива, почти весела.

— Мне не знаком этот почерк... Но я подумаю еще об этом, — наконец ответил он, не глядя на Зенона, и тотчас же после обеда незаметно вышел из комнаты, пользуясь тем, что общее внимание было привлечено диспутом, который все громче вели ученые с Магатмой.

— Перейдем в читальный зал, они кричат, как погонщики слонов, — предложила Зенону Дэзи.

Пантера, опустив морду вниз и что-тонюхая, тихо побежала вперед, вскочила в кресло и, свернувшись в клубок, казалось, задремала.

— Отвратительное время в Лондоне, — отозвалась мистрис Трэси, глядя в залитое дождем окно.

— Февраль — везде одинаково холодно, дожди и туман.

— Не везде, мистрис Барнэй! В прошлом году я был в это время далеко на юге и помню, как там было светло и тепло, — возразил Зенон.

— В Италии? — спросила Дэзи, садясь около него.

— Да, в Амальфи за Неаполем. — И он с увлечением

стал рассказывать о чудных солнечных днях, о теплых лазоревых морях, усыпанных искрами солнца, о лимонных рощах, зреющих по амфитеатру гор под голубым небом. Он рисовал нежные дали, где по ясному небу и тихому морю несутся красные паруса, как крылья неведомых птиц; описывал острова, подобные прозрачным изумрудам, заливы среди зеленых, покрытых плесенью и плющом скал, как бы вкрапленные в цельные громадные куски бирюзы; старые умершие башни с зелеными ящерицами и снежно-белыми чайками; тихую, сладостную жизнь этих позабытых побережий, где даже смерть никому не страшна, потому что приходит как вечерний сумрак, и смежает усталые от яркого блеска глаза; где нет фабрик, где нет шумных городов, нет хаоса человеческой жизни, грызни из-за каждого куска, где чувствуется истинная радость существования, где в сердцах людей царят добрые божества Греции вместе с Мадонной, вечной хранительницей человеческой доли.

Он говорил долго, совершенно забылся, увлекся, поддался порыву охватившей его внезапно тоски. Он был растроган, голос его притих, и глаза были влажны от слез.

Все слушали не перебивая, уносясь мечтой в чудные видения, а Дэзи, гладя черный лоб пантеры, смотрела на него и как бы сквозь него на те далекие волшебные горизонты; странно-тоскливая улыбка расцвела на ее горячих губах, и синие глаза, как те далекие моря, покрылись солнечной паутиной меланхолии, а по бледному чудному лицу проплывали легкие тени внезапно расцветшей тоски. Мечты, и желания, и страшный немой зов пробуждались в ней, она была как глубокая вода, на поверхности спокойная, но бурная в глубине, и сквозь зеркальную гладь вставали, как призраки, черты таинственного дна.

— Вы так увлекательно рассказываете, что мне захотелось познакомиться с этими чудесами.

— Вам? Но ведь вы видели чудеснейшую сказку нашего мира — Индию!

— Всегда больше влечет то, чего еще не знаешь.

— Но оно может также и разочаровать.

— О нет, я бы на все глядела вашими глазами — глазами поэта, — а под этим углом зрения все кажется чудом и волшебной сказкой.

Слова эти, произнесенные особенным, гипнотизирующим тоном, ошеломили его как невыразимо-сла-

достный удар; он поднял на нее благодарные, ослепленные глаза, взгляды их встретились и утонули друг в друге, как две сияющие бездны. Вдруг пантера зевнула, спрыгнула на пол и, оскалив страшные зубы, поползла к его ногам.

— Не бойтесь, я за нее ручаюсь.

Ба положила тяжелую голову ему на колени. Он опасливо притронулся к ней — она была без намордника, и красно-зеленый блеск ее глаз будил невольный страх.

Дэзи, шепча какие-то ласковые слова, стала гладить ее по спине и при этом склонилась перед ним так низко, что он почти касался губами ее медных волос. Перед его глазами была белая шея, отделившаяся от воротничка; он охватил ее взглядом, желая найти следы бичевания, но пантера грозно зарычала, и Дэзи, быстро выпрямившись, поймала направление ее глаз.

— Тише, Ба!.. Она все знает, все предчувствует и готова мстить за каждую обиду, причиненную мне, — произнесла Дэзи с ледяной улыбкой, пронзая его дикими, острыми как нож глазами.

Зенон не понял слов, но почувствовал, что они относятся к нему и грозят ему.

Он невольно встал, глубоко задетый этим.

— Мисс Дэзи, я вас не обидел ни единственным словом, — покорно шепнул он.

— Бывают взгляды более оскорбительные, чем самые грубые слова.

— Разве те, которые обнажают старательно скрываемые тайны, — добавил он еще тише.

— Или те, которые, как гады, оскорбляют грязным прикосновением.

— Это ко мне относится, ко мне! — произнес он строго.

— У вас в глазах молний, — сказала она с прежней улыбкой.

— Больше всего ранит и оскорбляет несправедливость.

— Несправедливость невольная, которая превращается в просьбу о прощении, — говорила она тихо и ласково.

Буря миновала, но прежнее свободное, веселое настроение уже не вернулось.

Они сидели молча, даже мистрис Трэси не знала, о чем говорить.

Зенон вышел из комнаты, воспользовавшись тем, что

профессора во главе с Магатмой переходили в библиотеку, крича и ссорясь уже не на шутку.

Джо до сих пор не вернулся из дворца Бертелет. Было еще довольно рано, около десяти часов, но Зенону совсем не хотелось туда ехать, он чувствовал необыкновенную усталость, и эта последняя сцена с Дэзи окончательно расстроила его.

Думая о ее странном, неуравновешенном поведении, то ледяном равнодушии по отношению к нему, то об ее ласково-вызывающих взглядах, за которыми таилось, может быть, еще нечто большее, он терялся в догадках, не в силах понять ее.

Он не стал зажигать свет, без сил упал в первое попавшееся ему кресло и, глядя в мутную серую ночь, сквозь которую просачивались золотистым блеском уличные фонари, задумался, следя глазами за тенью черных деревьев, сонно скользившей по оконным стеклам.

“А все-таки она была там”, — думал он, снова видя ее перед собой всю в рубцах, обвивавших ее тело, как целый рой кровавых ужей.

“Она была там, была!” — повторял он, мысленно наслаждаясь ее красотой, бесстыдством ее наготы, как бы мстя ей за что-то и в то же время чувствуя себя ближе к ней на одну похищенную тайну.

— Медиум для бичеваний! — шепнул он с ядовитым презрением и вдруг вскочил: входная дверь хлопнула и сразу засветились все люстры.

Он удивленно огляделся: дверь была заперта и в комнате никого не было, только на письменном столе белела развернутая железнодорожная карта; некоторые пункты на ней были подчеркнуты толстым красным карандашом, а рядом лежал путеводитель по Италии, открытый на Амальфи, также размеченный во многих местах.

Зенон смотрел на это с напряженным любопытством, не понимая, кто и когда мог это сделать. Кто-то только что сейчас находился здесь... может быть, еще был здесь... Тяжелые портьеры колебались последним затихающим движением, как будто только что прошел кто-то... в другой комнате скрипнул паркет... стукнул отодвигаемый стул... кто-то точно был там, кто-то шел из комнаты в комнату... ясно был слышен шорох тихих шагов.

— Ани! — позвал он, думая, что это прислуга.

Ответа не последовало, шорох затих, но зато откуда-

то, будто из последней комнаты, донеслось далекое, тихое пение.

Он лихорадочно бросился туда. Там тоже никого не было, но пение усилилось и громко раздавалось в тишине квартиры. Он узнал голос Дэзи и ту странную, таинственную мелодию.

В тихом ужасе он обвел квартиру настороженным, ожидающим взглядом.

Но никого не было, только звуки все еще лились, уже неизвестно откуда — то раздавались рядом с ним, то подымались кверху, то кружились по комнате ленивой, затихающей волной и снова звенели полнее и громче где-то дальше, как будто в первой комнате... Он инстинктивно бросился за ними, но они раздавались уже в какой-то дали, словно за окном, в ветвях деревьев, утонувших в ночной темноте... а может быть, в нем самом?..

Зенон был в полном сознании и отдавал себе отчет решительно во всем, что происходило с ним в эту минуту, он решил во что бы то ни стало узнать, откуда доносится это пение. Он предположил, что Дэзи находится у себя, в соседней квартире.

На его решительный стук в дверь ответил короткий и злой рык пантеры, а затем горничная, не открывая дверей, стала уверять, что мисс Дэзи уехала в город.

Он не поверил и пошел в читальный зал.

— Уверяю вас, что она уехала в город, я сама проводила ее на лестницу, — объясняла, отведя его несколько в сторону, мистрис Трэси, удивленная его настойчивыми вопросами.

Профессора все еще страстно спорили, Магатма сидел посредине, и его проницательные черные глаза как-то недружелюбно на одно мгновение остановились на Зеноне. Отвернувшись, он продолжал презрительно говорить:

— Ваша материалистическая культура, ваши изобретения, ваши открытия ведут к одному — к преклонению перед грубой силой и золотом, служат злу, сеют зло... Вы — как вороны, кружасицеся в пространстве, не видящие чудесного сияния и жадно высматривающие внизу падаль... Вы исчезнете из памяти поколений гораздо скорее и более бесследно, чем...

Зенон дальше не слушал; раздраженный его острым тоном, он быстро вышел, но в коридоре снова услышал, как далекое эхо, странный напев.

“Она зовет меня! Несомненно, зовет!” — вдруг поду-

мал он, вспоминая все, к чему напрасно стремился столько дней.

— Иди за встреченным!.. Иди за встреченным!.. — повторял он бледными губами, и, уже не раздумывая, не колеблясь, не сопротивляясь, спокойный, почти холодный, вполне сознательно подчиняясь внутреннему голосу, он встал, чтобы идти за тем неумолимым призывом, который снова увлекал его.

Не замечая, куда идет, шел он за этой песней, которая время от времени тихо звучала вдали и была для него путеводной звездой к неизвестному.

— Иду, иду, — шептал он, ускоряя шаги.

И лишь на Пикадилли звуки исчезли, утонув в толпе и уличном шуме. Он беспомощно остановился, озираясь по сторонам.

На противоположной стороне улицы при свете магазинных окон он вполне отчетливо увидел Дэзи и сейчас же бросился за ней, но густая толпа мешала ему догнать ее, он только издали видел ее голову.

“Пусть случится то, что должно случиться!” — думал он, нисколько не удивляясь встрече, вполне уверенный, что он только затем и пришел сюда, что так именно и должно быть.

Он шел в нескольких шагах от нее, не приближаясь к ней даже тогда, когда вся толпа исчезла, они двигались по каким-то почти пустым улицам. Шаги глухо раздавались по камням; он шел за ней неразлучной тенью с непреложностью, которой нельзя было избежать.

Они миновали какие-то улицы, какие-то пустые площади, сонные, полные тихих шорохов парки и по широким ступеням вошли в железнодорожный вокзал.

Он купил билет до станции, которую перед тем она назвала кассиру.

Зенон не прятался от нее, почти вместе они вошли в зал для публики, но Дэзи, глядя в его сторону, как бы не замечала его, скользя глазами по его лицу, как по постороннему предмету. Его не обижало это, он понимал, что так и должно быть; иногда даже ему начинало казаться, что она — это он сам, — таким удивительно согласованным был ритм его и ее души. Они шли рядом, как две тени или как два света, смотрели на одни и те же вещи и, вероятно, с одним и тем же чувством; ничего не замечали и были как деревья, замерзшие на зимнее время и теперь оттаивающие в тумане пробуждающейся весны.

Он инстинктивно хотел сесть в то же купе вагона, которое заняла она, но раньше чем он успел подойти, она захлопнула дверь. Он вошел в соседнее купе и всю дорогуостоял у окна, скользя пустыми глазами по призрачным очертаниям пейзажа, выплывавшим из темноты ночи, по сонным привидениям теснящихся облаков, по которым медленно проплывал месяц, то выглядывая, то снова исчезая в туманных синеватых безднах. Он видел только ее тень, черный силуэт ее головы, лежавший пятном на фоне падавшего из окна света, бежавшего по земле рядом с поездом. Она тоже все время стояла у окна.

Они сошли на какой-то глухой, сонной станции, прошли молча пустые залы, мрачный, безлюдный подъезд и погрузились в черную аллею громадных деревьев.

Ветер гудел, деревья тяжело колыхались, где-то раздался тягостный стон, тревожный и тихий шепот пролетел над землей, задрожала живая изгородь вдоль дороги, грустно плакали упругие листья пауров — тревога, как филин, захлопала крыльями и притаилась во мраке.

Они вошли в какой-то темный парк, в непроницаемую, черную чащу; лишь полосы неба едва заметно белели над головой, тянулись, как далекие крутые дороги, покрытые клочьями туч и окаймленные колеблющимися очертаниями деревьев; иногда показывалась луна, и тогда тени деревьев падали мертвыми пятнами на дорогу, как трупы, пересекая ее черными порогами.

Зенон шел без страха, не спуская глаз с легкого, то-нувшего ежеминутно во мраке силуэта Дэзи, прислушиваясь к угрюому говору качающихся деревьев.

Он не думал ни о чем. Душу его наполняли тени, в таинственном мерцании которых вставали неуловимые, зыбкие видения того, что должно было совершиться. Будущие мгновения рождались в неведомой глубине и погружали его во мрак необъяснимого страха перед тайной.

Они вышли к какой-то пустынной, открытой местности. Из глубины мрака выплыло громадное черное здание, луна снова показалась на мгновение, и Зенон ясно увидел четкий контур разрушенных башен и стен, глядевших на мир выбитыми окнами и увитых плющом.

Но не успел он рассмотреть всего, как откуда-то, словно из подвала, вырвалась полоса ослепительного света и раздался стук захлопнувшейся двери.

Дэзи исчезла на какой-то огромной полуразрушенной лестнице.

Он остался один и беспомощно огляделся.

Кругом стояла темная стена всклокоченных, раскачивающихся деревьев, ветер то и дело ударял в нее с такой силой, что она наклонялась и стонала, как толпа людей под ударами плети, а над ней в глубине неба рдело зарево Лондона, как угасающий, далекий, огромный пожар.

Кругом царило грозное молчание истлевших стен, порой пронизываемых свистящим ветром и тягостным стоном деревьев. Ни огня, ни живого голоса, лишь кусты, притаившиеся в темноте, да камни и развалины, препрятавшие дорогу, светящиеся неподвижные пятна воды в каких-то ямах.

Зенон медленно обошел все здание. Все входы были наглухо забиты, и он вернулся на ту громадную лестницу, где чернели остатки разбитых колонн и балюстрад, и остановился перед какой-то большой дверью, не зная, что делать.

Ветер постепенно усиливался и все угрюмее гудел в развалинах; время от времени какой-нибудь камень срывался со стены и падал на землю; деревья с криком бросались друг на друга, шумя и свистя в мутной, слепой темноте; луна скрылась за тучами, громоздящимися, как бурные волны, и в то же время какие-то приглушенные, далекие голоса неслись откуда-то из развалин, или из под земли, или из неведомых пространств, с самого дна ночи.

“Не бойся... молчи... S-o-f открывает тайны”, — вдруг повторил он, вспоминая таинственную фразу, смеясь, без колебаний взял в руку молоток, висевший на цепи, и ударил в дверь.

Молчание. Только медь загудела и заиграло долгое глухое эхо.

Он ударил еще раз и произнес отчетливо, отделяя каждую букву:

— S-o-f.

Дверь тихо открылась и, едва он вошел, с шумом захлопнулась.

Он очутился в большой, почти темной зале; посреди нее стоял низкий треножник, поддерживающий громадную медную кадильницу, наполненную горячими углями; из нее вырвался тяжелый, опьяняющий запах, а за ней была видна колоссальная статуя, покрытая фиолетовой драпировкой, и больше ничего не было, кроме голых стен, гладких, блестящих камней, на которых кое-где

уже легли потухшие во мраке фрески, какие-то золотые буквы, таинственные символы огня, воды и воздуха, прозрачные тела каких-то чудовищ и зверей, кричавшие от ужаса маски, — все это едва можно было различить сквозь полосы кровавого дыма, сквозь темноту, насыщенную красноватым тлением..

Зенон стал озираться, но в комнате никого не было. Он был поражен этой мертвой тишиной, придавившей его душу, как гробовая плита, и вдруг почувствовал, что каменный квадрат пола, на котором он стоял, дрогнул и медленно поплыл вместе с ним, едва заметно опускаясь вниз. Он не пошевелился, не вздрогнул, только закрыл глаза; его сдавил страх и пронизала ледяная дрожь, но он быстро опомнился, ударившись всем телом о стену; глубокая ночь спеленала его непроницаемым мраком, он не знал, где находится, в одно мгновение испуга позабыв все, что с ним произошло; он понимал только то, что он находится в каком-то низком и узком коридоре. Держась руками за стены, согнувшись, он решительно пошел вперед.

Хор далеких, глухих голосов, подобных шуму волн, затихающих у далеких побережий, звучал где-то впереди, стонал в какой-то глухой пустоте, вздрагивал все тише и все ближе... Зенон бежал к этим сонным, непонятным звукам, полный и страха, и в то же время любопытства.

Коридор неожиданно окончился какой-то холодной и скользкой стеной. Звуки рассеялись в тишине. Ощупью, с лихорадочной поспешностью он стал отыскивать двери, вдруг пол оборвался у него под ногами, и он почувствовал, что падает, что летит со страшной быстротой в бездну; его охватил ужас и непреодолимое чувство беспомощности и неудержности падения.

Когда он очнулся, то увидел себя сидящим на каменной скамье; осторожно стал он ощупывать руками стены: они были холодны и скользки, комната была мала, квадратна и очень высока: встав на скамейку, он не мог дотянуть до потолка. Одна стена показалась ему холоднее остальных, она была как будто из стекла, вся в буграх и каких-то закруглениях, и нигде не было ни малейшего следа ни дверей, ни окон.

Он сидел омертвевший, неподвижный, ни о чем не думая, как бы на самом дне уже миллионы лет умершего мира, в предвечных безднах тишины. Ему казалось, что он переживает какой-то каменный сон, какую-то вечную

мертвенность, из которой уже нельзя восстать, что он, как живая пылинка, внезапно ввергнут в вековое молчание, в вековую бездонную ночь.

Так в забытьи и бесчувствии протекали минуты, как протекает время базальтовых скал на дне океана, время душ, блуждающих в бесконечности, или звезд, умерших и вечно, вечно падающих.

Он окаменел в тревожном молчании, погрузился в глубокий сон о самом себе, и ему грезилось, что глаза его начинают что-то замечать, что в нем возникают призрачные очертания чего-то нового. Стена, против которой он сидел, понемногу стала выделяться из мрака, становилась прозрачной, подобно зеленоватой поверхности воды, сквозь которую просвечивают бледные контуры дна, странные пещеры, фантастические растения и тихие скользкие тени какого-то чудовищной жизни, рассеянные отражения неведомых явлений.

Он был уверен, что это сон, и старался не шевелиться, чтобы видение не исчезло, и смотрел тяжелыми глазами в одну точку, в глубину этих медленно раскрывавшихся пространств, в какую-то стоявшую посередине скалу, охваченную кровавыми огненными языками, похожую на огненный фонтан или на горящий факел, раздуваемый вихрем. Пламя вздымалось кверху целым роем кровавых ужей, а вокруг, как бы в зеленом сумраке морского дна, были раскиданы огромные камни, качались какие-то деревья с ветвями, похожими на когти, дрожали какие-то движения неведомых предметов.

Да, лишь во сне могла грезиться ему эта громадная пещера, прорезанная чудовищными, тяжелыми колоннами сталактитов, залитая зеленым сумраком, в котором, как рой светящихся бабочек, двигались еле уловимые золотистые блестки. А из этого золотого тумана выплывали тяжелые, непонятные фигуры, выползали из-под камней, из зеленых ям, из зеленого мрака и, тихо, торжественно двигаясь, едва заметные в изумрудной зыбкой глубине, плыли, огибая кровавый огненный камень. Раздались какие-то звуки, словно тысячи арф застонали сразу и замерли, рассыпавшись по камням, как ржавые жабы, а вслед за этим снова показалось длинное шествие одетых в белое фигур. Ноги были босы, женские груди обнажены... головы змей... головы птиц... головы животных... адское шествие зловещего Сэта, — шли медленно, ритмически, неся на руках длинные черные но-

силки, а на них тело, закрытое траурным покровом. Обошли вокруг пламени и, поставив носилки впереди, встали по сторонам, как два белых крыла.

Вдруг раздался страшный удар, молния золотой тесьмой прорезала пещеру, все пали ниц, кровавое пламя, как вулкан, рванулось в высоту и тихо опустилось, а вместо него стали вырываться клубы золотого кадильного дыма, среди которых медленно в гробовой тишине возникал образ Бафомета. Он выплывал из этих пугливых, рассеянных, бледных языков пламени, вырастал из гаснущей бездны, как грозная туча, и наконец явился — весь мрачный, как ночь, и ужасный, как смерть.

Он присел на козлиных ногах.

На узком голом черепе засветились золотые рога полумесяца, тело его было нагое, тонкое, юношеское, он сидел, широко расставив колени, между которыми, как ядовитая змея, извивалась кровавая молния. Длинные протянутые руки хватали кривыми ногтями покровы носилок, стоявших у его золотых копыт, красные, как раскаленные карбункулы, глаза сверкали, блуждая по головам лежавших перед ним в смирении и страхе. Он был ужасен в своей красоте — холодной, как сталь, и отравленной смертельными чарами, был мрачен и неутомим, дикая сладость была разлита по страдальчески сжатым губам, грозно сведенные брови были как луки, натянутые мечтой и гневом, а в худом лице и на гордом высоком лбу лежало затаенное страдание вечного бунта, беспросветной ночи, неотмщенных обид и бесконечных блужданий. Согнутое и напряженное тело его было готово к прыжку. Казалось, что он явился только на мгновение и тотчас же снова бросится в бездну, чтобы пробегать ледовитые пустыни молчания, чтобы бежать всегда, бесконечно, вечно...

Перед лицом этого призрака Зенон пришел в сознание, почувствовал, что он не спит, но не мог поверить, боролся с безумием, хотел бежать, но его окружали холодные, неумолимые, неподвижные стены, хотел кричать от неожиданного дикого страха, но не владел голосом, звуки замерли в горле, как задавленные в гнезде птенцы. Он стал биться об эту прозрачную, точно стеклянную стену, но она даже не зазвучала под ударами, и он только больно поранил руки и колени и, обессиленный, упал на землю.

Спустя некоторое время он поднял голову. Стена еще светилась, и монотонно звучало какое-то протяжное пе-

ние. Странные, медленные слова тихо падали, как цветы сплетаясь в пламенную, торжественную гирлянду молитвенного шепота:

- Владыка ночи и молчания!
- Будь с нами! — отвечало эхо.
- Владыка боящихся и угнетенных!

Все пламенное звучали голоса. Зенон встал, прижался лицом к немного потускневшей стене — пещеры почти не было видно, ее залил ночной мрак, и лишь посередине сияло изваяние Бафомета, подобное окаменевшей на лету молнии; черные носилки по-прежнему стояли у его ног, а из глубины мрака медленно лилась торжественная, захватывающая литания:

- Ты, который спасешь проклятую!
- Единственный! — отвечало затихавшее эхо.
- Ты, который призреваешь покоренных насилием!
- Месть вечно живая!
- Ты, который равен могуществом!..
- Тень страдальческая!
- Свет, мстительно низвергнутый в бездну!
- Сила обессиленная!
- Сила любвеобильная!
- Сила священная!

И вдруг он понял это странное пение, вспомнил, что это была та же мелодия, какую он слышал тогда на сеансе, это были те же слова, которых он до сих пор не мог воспроизвести в своей памяти, не мог вспомнить, где и когда он их слышал.

Пение затихло; в сгущенной, мутной темноте что-то стало происходить. Он не мог различить слабых очертаний: туманные, белесоватые тени вели хоровод, окружали статую, плыли, как мерцающие огоньки, а какая-то тень склонилась над носилками — он отчетливо слышал шаги невидимых ног по острому песку... какой-то шепот... шипение огня... невидимые движения...

Вдруг раздался протяжный, жалобный вой.

— Это Ба, Ба! — шепнул он, различая силуэт пантеры, бросившейся одним прыжком на носилки. Упал темный покров, и медленно поднялась высокая нагая фигура. Зенон весь дрожал, он готов был отдать в это мгновение всю жизнь, лишь бы увидеть ее лицо. Сквозь густой туман он различал лишь тонкое обнаженное тело, охваченное плащом рыжих волос, стоявшее между коленями Бафомета.

Как удар меди, отчетливо прозвенел могучий голос:

- Чего хочешь?
- Умереть ради него, — смело ответил другой голос.
- Хочешь обречь себя смерти?
- Я обрекла себя мести и тайнам.
- Проклинаешь А?
- Проклинаю.
- Проклинаешь О?
- Проклинаю.
- Проклинаешь М?
- Проклинаю, — падали ясные, неустрашимые ответы.

Он уже не понимал смысла этих страшных клятв и леденящих кровь отречений, он всей душой прислушивался к звукам присягавшего голоса, и по той дрожи, какую возбуждал в нем этот голос, он чувствовал, что раньше где-то слышал его. Он ловил его в самом себе, как порхающую бабочку, не обращая внимание на страшный обряд, продолжавшийся без перерыва, пока наконец не понял со всей очевидностью, что это была Дэзи, что это ее посвящали Бафомету в этом таинственном обряде. Но он не удивлялся, как бы уже лишенный способности чему бы то ни было удивляться.

Мрак понемногу рассеивался, и в пещере стало светлее.

Дэзи сидела между колен Бафомета в таком же, как и он, положении; опущенные руки прикасались к пантере, сидевшей у ее ног, а над ее головой, обвеянной золотым кадильным дымом, склонялось красно-зеленое грустное лицо Дьявола; его длинные руки охватывали и прижимали к себе ее тело. Только это одно он видел ясно, остальное проносилось перед ослепленными глазами, как хоровод сонных, едва возникающих в памяти видений.

Он не знал, откуда плывут они, не знал, существуют ли они вне его души.

Вот полузверийный зловещий отряд Сэта привел белого агнца, и человек с собачьей головой убил его тяжелым кремневым ножом, и с грозным пением и проклятиями его бросили на сожжение пантере.

Вот сожгли семь волшебных растений, орошенных кровью невинного младенца, и пепел развеяли на семь сторон мира.

Вот привиделся ему хоровод пресмыкающихся и громадных жаб, влекших за собой на соломенных канатах священное дерево, и среди издевательств и оплевываний,

среди адского хора насмешек и кощунств разломали дерево в щепки, растоптали и бросили под копыта статуй.

Вот, точно порождение безумного мозга, возникла толпа неописуемых чудовищ, воющее стадо ужасных призраков, вампиров и ларв, несущих на крышках истлевших гробов светлый символ; с диким криком, ругательствами и воем они повергли его перед Бафометом.

Вот стали выползать на свет как бы все чудовища средневековых соборов, все тени искушений и страха, таящиеся в душах святых; появлялись угрюмые, молча неся книги, символы, изображения и бросали все это, воздвигая один громадный костер. Семь кровавых молний брызнуло из глаз Бафомета, семь громов ударило в костер, взвилось пламя, и все адские призраки ринулись в дикую, необузданную пляску.

Едкий черный дым заслонил фигуру Дэзи, взвиваясь высоко кверху черными столбами и наполняя пещеру тяжелой, непроницаемой мглой.

А Зенон склонился, как бы заглядывая в бездну неизвестного мира, прислушиваясь к тайнам, и глаза его души впервые переступили свой тесный горизонт, свою глупую, ленивую мысль, перешли за грань осозаемых дел и вещей. Впервые стремились они по каким-то необозримым пространствам, по каким-то волшебным дарам, по бесконечным высотам и безднам. Он рванулся, ослепленный, полный внутренней благоговейной тишины предчувствий и видений. Душу его овеяло дыхание бессмертной силы.

— Не бойся, я с тобой! — прозвучал около него голос Дэзи.

И он смирился, пал ниц к стопам незримой и покорным и преданным голосом шептал:

— Ничего не знаю, ничего не понимаю, но чувствую, что ты со мной!

— Думай обо мне, и ты всегда и всюду найдешь меня.

Душа его замкнулась, стала всему чужая, погрузилась в продолжительное омертвение.

Когда он поднялся с земли, пещера была залита бледным голубоватым светом. Бафомет стоял как пурпурный пылающий куст, а у ног его на распятое белое тело Дэзи вползала крадущаяся тень пантеры, замыкавшая ее в свои объятия.

Пещера была пуста. Нечеловеческая боязнь за Дэзи до того напрягла его ослабевшие силы, что он громко

закричал и бросился в ужасе и безумии на прозрачную стену, желая прийти ей на помощь.

Вдруг все исчезло, бронзовая дверь шумно захлопнулась, и он снова очутился перед угрем, разваливающимся зданием, неуверенный, нерешительный и беспомощный, как и раньше, будто совсем не входил туда.

“Куда она могла деться?” — думал он, как и раньше, ничего не помня, обводя удивленными глазами развалины.

Обойдя все здание снова и увидев, что все входы по-прежнему нагло заколочены, он остановился в неуверенности, не зная, что предпринять.

Уже светало. Зарево Лондона догорало на побледневшем небе, подернутом мертвым сероватым полусветом; звезды замирали, как глаза, заволакивающиеся мертвеными веками; растерзанные синеватые тучи проносились совсем низко с каким-то немым криком; вихрь терзал деревья, которые просыпались от тяжелого сна и протягивали мокрые, черные, наболевшие ветви. День поднимался медленно и тяжело, мучительно промокший и окоченевший от холода. Всюду блестели синеватые лужи воды, суровые очертания развалин казались отчетливее и больше, глухие и слепые поля убегали во тьму, мир возник из хаоса бледнеющего мрака.

И Зенон как бы поднялся из ночи забытья. Его разбудили холод и вихрь, и он, уже не колеблясь, покинул развалины и поспешил направился к вокзалу.

В тени деревьев еще таилась тревожная ночь. Он шел по аллее, образуемой огромными деревьями, которые под ударами ветра выли дикую песню холодного утра. Где-то в живой изгороди кричал заблудившийся павлин, стая ворон сорвалась с ветвей и исчезла в дымке предутреннего тумана, на голову посыпались оторванные ветки.

Он инстинктивно вошел в кусты, чтобы переждать начинавшуюся бурю.

Он долго оставался там, словно утонул в этом вихре, зачарованный пляской стихий, соединенный с ними душой, слитый с угрем воем урагана. Он пел вместе со всей природой дикую, хаотическую, могущественную песнь без слов — песнь упоений, песнь слепых и бессмертных сил вселенной.

Зенон, зыбыв о возвращении домой, пошел в парк, блуждал между деревьями, тонул в гулкой темноте, был в полном сознании и в то же время не знал, что с ним

происходит. Заметив в увядшей траве какой-то поблекший цветок, он прижал его к горячим губам, и вдруг непреодолимая тоска наполнила его душу такой любовью и такой страстной жаждой ситься со всей природой, что он поднялся, открывая свое сердце ночи и вихрю, чувствуя то, что чувствуют деревья и небо, и ощущая в себе силу безмерной нежности. Он прижался к деревьям, опускался на колени перед кустами, обнимал ветви, целовал увядшие травы, обливая радостными слезами эти дорогие и священные существа, давно потерянные и теперь обретенные снова.

VII

Комната была серая и грустная. Туман струйками дыма врывался в квартиру, обволакивая стены и мебель пепельной липкой и холодной дымкой, дождь барабанил по вспотевшим окнам, монотонным звуком нарушая мертвую тишину.

Джо сидел у кровати Зенона вместе с доктором, который ежеминутно пробовал пульс спящего и нетерпеливо смотрел на часы.

Молчание становилось невыносимо скучным и усыпляло.

— Интересно, как долго он будет спать? — шепнул доктор.

— Полчаса, не больше.

— Три дня и три ночи — это совершенно непонятный сон.

— Непонятный медицине.

— Никому непонятный, — резко ответил доктор, подымая голову.

Джо улыбнулся с мягкой, но убийственной снисходительностью.

Снова наступила тишина и нетерпеливое ожидание. Доктор глядел в окно, на стеклянные косые нити дождя, пронизывавшие черные склоненные деревья. Джо сидел неподвижно, сомкнув веки, а в соседней комнате медленно рассказывал мистер Смит, время от времени выглядывая из-за портьеры; наконец он тихо вошел и сказал:

— Надо, чтобы он позабыл. Это его исцелит.

— О чём мне надо забыть? — вдруг произнес Зенон, открывая глаза.

— Забыть... о своей болезни, — поспешил ответил Джо, взяв его за руку.

— Как, разве я болен? — удивился он.

— Уже все миновало, не стараясь вспоминать, ничего опасного.

— Но я ничего не помню.

— Вы, вероятно, переутомились, — шепнул мистер Смит, — и потому упали в обморок.

— Нет, нет, мистер Смит шутит, — решительно возразил Джо.

— Я упал в обморок? Когда? — Зенон старался что-то вспомнить, но слабые проблески памяти ускользали из сознания, как спасительный канат из рук утопающего. Он поглядел на Джо и вздрогнул, попытался подняться с постели, хотел крикнуть, что-то сказать, но остался без движения, с протянутой рукой, с пустым звуком на побелевших губах, с закатившимися глазами, пораженный его стальным гипнотизирующим взглядом, потом беспомощно уронил руку и снова уснул.

— Будешь спать до утра крепко и спокойно, проснешься здоровым! Ничего, ничего больше не помнишь, — внушал ему Джо, производя над ним медленные, усыпляющие движения.

Доктор хотел протестовать, но было уже поздно. Зенон погрузился в каменный сон и не слышал, как его звали и пытались разбудить.

— Ты только меня слышишь, только меня понимаешь и отвечаешь мне, — шептал Джо, нажимая ему пальцами на виски и глаза.

— Я хотел, чтобы он немного отдохнул и подкрепился, он страшно обессилен, — оправдывался доктор.

— Я ждал его пробуждения, чтобы сейчас же усыпить его, раньше чем в нем окончательно проснется сознание, потом было бы поздно и никто не смог бы обуздить проснувшуюся мысль.

— А разве можно ее так усыпить, чтобы он, проснувшись, ничего не помнил?

— Ее можно вырвать бесследно из памяти.

— Любопытный, но сомнительный эксперимент.

— Необходимый для его спасения и вполне надежный, — твердо ответил Джо.

Доктор еще раз пощупал пульс, смерил температуру, заглянул спящему в закатившиеся глаза и вышел. А мистер Смит, заперев за ним двери, тревожно шепнул:

— Что с ним случилось? Неужели это влияние Дэзи?

— Не знаю, боюсь, что да... Очень загадочный случай, я сам ничего не знаю и не понимаю, но буду оберегать его, насколько хватит сил, посижу при нем до утра.

Мистер Смит повертелся около, голодным взглядом оценщика ощупал все картины, погладил сладострастными пальцами бронзовые изваяния и, приблизившись быстрым кошачьим движением к Джо, спросил его:

— Ты в самом деле выходишь из нашей церкви?

— Я ведь об этом написал вам совершенно ясно и определенно.

— И ты навсегда порываешь с нами отношения?

— Не порываю отношений, но иду теперь своим собственным путем.

— От имени всей нашей братии прошу тебя: иди с нами!

— Зачем, куда? — нетерпеливо, почти гневно, ответил Джо.

— Ты знаешь, ты вместе с нами строил храм.

— Да, но я прозрел и выхожу из храма туда, где более света.

— Он упадет, если ты не будешь его поддерживать.

— Пусть упадет все, что не стоит само, что не поддерживается силой собственного содержания. Вы были для меня только этапом в моем тяжком шествии к истине, я вам благодарен за это, но мне надо идти дальше по пути моего предназначения.

— Я чувствую в тебе презрение, — грустно прошептал Смит.

— Нет, но с меня довольно этих вращающихся столов, стуков, — загробного лепста, этого топтания на одном месте, в пыли глупых фактов. Ваш спиритизм есть лишь вульгарный и дикий фестилизм случайных сил и галлюцинаций. Это религия слепых и слабых. Вы создали церковь, в которой царит медиум, морочащий вас в большей или меньшей степени. Церковь, которая никуда не ведет, ничего не объясняет и никого не спасает.

— Разве ты сам не был апостолом этой церкви? — простонал мистер Смит.

— “Вчера” — это только тень на светлом круге “сегодня”, мечтающего о “завтра”.

— Разве мы не работаем для “завтра”?

— Нет, мир погибает в преступлениях и позоре, а вы молите милости у шатких теней и жаждете чудес только

затем, чтобы насытить разгоряченное воображение. То “завтра”, по которому тоскуют миллионы, не рождается из вашего унизительного страха перед неизвестным. В стонах и слезах нет спасения. Дурной мир следует разрушить до основания, чтобы на развалинах его мог вырасти новый, и этот новый мир надо создать подвигом, усилием воли, и воля эта должна быть обогащена милостью. Кто не достигнет этого, тот будет только удобрением для будущих поколений. Кто хочет быть, тот должен сам убить свой труп; чтобы стать живым, надо превозмочь жизнь и самого себя. Бессмертие протекает по миру бесконечной рекой, но бессмертна только воля, просветленная милостью и тоскующая по “нем”. Я говорю слишком много и в то же время слишком мало; прости, скажу короче: дороги наши разошлись на перепутье, — пусть у деревянного Распятия остаются боязливые и слабые, ожидая помилования, а мы пойдем в бездны.

— Гордыня стала твоей верой, — дрожащим голосом произнес мистер Смит и вышел из комнаты.

— Нет, нет! — шептал Джо, погружаясь в раздумье.

Постепенно стало смеркаться; уличный грохот смолкал, отдалялся; в тумане зажглись огни, просвечивая сквозь неподвижные, окутанные серой дымкой деревья.

Зенон спал спокойно и крепко. Слабый и пугливый огонек у его кровати горел в темноте золотым пятном; вся квартира постепенно погружалась в тяжелый, непроницаемый мрак.

Джо запер двери, опустил оконные шторы и долго стоял, глубоко сосредоточенный, тихо молясь, как всегда перед сеансом, затем пошел в первую комнату и сел на полу около камина, прислонившись спиной к стене. Все двери между комнатами были раскрыты, портьеры отдернуты, и в глубине квартиры ему была видна фигура спящего.

Он присел, подогнул ноги, чтобы уйти в самого себя, не разрывая в то же время единства, явиться в двух нераздельно равных видах двуединой сущности. Это были подготовительные опыты Джо, которые он производил с железной последовательностью под влиянием и руководством Магатмы.

Сразу стал он неподвижен, точно окаменел. Несмотря на неудобную позу, в которой он сидел, он ни разу не пошевелился, не дрогнул от боли, медленно преодолевая тело, убивая впечатлительность. Он собирал в одну точ-

ку рассеянные мысли, заключал их в одно безумно сильное желание: увидеть самого себя.

Тщетно в глубине мозга возникали какие-то случайные воспоминания, тщетно шумной вереницей образы, очертания лиц и голоса врывались в его сознание, он убивал их, сбрасывал на самое дно забвения, все больше овладевал собою, впадая в сознательно вызванную катаплесию.

Широко открытые глаза глядели неподвижным стеклянным взглядом, напрягаясь в страшном ожидании видения.

Он медленно выходил из себя, освобождался от телесных уз, неумолимо бичевал собственный труп, когтями воли вырывал из себя свою душу, создавая из нее другую — свою собственную и только самому себе видимую и ощущаемую — жизнь.

Часы проходили медленно, тихо, незаметно, передвигались, как ночной сон по слепому зеркалу, возникали, не существуя вовсе, приходили из неизвестных глубин и умирали не удержаные памятью; часовой механизм вызыванивал их, когда их уже не было или когда они еще не наступили, они создавали все, сами не становясь ничем и отмечая свой туманный путь тоской и грезами, иногда слезами, а иногда и смертью...

Город спал тяжелым сном изнемогших от труда камней, овеянных беспокойными мечтами. Глухая ночь глядела слепым лицом на застывший мир.

Зенон не просыпался. В квартире царило сонное молчание, только иногда тишина и мрак говорили неуловимой тенью необъяснимого, шептали давно умершими звуками и красками. Робко являлась какая-то затаенная жизнь, казалось, что мертвое живет, стены шепчут, бронзовые статуи жалобно поют, точно души стонут, блуждая вокруг своих телесных воплощений. Казалось, что медь говорит жалобным голосом, а из раковин, лежащих на камине, исходит тоскливыи шум далеких морей, купающихся в солнце просторов и пляшущих чистых глубин. Иная жизнь — жизнь предметов — дрожала во тьме.

Тьма всегда скрывает страшные явления, ночь имеет свою вечную тайну.

Одиночество и тишина открывают иногда неведомую глубину, старые зеркала начинают говорить, показывая все то, что когда-то отразилось в них.

Все существующее имеет свою душу, обреченную на молчание, имеет свою тайну.

Джо сидел, окаменев от величайшего напряжения воли. Он был только сном, зачинающим самого себя, — вне своего “я”.

Его окутывала тишина медленно умиравших часов, он ничего не замечал, пронизанный до глубины страстным желанием. Его согнутая, переломленная на четыре части фигура начинала всплывать на поверхность мрака легкой фосфоресценцией и сияла голубоватым мерцанием. Из глаз его струился холодный синий свет, а из пальцев зажатых рук, из волос и из всех суставов выделялась светлая пыль — и весь он лучился.

Вдруг он дрогнул и как бы еще сильнее напряг мечту — вот забрезжила перед ним какая-то тень, в черной бездне закружился туманный рассеянный контур, колыхнулся, как пламя, медленно возникая, принимая человеческий образ и становясь неподвижным. Джо видел, как кто-то сидел напротив него с устремленным вперед взглядом.

Он понял, что свершилось желанное чудо: он видел самого себя, сидящего с подогнутыми ногами, сосредоточенного и неподвижного, смотрел в свои глаза и в свое лицо, точно его отражение вышло из зеркала и село напротив него.

Он покачнулся, сознание его¹ на одно мгновение подернулось каким-то туманом, и когда он снова пришел в себя, он не мог понять, где он находится и который из этих двоих он.

Джо быстро поднялся с пола, охваченный священной радостью духа. Двойник его тоже поднялся, они стояли друг против друга с одинаковой тихой, счастливой улыбкой, с одним и тем же самоощущением.

Каждое душевное движение, каждая мысль, каждое чувство — все было в нем двойное, но тождественное, разделенное, двуединое.

“Это я там стою, это я”, — думал, вернее, чувствовал он, наклоняясь вперед, — двойник делал то же самое и с таким же чувством удивления.

Он сделал один шаг вперед и остановился, тот — тоже. Они впились друг другу в глаза и долго, сильно, до самой сокровенной глубины всматривались друг в друга с чувством тревожного удивления, с каким иногда человек смотрит в собственную глубину, потому что нет ничего

более страшного, чем сознательно опуститься в бездну своего "я".

— Где я?..

Вдруг он заметил, что всю комнату видит одновременно с двух противоположных сторон, что самого себя он тоже видит сразу с двух сторон, ощущая себя в обоих пространствах с одинаковой силой и полнотой.

Он закрыл глаза, чтобы тише и радостнее предаваться этому чудному сновидению, и погрузился в неизъяснимую мечту — в мечту о мечтах.

То он возвращался из бессмертного края тоски, как птица, утомленная одиноким полетом по беспредельным пространствам, кружился над жизнью и пугливо отлетал в новые бездны снов о снах.

То открывал глаза, всматриваясь в себя с несказанно нежной улыбкой, с выражением нечеловеческого счастья, и снова погружался в сон о бессмертии.

То вдруг всей памятью тела возвращался на землю, вспоминал свою жизнь, и тогда его второе "я" отлетало от него, носилось по комнатам, делало что-то, чего он не понимал, что-то неважное, вероятно, относившееся к жизни, и он, видя это жизненное воплощение, шептал повелительно:

— Иди, мысль моя... становись жизнью... исполняй необходимость и предназначение... Иди... я возвращаюсь к "нему".

И в порыве тоски он бросался в объятия бесконечности, падал в таинственное, одиноко царящее молчание.

Ночь уже достигла предела, комната медленно стала наполняться серым светом, как бы пепельным мерцанием распыленных мертвых часов тишины, из мрака лениво появлялись очертания предметов.

Сонное движение начинало пробуждаться в онемевшем доме; ежедневная жизнь входила в свою колею; после тяжелого отыска появлялись первые несмелые звуки дня; утренний ветер пролетел по съежившимся деревьям и стряхнул холодную росу; улицы начинали глухо шуметь.

Зенон все еще спал, а Джо сидел у стены, подогнув под себя ноги, не двигаясь, широко раскрыв глаза, находясь в состоянии полной каталепсии.

Только резкий звонок у входных дверей вывел его из оцепенения. Он вскочил на ноги.

В дверях стоял малаец с озабоченным выражением лица.

— Чего тебе надо? Я ведь велел тебе ждать меня дома.

— Мисс Дэзи попросила меня сказать вам, что мистера Зенона следует разбудить и оставить одного.

— Ты встретил ее на лестнице?

Джо был удивлен этим странным приказом.

— Мисс приходила наверх, послала меня, — испуганно оправдывался тот.

— Хорошо, приготовь ванну, сейчас приду...

Он еще больше удивился, когда увидел, что Зенон сидит на кровати и сгребает пальцами рассыпанные по одеялу фиалки.

— Ты давно не спишь?

— Только что проснулся. Кто это принес их и рассыпал здесь?

— Я хотел тебя спросить о том же.

— Мне снилось, что Дэзи бросила на меня охапку цветов, потом снилось, что я проснулся и думал, что эти цветы только сон.

— Нет, это настоящие цветы, чье-то таинственное приношение, — шепнул он, помогая Зенону собирать фиалки, которые в большом количестве лежали на кровати, свежие, ароматные, еще покрытые росой, наполняя комнаты дыханием весны.

— Как ты себя чувствуешь?

— Вполне хорошо, но что произошло со мной? Я ничего не помню.

— Ничего особенного: ты упал в обморок на улице, вот и все.

— Упал в обморок?.. Странно, ничего не могу вспомнить... Брезжат какие-то смутные воспоминания, но такие туманные, что я не могу уловить их, я чувствую только какой-то шум и беспокойство... Темно вокруг... А теперь эти фиалки...

— Она прислала.

— Была здесь, была у меня! — воскликнул Зенон в удивлении.

— Обыкновенный дар. Ей незачем было приходить сюда, чтобы бросить тебе на грудь эти цветы.

— Может быть, но я не слишком верю в эти чудесные дары.

— Чудеса происходят с тобой, чудеса вокруг тебя, а ты ничего не замечаешь, ты по-прежнему слеп и не видишь света, — говорил Джо с некоторой досадой.

— Да, со мной происходят вещи необыкновенные, необъяснимые...

В памяти его пронеслись вдруг какие-то знакомые видения.

— Ты сегодня ночью находился здесь? Я что-то припоминаю.

— Я был при тебе... был... — Вдруг он вздрогнул и отскочил назад, так как снова увидел самого себя.

— Что с тобой?

— Ничего, ничего... Скажи мне, где я нахожусь? — испуганно шептал он, следя глазами за своим двойником, также склонившимся к Зенону и шептавшим ему на ухо.

— Да вот здесь, со мной... Ничего не понимаю, — обеспокоился Зенон его волнением.

— Возьми мою руку, держи крепче, сильнее. — Он со стоном опустился на стул и долго сидел неподвижно с закрытыми глазами, почти без сознания, в величайшем страхе, что, открыв глаза, снова увидит самого себя.

— Мы одни в комнате? — спросил он едва слышно.

— Совершенно одни, ведь никто не входил.

— Осмотря квартиру, прошу тебя, — голос его дрожал от страха.

— Уверяю тебя, что здесь никого нет, кроме нас.

Джо открыл глаза и робко огляделся.

— Я чувствую страшную усталость и хочу спать, — говорил он, нервно вздрагивая и продолжая оглядываться. — Если можешь, поезжай сегодня к Бэти, она с нетерпением ждет тебя.

— Обязательно поеду, вчера я не мог приехать за тобой, было поздно и ...

— Вчера? Уже прошло три дня, как я был там, вспомни, вспомни, — настойчиво повторял он, впиваясь в него стальными глазами.

— Три дня... значит, я все это время был без памяти... я тогда не мог поехать к Бэти, потому что... да... знаю... помню...

Он вскочил, ошеломленный воспоминаниями, мрак вдруг рассеялся, и он увидел все, что пережил и чему был свидетелем.

— Теперь помнишь? — тихо спрашивал Джо, желая похитить тайну.

— Все, все...

— Расскажи по порядку, не так устанешь, — ласково уговаривал Джо, не отрывая от него гипнотизирующих глаз.

— Нет, не могу, нет!

Зенон упорно сопротивлялся, так как вдруг около самого уха услышал голос: “Не бойся, молчи”.

— Если это тайна, я не прошу тебя, но еще раз говорю тебе: бойся Дэзи, она будет твоим несчастьем, — зловеще прошептал Джо.

— Что будет, то будет. Пусть свершится то, что должно свершиться... Я не в силах отвергнуть предназначения, — неожиданно твердо ответил Зенон.

— Прости, но я, как друг, обязан был предупредить тебя.

— Я не сержусь, наоборот, я благодарен тебе за предостережение.

— И не боишься? — спросил еще раз Джо.

— Не знаю, мне кажется, что во мне умерла всякая возможность бояться чего-либо.

Джо пожал ему руку и молча удалился.

— Пусть свершится то, что должно свершиться, — шептал Зенон с какой-то тихой и бесповоротной решимостью. Он уже не противился своему предназначению, он чувствовал в глубине своего существа, как бы в самой сердцевине души, что обязан повиноваться, и покорно отдался неизвестному без дрожи ожидая приговора.

Теперь он все помнил, все до мельчайших подробностей, но ничему не удивлялся, не пугался и не желал понять окружавшей его тайны.

Ему даже в голову не приходил вопрос: “Что это? Зачем?”

Он держался как человек, убитый во время сражения, зажатый в рядах и увлекаемый течением живых, движущийся вместе с другими, глядящий, замечающий, что-то бессознательно делающий, даже о чем-то автоматически думающий, но, когда расступятся ряды, замертво падающий на землю.

Он чувствовал только необыкновенную физическую слабость и был до такой степени чувствителен, что, перечитывая письма Бэти, расплакался, тронутый ее заботливостью.

“Бедное дитя”, — думал он, охваченный порывом необыкновенной жалости, сам не зная, за что, собственно, он жалеет ее.

Впрочем, это продолжалось недолго, и вскоре его охватило необъяснимое беспокойство и раздражение; он не мог ни о чем думать, не в силах был ничем заняться. Ежеминутно он срывался с места, — ему казалось, что его кто-то зовет, что ему надо куда-то бежать, что-то делать, с кем-то встретиться. Он вспоминал о разных спешных делах, но сейчас же все забывал — только этот призыв звучал в нем все сильнее. Но кто звал его и где, он не мог понять.

Он беспомощно стоял, прислушиваясь к окружающему с крайним напряжением.

Да, теперь он был совершенно уверен в том, что какой-то приглушенный голос издалека зовет его, что кто-то ждет его и думает о нем.

Тысячу раз бросался он напряженной, ищущей мыслью в пустоту и тысячу раз опускался без сил, чувствуя свою беспомощность.

— Кто меня зовет? — громко спрашивал он, окончательно теряя терпение.

Ответа не было, но и глухой зов не прекращался ни на мгновение, дрожал в его сердце, как далекий крик тоски.

А иногда он слышал его так ясно, как будто его звал кто-то за окнами, за стеной или в коридоре, но за окном, раскачиваясь, шумели только деревья и раздавались голоса прозябших птиц, а коридоры были почти пусты.

Он возвращался к себе, все более раздраженный и до того утомленный бесплодными усилиями отгадать, откуда несетя призыв, что наконец лег на диван и уснул.

День прошел, и уже начинало смеркаться, когда Зенон проснулся.

— Иди! — прозвучал над его головой чей-то голос.

Он быстро поднялся. В комнате никого не было, тьма уже сгустилась, серый, угрюмый сумрак обволакивал мебель, а зеркала серели, как плиты мутного льда.

Он прислушивался к замирающим звукам тишины, и вдруг зеркало озарилось молнией, в прозрачной глубине его стало что-то происходить, из тумана, пронизанного солнечным светом, стали выплывать чащи деревьев и цветов.

Зенон испуганно поглядел вокруг; комната постепенно темнела и погружалась в ночной мрак, но там, за

зеркальной поверхностью, в удивительном сиянии вставало видение тропического леса, высокие пальмы стояли вдоль бесконечной дороги, создавая подобие зеленого туннеля. Он подошел ближе и уже не мог оторвать глаз от зеркала, потому что из его глубины прямо к нему направлялась Дэзи.

— Иди!

Он видел движение ее губ и горящие призывом глаза.

Он узнал голос и, дрожа всем телом, пошел прямо вперед, к ней, как бы в эту зеркальную глубину, потеряв ощущение того, что с ним происходит, но радуясь тому, что наконец он нашел ту, которую искал.

Он прошел темную столовую комнату, и ему казалось, что он минует груды каких-то неизвестных предметов, глаза его все время были устремлены на Дэзи, шедшую навстречу ему.

И, только дойдя до оранжереи, он вдруг пришел в себя.

Да, Дэзи действительно ждала его там, у фонтана, с цветком магнолии в руке. Ба ласково прижималась к ее коленям и заглядывала ей в глаза.

— Вот я, — шепнул он, останавливаясь перед ней.

— Непокорная у вас душа!

Зенон взглянул на нее, не понимая.

— Я давно уже желала видеть вас, давно звала.

— Я слышал, но не знал, кто меня зовет.

Фонтан тихо шумел, сея росистую пыль на цветы миндаля, подымавшиеся розовым облаком над зеленой чашей ветвей. Оранжерея была наполнена крепким, опьяняющим запахом цветов.

— Вы помните? — спросила она, прикасаясь к его руке.

— Все.

— Кто был там со мной, тот принадлежит “ему”.

— Я твой, твой, — проговорил он, склоняя перед ней голову.

Улыбка, как радостная молния, прояснила ее бледное лицо, глаза сверкнули могучим пламенем, красные губы прошептали:

— Итак, пусть свершится? Да?

— Пусть свершится то, что должно свершиться, да, да, я так думал, я так хочу.

— И готов?

— Хотя бы смерть! — страстно крикнул он, забывая весь мир и утопая всей душой в Дэзи.

Зенон покорно глядел на нее рабски преданным взглядом, чувствуя, что связан с ее душой навсегда, что, если она скажет “умри”, он с наслаждением исполнит этот приказ.

Дэзи взяла его за руку и повела в зеленую чащу бамбуковых кустов. Они сели. Пантера насторожилась и внимательно следила за ними зелеными глазами.

— Я должна тебе сказать несколько слов, несколько важных слов.

— Я их томительно ждал.

— Если хочешь, можем поехать вместе на то солнечное побережье, о котором ты когда-то рассказывал... на несколько недель... скроемся от людей, переживем, как во сне, нечеловеческое счастье.

— Тот путь, отмеченный на карте, вел туда.

— Вел к счастью, похищенному у жизни... — шепнула она.

— Я не могу проснуться, — произнес он, сжимая себе голову.

— Исчезнем на несколько недель, но затем в нас должна умереть память об этом. Мы будем так же чужды и далеки друг другу, как и до сих пор.

— Как же может умереть в нас память о счастье?

— Хочешь? — снова спросила она, заглядывая ему совсем близко в лицо.

Он схватил ее руки и прижал к губам.

— Говори со мной, разбуди меня, дай поверить, что это не сон, умоляю тебя, — шептал он в лихорадке и беспамятстве.

Она глядела на него горящими, как пламенные бездны, глазами и вся была как чудный цветок, вдруг расцвевший всем великолепием красок и дышащий упоительным ароматом; губы ее дрожали и шептали, приближаясь к его губам:

— Мы можем вместе пережить только сон, жизни пережить нам нельзя.

— И когда же это свершится? — спрашивал он, боясь, что внезапно все исчезнет.

— Может быть, еще сегодня, может быть, завтра — не знаю, но, когда придет это мгновение, я являюсь тебе, и ты...

— И я пойду за тобой, Дэзи, Дэзи! Я вижу сон, которого нельзя передать.

— Мы будем видеть во сне самих себя, нам приснятся наши прежние существования и воплощения.

— Твои слова пробуждают меня, я воскресаю в тебе.

— Потому что я — это ты, как аромат цветка — цветок.

— Я уже раньше любил тебя, уже давно, всегда.

— Потому что я всегда была с тобой, всегда была твоей душой.

— Знаю... перед началом веков... перед существованием я был солнцем и погас, утонул в бездне твоих священных зениц.

— Пойдешь со мной? — она остановила свой взгляд на его неподвижных глазах.

— Хоть на смерть! Ты меня любишь? — он замирал от нечеловеческого волнения.

Но Дэзи вскочила с места, потому что пантера вдруг поднялась и, опервшись лапами о бассейн фонтана, зловеще зарычала.

А ему показалось, что в воде появилось печальное и грозное лицо Бафомета, сверкавшее кровавыми глазами.

— Иду в вечный сон о тебе, — бредил он, падая на скамейку.

VIII

“Теперь остается только умереть”, — думал он, открывая после долгого молчания воспаленные глаза. Дэзи уже не было, только Ба ползала по краю бассейна и жалобно визжала, и фонтан, разлетаясь брызгами, звенел тревожно и заунывно. Вокруг покачивались пальмы, и из зеленой чаши глядели какие-то цветы, похожие на глаза, смотревшие так хищно, что Зенон вздрогнул и поспешно вышел из оранжереи.

Но голос Дэзи все время пел в нем, он слышал ее слова, падавшие на его душу горячей ароматной росой. Он все еще видел ее глаза, пронизывающие его острым, мучительным наслаждением. Его сжигало пламя экстаза, подхватывал вихрь счастливого безумия, унося к небу и бросая в пропасть непонятного ужаса, на глухое, мертвое дно бессилия. А среди этого хаоса и обрывков мыслей горело в нем только одно крепкое и вполне осознанное чувство — чувство необходимости повиноваться ее воле, и эта необхо-

димость — принести себя в жертву и погибнуть — манила его неизъяснимой сладостью смерти.

“А может быть, это только сон? Галлюцинация?” — Он вздрогнул, пораженный внезапным сомнением.

За окнами стоял печальный, залитый водой день, хаос города, затопленного бесконечным дождем и туманом.

Вдруг он повернулся к зеркалу — оно блестело мертвой синеватой поверхностью, отражая в себе всю комнату и его странно бледное измененное лицо.

“Неужели это я?”

Зенон показался самому себе каким-то другим, таким страшно чужим и незнакомым, что отступил от зеркала в беспомощном страхе.

“Но ведь это я! Вижу, чувствую, различаю”, — думал он, прикасаясь к разным предметам, чувствуя холод меди, мягкость шелка, определяя цвета и формы, замечая разницу между ними, и, немного этим успокоенный, сел за рояль, но не мог играть: из-под пальцев вырвался какой-то бессвязный, спутанный крик. Он сильно и властно ударил по клавишам, рояль застонал, и взорвалась дикая и жуткая мелодия, подобная стонам и хохоту рвущихся на свободу безумцев.

“Я полон радости и счастья, но что-то плачет во мне, что-то боится. Что это? Что это?” — упорно спрашивал он самого себя и, не найдя ответа, бросился на диван, пряча лицо в подушки и пытаясь забыться. Но, раньше чем он смог погрузиться в забвение, над самой его головой прозвучал голос Дэзи. Зенон стремительно вскочил — голос звучал уже несколько дальше, постепенно затихая.

— Где ты, где? — спрашивал он, ища ее по всей квартире. Она была где-то здесь, он ощущал запах ее духов, слышал ее шаги, до него совершенно явственно доносился шорох ее платья.

— Дэзи, Дэзи! — крикнул он вдруг, протягивая руки к зеркалу, где обозначился ее силуэт, как бы сотканный из жемчужного тумана, блеснули ее фиалковые глаза и расцвела улыбка, но, раньше чем он успел приблизиться, все рассеялось и исчезло.

Он долго ждал, глядя в пустую стеклянную плиту, словно в замерзшую глубину, ревниво скрывающую от глаз смертного свои чудеса и непонятные тайны, а потом его охватила какая-то тихая, серая задумчивость, он утонул в бессилии и уже не чувствовал ни волнения, ни

радости, ни страдания. Его пробудил шум городской жизни, грубо ворвавшийся в окна. Сердце сжалось, глаза наполнились слезами необъяснимой грусти; ему казалось, что со всех сторон к нему протягиваются хищные когти жизни, а собственный голос его звучит строго и повелительно.

— Нет, я уже не вернусь к тебе, не вернусь, — говорил он, всматриваясь в какой-то берег, грезящийся все слабее и все дальше.

“Пойду своим путем, предамся снам о новой жизни”, — думал он.

Вошел лакей и доложил о каком-то незнакомом господине.

— Меня нет дома! — крикнул он нервно и, выйдя в другие двери, пошел наверх в квартиру Джо.

Малаец самым решительным образом загородил ему дорогу:

— Нельзя!

— Там кто-нибудь есть?

— Нельзя!

— Сеанс уже начался? — хитрил Зенон.

— Нельзя! — упрямо повторял тот, загораживая собой дверь.

“Какие-нибудь спиритические упражнения”, — презрительно подумал Зенон и отправился в город.

“А может быть, опять бичеванье? Может, и она там?” Молния воспоминаний прорезала его мозг, воссоздавая ряд отвратительных картин.

“Безумно даже подозревать что-либо подобное!”

Он долго блуждал по крикливому омуту города, из какой-то бесконечной дали глядя на стены и человеческие лица и как бы прощаясь с ними навсегда. Он чувствовал себя далеким от всех этих дел и интересов, ради которых жили и умирали все эти бесчисленные толпы, — таким бесконечно далеким, что жизнь их казалась ему непонятным и чуждым миражом.

“Кто из нас галлюцинирует? Я или они?” — спрашивал он себя, силясь понять свое отношение к ним, но тогда всплыval в памяти образ Дэзи, и эти трезвые мысли рвались на части, и он снова проваливался во мглу неопределенных мечтаний и мучительной тоски. И снова шел среди толпы и крика, как загипнотизированный, делая автоматические привычные движения, бродил как живой труп среди непонятной пустоты и молчания. И

только в каком-то унылом переулке глаза его, безжизненно скользя по всем предметам, невольно остановились на белой яркой вывеске:

“Здесь продаются русские папиросы”.

Он несколько раз перечитал надпись, движимый каким-то смутным побуждением, вошел в магазин.

Старая еврейка в парике дремала за буфетом, куча оборванных ребятишек, пища, возилась на полу, а рядом в низкой и страшно грязной комнате стучали машины и десятка полтора людей, покачиваясь над работой, тянули какую-то заунывную песню.

Лишь только он вошел, его обдала волна такого затхлого, гнилого воздуха, что он с трудом выдавил из себя какое-то слово, после чего еврейка вскочила с места, машины затихли и все глаза устремились к нему.

— Вы из Варшавы? — нерешительно спросила еврейка, и ее худое лицо озарилось тихой радостью.

— Да, да, — отвечал он, смущенный тем, что его сейчас же окружили толпой и с любопытством рассматривали. Сразу заговорили все, наперерыв предлагая вопросы, поднялся шум, кто-то придвинул ему табурет, кто-то держал его шляпу, кто-то подавал воду, и со всех сторон к нему прикасались чьи-то пальцы и красные переутомленные глаза жадно впивались в него.

Он отвечал машинально; могучая волна воспоминаний залила его душу; в нем воскресали тени давних лет, промелькнули пережитые дни, какие-то мучительные видения умерших мгновений и эхо далекой родины.

“Где я нахожусь? Что здесь делают эти люди? Зачем?” — думал он, робко разглядывая окружающих; и нищета, глядевшая из каждого угла, с каждого лица, громко говорила ему, зачем и почему. Его охватило такое глубокое сострадание, что он пересилил свое отвращение к их грязи и лохмотьям и вступил с ними в длинный разговор. Они не жаловались, никого не обвиняли и не проклинали, но каждый из них несколькими тихими и неумелыми фразами рисовал перед ним длинный ряд страданий, обид, унижения, несправедливости — настоящий ад выброшенных за борт жизни людей. Зенон слушал все это как фантастическую сказку из “Тысячи и одной ночи”, от которой волосы становились дыбом и душа сжималась от горького, жгучего стыда. Ему хотелось убежать, но он не мог пошевелиться: первый раз в

жизни он заглянул на самое дно действительности и ужаснулся человеческой нищете.

— Ужасно, ужасно! — шептал он и отворачивался от их покрасневших глаз. Он заметил под столом маленькую девочку, которая била кулачонками свернутую из тряпок куклу и что-то ей грозно нашептывала.

— Что она там делает?

— Знаете, у нее голова немного слаба, — с усилием проговорила старуха.

— Это ваша дочь?

— Нет, нет!

Она подозрительно поглядела вокруг и стала шептать, как бы передавая тайну:

— Знаете, когда был погром в Кишиневе, убили ее отца, убили мать, убили всю семью, ей рассекли лицо, забрали весь товар и дом подожгли. Что тогда было, даже передать невозможно. Ее нашли под трупами еле живую. Девочка осталась сиротой, вот мы и взяли ее с собой. Но с этого времени она всего боится, а как увидит солдата, так сейчас же плачет, кричит и убегает. Очень боится. Рузя, поди сюда, Рузя, не бойся, этот господин тебя не обидит.

Девочка сопротивлялась, но старуха вытащила ее из-под стола и подвела к Зенону. Она дрожала и плакала, крупные слезы катились по ее бледному лицу, прорезанному кровавым рубцом, в голубых глазах под золотыми ресницами таился ужас. Зенон хотел погладить ее по рыхлым вьющимся волосам, но она отчаянно закричала и убежала.

Зенон дольше не мог оставаться.

“И несмотря на все, они хотят еще жить”, — размышлял он, возвращаясь домой, и долго не мог отделаться от неприятного впечатления, долго помнил это детское лицо с кровавым рубцом, мутные, одичалые глаза и мученические, надорванные голоса нищих людей.

“Что там происходит?” — возвращался он мыслями к родине. Он старался отогнать их в глубину сознания, но они снова всплывали, снова подымались, как тоскливая, звучавшая все мучительнее мелодия.

Он остановился перед книжным шкафом и стал рассматривать заглавия польских книг, уже протянул было руку за каким-то томом, но тотчас отдернул ее.

— Нет, зачем воскрешать то, что погребено? Я умер для них, там уже никто не помнит, что я был когда-то

среди них. Никто! — повторял он с грустью. — И я не помню ничего и никого, — убеждал он самого себя, но именно в это мгновение он помнил все...

— Ужасная страна и ужасные люди! — защищался он от тоски, просачивавшейся ему в сердце и сжимавшей его судорогой страдания. — И все это из-за этих евреев! — разозлился он. — Какого черта я к ним заходил! Глупая сентиментальность!

Только вечером, за обедом, он окончательно позабыл обо всем, утонув в огненных взглядах Дэзи. Она была молчалива и меланхолична, а Ба ежеминутно подползала к Зенону, клала голову на его колени и с любовью глядела на него зелеными зрачками.

— Сегодня я у Ба пользуюсь особенной симпатией.

— Она знает, кого следует наделять вниманием, — ответила Дэзи, наделяя его долгим и невидящим взглядом.

— Может быть, потому, что мы служим одной и той же госпоже, — тихо произнес он.

— Нет, но потому, что мы трое служим “единому”.

Он не успел спросить, что значат эти слова: все уже подымались из-за стола, и Дэзи вместе со всеми двинулась к выходу.

И жизнь опять потекла по-прежнему. Дни проходили медленно и скучно, утра были сонные и туманные, полдни бледные, обессиленные и грустные, вечера лихорадочные и нервные, а ночи тянулись без конца... Хоровод позабытых мгновений, тысячи лиц, вещей и рассеявшихся мыслей, как в глубине зеркала, передвигались в мозгу Зенона, не способного ни на чем сосредоточиться; его глаза напряженно всматривались в таинственную, заколдованную даль ожидания.

Он ждал, когда Дэзи подаст знак.

Ждал обещанного завтра там, в голубом просторе далеких морей.

Ждал спокойно, веря, что она явится и скажет: приди!.

Ежедневно просыпался он с пламенной надеждой, что это сейчас исполнится, что сегодня наконец откроются врата желанного рая, но шли дни, а Дэзи не появлялась; стало известно, что она уезжает на некоторое время вместе с Магатмой в Дублин. Это обеспокоило его, но он проводил их на вокзал вместе с Джо и многочисленными последователями. В последнее мгновение перед отходом поезда Дэзи обратила к нему пылавшие глаза и прошептала:

— Уже скоро!... Помнишь?

— Жду, жду, — ответил он безгласными устами.

И так долго и упорно глядел он вслед уходящему поезду, что Джо, поняв его состояние, сжал ему кисть руки и дунул слегка в глаза.

— Пойдем, холодно, — сказал он решительным тоном.

Зенон дрожал и, словно проснувшись, вопросительно поглядел вокруг.

— Вокзал. Не узнаешь?

Зенон нервно засмеялся.

— Странно, только что я не знал, где нахожусь, мне казалось, что я еду в поезде и с кем-то разговариваю. Не понимаю, что со мной произошло! — Он тер себе лоб, стараясь собраться с мыслями.

— Это результат какой-то болезни или ее начало.

— Может быть... Действительно, за последние несколько дней я чувствовал необыкновенное возбуждение. Мне казалось, что со мной случится что-то необыкновенное. Впрочем, да, ведь я жду...

Он не договорил.

— Ты должен уехать. Даже наш доктор говорил мне, чтобы я тебе посоветовал переменить климат и обстановку, в особенности обстановку.

— Это верно: наш пансион немного сумасшедший.

— А некоторые лица оказывают на тебя очень опасное влияние.

— Ты думаешь, что...

Он удержал на губах ее имя.

— Да, я думаю. Ты не знаешь всей силы ее воли, не знаешь, кто она, даже не предполагаешь.

— Будем говорить откровенно, — ты думаешь, что Дэзи меня очаровала или сглазила?

Джо насмешливо улыбнулся:

— Да я в этом совершенно уверен.

— Если ты это знаешь, то, может быть, ты можешь с такой же уверенностью объяснить мне, зачем она это делает?

— Бэти говорит, что она тебя любит, — уклончиво начал Джо.

— Бэти? Откуда же Бэти может знать?

— Почувствовала интуитивно.

— Еще того не хватало, чтобы й она этим занималась.

— Но я думаю, что любовь — это только приманка, только видимость и для нее важно совсем другое.

Зенон остановился и вопросительно посмотрел на него.

— Ей важна твоя душа, — сказал Джо серьезным тоном.

— Что же это, мы воскрешаем времена, когда прода-вали душу дьяволу и подписывали с ним контракты?

— Не воскрешают того, что не умирало. Зло так же бессмертно, как и "он".

— Прости мне то, что я сейчас скажу, но я вижу, что действительно мне необходимо на некоторое время пере-менить обстановку и окружающих. Не сердись за откро-вленность, но, слушая тебя и других и зная про ваши кол-довские эксперименты, можно и самому рехнуться. Правда, я достаточно трезв и нелегко поддаюсь чужому влиянию, однако чувствую, что эта мистическая горячка может быть заразительна.

— И ты ей поддашься наверняка. Не поможет твоя стойкость, ее сломит воля Дэзи, и ты ей поддашься. Поэтому я и советую тебе уехать. Иногда бегство является величайшей победой. Ты знаешь, отец намеревается совершить с Бэти путешествие на материк, поезжай с ними. Беги из этого дома, пока не поздно! Спасайся!

Он горячо убеждал Зенона, глядя с мольбою ему в глаза.

— Значит, мне грозит такая большая опасность?

— Ты шутишь, не веришь, а я говорю тебе, что ты уже шатаешься над бездной, рискуя свалиться в нее.

— Я люблю афоризмы и символические сравнения, но повинуюсь только себе и своему рассудку, — ответил Зенон довольно сухо.

— Это тебе только кажется, а сам пойдешь туда, куда поведет тебя более сильная воля.

— К счастью, я нелегко подчиняюсь внушениям и медиумическими способностями совсем не обладаю.

— Ты — самая большая медиумическая сила, какую я знаю.

Зенон не слышал последних слов, так как при входе в Бординг-Гауз его остановил швейцар и подал какую-то депешу.

— Ты мне ничего не ответил насчет предполагаемой поездки отца.

— Завтра я буду у них.

Они расстались довольно холодно.

— Зенон нетерпеливо вскрыл депешу.

“Ждем тебя уже два дня, зайди или ответь.

Генрих”.

Депеша была написана по-польски. Несмотря на грубые искажения, он понял ее смысл и только не мог догадаться, кто ее прислал.

“По-видимому, какой-то соотечественник, и все окончится просьбой нескольких фунтов”, — зло подумал он, входя в квартиру.

“Ждем уже два дня”.

— Письма есть?

— Все лежит на письменном столе, — ответил лакей.

— Это сегодняшние?

— Кладу уже четвертый день.

— Да... четвертый день... правда, я позабыл просмотреть.

Сверху лежал какой-то голубой конверт, надписанный незнакомым почерком. Зенон взвесил его на руке, осмотрел со всех сторон, наконец разорвал, быстро прочел письмо и осталенел.

Ему писал двоюродный брат, приехавший несколько дней тому назад в Лондон и усиленно желавший с ним увидеться.

А в конце письма была короткая приписка:

“P.S. Очень прошу и жду с нетерпением.

Ада”.

— Ада, Ада! — Он всматривался в жемчужную нить мелких изящных букв, от которых веяло запахом каких-то увядших воспоминаний.

— Меня ждут! Ада! Надо идти, необходимо!

Одно мгновение он колебался, не зная, что делать, но его так сильно потянуло к ним, что он сам не заметил, как очутился в кабине и приказал ехать.

“Десять лет! Меня преследуют призраки. Мертвые воскресают”, — думал он, восстанавливая в памяти давно забытое лицо.

“Но то уже умерло во мне! Умерло!” — повторял он, как бы защищаясь от воспоминаний. Но напрасно — мрак внезапно рассеялся, и из-под многих лет забвения,

из-под бурных нагромождений новой жизни прорывалось эхо минувших дней — все настойчивее, все сильнее, все громче.

“Я едва помню об этой любви, едва помню”.

Он бросил вызов собственному сердцу, беспокойно ожидая его ответа, но сердце не дрогнуло, не забилось сильнее, не рванулось в порыве тоски; явилась только память о каких-то страшных мгновениях. Последний день перед бегством из родной страны вполз в его мозг и колол острыми шипами воспоминаний.

Кеб катился медленно, попав в бесконечную цепь экипажей, омнибусов и автомобилей; улицы были полны крика и движения, город утопал в сером и холодном тумане. В глубине магазинов горели огни. Без конца и без числа плыли реки черной муравьиной массы людей.

“Как она теперь выглядит? Как она меня примет?” — думал он, вглядываясь в тени тех дней, все отчетливее встававших перед ним. Все умершие слова снова зазвучали в мозгу, все ее взгляды, как клубок молний, снова пронеслись, пробуждая застывшую память страданий. Воспоминания о часах неверия и отчаяния, о нечеловеческом страдании и пытке той жизни нахлынули на него горькой, ядовитой волной, и хотя возникали только как хоровод привидений, только как мучительные сны, как поблекший ужас, испепеленный и готовый рассыпаться в прах, душа его, однако, наполнялась какой-то грустью и беспринципным сожалением.

— Каждый сегодняшний день — гроб вчерашнего. Это мудрая необходимость.

Он грустно вздохнул и, входя в гостиницу, твердо решил не позволить вывести себя из равновесия и не поддаться очарованию минувшего.

“Я теперь чужой им и останусь чужим. Десятилетний промежуток времени лежит между нами. Чего хочет от меня эта мраморная женщина? Разве я мало заплатил за все?” — спрашивал он себя, кипя глухим возмущением и враждой. Когда он вошел в переднюю и служитель пошел доложить о нем, ему вдруг безумно захотелось убежать.

Однако было уже поздно: кто-то торопливо приближался, дверь растворилась, и перед ним появилась Ада.

Она с порывистой радостью протянула ему руки.

Он тоже не смог произнести ни одного слова, только руки их соединились, взгляды встретились, и они стояли так, странно молчаливые и взволнованные.

— Идите же сюда! — позвал чей-то голос из глубины квартиры.

Ада повела его в комнату; навстречу шел человек с костылем. Зенон сначала не узнал его, но тот бросился его обнимать.

— Генрих! — воскликнул Зенон с чувством неприятного изумления.

Тот обнял его еще раз и произнес необыкновенно искренне:

— Наконец-то, мы заждались тебя!

— Вот уже два дня, как мы считаем каждую минуту, — отзывалась женщина тихим, сдержанным голосом.

Зенон стал на что-то ссыльаться, но Генрих, не выпускавший его руки, усадил его в кресло и весело сказал:

— Не оправдывайся, теперь уже все равно. Ты с нами, а остальное все к черту. Сколько же это лет мы не виделись?

— Почти десять, — шепнула Ада, тихо опуская глаза.

— Громадный промежуток времени! Никогда я не думал, что мы встретимся в Лондоне.

— Я была уверена, что вы вернетесь на родину.

— Что делать, но пока я не тоскую по родине. — Он был уже спокоен и владел собой.

— Как, ты ни разу не затосковал? Ни разу?

— Нет. Я здесь нашел все то, чего напрасно искал на родине!

— И спокойствие? — спросила она, подымая на него глаза.

— Да, и спокойствие, — подчеркнул он.

— И вы никогда ни о чем не жалели?

Он колебался одно мгновение и затем сухо ответил:

— Нет, одежды прошлого я сбросил, а остальное убил в себе. Впрочем, чего мне жалеть? Польской жизни? Нам и сатана не позавидует, хотя это дело его рук. Простите, я совершенно некстати начинаю подобные разговоры.

— И оказываешься глубоко несправедливым по отношению к своим друзьям.

— У меня на родине нет друзей и никогда не было.

— И нас не считаешь друзьями?

— Я не имел в виду семьи.

— Вот пусть Ада скажет, как тяжел был для нас твой отъезд.

— Конечно, лишились партнера для винта.

Генрих отшатнулся, глубоко обиженный.

— Вы даже не написали мне ни одного слова.
— А вы разве дали нам хоть какой-нибудь знак, что вы живы?

Глубоко скрытая жалоба звучала в ее голосе.

— Значит, это моя вина? — он поглядел на нее вызывающе.

Ада склонила голову и вышла в другую комнату.

— Оставим упреки, не стоит раздражать себя, лучше перечеркнем взаимные обиды. Скажу тебе в оправдание лишь то, что всего два года, как я узнал, что ты жив. Ада в этом никогда не сомневалась. А твой адрес я получил только в прошлом году.

— Проболтался, должно быть, мой арендатор?

— Нет, мы его спрашивали не раз, но он ничего не сказал. А адвокат твой постоянно убеждал нас, что ты умер, и приводил в доказательство тот факт, что все свое состояние ты завещал на разные общественные нужды, отказав только кому-то пожизненную пенсию. Мы все должны были в конце концов поверить этому, только Ада не могла и не хотела этому верить. Два года тому назад в Каире мы встретили господина Грея.

— Поэт! Мой приятель! И он вам сказал?

— Он сделал это нечаянно и потом очень сожалел об этом и умолял нас никому ничего не говорить.

— Значит, в Польше обо мне уже знают?

— Нет, никто не знает, кто скрывается под английским псевдонимом — Уольтер Браун. Ада всегда говорила, что мы не имеем права разглашать твою тайну.

— Я вам очень благодарен за это.

— Но Ада сделала еще больше: она перевела несколько твоих книжек, и ты известен у нас, господин Уольтер Браун!

— У меня есть эти переводы, они действительно великолепны, но мне и в голову не приходило заподозрить в этом Аду! Вот так сюрприз!

— Она специально изучила для этого английский язык. И с тех пор как мы знаем, кто этот Уольтер Браун, мы знаем о тебе все. Ты не поверишь, если тебе рассказать, как мы радовались твоему успеху, как гордились тобой.

Зенон молчал, обуреваемый самыми противоположными чувствами.

— И мы все ждали твоего возвращения, но годы проходили, и моя болезнь развивалась так быстро, что я уже

перестал надеяться на это. И вероятно, не дождался бы тебя.

— Я никогда не думал возвращаться, — угрюмо произнес Зенон.

— Я это предполагал. Ты знаешь, мое здоровье всегда было плохо, но за последние несколько лет и сердце, и почки сдают все быстрее. Я напрасно лечился, разъезжая по всему свету, и теперь решил оставить это. Но тем более важно было для меня увидеться с тобой. Мы ради этого и приехали в Лондон.

— Ради меня?

— Да. Ты ведь знаешь, что умирающему ни в чем не отказывают?

— Не понимаю, какое отношение это имеет к тебе.

— Имеет, потому что у меня к тебе есть большая, последняя просьба.

— Ты шутишь со мной. Преувеличиваешь свое нездровье.

— К сожалению, нет; свое состояние я знаю лучше, чем доктора, и знаю, что могу умереть каждую минуту. Поэтому-то я и нахожусь здесь и прошу тебя, как просит умирающий: — возьми под свою опеку мою жену и дочь.

— Я? Твою жену и дочь? — Зенон вскочил с места в изумлении.

— Займись ими после моей смерти, — повторил тот убежденно, глядя на него искренним, подернутым слезами взглядом. — Подумай, после моей смерти у них не останется никого, кроме тебя. Подумай!

— Ты не понимаешь, что говоришь! — крикнул Зенон, не веря собственным ушам.

— Я об этом долго думал; что же ты находишь в этом особенного?

— Да, конечно, но для меня это так неожиданно...

— Сядь возле меня, поговорим обстоятельнее. Ты не бойся, опекунство тебе хлопот не доставит, все дела я привел в порядок. Дай мне руку в знак согласия, вот так; я знал, что ты мне не откажешь, благодарю тебя от всей души, мне уже нельзя медлить и откладывать этого дела.

Он горячо поцеловал Зенона и начал тихим, усталым голосом рассказывать ему о том, как он озабочен судьбою Ады и ребенка.

А Зенон слушал, глядя на него с каким-то ужасом.

Как, он отдает на его попечение Аду? Аду? Собственный ее муж? Что за нелепость! Теперь, по прошествии

стольких лет, когда в нем уже все умерло! Отвратительная месть или насмешка судьбы? Как ослепительные молнии, пролетали в нем мысли и чувства, такие неясные и спутанные, что временами ему казалось, что он переживает мучительный сон. Но нет, Генрих сидел рядом с ним, он слышал его голос, глядел ему в лицо, чувствовал на своей руке его холодную потную руку. Он содрогнулся всем телом. Теперь он уже соглашался на все, не смея отказать ему ни в чем. Но под влиянием слов Генриха, дышавших безграничным доверием, его стал охватывать жгучий стыд.

— Я не знал, что у вас есть дочь, — перебил он Генриха, желая переменить разговор.

— Сейчас я ее позову. Вандя! Десятый год ей теперь. Она родилась спустя несколько месяцев после твоего отъезда, — говорил Генрих, следя за ним загадочным взглядом.

Зенон сдвинул брови, точно ослепленный неожиданной молнией, и поспешил зажигать папиросу. В комнату вошла Ада, ведя стройную девочку, очень красивую, с белыми, как лен, вьющимися волосами.

— Вандя, это твой дядя.

Девочка подняла на него большие синие глаза.

— Поздоровайтесь, — командовал Генрих.

Девочка, пересилив нерешительность, бросилась в его объятия. Он целовал ее с вынужденною нежностью и, пожалуй, слишком торжественно, стараясь этим замаскировать какое-то непонятное волнение.

— Очень красива, типичный польский ребенок.

— Удивительно похожа на тебя.

— Нет, совершенно другой тип, — проговорил Зенон, неприятно задетый намеком.

— Наоборот, совершенно тот же родственный тип. Ведь раньше, до болезни, Генрих был очень похож на вас, — говорила Ада, прижимая к груди голову ребенка, но в ее глазах горел загадочный огонек и вокруг губ блуждала непонятная улыбка. У Генриха на лице было выражение грусти и примирения, и только Вандя, прижимаясь к матери, глядела на Зенона веселыми, смеющимися глазами.

Разговор разладился, тянулся медленно, переходя то и дело с одного предмета на другой и не находя опоры ни в чем, на чем бы можно было остановиться дольше. Между ними легла многолетняя разлука, а соединяли их

только далекие, уже поблекшие воспоминания, к которым они возвращались многократно, но всегда с каким-то опасением. И Генрих, и Ада были по отношению к Зенону необыкновенно радушны, но он держался замкнуто и отвечал коротко и холодно. Он был далек от всего того, о чем они говорили, и даже от них самих. Наконец, утомленный, он поглядел на часы, но глаза Ады блеснули такой немой мольбой, что он остался сидеть, стараясь пересилить скуку, которая все сильнее овладевала им.

Вдруг Генрих спросил его с прямолинейностью польского шляхтича:

— Скажи нам откровенно, почему ты уехал из Польши?

Зенон ждал этого вопроса и с улыбкой ответил:

— Мне надоела Польша, хотел почувствовать себя европейцем.

— У нас это объясняли иначе, совсем иначе.

Зенона раздражала его глупая, на что-то намекавшая улыбка.

— Интересно, как же это объясняли?

— Одни предполагали здесь несчастную любовь, другие уверяли, что тебя изгнал из страны какой-то американский поединок. Но были и такие, которые называли более скандальные причины.

— Убийство и воровство? Узнаю бойкость ума моих милых товарищей по литературе.

— Что-то в этом роде, но больше всего говорили о самоубийстве из-за неудачной любви.

— Самый глупый повод для самоубийства, но зато романтический. У нас очень любят объяснять подобные истории или любовью, или мошенничеством.

— Потому что в большинстве случаев так и бывает.

— Бывает, не спорю, но бывают и другие причины, в тысячу раз более глубокие и серьезные.

Ада отвернулась, лицо ее залил яркий румянец.

— Люди любят все объяснять так, как им понятнее.

— Совершенно верно. Если бы я сказал: уезжаю, потому что мне наскучило жить вместе с вами, то никто не поверил бы этому. Слишком просто.

— И были бы совершенно правы, не поверив.

— Но если бы я тебя уверял, что именно это было причиной моего отъезда.

— Я бы поверил, конечно, должен был бы поверить, но...

— Причина не важна, а важен сам факт, — произнесла Ада.

— Факт был важный, не спорю, но только для меня одного.

Зенон произнес это враждебным тоном, но, видя, как сразу омрачилось ее лицо, продолжил шутливо:

— Вы мне еще не рассказали все сплетни, какие ходили после моего отъезда. Ну и что же, жалели меня? Печаль, конечно, была всеобщая, неутешное горе, глубокий траур.

— Ты шутишь, а твои почитатели ежегодно служат заупокойные мессы по твоей душе.

— Ах, вот как! Это, вероятно, мои издатели, боясь, чтоб я не воскрес и не напомнил им о своих правах, стараются обеспечить мне место в раю.

— Раньше вы не были так жестоки ко всем.

— Человек постоянно учится чему-нибудь новому.

Ада встала и начала ходить по комнате, то и дело поглядывая в окно. Он не мог отвести от нее глаз. Она была стройна, красива и горда, как раньше. Глаза их иногда встречались, но тут же разбегались, как испуганные птицы. Иногда она останавливалась у окна, ее чудные брови натягивались, как злые змеи, а губы, странно изогнутые в уголках, налитые кровью, сжимались с какой-то тайной злобой. Казалось, она не слышала разговора мужчин и только время от времени подымала на Зенона умный, испытующий взор, и грудь ее тогда подымалась от глубокого вздоха.

Он остался у них обедать. Первый лед был сломан, настроение улучшилось, все оживились, и обед проходил весело.

Он видел прямо перед собой ее лицо под шапкой черных пышных волос, из-под которых блестели огромные бездонные глаза. Низкий красивый голос воскрешал в нем бесконечное множество воспоминаний, и прошлое с необыкновенной силой снова вставало перед ним.

— Порой мне кажется, что я сижу у вас в деревне, как когда-то. Даже этот лакей похож на вашего Валентина!

— Вернешься, и все будет по-старому. У нас дома ничего не изменилось, ты и не поверишь, что отсутствовал так долго.

— К прошлому я уже не вернусь.

— Вы не любите прошлого?

Ада тоскливо улыбнулась.

— Потому что у меня не было ни одного такого мгновения, которое бы я хотел вернуть.

— Ни одного мгновения? — быстро переспросила она.

— Если даже и было, то его залило целое море горьких воспоминаний.

Зенон вдруг взволновался, старая обида так сильно сжала сердце, что ему захотелось немедленно уйти, но Ада сказала:

— У нас на сегодня есть ложа в оперу, и мы бы хотели провести вечер вместе с вами. Надеюсь, вы нам не откажете?

Опять этот нежный, покоряющий голос, опять эти глаза, делающие каждую просьбу приказанием, и эта обезоруживающая улыбка, — нет, он не мог отказаться и поехал вместе с ними в театр.

Спектакль уже начался.

Зенон сидел в глубине полутемной ложи и глядел холодным испытующим взглядом только на Аду, на ее чудную голову с сухим орлиным профилем. У нее было лицо музы, но в то же время оноказалось воплощением греха. В полумраке так близко, так соблазнительно близко светились кровавым пятном ее беспокойные, чувственные губы. Он смотрел на нее как на произведение искусства, наслаждался красотой ее лица, радовался чистой радостью художника и поэтому с некоторым беспокойством заметил, что она немного пополнела и ее грудь отяжелела. Ада же, казалось, совсем не следила за представлением и не замечала его взглядов, — она углубилась в себя, в свои воспоминания.

“Помнит ли она? Позволяет ли обожать себя с таким же, как и раньше, равнодушием? Бросала ли и другим в награду жалкие крохи своей царской милости? По-прежнему ли холодна и равнодушна?” — размышлял Зенон.

На сцене пели Ромео и Юлия.

Театр был полон. В ложах белели обнаженные плечи, блестели воспаленные глаза, искрились бриллианты и шелестели веера. Запах духов и цветов насыщал воздух.

В зрительном зале было темно, и только на залитой светом сцене притворные любовники пели о притворной любви. Томные звуки проливали раздражающий яд, зажигали безумную жажду поцелуев и дрожь страстных желаний. Страсть пела бесстыдную и ненасытную песнь наслаждений.

В тот миг, когда возлюбленные на сцене бросились друг другу в объятия, Ада уронила веер и, когда он подавал его, шепнула еле слышно:

— Помнишь?

Именно в этот момент он вспомнил то единственное необъяснимое мгновение и теперь при звуке ее голоса вздрогнул и поглядел изумленно.

Она сидела спокойная, холодная, как бы изваянная из мрамора.

Как ясно он теперь помнил тот вечер ужаса и безумия!

Он был у них в имении. Разразилась весенняя буря: то дождь лил ручьями, то вихрь срывался и ударял в стены дома, парк стонал, гремел гром и сверкали молнии.

Все общество было занято картами в соседней комнате, а он в небольшой темной гостиной играл на фисгармонии Баха. Играли, как всегда, для нее и, как всегда, пел ей о своей безнадежной любви.

Она пришла, привлеченная звуками, и мелькала по комнате, как белая тихая зарница. Ночь становилась все страшнее, небо зловеще гремело, казалось, что рушится весь мир. Она без страха смотрела на бурю и на ослепительные блестки молний, как всегда спокойная, гордая, молчаливая и такая мертвенно равнодушная, что у него на губах замирали слова признания, а душу заливали слезы безнадежного отчаяния.

В этот вечер они не сказали друг другу ни слова.

Он остался у них ночевать, так как возвращаться домой в бурю было небезопасно.

Когда он очутился в своей комнате и, погасив огонь, стал думать о том, что надо бежать из этого дома, бежать сейчас же и навсегда, открылась дверь, кто-то тихо вошел, ступая босыми ногами, и, раньше чем он успел опомниться, кто-то упал ему на грудь, обнял его, чьи-то губы впились в него жадными, голодными поцелуями, и он услышал чей-то сдавленный голос — голос восторга, страсти, безумия...

Теперь он не мог спокойно думать об этом и бессознательно поднялся с места. Ему не хватало воздуха, какая-то безумная жажда обессилила его...

К счастью, окончился акт, занавес упал, и громовое “браво” заставило его прийти в себя.

Они с Адой вышли в фойе, Генрих предпочел остаться в ложе.

— Я знаю, о чем вы думали, — сказала она, глядя на него.

— Разве я мог думать о чем-нибудь другом?

У нее на губах мелькнула таинственная улыбка.

— Если бы не эта встреча, я бы забыл, — шепнул он, как бы упрекая самого себя, — я бы забыл навсегда.

На одно мгновение их разделила человеческая волна.

— Мы должны завтра встретиться. Я приду в Британский музей в одиннадцать часов. Вы будете меня ждать?

— Вы приказываете, значит, буду.

— Ах, нет, я прошу, прошу, — мягко повторила она.

— Вы еще долго пробудете в Лондоне? — спросил он уже спокойнее.

— Это зависит от того, что вы мне скажете завтра.

Она поглядела ему в лицо робко, вопросительно.

— Я должен решить? Вы никогда не желали меня даже выслушать, а теперь... Какую же новую обиду вы готовите мне? — горько улыбнулся он.

Ада побледнела, глаза ее затрепетали, и почти со стоном она произнесла:

— Вы меня ненавидите!

— Нет, я только защищаюсь, потому что слишком хорошо помню прежнее.

— Итак, до завтра, я вам все и объясню.

— Я этого ждал десять лет, — прошептал он, возвращаясь в ложу.

Начался следующий акт. На сцене одна картина сменилась другою, но он ничего не замечал, не видел даже тех пламенных взглядов, какими окидывала его Ада. Он сидел, согнувшись, и перебирал в уме прежние обиды, мучил себя воспоминаниями того времени и той непонятной ночи.

Она пришла и сама отдалась ему.

Сколько ужаса было в этих мгновениях страсти!

И зачем? Зачем? Зачем?

Ах да, завтра он наконец узнает обо всем.

Но кто и чем вознаградит его за муку стольких лет? Кто вознаградит: она ли, эта прекрасная мраморная женщина, которую он уже не любил и не желал? Ведь он мечтал о той, уже умершой, навек погребенной в сердце. Не воскреснет то, что рассыпалось прахом.

Теперь он хорошо помнил, как на заре она уходила от него и на все его мольбы и вопросы не ответила ни слова.

Ушла — как сон, и хотя вскоре яркий день заглянул в окно, солнце сияло и пели птицы, ему все-таки казалось, что все это было только мечтой. И в той радости, которая по временам охватывала его, было столько беспокойства, страха и неуверенности в собственном счастье, что все время до завтрака он провел в мучительном ожидании.

К завтраку она не вышла.

Он один только знал, почему не явилась она, и ему хотелось обнять весь мир в порыве безграничного счастья.

Развод, жизнь с любимой женщиной... все представлялось ему ясным, простым и искренним. Он был бы не в состоянии обманывать кого-либо: тайных любовников он презирал. Мечты о будущем опьяняли его, он ждал ее появления с невыразимой тоской.

Но она не выходила два дня.

Генрих говорил, что она больна и лежит в кровати.

Дольше Зенон не мог ждать: он написал ей письмо, в котором выразил всю свою любовь, всю веру и всю надежду на их совместную будущую жизнь.

Письмо она возвратила ему, не распечатав.

И на третий день, выйдя из своей комнаты, она была, как всегда, холодна, равнодушна и несколько высокомерна.

Он обезумел от горя и, не понимая, что с ней произошло, в отчаянии потребовал от нее решительного объяснения, но она отошла, не произнеся ни слова.

Он начинал думать, что произошла какая-то страшная ошибка.

Но однажды, в минуту сострадания, она сказала ему откровенно:

— Не спрашивайте, все должно быть по-прежнему, когда-нибудь я объясню вам.

Но так как он не сумел жить по-прежнему, обманывать себя туманными надеждами, так как проходили недели, а она была все так же холодна, неприступна и далека, то он последним, отчаянным усилием порвал все связи, соединявшие его со страной, бежал и создал себе новую жизнь, почти позабыв обо всем пережитом.

А теперь, по прошествии стольких лет, перед ним встает призрак минувшего.

“Чего она от меня хочет? — угрюмо думал он, погружаясь в глубину ее гордых, царственных глаз. — Не пой-

ду в прежнее ярмо, не дамся", — восстал он, раздражаясь все сильнее.

Когда вышли из театра, Генрих очень любезно напомнил ему, что он обязан проводить с ними все время.

— Я уже пригласила пана Зенона на завтра в Британский музей.

— Приду, если моя невеста не распорядится мною иначе.

У Ады на мгновение перехватило дыхание, но она спокойно сказала:

— О да, невеста, конечно же, имеет преимущество перед нами.

Генрих стал с любопытством расспрашивать о невесте.

— Завтра расскажу подробно. Вы должны познакомиться с ней. Это даже хорошо, что так сложилось: она узнает по крайней мере хоть кого-нибудь из моих родных. До свидания.

И они расстались. Зенон возвращался домой раздраженный, злой на самого себя, на них и на весь мир и решил не являться в Британский музей.

“И зачем? Бередить старые раны? Что нового я узнаю? Узнаю, что все это произошло под влиянием грозы и минутной слабости?.. Но почему она со мной так поступила?” — вспыхнул в нем снова этот старый, так давно мучивший его вопрос, и он уже не мог принять никакого определенного решения.

Дома Зенон нашел письмо от Бэти, которая просила его прийти к ним возможно скорее, чтобы решить вопрос о поездке на материк. Письмо было написано с такой глубокой нежностью, что под его влиянием Зенон забыл на время о том, что его мучило, и написал очень искренний и подробный ответ. Он уже встал, чтобы отнести письмо швейцару, как вдруг постучали в дверь.

— Войдите! — крикнул он, удивленный: весь пансион давно уже спал.

На пороге стоял малаец и что-то бессвязно бормотал.

— Что случилось? Говори яснее, не понимаю!

— Идите скорее... сидит еще с тех пор, как стало смеркаться... я не...

Зенон больше его не слушал и бросился наверх.

В круглой комнате, там, где когда-то происходила сцена бичевания, Джо сидел на полу, поджав под себя ноги, согнувшись и глядя вперед стеклянными глазами.

Хрустальный шар под потолком мерцал бледным зеленоватым светом.

— Джо, Джо!

Тот даже не шелокнулся, только безумная улыбка заиграла на его синих губах, потом он беззвучно пошевелил губами и наклонился несколько вперед. Зенон пропорционально направление его взгляда и остался. Напротив у стены сидел кто-то совершенно похожий на Джо, как бы его зеркальное отражение, так же согнувшись, с такими же стеклянными глазами, с той же безумной улыбкой на посиневших губах.

Зенон испуганно огляделся: малайца уже не было, но те двое продолжали неподвижно сидеть и напряженно всматриваться друг в друга.

У Зенона пот выступил на лбу и сердце перестало биться.

“Что это, сон, что ли? Что это значит?” — думал он, протирая глаза.

Но это был не сон, и то, что здесь происходило, было какой-то непонятной действительностью и продолжало оставаться перед его глазами. Он внимательно рассматривал обе фигуры, но никак не мог решить, которая из них является отражением другой. И здесь, и там был Джо, совершенно такой же, вполне реальный, настоящий.

— Значит, это возможно, значит, это правда? — шептал он побледневшими губами, возвращаясь памятью ко всему тому, что он видел и слышал и над чем всегда смеялся, считая это или сумасшествием, или обманом. Теперь для него настали минуты страшного прозрения, но его сознание не принимало эту непонятную действительность, он боролся с ней, боролся с собственным мозгом, с собственной душой, чтобы только не дать себя ввергнуть в пропасть безумия. Разве может происходить то, что противоречит физической природе? Разве может человек раздвоиться? На глазах у него совершалось чудо, и он видел это чудо и проверял своим сознанием. Видел, но не мог понять.

Ужас охватил его и поверг в прах смирения перед какой-то неведомой силой.

— Боже мой, Боже! — тяжело вздохнул он, и молитвенная сладость наполнила его испуганное сердце. Первый раз в жизни повисло над ним всей своей тяжестью неведомое. Первый раз в жизни взглянул он в слепые

глаза вечной загадки и отпрянул в священном ужасе и омертвении, а из сердца струей бесконечной любви и обожания лились слова какой-то позабытой молитвы. Он не знал, кому открывает свою душу, полную тревоги, кому посыпает он эти горячие вздохи, кого боготворит, перед кем преклоняется, — но знал, что он должен делать это всем своим существом, всей глубиной пламенного чувства.

Потом он вышел, зажег свет во всей квартире и стал расхаживать по комнатам в каком-то странном, необъяснимом состоянии.

Малаец стоял на коленях в китайском кабинете перед золотой статуей Будды и нервно перебирал четки.

Время тянулось тихо, но было в нем столько беспокойства и тревоги, что каждый звук стенных часов отдавался в сердце Зенона пронзительным гулом. Иногда слышно было, как дождь звенел по оконным стеклам, иногда шумели деревья и согнутые голые прутья мелькали за окном призрачными очертаниями.

Зенон то и дело заглядывал в круглую комнату и всякий раз видел одно и то же: два Джо сидели, глядя друг на друга, одинаково согнутые и неподвижные. В зеленоватом освещении, словно в глубине мутной колеблющейся воды, они сидели, как две статуи с живым, но безумным взглядом. Зенон подходил к ним, окликнул, прикасался к холодным рукам, пытался поднять, но они точно приросли к полу, и, несмотря на все усилия, он не мог сдвинуть их с места.

“Который из них Джо? Который?” — думал он с мутильным напряжением и, не в силах разрешить этого вопроса, снова принимался бродить по квартире. Все с большим нетерпением ждал он разрешения этой ужасной загадки. Пробило уже шесть часов, когда из круглой комнаты донесся протяжный стон. Зенон стремглав бросился туда. Джо лежал в обмороке посредине комнаты и был уже один. Его перенесли на кровать и энергично стали приводить в чувство; вскоре он открыл глаза, внимательно поглядел кругом и совершенно ясно прошептал:

— Он еще здесь?

Голос его дрожал от страха.

— Никого нет. Как ты себя чувствуешь?

— Я ужасно устал, ужасно... ужасно... — повторял он медленно и сонно. Зенон посидел при нем, пока он не

уснул, и затем, вернувшись к себе, сразу же лег в кровать.

В одиннадцать часов утра он был уже в Британском музее под колоннадой.

Зенон чувствовал сегодня странную грусть и вялость и, как ни старался, не мог ни на чем сосредоточиться. Мысли его текли как вода сквозь сито, даже воспоминание о том, что происходило ночью, не возбуждало в нем никаких чувств и было ему так же безразлично, как и все остальное. Он весь был как этот зимний день, туманный и скучный.

Наконец появилась Ада, такая красивая, стройная и очаровательная, что все глядели на нее с нескрываемым восхищением.

Они поздоровались молча, ему нечего было сказать, а ей нужно было сказать так много, что глаза ее пели радостный гимн, а на губах вспыхнула улыбка, как отблеск внутреннего пожара.

— Вы прекрасно выглядите, — произнес он банальную фразу.

— Потому что я счастлива... — Она прижалась к нему плечом и он почувствовал, как она дрожит. — Говори со мной, я так хочу слышать твой голос, я столько лет ждала! — нежно просила она.

— Позволь мне это первое мгновение почтить молчанием, — произнес он с изысканностью и с какой-то бескровной улыбкой на губах.

Они вошли в Египетский зал. Сфинксы, громадные саркофаги, боги, изваяния священных животных, обломки колонн — осколки жизни, умершей много веков тому назад, стояли густой толпой в громадной, темной галерее. Блеск порфира, поблекшие краски живописи, таинственные надписи и таинственные улыбки богов, устремившихся пустыми глазами в непонятную даль, рассеивали угрюмую и тревожную тишину вокруг. В молчании слышался голос грозной тайны. В немом равнодушном бытии таилась вечность. Из глаз богов струились лучи неумолимого и неизбежного; и каменное спокойствие их раздражало, беспокоило и наполняло человеческую душу трагическим страхом.

— Почему ты оставил родину? — спросила вдруг Ада.

— Меня изгнало твое равнодушие, не помнишь?

— Мое равнодушие? — повторила она, как эхо.

В нем проснулась старая мучительная обида — он даже несколько отодвинулся от нее.

— Я пришел просить тебя объяснить мне...

— Только за этим? — Отчаяние прозвучало в ее голосе и мелькнуло во взгляде.

— Вчера мне это было обещано, — холодно сказал он.

Они сели у громадного камня, покрытого иероглифами.

— Да, ты имеешь право требовать... скажу тебе все, спрашивай!

Голос ее дрожал и лицо затуманилось печалью, но он, как бы не замечая этого, безжалостно спросил:

— Зачем тогда... в ту ночь?.. — он не сумел кончить фразы.

— Вандя — твоя дочь, — смело и просто ответила она.

Он отстранился от нее в глубочайшем изумлении, почти в ужасе и долгое время ничего не мог сказать.

— Вандя... моя дочь... Вандя?

— Твоя. Вот я тебе все и объяснила.

— Это объясняет только один факт, но не все. Я ничего не понимаю. Вандя — моя дочь! Но почему ты после этого была так равнодушна ко мне? Почему позволила мне страдать? Почему заставила меня бежать? Почему?

Его вопросы падали, как тяжелые камни, яростно и мстительно, а она глядела на него с мольбой в глазах.

— Теперь я скажу тебе все... ничего не скрою... пусть будет, что будет, я копила мужество для этого разговора, а теперь, Боже мой, как мне тяжело! Ты не представляешь, как страстно может желать ребенка одинокая женщина, такая замужняя девственница, какой я была... а ты был для меня идеалом человека, я знала, что ты меня любишь, и знала, что, достаточно мне позвать тебя... но разве я могла сказать, что мне от тебя надо? Говорю теперь совершенно искренне, что тогда мне нужен был не ты, не твоя страсть и не мое счастье. Всей силой непреоборимого инстинкта я жаждала материнства и не могла на это решиться... Я должна была побороть в себе женский стыд, привитый нам веками, должна была переломить свою натуру... Долгие месяцы продолжалось мое мучение, ты даже не догадывался, что происходит во мне... Я ждала какого-то чуда, но чуда не происходило... и вот наконец в ту ночь я решилась... знай же всю правду, я не стыжусь этого, потому что я мать... твоего ребенка.

Ада умолкла, охваченная глубоким волнением. Она была так прекрасна в искренности своего признания. Она стояла как сама жизнь, вечно жаждущая оплодотворения и вечно плодотворящая, непорочная, как солнце, чистая, как цветок, и, как Ева, гордая святостью своего предназначения.

Но Зенон будто не видел этого. Выпив из ее признаний яд страшного унижения, он со сдержанным бешенством прошипел:

— А потом я был тебе уже не нужен! Ты — паук!

— Не говори мне так, это бессердечно.

— А разве не бессердечно то, что ты мне сказала?

Значит, тебя не любовь бросила в мои объятия, не страсть, не миг святого восторга, а только дикий инстинкт размножения. Я желал тебя не как самку, — нет, я любил твою душу, твою высоту, твое человеческое достоинство. А ты искала во мне только самца. Почему именно на меня пал твой выбор? Я оказался в роли орудия... Это прямо ужасно!

Его давило бессильное бешенство унижения и безмерной обиды. Ада слушала мужественно, хотя временами лицо ее покрывалось мертвенно бледностью и голова склонялась все ниже.

— И зачем ты мне все это рассказала? — простонал он.

— Я люблю тебя...

— Может быть, потому, чтобы снова... — издевался он.

Она подавила в себе обиду, схватила его руки и, целуя их с каким-то молитвенным трепетом, шептала со слезами на глазах:

— Сжался надо мной! Я всегда любила тебя, но лишь после твоего отъезда я поняла, что я теряю. Только в эти бесконечные годы одиночества я познала всю бездну страдания.

Она стала рисовать ему такую тяжелую картину многолетних мучений, тоски и безнадежного ожидания, что душа его смирилась и он смягчился. Но, когда она стала мечтать об их будущем, он вдруг нахмурился и спросил:

— А Генрих?

— Зачем же нам вспоминать о нем в это мгновение?

Он с удивлением оглянулся, как будто эти слова произнес кто-то другой.

— Ведь мы говорим только о нас с тобой, — убежденно добавила она.

Он улыбнулся, будучи не в состоянии удержаться от колкости:

— Конечно, муж всегда должен быть обманут.

— Я его никогда не обманывала, — гордо подняла она голову.

— Никогда? А Вандя? — ударила она, как ножом.

— Я всегда была ему только сестрой, и он знает, что это моя дочь. Он сам этого желал, сам мне в этом признался.

— Он знает и сам этого желал?

— Что же тебя удивляет?

— Но это совершенно невероятно.

— То, что он пересилил свой эгоизм ради моего счастья? Ведь в этом не было с его стороны даже жертвы. Какая же это жертва? А во мне он имеет зато верного друга до самой смерти.

— Не могу этого понять, не умею. Первый раз в жизни встречаю такое невероятное положение вещей. Он прямо святой.

— Он только добрый и умный человек.

— И это его удовлетворяет?

— Должно удовлетворять. Войди только в его положение: что бы он делал теперь без меня, один, больной, брошенный на произвол прислуги?

— Но и твоя жизнь не слишком завидна.

— Поэтому я и приехала взять свою долю счастья.

Он грустно улыбнулся и сказал с тихим упреком:

— Если бы ты тогда прочла мое письмо...

— Я догадывалась, что ты мне предлагал развод и брак.

— И ты возвратила мне письмо, не распечатав.

— Потому что не могла стать твоей женой.

— Несмотря на то, что произошло?

— Даже несмотря на Вандю, даже несмотря на все.

— Ах да, ведь тебе надо было только...

— Я любила тебя и именно потому никогда не стала бы твоей женой... никогда!

Он молчал, удивленный решительностью ее тона.

— Никогда, потому что я желала и желаю, чтобы ты свободно шел своим высоким путем. Орлы должны летать высоко над землей, вдали от будничных дел. Жена для истинного художника становится злым, разрушительным демоном, становится его вампиrom.

— Поэтому ты сознательно обрекла меня на страдания?

— Да, но я посвятила этому также и мою жизнь, и из моего страдания выросли у тебя крылья, из моих желаний и из моих слез родился ты.

— Кто же ты, кто ты?

Его внезапно охватил какой-то суеверный страх.

— Я люблю тебя, — шепнула она, одаривая его тихим ласковым взглядом.

Они долго молчали, проходя по бесчисленным залам, наполненным чудесами всех времен и народов. На лицо Ады легла тень смирения и покорности, он приглядывался к ней все более внимательно и участливо и наконец с грустью произнес:

— Что же я могу дать тебе теперь за такую любовь?

— Вернись на родину, я больше ничего не желаю; я буду счастлива уже тем, что вернула тебя родной стране и литературе, разве этого мало?

— Неужели я смогу жить там по-прежнему?

— Но ведь уже умерло то, что было для тебя злом, и тебя ждет там новая творческая жизнь. Твое место не занято. Ты опять станешь во главе нашей литературы и только иногда будешь навещать свою дочь и свою сестру-любовницу. Для себя я больше ничего не желаю, ничего, — добавила она тихо и грустно.

— Искушение святого Антония, волшебное искушение. Да, это те мечты, которые жили в моей душе. Но смогу ли я вырваться отсюда? Я так врос в здешнюю почву, так глубоко с нею связан.

— А самое главное — невеста? — Дольше она уже не могла сдерживать себя.

— Не только. Есть более серьезные причины. — Он беспокойно оглядился кругом, как бы боясь увидеть призрак Дэзи. — Бывают иные препятствия, лежащие вне нашей индивидуальной воли.

— Я вырву тебя отсюда и увезу с собой. Я буду бороться за тебя с тобой самим. Преодолею все, увидишь, преодолею невозможное, но не отдам тебя уже никому и ничему, — говорила она с необыкновенной силой и потом добавила тихо, печально и робко: — Если только ты не связан сердцем или честью.

— Нет, нет, — нерешительно, слабо защищался он: в памяти его всплыла, как розовый куст, доверчивая и любящая Бэти.

— Возвращайся на родину с женой, мы ее быстро сделаем полькой, — сказала она, угадывая его тайное беспокойство, — так даже будет лучше для нас всех.

Глаза ее наполнились слезами, грудь тяжело вздыхала, но она не заметила этого, не почувствовала и произнесла:

— Я думала уже и об этом.

Они вышли из музея и поехали домой.

Отвратительный желтый холодный туман заливал весь город, он плыл, как грязная вспененная вода, из-под которой едва виднелись темные очертания домов и людей. В узких улицах горели фонари, несмотря на то что был полдень, и никогда не смолкавший крик города прокричавшийся сквозь туман глухим, неровным шумом.

Ада из-под опущенных ресниц наблюдала за ним, погруженным в раздумье. Она чувствовала, что он был от нее далеко, и это наполняло ее безграничной грустью. Ведь на ее любовь он не ответил ни одним теплым словом. Но она поборола в себе боль и отчаяние, разрывавшие сердце, и мягко спросила, прикасаясь к его руке:

— О чём ты думаешь?

— Трудно даже определить: сразу обо всем и ни о чём. Ада опять погрузилась в горькое молчание.

И лишь когда они расставались, он горячо произнес:

— Ты воскресила во мне душу! Я приду к вам вечером, я уже не могу теперь обойтись без тебя... Поцелуй за меня Вандю. Ты открыла передо мной какие-то новые заманчивые горизонты. Я боюсь пока об этом говорить. Мне иногда кажется, что все то, что я пережил сегодня, только моя мечта о будущем. Может, это только галлюцинации — не знаю еще. Не знаю. Блуждаю еще...

— Я люблю тебя — вот настоящая правда!

IX

Зенон уже не мог ответить, так как остался один в вестибюле. Ада поднималась по боковой мраморной лестнице, он поймал ее последний взгляд, упавший на него, словно лепесток отцвевающего лета. Он снова вышел в уличный шум и туман.

Зенон был лихорадочно возбужден всем пережитым, а последние ее слова обожгли его сердце и наполнили его чувством радости и какого-то странного счастья.

“Невероятно! — думал он. — Точно глава написанного романа. Пережито, но совершенно неправдоподобно,” — шептал он, приходя в себя на перекрестке улиц, где теснилось такое множество экипажей, что не было возможности перейти на другую сторону. Но вот по мановению белой указки полицейского бурный поток движения застыл на месте и растаял: путь был свободен.

“Как сама жизнь!” — продолжал он размышлять, останавливаясь по временам перед витринами магазинов и не осознавая, на что смотрит, охваченный воспоминаниями и радостно взволнованный. Он плыл бессознательно в толпе, как щепка, подхваченная течением, не думая даже куда и зачем плывет.

“Как это странно!” — удивлялся он, лишь теперь понимая, как необыкновенно все то, что он только что пережил. Он очутился в Гайд-парке и долго блуждал по пустынным дорожкам, теряющимся в бледном, туманном воздухе. День был серый и пасмурный, все кругом дышало тишиной, было грустно и мертвенно. Бессильно дрожали застывшие деревья, воды блестели, как тусклые, ослепшие глаза, а где-то высоко над парком кружили стаи птиц и по временам раздавалось громкое карканье.

Грусть этого серого дня медленно просачивалась в сердце, и сестра ее — меланхолия овладела всем его существом. Его охватило непонятное разочарование, потух сердечный жар, скука засыпала его серым пеплом безволия. Даже те волшебные видения, которыми так недавно он насыпал свое воображение, постепенно превращались во что-то обыденное, случайное и будничное. Даже последние слова Ады казались ему теперь давно прозвучавшим и пустым эхом. Он вдруг почувствовал, что этот недавно пережитый душевный подъем, это возродившееся с появлением Ады ощущение счастья, расползается и линяет, как изношенная одежда, убегает из души, как вода из надтреснутого сосуда, оставляя лишь сознание собственного бессилия.

“Чудо продолжалось одно лишь мгновение. Воскрешенное умирает вечной смертью!” — печально думал он, почувствовав в этот миг горькую правду своего сердца: Аду он больше не любит. Ваня была ему тоже чужда и безразлична. Он еще не хотел признаться себе в этом, объясняя все минутной усталостью.

Ему стало так неприятно и стыдно, что он торопливо направился домой, стараясь больше ни о чем не думать.

В столовой он ужё никого не застал и, быстро позавтракав, перешел в читальный зал, где пили кофе.

Мистрис Трэси по обыкновению гуляла по комнате с кошкой на руках, а еще две, белые как снег, ходили за ней по пятам. Мистер Смит поджаривал перед камином свое сморщенное сухое лицо, несколько дам заняли большой диван в углу комнаты и разговаривали вполголоса.

— Опять дождь! — простонала мистрис Трэси, глядя в окно.

— Как обычно! Ужасный климат, я почти совсем забыл, какое бывает солнце. Еще несколько недель такой погоды, и ... — Зенон замолчал.

Где-то в глубине квартиры жалобно завыла пантера.

— Это животное доводит меня до отчаяния!

— Ба? Вас? — удивилась одна дама.

— Почти всю ночь не спал, так она скулила.

— Странно, моя комната рядом с оранжереей, но я ничего не слышала, — заметила мистрис Трэси, поглядывая на дам. По их лицам скользнула какая-то таинственная, двумысленная улыбочка.

— Завидую вам, у вас крепкий сон. А я просыпался всякий раз, как она выла.

— Она тоскует по своей госпоже.

— А может быть, разговаривает “с ним”, — таинственно произнес мистер Смит, вынимая из кармана соль.

Снова раздался короткий рев Ба, на этот раз так близко, что кошки, ощетинившись, бросились в объятия мистрис Трэси, которая стояла неподвижно, водя вокруг испуганными глазами.

— Не знаете ли вы, когда вернется мисс Дэзи? — прервала наконец хозяйка неприятное молчание. Испуганные дамы облегченно вздохнули, а мистер Смит сильно ударил по головешкам, отчего на пол посыпались искры.

— Не знаю, — удивился Зенон ее вопросу, но все взгляды обратились на него.

— Мисс Блаватская справляется о ней по нескольку раз в день, а я не знаю, что ей сказать.

— Об этом должны знать друзья мисс Дэзи.

— Я думала, что вы сможете сообщить мне что-нибудь, — заметила мистрис Трэси.

— Я? Откуда такое предположение? Я знаю мисс Дэзи меньше, чем кто-либо другой в пансионе. — Но, заме-

тив недоверчивые взгляды и неприятное выражение любопытства на лицах, он стал более настойчиво, чем сам того желал, убеждать всех, что он ничего не знает о мисс Дэзи.

— В таком случае, знает только Ба, — серьезно заметил мистер Смит.

— Только она ничего не скажет! А жаль! — насмешливо произнес Зенон, поднимаясь с места.

— Нам не скажет, но вам — если бы только захотели...

Зенон засмеялся, его рассмешил торжественный тон и выражение его лица.

— Я приведу ее, пусть сама скажет...

Мистер Смит, как тигр, бросился к двери, дамы с криком сорвались с места, а мистрис Трэси побледнела, как полотно, и простонала слабым голосом:

— Ради Бога, мы все умрем от страха, — и стала лихорадочно креститься.

— Неужели вы подумали, что я и в самом деле смогу привести Ба? — спрашивал Зенон, сконфуженный их испугом, но дамы молчали, не успев еще прийти в себя, только мистер Смит умоляюще простонал:

— Прошу вас, не называйте даже ее имени!

— Разве в ней воплотился Бафомет?

Мистер Смит в ужасе прижался к стене и, быстро вынув из жилетного кармана соль, поспешил начать сывать ее вокруг себя.

Зенон сдержался, чтобы не засмеяться, и, извинившись за шутку, направился к двери.

— У меня к вам большая просьба, — остановил его писклявый голос. Он обернулся в дверях, прикрывая вежливой улыбкой неожиданно охватившую его скуку.

— В субботу мы устраиваем в нашей ложе большое собрание, — серьезно говорил мистер Смит, взяв его за пуговицу сюртука, — мисс Блаватская будет давать отчет о своем путешествии в Тибет и о сношениях с далай-ламой. Поразительные вещи. Она привезла с собой одного из тибетских братьев — очень сильный медиум. После отчета в более тесном кругу состоится сеанс, вы увидите настоящие чудеса. Сама Блаватская очень желает познакомиться с вами и просит вас быть на собрании; будут только избранные, мы отказали даже Стэду, но для нас очень важно, чтобы вы были, познакомились с нашим учением и убедились в его истинности.

— Мистер Джо будет?

— К сожалению, нет; мистер Джо покинул братьев, изменил нам ради мисс Дэзи и ради "того"... — он робко оглянулся и стал перебирать пальцами, рассыпая соль.

— Наоборот, я знаю, что он относился к ней враждебно.

Мистер Смит таинственно прошептал ему на ухо:

— А теперь он ее самый верный раб. Нас уверяли, что он уже вошел в Палладинскую ложу, в которой якобы находится и она, состоя там "жрицей совершенного треугольника"... А я наверняка знаю, что она там является "Агнцем Белой Жертвы". Ужасно? Что?

— Может быть, и ужасно, но только для тех, кто понимает, что это значит.

— Посвящена самому... возлюбленная "того"...

— Вы когда-нибудь должны будете объяснить мне всю эту таинственную номенклатуру...

— Готов служить вам хоть сейчас, чтобы вы поняли весь ужас влияния мисс Дэзи и всю опасность, какой подвергается мистер Джо.

— Сейчас мне некогда, но я попрошу вас об этом в субботу, после собрания... — Он пожал ему руку и поспешил к себе.

Рассказ мистера Смита, его тревожный шепот и то настроение, которое царило в читальном зале, снова расшевелили в нем забытые, уже отложившиеся в памяти впечатления. Он ничего не мог вспомнить ясно, разрозненные обрывки каких-то сцен, звуков и красок с быстротой молнии проносились в его мозгу.

"Палладинская ложа, Агнец Белой Жертвы, Бафомет — что все это значит?" Он пытался стряхнуть с себя беспокойный кошмар.

— Помнишь?

Ему показалось, что кто-то шепнул ему это на ухо. Зенон подозрительно огляделся. Опять беспомощно стоял он посреди комнаты, захваченный хаотическим вихрем воспоминаний, клубившихся в его мозгу ураганом диких безумных призраков.

"Что это? Во сне ли я видел все это? Или читал об этом когда-то и теперь не могу вспомнить?" Он старался хотя бы на одно мгновение сосредоточиться и разобраться в круговороте воспоминаний.

Вдруг все провалилось, исчезло в бездне забытья. Он как бы вынырнул внезапно из-под бурных волн на съ-

рую, грустную поверхность дня и сразу не мог понять, почему он стоит посредине комнаты. Куда он собирался идти? Что собирался делать? Продолжалось это одно мгновение, после чего он окончательно пришел в себя.

Жизнь продолжалась. Зенон вернулся к однообразным будничным занятиям и смотрел на окружающее как раньше — равнодушно и свысока, ко всему относясь с высокомерной снисходительностью. Даже общество, собиравшееся за табльдотом, перестало отталкивать его своим спиритическим фанатизмом и постоянными диспутами. Он глядел на них как на смешных маньяков и со сдержанной иронией прислушивался к их бесконечным спорам. А Дэзи и все, что было связано с ней, казалось ему теперь таким далеким и выцветшим, как история, давным-давно прочитанная в какой-то фантастической книжке. А ведь она еще так недавно уехала. И Джо перестал интересовать его. Встречаясь с ним во дворце Бертелет, он обращался с ним как с человеком, с которым недавно познакомился. Он был так трезво настроен, что замечал только поверхность жизни, самые грубые ее черты. Казалось, Зенон потерял способность более глубоко понимать и чувствовать мир и людей. Его ничто не занимало, кроме личных дел, и при каждом удобном случае он смеялся над всякими идеальными порывами. Была в этом какая-то необъяснимая притупленность сознания, почти полное отсутствие тонких чувств и переживаний. Эта странная перемена не прошла незамеченной, на нее обратили внимание и во дворце Бертелет.

Однажды после завтрака мисс Долли заговорила об упадке нравственности в народных массах и, кстати, обрушилась на мужчин за их развращенность и эгоизм. Разговор оживился, даже всегда молчаливый Джо стал доказывать, — впрочем, очень осторожно, чтобы не задеть отца, — что причины нравственного упадка скрываются в капиталистическом строе, в распущенности господствующих классов и в том, что человечество все более пропитывается исключительно материальными интересами. В итоге он обрушился на христианство, утверждая, что оно распространяет общественную ложь, и противопоставил ему учение самого Христа, содержащееся в Евангелии. Мисс Эллен горячо поддержала его, цитируя в подтверждение различные священные тексты, и, увлекаясь все сильнее, доказывала, что только Евангелие может спасти мир.

Зенон все время тихо разговаривал с Бэти, рассказывая ей о своих родных, которых он обещал привести к ней в ближайшую субботу к последнему чаю; но, раздраженный рассуждениями Джо и плаксивым голосом мисс Эллен, он вдруг заявил категоричным тоном:

— Миром правят палка, насилие и страх. Закон, угрожающий тюрьмой или виселицей, оказывает гораздо большее моральное влияние на человеческое стадо, чем все проповеди любви и всепрощения, взятые вместе, и не в провозвестниках кротости и милосердия нуждается мир, не их ждет современное человечество, а только “господина”, который должен быть неумолимым повелителем и палачом!

Все были поражены его жестокими словами и холодным сарказмом, который звучал в его голосе. Разговор оборвался, все были задеты и чувствовали себя неловко, не понимая, что с ним произошло. Бэти тоже на него обиделась и только на прощание пожала ему руку сильнее, чем всегда.

— Значит, в субботу мы ждем вас?

— Да; я привезу их обязательно. Вы должны их полюбить.

Девушка после минутного колебания робко спросила:

— Пани Ада очень красива?

— Очень! Но я знаю одну маленькую мисс, гораздо более красивую, милую и любимую! Гораздо более! — шептал он, целуя ей руки. Она вырвалась, сияющая и счастливая, забыв обо всех неприятностях.

— Ты будешь на этом празднике сближения двух наций? — смеясь, обратился он к Джо, когда они выходили на улицу.

— Очень буду рад познакомиться с твоими родственниками, — искренне ответил Джо.

Поезд нес их уже над городом, утонувшим в грязных облаках дыма и тумана, когда Джо снова заговорил:

— Ты сегодня говорил так, точно у тебя подменили душу.

Зенон сухо, иронически засмеялся:

— Я отрезвел, чувствуя себя здоровым, сплю прекрасно, ем с аппетитом, отлично работаю и ничем не огорчаюсь — вот секрет моего душевного состояния. Знаешь, я до такой степени чувствую себя хорошо, что решил совсем уехать из вашего пансиона.

— Я уже слышал об этом; говорят, мистрис Трэси командировала мистера Смита, чтобы он упросил тебя остаться.

— Смешной человек! Ты и не догадываешься, что он мне рассказал про тебя!

— Вероятно, жаловался на мой уход из ложи.

— Говорил и об этом, но, кроме того, сказал мне с величайшим сожалением и страхом за тебя, что ты стал поклонником мисс Дэзи и оба вы служите Бафомету!.. Видишь! И еще: будто ты вступил в какую-то Палладинскую ложу.

— Неправда! Даю тебе честное слово! — горячо возразил Джо. — Чтобы я пошел вместе с ними! Чтобы я поклонялся Бафомету и этому адскому вампиру! Что за безобразная выдумка! — Он вздрогнул как бы от чувства гадливости и страха.

— Прости, я невольно причинил тебе неприятность. Смит говорил мне об этом без всяких оговорок, поэтому я тебе откровенно все повторил.

— Только у сладострастного кретина могли возникнуть в голове такие гадкие ассоциации.

— Что это за Палладинская ложа?

— Храм, посвященный культу дьявола. Там собираются его поклонники. Мисс Дэзи там, вероятно, состоит жрицей.

— Она — “жрица совершенного треугольника”, как мне сказал мистер Смит.

— Если не больше! Может быть, она даже “Агнец”, — шепнул Джо, беспокойно рассматривая толпу, выходившую вместе с ними со станции.

— Где же находится эта ложа?

— Говорят, где-то в окрестностях Лондона, в какой-то старой церкви.

— Ведь я там был! — воскликнул Зенон, вспомнив фантастическую сцену в подземелье.

— Ты был там? И все видел? — спрашивал Джо, глубоко потрясенный, отводя его в сторону, к какой-то витрине и впиваясь в него взглядом.

— Да, но знаешь ли... уже ничего не помню... мне что-то показалось, а теперь... право, ничего не помню.

— Вспомни! Подземелье церкви, старые гробы, ночь, какой-то торжественный обряд, Бафомет, Дэзи... — подсказывал Джо, настаивая.

— Нет, к сожалению, не могу... Что-то сверкнуло в мозгу и исчезло, как камень в океане, пропало бесследно... Подожди... подземелье?.. Сейчас... нет, нет, мне вспомнился подвал Клуба эксцентриков! Вздор какой-то, мимолетный кошмар! О чём это мы говорили?

— О Палладинской ложе, о Бафомете и Дэзи.

— Другими словами, ни о чём! — заметил Зенон с иронией и поехал в Гайд-парк, где, по обыкновению, терпеливо выслушивал жалобы больного, играл с Вандей, которая безумно любила его, и затем, как всегда, отправлялся с Адой на прогулку, показывал ей достопримечательности города и окрестностей. Словно заключив между собой негласное соглашение никогда не касаться прошлого, они оба свято соблюдали это условие. Ада ни одним словом не выдавала того, что происходило в ее сердце, какие бури сотрясали ее, какое порой овладевало ею отчаяние, а он даже не догадывался об этом, всегда видя ее весёлое лицо, встречая ее дружеский взгляд. Но она старалась покорить его всей силой своего терпения, сознательно стремясь к этому, и Зенон сам не заметил, как сильно уже подчинился ей. Она опутала его узами верной и заботливой дружбы, словно горячим объятием любящих рук, и он даже не пытался освободиться. Но он не любил ее, он лишь восторгался ею как прекрасной поэмы жизни, как великим произведением искусства, которое он мог созерцать в радостной тишине и которое давало его душе эмоциональный заряд. Он стал ей повествовать свои мечты и литературные замыслы. Многие часы они проводили в музеях, увлекались разговорами на художественные темы. Он посвящал ее в планы своих будущих работ, заметив, что, рассказывая ей о своих замыслах, он сам видел их лучше и конкретнее, а ее умные, тактичные замечания так восполняли его идеи, что даже еще не оформленные туманные сюжеты приобретали законченность и реальное воплощение.

Кроме того, Ада понемногу внушала ему мысль о возвращении на родину. Она действовала так незаметно и в то же время так настойчиво, что он уже сам начинал желать этого. Они даже составили план издания его произведений по-польски в ее переводе. Ада была неутомима в этой тихой борьбе с ним за него же и все сильнее верила в победу. Однако ее сильно обеспокоило известие, что визит во дворец Бертелет уже назначен.

— Мне очень интересно познакомиться с этой семьей, — холодно сказала она.

— А Бэти заинтересовалась тобой. Спрашивала меня, красива ли ты.

Чудные глаза Ады остановились на нем беспокойно и взволнованно.

— Я сказал только правду.

— Зачем мне красота! — шепнула она, отворачивая побледневшее лицо и полные скорби глаза.

Он не заметил этого, как и многое не замечал в том состоянии притупления всех чувств, в каком он находился с некоторого времени.

— Я уверен, что ты полюбишь Бэти, — произнес он спустя мгновение.

— Очень бы этого хотела!

Он даже не обратил внимания на ее холодный, равнодушный тон.

— Но ты должна мне искренне сказать, какое она произведет на тебя впечатление.

Ада обещала и сразу же перевела разговор на другую тему. Этим вопрос был исчерпан, и уже ни в этот день, ни в следующие они больше не касались его, всецело занятые проектом большой мистерии о Христе, которую Зенон намеревался писать. Он так был поглощен этой идеей, что не замечал ничего вокруг.

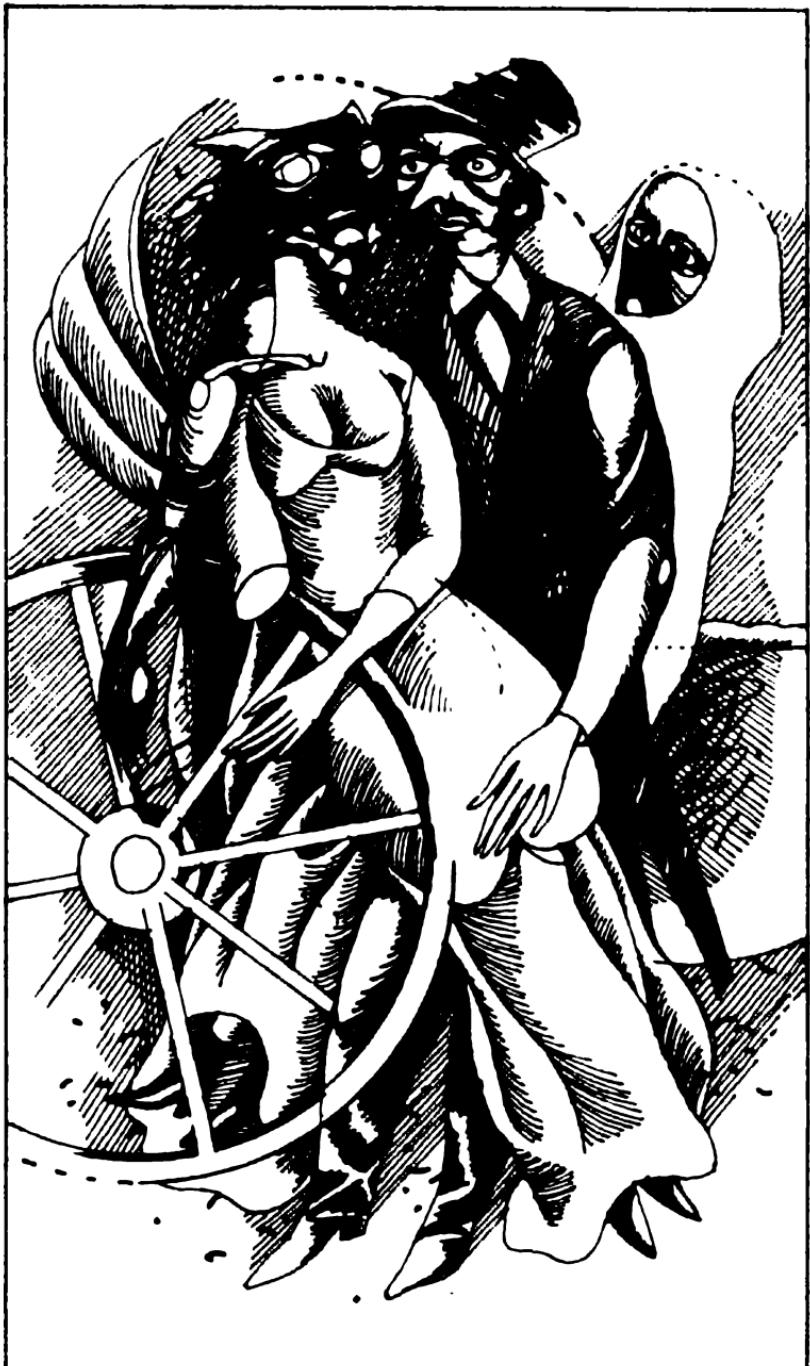
— Знаешь, я чувствую себя как бы беременным, — сказал он однажды, здороваясь с Адой. — Образы, которые я ношу в себе, просятся на свет Божий. Ты не можешь себе представить, как иногда мне бывает страшно в этой толпе. Сегодня утром меня осаждали мои крестьяне, хотят идти на Рим!

Ада, понимавшая, о чем он говорит, спросила с любопытством:

— И ты их пустишь?

— Должен! Пусть идут разрушать нашу подлую жизнь. Он поведет их покорять мир, укреплять свое небесное царство. Окончательный бой произойдет в Риме в замке Ангела, — они будут там осаждать всех королей и властителей земли. Ужасная борьба за государство над миром и жизнью, борьба за будущее!

— И победят? Должны ведь победить! — шептала Ада, как бы прося его об этом.

— Увы, должен победить грубый жизненный инстинкт! Мне ужасно жаль Христа и моих крестьян, но для них уже нет места на свете — они должны погибнуть!

Он говорил с такой глубокой грустью, что ее глаза наполнились горячими слезами.

— И уже ничто не может спасти их, они погибнут, потому что в мире есть место только для торговли и фабрик. Идеал современного человека — наслаждаться! Больше он ничего не требует. Поэтому Христос должен проиграть последний бой. От Него все отрекутся, предадут Его наиболее верные. Я даже уверен, что Его опять распнут на всех перекрестках и во всех сердцах, а имя Его предадут позору и надругательствам. Люди хотят только размножаться, жрать и оклеветать, а Христос мешает им окончательно погрязнуть в скотстве, указывает какие-то иные цели, мешает наслаждаться, блуждает среди них как упрек их подлой совести. Поэтому — долой его! Долой все вопросы, которые выводят из равновесия! Я не христианин, но я люблю этот чудный образ Назареянина, люблю Его, как крик печальной души, прорывающийся во все времена и среди всех народов. Бедный мечтатель, святое видение всех сердец, томящихся по бессмертию! Истинно сказал он ученикам своим: “Царство мое не от мира сего”. Правда, не было ни одного мгновения, в которое бы Он царил на земле. Исповедовали его уста и церкви, но сердца человеческие отрекались от Него постоянно. Его славили в храмах, а Он уже лежал мертвый, убитый предательством и отречением. Он в этом не виноват, это другие, жадные до власти, запятнали Его мечты и сон о человеческом счастье превратили в холодную, рационалистическую государственную систему. В их руках мистический цветок мечты превратился в скипетр, которым они загнали человеческое стадо в подземелья, откуда уже нет выхода. Они опутали людей страхом и захватили власть над ними путем насилия. Христианство восторжествовало, но Христа в нем никогда не было, никогда!

— Жизнь ужасна, — прошептала Ада, взволнованная до слез.

— Ужасны только люди. Жизнь сама по себе — добро, но мы сделали из нее муку для себя самих и мерзость. В этом и состоит вечная трагедия.

Они расстались грустные, но еще крепче связанные общностью мыслей и чувств.

В субботу, когда они все вместе возвращались из дворца Бертелет, Зенон спросил Аду:

— Вы помните свое обещание?

Она вопросительно поглядела на него, не догадываясь, о чем он говорит.

— Вы обещали мне сказать, какое впечатление произведет на вас мисс.Бэти.

— Очаровательная барышня! — воскликнула Ада не задумываясь, но таким тоном, что Генрих сделал беспрекословное движение.

— Она сегодня была в плохом настроении, — заметил Зенон, вспоминая, как Бэти была робка и с каким тревожным любопытством поглядывала все время на Аду и на него.

— Оригинальная семья, — все, точно живьем, взяты из английского романа, — сказал Генрих.

— В особенности тетки. Мисс Эллен дала мне целую пачку брошюр.

— О назначении женщины? Я наизусть знаю все эти бредни старых дев. Она принадлежит к secte “этических евангелисток”.

— А мне мистер Джо рассказывал такие необыкновенные вещи из своих путешествий в Бирму, что мне они показались совершенно фантастическими.

— Нет, он наверняка не фантазировал, вся эта семья — люди, достойные во всех отношениях.

— Но приняли нас чересчур по-английски. Можно было получить насморк в этой возвышенно-ледяной атмосфере.

— А ты предпочитаешь наши обычай, когда от порога целуются, за ужином пьют за любовь и дружбу, к утру провозглашают брудершафт, а на следующий день не узнают друг друга?

— Все же я предпочитаю это, чем такую скучную церемонность, — настаивал Генрих.

Ада замяла неприятный разговор, и они отправились в Грин-парк, так как погода была удивительно хороша, было тепло и сухо. Толпа заполнила все аллеи и широкие газоны. Сумерки уже начинали опускаться голубоватым туманом, затихал городской шум, стали зажигаться огни. Они остановились перед девочками в белых платьях и накидках, с увлечением игравшими в футбол. Вдруг Вандя испуганно шепнула:

— Мама, эта дама опять на меня смотрит.

Ада прикрыла собой девочку, ища глазами зловещую даму. Та стояла в нескольких шагах от них, одетая, как и раньше, во все черное; волосы были, как медь, лицо странно-бледное, губы красные, как кровь, глаза синие и жестокие.

— Пан Зенон!

Ада хотела обратить его внимание на эту даму.

Но Зенон не слыхал, как бы загипнотизированный неожиданным появлением Дэзи. Она улыбнулась ему и исчезла в толпе, и он напрасно искал ее глазами.

— Видите, вон та рыжая дама... там, у клумбы.

Он неохотно поглядел в указанном направлении.

— Уже исчезла! Я встречаю ее сегодня уже в третий раз; она так пристально смотрит на Вандю, что это невольно обращает на себя внимание. Удивительно красива, но в ней есть что-то демоническое.

— Демон и в то же время Мадонна, — шепнул он невольно.

— Вы ее знаете?

— Я ее видел мельком, и у меня невольно возникло это сравнение.

Аде хотелось продолжить разговор об этой странной незнакомке, но Зенон сослался на какое-то неотложное дело и уехал домой.

Он не ошибся в расчете и нагнал Дэзи еще на лестнице.

— Я был уверен, что это вы! — весело заговорил он, но, сразу охлажденный ее небрежным рукопожатием, молча стал подыматься по лестнице. Его сковывал ее гордый, пронизывающий взгляд, мерцающий фосфорическим сиянием и вводивший его в непонятное смущение.

— Вы давно приехали? — решился он наконец спросить.

Губы ее шевельнулись, и какой-то шепот повеял ему в лицо. Он не услышал слов, но его охватило непонятное очарование самих звуков.

Проводив ее до дверей квартиры, Зенон намеревался уйти.

— Вы будете сегодня на сеансе Блаватской?

— Я, собственно говоря, обещал, но, но...

— Но вы придете, прошу вас об этом, — повелительно шепнула она, прощаясь.

Очутившись в своей квартире, он машинально зажег свет, сел за письменный стол и застыл над начатой сце-

ной из мистерии. Он снова переживал эту неожиданную встречу с Дэзи, вспоминал каждую мелочь, воспроизвождал в памяти каждый ее взгляд и каждое слово, мысленно всматриваясь во все с величайшим вниманием. И все это показалось ему до того странным, что бурная волна беспокойства залила его сердце, окончательно выведя его из равновесия.

Он пытался вырваться из заколдованных круга воспоминаний, но очарование, таиншееся в них, сковывало его все более тяжкими цепями.

“Она, по-видимому, сглазила меня”, — вспомнил он простонародное выражение, и теперь оно уже не показалось ему смешным и наивным, как когда-то, — он почувствовал свою прямо-таки физическую зависимость от Дэзи, непреодолимую власть ее над собой.

“Это какая-то чертовщина!” — подумал он и вдруг отшатнулся и омертвел от ужаса, как будто оказался на краю бездны, которая внезапно перед ним разверзлась.

Кошмарные сцены, виденные когда-то в подземелье, снова ворвались в его мозг и проносились длинной, необыкновенно яркой вереницей. Он ясно видел грустное повелительное лицо Бафомета, сидевшего на троне, и у ног его среди кадильного дыма голову Дэзи.

“Да, это она, теперь я ясно вижу, это она”, — думал он, напрягая внимание, чтобы не упустить из виду ни одной мельчайшей подробности. Он наклонился вперед, напряженно всматриваясь, как будто все это происходило здесь перед ним, перед его глазами. Даже то пение, которое когда-то звучало как далекое эхо, теперь он ясно слышал, различая каждое слово, повторяя с невольным пафосом:

*Salute, o Satana! O, Ribellone!
O Forza Vindice — Della Ragione!
Sacri a te salgano — gli incensie i volti,
Hai vinto il Geova — Dei sacerdoti!*

— Salute, o Satana! — шептал он, охваченный священным ужасом, подавленный величием печального лица повелителя, милосердно склонившегося над толпой своих почитателей, которые покорно теснились у его ног. Зенон даже не дрогнул, когда с носилок поднялась нагая фигура, окутанная плащом рыжих волос, и сплелась с Бафометом в любовном объятии.

Кровавая дымка заволокла мистерию восторженного безумия и как бы унесла Бафомета и Дэзи куда-то в пространство, а в подземелье вспыхнул костер, как пламенный куст, в который стали бросать кресты, церковные облачения и бледные громадные священные символы, подобные умершим солнцам.

Ба завыла протяжно и зловеще.

— Salute, o Satana! Salute! Salute!..

Все могущественное разносились звуки гимна — казалось, его поет весь мир, охваченный восторгом любви, веры и надежды.

Пробило восемь часов, когда пронеслись последние видения и последние звуки замерли в тишине вечера. Зенон тяжело поднял голову, склоненную над неоконченной сценой мистерии, отбросил перо, которое он инстинктивно сжимал в руке, и после минутного раздумья прошептал с отчаянной решимостью:

— Будет то, что должно быть!

И, исполняя желание Дэзи, пошел на сеанс.

Громадный зал Теософского общества был набит битком. Над морем голов, прямо против входа, возносился высокий алтарь, на котором восседал золотой громадный Будда, тупо глядевший вперед круглыми глазами. Из золотых кадильниц, поддерживаемых белыми каменными слонами, подымались клубы ароматного дыма, обволакивая статую божества и весь зал голубоватыми струйками. На ступенях алтаря, среди венков и гирлянд из белых роз, гиацинтов и нарциссов, как золотые бабочки, дрожали огоньки бесчисленных лампадок. Несколько индусов, сидевших на нижних ступеньках алтаря, играли на громадных инструментах так тихо, словно шум прибоя замирал над морем поникших голов, иногда звучало щебетанье птиц и жужжал пчелиный рой. Ниже, на невысоком пьедестале, на котором был установлен алтарь Будды, стояла женщина в белом греческом одеянии. Она как бы застыла в молитвенном экстазе и концами пальцев левой руки касалась головы какой-то нагой фигуры, стоявшей перед ней на коленях.

Зенон остановился у входа, так как все пребывали в неподвижном молчании, погруженные в созерцание и в звуки музыки. И лишь когда смолкли инструменты и ярче вспыхнули огни в хрустальных лотосах, к нему подошел мистер Смит.

— Сегодня вы увидите необыкновенные вещи! — шепнул он, взяв его под руку. — Мисс Дэзи просила привести вас к ней. Медиум сегодня в великолепном состоянии. Сейчас Блаватская вводила его в транс. После сеанса вы познакомитесь с Блаватской лично. Медиум привезен из Тибета. Посмотрите, какая толпа, а ведь это избранные из избранных! Иначе здесь было бы пол-Лондона. Здесь все лондонское общество, — от лордов до рабочих. Я писал мистеру Джо, но он не пришел, — пожаловался мистер Смит.

Зенон сел рядом с Дэзи, отдавшись кивком головы от болтливого старика, который в продолжение всего сеанса не сводил с них глаз.

— Не поддавайтесь настроению!

— Я слишком трезв, чтобы ему поддаться, — ответил Зенон уверенно.

По губам Дэзи проскользнула загадочная улыбка, и дрогнули веки глаз, но она не ответила, так как Блаватская сняла руку с головы стоявшего на коленях медиума, и тот, загипнотизированный, как бы повис в наклонном положении. В тишине прозвучал низкий, сильный и очень мелодичный голос Блаватской; взгляды присутствующих устремились к ней сверкающим, волнующимся роем. Она кратко и образно рассказывала о своем последнем путешествии в Тибет и о свидании с далай-ламой. Постепенно тишина стала как бы насыщаться прерывистым дыханием, глаза слушателей засветились фосфорическим светом, — фантастические случаи, опасности, ужас смерти, висевший над ней беспрерывно, необыкновенные приключения, снежные заносы, голод, нападение диких голодных зверей, ледяные бури, борьба со злыми силами и, наконец, открытие тех бессмертных тайн бытия, лишь частицу которых она могла показать в “Изиде без покрывающей”, — все это так захватило слушателей, привело их в такой экстаз, что, когда она кончила говорить, на нее обрушился целый водопад бесконечных аплодисментов.

Блаватская села в глубине на какое-то подобие трона и сидела неподвижно и величественно, а на эстраду взошел старый индус в длинной зеленовато-золотой одежде, с чалмой на голове и объявил, что сейчас начнется экспериментальная часть вечера при помощи медиума, привезенного из ламаистского монастыря, расположенного на недоступных гималайских высотах.

— Настало время чудес, — насмешливо шепнула Дэзи. — Какое на вас произвела впечатление пророчица? — добавила она тише.

— Лицо вульгарное, глаза хитрые, воля очень сильная, а все вместе — генеральша.

Он объяснил значение этого определения, а затем добавил:

— Но говорит она великолепно.

— О, да! Великолепно морочит верующих, а в лучшем случае и себя! Впрочем, нет, для этого она слишком умна, она знает, что люди прежде всего жаждут чудес.

— Всякая религия охотно поддерживает и оправдывает себя этим.

Дэзи не ответила, так как в это мгновение свет померк и только в голубоватом дыму кадильниц таинственно сияло золотое изваяние Будды; на стенах, покрытых символическими рисунками, то здесь, то там высвечивались какие-то экзотические лица, священные надписи и знаки.

Белая фигура Блаватской застыла в глубине, как мраморная статуя. Звуки музыки рассыпались по воздуху сладкой летучей пылью и медленно таяли. В зале воцарилась гробовая тишина.

Начались спиритические чудеса. Подымались на воздух столы, носились над головами стулья, с потолка падали живые цветы, зеленые ветви каких-то тропических растений. Иногда тишину разрывал сильный удар турецкого барабана, заставляя всех вздрагивать от ужаса.

Потом стали появляться бледные контуры каких-то человеческих призраков, светлые, прозрачные руки блуждали над головами, где-то в высоте играли невидимые инструменты, проносились по воздуху клубы огненного тумана, сыпались каскады искр, клубясь в воздухе и покрывая стены фосфорическим сиянием.

Настроение зала становилось все тревожнее, и лихорадочное возбуждение дошло до предела, когда вдруг вспыхнули все люстры и при ярком освещении медиум стал подыматься на воздух и повис в высоте в колено-преклоненном положении, неподвижный, с закрытыми глазами, с руками, скрещенными на груди.

Всех охватил священный ужас, раздался истерический плач, несколько женщин опустились на колени и запели умиленными голосами какой-то благодарственный гимн. Одни сидели как бы омертвев, не в силах ото-

рвать глаз от этого чуда, другие подошли к самой эстраде, не веря своим глазам. Несколько фотографических аппаратов запечатлели это необыкновенное явление. Все онемели от удивления, все души окаменели, всеми овладел экстатический восторг и трепет.

Неожиданно зал погрузился во тьму, и начались новые чудеса явлений, новый мучительный сон, полный страшных призраков и галлюцинаций.

Только Дэзи сидела спокойно, наблюдая за Зеноном, который в этой гипнотизирующей атмосфере совершенно перестал владеть собой. Он впал в какое-то сонное состояние, по временам ему что-то мерещилось, он куда-то рвался и что-то невнятно и лихорадочно шептал. Дэзи держала его за руку и старалась отрезвить властным взглядом, но, когда он стал совсем застывать, впадая в транс, она сильно сжала ему пальцы и повелительно шепнула:

— Иди за мной!

Он пошел автоматически, не понимая, что с ним происходит.

Очнулся он у нее в квартире перед пылающим камином. Ба лежала на ковре, глядя в огонь, а за ней сидела Дэзи с папиросой в руках.

— Вы у меня, — сказала она в ответ на его удивленный взгляд.

— Как? Ведь мы только что были в Теософском обществе.

— Там было тесно и душно, вам стало плохо, вот и все.

— Благодарю вас!

Он нагнулся, чтобы поцеловать ее руку, но Ба так враждебно заворчала и выгнула хребет, что он невольно отступил.

— Я хотел только выразить вам мою благодарность, а Ба не позволяет!

Дэзи улыбнулась и положила ноги на спину пантеры.

— Вы не привыкли к спиритическим сеансам.

— Я бывал на многих, но на этот раз мне все время казалось, что я вижу фантастический сон, от которого никак не мог освободиться. Удивительный медиум! И если даже все это было наперед подстроено, то приходится признать, что устроитель прямо-таки гениален!

— Все это была самая настоящая правда, ручаюсь вам! Но, к сожалению, это только факты, и ничего больше, — говорила она презрительным тоном, подавая ему стакан

чая, который принесла старая, сгорбленная индуска. — Немая действительность! Лишние, ненужные истины! Отвратительная болтовня людей, которым суждено исчезнуть бесследно. К тому же я терпеть не могу этих балаганных чудес, они во мне будят отвращение и чувство гадливости. В низших кругах земной атмосферы кишают эти ларвы. Это громадная мертвецкая человеческих призраков, которым, раньше чем они рассыплются в сферическую пыль, грезится прежняя жизнь на земле. Это только элементалы, эманации души, призрачные существа и вампиры, подкарауливающие нас, чтобы за наш счет продлить свое ничтожное, иллюзорное существование; это только зародыши преступлений, зла и подлости, возникшие в темных уголках земли, постоянно кружасицеся над ней, неспособные на бессмертное солнечное существование. Как голодные, бездомные собаки в холодную ночь просятся в теплые жилища, так и они кружатся в светлых орбитах творческих душ, которым дано господство и бессмертие.

— Ужасная картина, настоящий ад, — сочувственno вздохнул Зенон.

— Да, настоящий и единственный ад! “Вечный плач и скрежет зубов!” А он держится их слезами, он кормится их мучением, он из их страданий и горя создал себе престол, на котором опочил, требуя все новых восхвалений и совершая все новые насилия. Где раздается стон, где царят болезни, несчастья, преступления и вечный мрак, там проявляется его власть, там царит он, царь тьмы, ужаса и смерти! — В глазах Дэзи сверкали молнии, она грозила кому-то сжатым крепко кулаком. А Зенон, захваченный ее пылом, бессознательно шептал:

Salute, o Satana! O, Ribellone,
O, Forza Vindice — Della Ragione!

Дэзи сложила руки и, склонив голову, замерла в восторженном созерцании. Лишь изредка шевелились ее губы, и на них расцветала улыбка, грудь подымалась от сдержанного вздоха, и по бледному, просветленному лицу пробегало зарево молитвенного экстаза.

Не смея мешать ей, Зенон сидел неподвижно, всматриваясь в корону ее медных волос, окружавших голову словно лучистым ореолом, и зачарованной душой пел ей немой восторженный гимн.

Но спустя некоторое время, обеспокоенный ее катаптической неподвижностью, позвал индуску и ушел.

Ба покорно прыгала перед ним, провожая его до порога.

X

Вечер был отвратительный, шел мелкий, частый дождь. Зенон вздрагивал от холода. Гнилой воздух спирал ему дыхание и покрывал лицо липкой, неприятной сыростью. Было уже довольно поздно; окна зияли пустотой, как прогнившие глазные впадины, магазины были закрыты, и только затянутые туманом фонари бросали грязные круги света на почерневшие мокрые стены домов и тротуары, покрытые грязью. Редкие прохожие, сгибаясь под зонтами, проходили по пустым улицам. Постоянное бульканье водосточных труб, шум дождя и глухие мучительные порывы промокших деревьев раздражали Зенона, причиняли ему чуть ли не физическое страдание.

Ада вызвала его по какому-то спешному и важному делу, и он шел, вернее, тащился, то и дело останавливаясь на углах и боязливо всматриваясь в пустые площади и глухие улицы. Бесчисленные глаза фонарей глядели со всех сторон затуманенными таинственными зрачками, кое-где, как черные стожки, стояли неподвижные фигуры полицейских в длинных плащах, с которых стекали струи дождя.

Зенон не видел Аду уже несколько дней, так как со дня сеанса почти не выходил из дома. Он чувствовал себя очень плохо, им владело какое-то необъяснимое беспокойство, он ощущал такой сильный упадок воли, что по целым часам просиживал в читальном зале, ни о чем не думая, бесцельно всматриваясь в огонь, глухой и равнодушный ко всему окружающему. С того же дня он не встречал и Дэзи; ему сказали, что она больна и не выходит из своей квартиры, и он этим удовлетворился. Безволовие и равнодушие, охватившее его, сделали его жизнь отвратительной; даже его личные дела были ему скучны и неприятны. Поэтому он ужасно злился, таща сейчас к Аде по пустым дождливым улицам.

Углубленный в свои мысли, он не сразу заметил остановившийся рядом с ним экипаж. Чей-то голос окликнул его по имени.

В открытое окно кареты глядела Дэзи.

— Куда отвезти вас? — спросила она, подвигаясь и давая ему место рядом с собой.

Он назвал кучеру гостиницу и сел в экипаж.

— Меня вызвали родственники, есть какое-то спешное дело.

— Это та прелестная девочка и красивая дама, с которыми вас видела в Грин-парке?

— Да, но что с вами случилось после субботы?

— Я находилась в состоянии, в котором даже сама о себе ничего не знаешь. Это болезнь, посещающая меня очень часто, и против нее нет лекарства, — грустно ответила Дэзи.

— И меня в эти дни разъедали скука и безразличие. Я не выходил из дома, ни с кем не видался и не работал, мною овладело безволие, и все время я дрожал в каком-то беспокойстве, ожидая каждую минуту несчастья. Так, должно быть, чувствуют себя деревья перед ударом молнии. Отвратительное состояние!

— А теперь вам лучше?

Она пожала ему руку и заглянула в глаза так глубоко и близко, что он невольно отодвинулся.

— Нет, нет, — горячо возразил он. — А может быть, виноват во всем климат? Ведь все время идет дождь, холод, туман, и так изо дня в день! Это может довести до отчаяния! А может быть, солнце погасло и мы уже никогда не дождемся тепла и света?

— Ностальгия по солнцу.

— Уеду на материк, непременно уеду! Дольше такого я не выдержу. Убегу куда глаза глядят!

И вдруг он замолчал, смущенный такой неожиданной вспышкой своей откровенности.

— На юге весна уже в полном разгаре!

— Какое мне до этого дело? — резко возразил он, не уловив в ее тоне удивительной мягкости и тоски.

— Таким ароматом дохнули на меня вдруг апельсиновые рощи, так засверкали голубые моря!

Он быстро наклонился к ней, глаза ее застыли, устремленные куда-то вдаль, и было в них как бы сияние этих желанных морей, а по губам скользила бледная мечтательная улыбка. Вдруг он все понял.

— Жду, жду, жду, — шептал он все тише, и в голосе его была безумная радость, надежда и счастье.

— Помнишь? — губы ее дрогнули, и звук ее слов был удивительно нежен.

— Я готов хоть сейчас!

Экипаж остановился перед гостиницей.

— Завтра! — крикнула она ему, прощаясь с улыбкой, полной тайного обещания.

Долго прислушивался он к шуму удалявшегося экипажа.

— Завтра! — повторил он, чувствуя, как с его души слетает бессилие, подобно старой изношенной одежде, а в сердце разгорается пламя восторга. Он не стал ждать лифта и буквально летел по лестнице, подхваченный крыльями радости. Иногда он останавливался и восторженно восклицал:

— Завтра! Завтра!

Ада встретила его бледная и смущенная.

— Вандя больна.

— Вандя?

Его сразу отрезвило это неожиданное известие.

— Заболела в субботу, сразу же после возвращения из парка. Врачи никак не могут определить болезнь. У нее ничего не болит, она только жалуется, что всякий раз, когда засыпает, ей является та рыжая дама, которую мы тогда встретили, и смотрит на нее ужасным взглядом. Вандя с криком вскакивает с кровати. При одном упоминании о ней дрожит от страха. Вот это-то и странно, что температура у нее нормальная. Но я, кажется, знаю источник ее болезни! — шепнула Ада с глубоким убеждением.

Робко и беспомощно взглянул он в ее грустное лицо.

— Это она ее сглазила.

— Кто? — и он невольно оглянулся вокруг.

— Этот рыжий вампир, эта ужасная незнакомка.

— Дэзи? — Он отшатнулся, пораженный ужасной мыслью. — Не может быть! Человек, когда боится, теряет способность ясно смотреть на вещи! Это совершенно невероятно! — торопливо говорил он, чтобы заглушить звук произнесенного имени.

— Я глубоко убеждена в этом. Не знаю только, зачем и за что? Пусть будет проклята эта злая и подлая сила, пусть будет проклята! — грозно повторила Ада, и в глазах ее сверкнула молния глубокой ненависти. — Но я

своего ребенка защищу, хотя бы ценой собственной гибели. В чем виновата Вандя? Это меня так мучит, что я не могу успокоиться. А тут, как нарочно, и тебя столько дней не видела, — с упреком сказала она, подымая на него глаза, полные слез.

— Я тоже был болен, сегодня я первый раз после той субботы вышел из дома. Лихорадочный бред, — поспешил заметил Зенон.

— Да, ты бледен, у тебя очень плохой вид. В этом должна быть какая-то таинственная связь с болезнью Ванди. Не смейся над моими подозрениями: страх часто имеет ясновидящие глаза. Может быть, она и тебя сглазила!

Его охватила ледяная дрожь, в мозгу пронеслись странные ассоциации.

— Пойдем, и Бэти здесь! Она приходит каждый день и сидит у кровати Ванди. Милая, славная девушка!

Зенон молчал: предположения Ады пробудили в нем сильное беспокойство.

— Тебе было очень плохо?

Она поглядела на него с нежной заботливостью.

— У меня был острый приступ меланхолии, и несколько дней я метался в бессильной муке. Не было даже сил прийти к тебе.

— Почему же я не могу быть всегда с тобой?

— Я думал об этом, я знаю, ты бы меня защитила от моих терзаний! Ты одна! — горячо произнес он, но сейчас же подавил в себе готовое сорваться с уст признание, так как перед ним встало грозное лицо Дэзи.

— Что тебя мучит, скажи, ты ведь знаешь, я готова все для тебя сделать.

— Когда-нибудь скажу тебе! Скажу, убегу под твою защиту, и ты меня спасешь, снимешь с меня тяжесть греха. Мне надо окончательно решиться на что-то.

— Ты пугаешь меня!

Ее сильно обеспокоил мрачный взгляд Зенона.

— Ада, мы ждем! — крикнул Генрих из другой комнаты.

Они вошли в гостиную. Генрих сидел у камина, Бэти шла им навстречу.

— Вандя жалуется, что вы ее забыли!

Она поздоровалась с Зеноном холодно и сдержанно.

Девочка лежала в кровати, как увядший цветок, с усилием протягивая ему маленькие худые ручки.

— И мама вас ждет, и папа, и мисс Бэти ждет! Все ждем, а дядя не приходит, — шептала она с упреком.

Нежный жалобный голосок и худое личико ребенка так растрогали Зенона, что он едва сдержал слезы. Он погладил ее по растрепавшимся светлым волосам и стал весело рассказывать о разных делах, которые его задержали. Девочка выслушала внимательно и ответила очень серьезно:

— Ладно, дядя, но теперь вы должны навсегда с нами остаться! Мама сказала, что, как только я поправлюсь, мы поедем домой, и вы с нами.

— Непременно поедем вместе, — подтвердил он, растроганный ее щебетанием.

— И прямо домой! Мне что-то надо вам сказать, дядя, по секрету, только никому ни-ни!

Он дал ей торжественное обещание хранить тайну; Вандя обняла его за шею и прошептала:

— Когда дядя не приходит, мама плачет. Я часто видела. — Она откинулась на подушку и, взяв его за руку, продолжала серьезно: — Мама совсем одна. Папа постоянно болен, а я ведь тоже не могу ей помочь. Маме очень тяжело. Вы понимаете, дядя? — прибавила она.

Как дороги ему стали в этот миг ее золотистая головка и умные голубые глаза! В нем вспыхнула внезапно проснувшаяся отцовская любовь, ему захотелось говорить ей слова, полные нежности, любви и заботы. Он обнял ее и стал горячо целовать, а Вандя, взволнованная этой неожиданной лаской, гладила рукою его лицо и шептала, восхищенная и счастливая:

— Дядя такой добрый, такой милый, такой — мой!.. Как папа!

— Как папа! — невольно повторил Зенон, опускаясь на стул.

— В самом деле, дядя, в самом деле! — щебетала девочка, не отпуская его руки.

Зенон радостно слушал эти признания, но в то же время понимал, что ему никогда не придется называть ее своим ребенком.

Девочка вдруг понизила голос и таинственно произнесла:

— Знаете, дядя, Швипс приходит ко мне каждую ночь.

Он вопросительно поглядел на нее, не понимая, о ком идет речь.

— Это моя собачка. Мама говорит, что она мне только снится, но она в самом деле приходит, впрыгивает на кровать и лижет мне руки, пока я ее не поглажу, а потом

свертывается в белый клубок и засыпает. А иногда она играет со мной, — хватает башмаки, прыгает через стулья, прячется, стоит на задних лапках. Странно только, что никогда не лает и не визжит. Правда, я не знаю, куда она днем пропадает. Я везде искала ее, а может быть, мама нарочно велит ее прятать?.. Сегодня ночью... когда пришла та рыжая, я на нее натравила Швипса. Маме я не сказала, потому что знаю, что нельзя людей собаками травить... Но я так ужасно ее боюсь, что не могла выдержать... Я указала на нее Швипсу глазами и говорю: возьми ее! Он бросился на нее и так гонял ее по всей комнате, так гонял, так грыз, что она пригрозила мне и убежала.

— Может быть, она больше не придет, — пробормотал Зенон, пораженный ее рассказом, тем более что Вандя рассуждала вполне трезво.

— Я буду на нее всегда науськивать Швипса, раз она такая подлая! — сердито говорила девочка. — Знаете, дядя, она приходит, садится вот здесь, где вы теперь сидите, и смотрит на меня таким ужасным взглядом. Я закрываю глаза, прячу голову под подушку и все-таки вижу, как она на меня смотрит. Мне становится так страшно, со мной что-то такое происходит, чего я не умею вам рассказать. Я не могу ни пошевелиться, ни позвать маму, ничего не могу сделать, — беспомощно разверла она руками. — И зачем она меня пугает? — жалобно простонала Вандя, пугливо прижимаясь к Зенону.

— Не бойся, она уже не придет... и не надо об этом думать.

Вошла Ада и пригласила его пить чай.

— Мама, дядя теперь будет приходить каждый день!

Когда он, прощаясь, целовал ее, она шепнула ему на ухо:

— А то перестану дядю любить!

Он еще раз поцеловал ее и вышел.

— Мисс Бэти уже уехала. Она не хотела вам мешать, к тому же очень торопилась домой, так как у мистера Бертелета сегодня опять припадок, а Джо куда-то уехал.

Зенон и не заметил отсутствия Бэти, поглощенный мыслью о состоянии Ванди. Воцарилось тяжелое беспокойное молчание. Ада ежеминутно заглядывала в комнату больной, а Генрих, измученный и слабый, только вздыхал и бросал робкие взгляды на Аду и Зенона.

— Вандя мне все рассказала, даже о собачке. Я ничего не могу понять. Она вполне разумна, отлично понимает

свое состояние и совершенно уверенно рассказывает невероятные вещи. Точно какая-то галлюцинация наяву. А может быть, это какой-то самогипноз? Ничего не понимаю.

— Для меня все совершенно ясно. Я вам уже говорила.

— Да, но рыжая незнакомка и ее злые, околдовывающие глаза — это не факт, а только ваше предположение.

— Может быть... А все-таки над нами нависло что-то таинственное... Я чувствую ее злое влияние... Но откуда пришло несчастье? Кому мешает наше тихое существование? Это меня ужасно мучит.

— Если даже все так, как вы предполагаете, то тайна останется неразгаданной.

— Прежде всего следует преодолеть эту злую, жестокую силу.

— Завтра привезу доктора, который занимается гипнотизмом.

— Для Ванди самым лучшим было бы вернуться домой, — робко проговорил Генрих.

— И я чувствую себя здесь гораздо хуже. Лондон для нас вреден.

— А доктор советовал ехать на юг. Вчера я получил письмо от одной знакомой из Сорренто, — там уже весна и тепло. Что вы думаете об этом?

Зенон невольно повторил слова, недавно произнесенные Дэзи:

— Таким ароматом дохнули на меня апельсиновые рощи, так засверкали голубые моря!..

Аду удивил чужой, тосклиwyй звук его голоса.

— Мне вспомнились какие-то стихи, — поспешил добавил он, ловя ее напряженный, подозрительный взгляд, и, переменив тон, стал их горячо уговаривать ехать на юг.

— Но ведь и вы поедете с нами? — поймала его на слове Ада.

Он обещал, не задумываясь, так как в этот момент желал этого от всей души.

— Бэти сегодня говорила, что они окончательно раздумали ехать на материк. Объясняла это болезнью отца, но у них там что-то случилось. Она становится с каждым днем все грустнее. Мне ее ужасно жалко.

— Ее жизнь очень тяжела. Тетки невыносимы.

— Теперь она очень огорчена состоянием своего брата. Из ее недомолвок я поняла, что они опасаются, как бы

он не сошел с ума. Может ли это случиться? Вы ведь его хорошо знаете.

— Трудно сказать что-нибудь наперед, но он занимается вопросами, которые очень часто приводят к безумию.

— Эти говорила, что и вы посещаете спиритические сеансы.

— Меня интересует этот род помешательства. Я был на нескольких заседаниях и видел необыкновенные вещи, которых мой ум и моя воля не могут принять, но которые все-таки являются действительным фактом. Впрочем, я не углубляюсь в исследование этого вопроса, и все эти фантастические явления собираю только как материал, который мне со временем пригодится.

— Я бы боялась сеансов и тех чудес, которые там происходят. Я убеждена, что во всех этих делах скрывается дьявол, который искушает человеческие души чудесами, гипнотизирует обещанием переступить порог непостижимого и увлекает в бездну.

— Что вы этим хотите сказать?

— Хотя бы то, что человек сходит с ума. Я боюсь этих темных сил. Может быть, ад существует не только в вашем суеверии и страхе. Мне кажется, что за пределами нашего сознания лежит ужасная бездна, в которой обитают какие-то ужасные чудовища, какие-то таинственные существа, невообразимые ларвы. И кто раз поддастся любопытству и заглянет туда, тот должен будет погибнуть. Я глубоко верю в Бога, люблю солнце и дневной свет, люблю жизнь и боюсь всего, что не из этого мира.

— И вы совершенно правы! — подтвердил Зенон, не желая продолжать этого разговора.

— Милые мои, уже очень поздно, — вскрикнул Генрих.

— Два часа! Простите, я убегаю!

— Значит, мы не будем теперь ждать вас понапрасну?

— О, нет, нет! И доктора привезу после обеда! — крикнул он, уже выходя.

Выходя из гостиницы, он остановился, всматриваясь в пустую дождливую улицу. Вдруг подъехал экипаж и со звоном опустилось окно в дверцах.

— Скорее, холодно! — прозвучал чей-то знакомый голос.

— Вы здесь? — воскликнул Зенон, узнав Дэзи.

— Я ждала вас.

— Меня? Меня? — он не мог поверить, и его удивление перешло в неожиданный испуг. Он отступил назад, как перед привидением, но чья-то белая рука увлекла его в карету, дверь захлопнулась, и экипаж покатил так плацно, точно летел по воздуху.

— Мисс Дэзи? — спрашивал Зенон, приходя понемногу в себя.

— Завтра уже стало сегодняшним днем! — зазвучал ее тихий голос.

— И вы меня ждали?

Она была плотно укутана в шубу, и только когда они проезжали мимо фонаря, он видел ее большие яркие глаза.

— Так это сегодня?

Собственный голос показался ему совершенно чужим. Он наклонился к ней; от нее исходил такой жар, что он весь задрожал и уже смело стал искать ее руку, придвигаясь ближе; пытался даже обнять ее, но как-то не мог этого сделать, точно их разделяло бесконечное пространство. А может быть, он делал все это только в мечтах?..

Он что-то говорит... Или спрашивает о чем-то? И что она отвечает ему? Блещут молнии, раздаются удары грома, точно говорит сам Бог! Какая-же это тайна связывает их навсегда? Нет, он не может вспомнить, никогда не вспомнит!.. Небо ли вдруг ему открылось? Такая радостная тишина охватила сердце!.. Отлетели все мелочи жизни, и вот они вспыхивают пламенным кустом среди неизмеримого пространства, и солнечный круговорот уносит их по путям вечности... Ее ли губы напоили его этим безумием? Ее ли обнаженные руки так сковали его пламенными оковами? Точно смерть убаюкала его и окунула в забытье. Какое блаженство — быть и не чувствовать своего существования! Пламенеть и не знать о самом себе! Падать в бездну и всплывать на волнах счастья!

Еще один поцелуй! Еще одно объятие! Еще один взгляд! Пить блаженство всем своим существом становится воплощенным счастьем! Петь немой гимн победной радости! Кто могущественнее тебя, царь страха и смерти!

Любовь ли это? Это радостный взрыв двух солнц, утопающих друг в друге в таинственный момент сочетания... Возникновение звезд в бесконечности...

Дэзи! Дэзи!

Уже ничего нет, кроме совершенного счастья.

Она! Я! И ты, Мститель! Ослепленные любовью глаза сеют пламя, и из него вырастают млечные пути, косми-

ческая пыль, бесконечные цепи жизней! Из зениц Бафомета рождается душа и, как молния, несется, прорезая века, чтобы со временем снова в "нем" утонуть. Рожденная в "нем", она становится "им"! Совершает таинственный круг и возвращается к предвечному источнику!

О, Дэзи! Дэзи!

Мы искали друг друга с первых дней сотворения мира! Мы томились друг по другу еще вначале, еще в "нем"!

Неужели это только сон? Если да, пусть продолжается, пусть снится вечно, вечно!

Вихрь каких-то воспоминаний начинает проноситься в мозгу... Он узнает, понимает, и душа его полна презрения.

Это был я! Отвратительная человеческая форма — это был я?

Засверкали в тумане какие-то жизни, какая-то действительность, жалкий, печальный человеческий муравейник. Стон несется от них, жалобный стон и проклятья. Роса их слез падает ему на глаза и просачивается в сердце едким страданием.

Дэзи, Дэзи!

Зенон быстро сомкнул глаза, неприятно пораженный утренним светом. Мысль его медленно подымалась как бы из глубокой бездны, тяжело работала, искала во мраке, трепетала в муке, разбивалась о туманные стены обманов, прорывалась сквозь рой привидений и тоскливо, печально выходила на дневной свет. Сердце снова начинало дрожать в страхе, сознание просыпалось и спрашивало:

"Что же это было?"

Его привел в сознание звук собственного голоса, и он снова открыл глаза.

Серое туманное утро вползало в комнату, улицы уже шумели обычным ритмом движения.

"Такой же день, как и вчера. Дождь, холод и скука! А то?"

В памяти его пронесились какие-то смутные, бессвязные воспоминания, с каждым моментом все более бледные, призрачные и неуловимые.

Зенон вскочил с кровати и старался вспомнить, когда и каким образом он вернулся домой.

"Я ехал с Дэзи, — напрягал он рассеянную память, — но потом? Что со мною было потом?"

Непроницаемая стена туманных, неуловимых призраков встала в его мозгу. Он помнил разговор с Адой, помнил рассказ Ванди, помнил все, вплоть до того мо-

мента, когда сел в экипаж, но дальше был непреодолимый мрак, ночь, горевшая ослепительными молниями страха.

Вошел служитель и принес вместе с чаем пакет от фирмы Кука, которая извещала его, в котором часу уходит поезд в Дувр, сообщала название парохода и номер каюты.

— Мисс Дэзи дома? — спросил он, опомнившись.

— Сейчас к ней прошли мисс Блаватская и мистер Смит.

— А мистер Джо еще не приходил?

— О нет, мистер Джо очень болен. Мистрис Трэси говорила, что...

— Можете идти! — резко сказал Зенон, проследив его взгляд, обращенный с глупой улыбкой на лежавшую на диване шаль. Это была индийская шаль, переливавшаяся всеми красками, пропитанная запахом фиалок, а рядом лежали белые, немного измятые перчатки.

“Дэзи! Да, это ее вещи! — Он наслаждался чудным запахом. — Какая-то ошибка!”

Зенон завернул шаль и перчатки в бумагу и, написав несколько препроводительных слов, отослал пакет с горничной. Затем позвонил по телефону знакомому врачу-гипнотизеру насчет Ванди и собирался уже уйти из дома, когда в глаза ему снова бросилось письмо Кука.

“Поезд уходит в 10 часов... Дувр... “Калибан”.

Он читал медленно, как бы желая закрепить эти слова в неподатливой памяти, но не мог понять, куда это он собирался ехать и зачем. Бросив с досадой бумагу на стол, он вышел.

В коридоре его встретила горничная с письмом Дэзи.

— Мисс уже ушла?

— Мисс больна, уже несколько дней она не выходит из дома.

Зенон снисходительно улыбнулся, выслушав эту ложь. В письме Дэзи приглашала его к чаю, а в приписке благодарила за присланную шаль.

“В пять часов у Дэзи, в семь у Ванди с доктором, а в десять отходит поезд”, — подумал он и пошел к Джо.

““Калибан”, странное название парохода,” — подумал он вдруг.

Малаец открыл дверь, сверкнув белками глаз, и куда-то исчез. Квартира была почти не освещена, шторы опущены, и в сером сумраке, как привидение, блуждал Джо. Он ходил сгорбленный, с трудом передвигаясь,

иногда останавливался и с напряженным вниманием глядел в одну точку, невнятно бормотал какие-то слова и продолжал ходить из комнаты в комнату.

— Джо! Джо!

Но он не слышал и продолжал ходить. Зенон крепко сжал ему руку и крикнул на ухо:

— Джо, проснись, ради Бога!

Тот прижался к нему и безжизненно спросил:

— Скажи мне, где я, собственно говоря, нахожусь? —

И стал пристально смотреть на Зенона.

Тот отшатнулся, не выдержав его безумного взгляда.

— Где я? — повторил он тише и спокойнее.

— Рядом со мной. Мы стоим вместе. Чувствуешь мою руку?

— Да... но... Где мы? Посредине комнаты или там, у стены?

— Посредине комнаты.

— А там ты ничего не видишь?

— Уверяю тебя, что в комнате, кроме нас двоих, никого нет.

— Странно... Теперь никого нет... А только что... А ты уверен, что ты со мной говоришь?

Зенон поспешил поднял шторы, и день проник в комнату широкой струей света. Джо, ослепленный, отвернулся, но через мгновение стал подозрительно озираться и вспоминами, как бы видя что-то страшное, весь сжимался, застывал на миг, глаза его закатывались и горели зловещим блеском безумия.

— Джо! — В голосе Зенона звучало глубокое сострадание.

— Это ты, Зен, я знаю, — проговорил тот, как бы пробуждаясь от летаргического сна.

— Что с тобой? Ты болен?

— Нас только двое здесь? — поднял он на Зенона мутные глаза.

— Сейчас открою окна, сам убедишься.

Вскоре вся квартира была залита светом и влажным холодным воздухом. Монотонно стучал дождь, и булькали водосточные трубы. Джо завернулся в плед, выглянул в окно, высунул даже голову под дождь и, немного успокоившись, сел рядом с Зеноном, который сказал:

— У тебя нервы совсем расшатались.

— Возможно! Я несколько дней не выходил из дома, а паровое отопление ужасно плохо на меня действует.

— Все решили, что ты заболел.

— Я был очень занят.

— А дома беспокоятся о тебе, — осторожно начал Зенон.

— Кто? — спросил Джо отрывисто и резко.

— Отец, Бэти, тетки, наконец, друзья.

По мере того как Зенон перечислял, Джо менялся на глазах, лицо его стало мрачным и злым, и он с ожесточением закричал:

— Никого не помню и не знаю!

— Я говорю о твоей семье, — пояснил Зенон, думая, что тот его не понял.

— У меня нет семьи, я уже избавился от этого вампира! Порвал все узы! Меня больше ничто не связывает с жизнью, на днях я уезжаю навсегда из Европы. Я свободен, не надо мне ни родины, ни семьи, ни друзей! Омою тело в священных водах Ганга, а душу затоплю в созерцании. Там до меня не дойдет отвратительный визг человеческого стада. Я так ужасно страдал здесь! Но я пересилил подлый инстинкт жизни, пересилю и саму жизнь. Я страдал за ваши грехи, молился, бичевал себя, но теперь точно знаю, что вас ничто не спасет! Вы прокляты! Богоубийцы! Поклонники зла! Прокляты, прокляты, прокляты!

Он кричал, охваченный безумным порывом страдания, ужаса и ненависти.

— Ты пришел смущать меня? — обратился он к Зенону. — Пришел искушать? Прочь отсюда, посланик сатаны, прочь! — взревел он, наступая на него с горящими глазами.

Зенон невольно попятился назад, не зная, что делать.

Вдруг Джо остановился, смертельно побледнел и как бы окаменел на месте.

Зенон бросился к нему, но не в силах был сдвинуть его с места. Джо застыл и как бы прирос к полу. Он стоял неподвижно, как дерево, ко всему безучастный, глаза погасли, лицо его выражало иступленное блаженство.

— Ему нельзя мешать, — сказал малаец, позванный Зеноном, и стал поспешно закрывать окна и занавешивать их тяжелыми гардинами.

Зенон был так поражен, что не понимал его слов.

— Он сам очнется — может быть, через несколько часов, может быть, завтра. Он теперь беседует с Богом, и если ему помешать, он может убить одним взглядом. Иногда он поднимается на воздух, и тогда слышатся музыка и пение, — шептал с глубокой верой малаец, затем

он поставил перед Джо зажженную кадильницу; стол беловатого дыма поднялся и наполнил комнату ароматным облаком.

Малаец проводил Зенона в комнату, отделанную желтым шелком, и, указывая на множество разбросанных предметов и открытые сундуки, сказал:

— Мистер Джо велел отослать отцу все эти вещи и деньги.

— Уезжаете? — спросил наконец Зенон, понемногу приходя в себя.

— Уже куплены билеты в Бомбей, на пароход в отделении для груза, а оттуда Будда доведет нас до Великого Пути.

— Куда едете? Куда? — все еще не мог понять Зенон.

— Я только тень его, иду, куда он идет.

Малаец говорил так серьезно, что Зенон должен был поверить ему, и тем больший охватил его испуг.

“Надо спасать Джо”, — решил он и позвонил прислуге.

Отослав длинную депешу к Бертелет, он велел прислать мистера Смита, который, к счастью, оказался дома и сейчас же явился. Он выслушал Зенона с величайшим сочувствием, но не мог все-таки удержаться от сектантского злорадства:

— Ушел от нас, и вот грустные результаты! “По плодам узнаете их”. Вот куда ведет своих поклонников эта дьяволица.

— О ком вы говорите?

— О мисс Дэзи! Мы с Блаватской были у нее. Она нам чистосердечно призналась, что служит “ему”... — И он суеверно пошевелил пальцами, как бы рассыпая по полу соль.

— Меня гораздо больше интересует состояние больного, — ответил Зенон, совершенно разбитый.

— Я бы хотел его видеть, может быть, он уже проснулся?

Они отправились к Джо; тот неподвижно стоял на прежнем месте, едва видимый среди кадильного дыма и весь покрытый светящейся росой.

Мистер Смит задрожал от страха.

— Но избави нас Бог от лукавого... — бормотал он, поспешно отступая в желтую комнату. — Он находится в состоянии полной каталепсии. Надо ждать, пока сам проснется. Я думаю, что потом его нельзя будет оставлять одного.

— Да, я жду прибытия его родных. А может быть, отвести его в больницу?

— Это не болезнь, это нечто худшее.

Зенон опустился на стул, терзаясь все сильнее, а мистер Смит глубоко задумался и, шагая по комнате, невольно ощупывал взглядами предметы. Его сухие, костяные пальцы сладострастно скользили по шелковой материи и прикасались к бронзовым изваяниям.

— На всех путях жизни таится безумие, — произнес вполголоса Зенон, как бы в ответ на свою мысль.

— Но на том пути, по которому пошел Джо, оно постигнет всякого. Когда-то я шел по этому пути, но меня спасло чудо, я отступил перед бездной.

— Значит, вы вышли из состава Общества?

— Я говорил о том пути, по которому пошел Джо. Это путь отрицания дьявольской гордыни. Путь взбунтовавшихся. Наши пути диаметрально противоположны, мы верим в Бога — они Ему противятся. Мы любим людей и работаем ради их спасения, а они презирают и ненавидят человека. Они проклинают жизнь, хотят ее уничтожить. Свое гордое “я” они противопоставляют всему миру. И прежде всего я должен вам заметить, что спиритизм является религией, утверждающей бессмертие всего живого. Мир — это мечта Бога о Самом себе... — разглагольствовал мистер Смит, переходя к изложению сложной теории семи кругов познания, семи сфер и всего теософского апокалипсиса.

— Но вернемся к вопросу о Джо, — быстро переменил он разговор, заметив утомленное лицо Зенона. — Я утверждаю, что его погубила мисс Дэзи.

— А потом вы станете доказывать, что она — воплощение Бафомета.

— Да, я утверждаю это! — Он пошевелил пальцами и, придвигаясь ближе, зашептал ему почти на ухо: — Ведь он является в каких угодно видах. Вы думаете, что Ба — это только пантера? Или, например, это раздвоение Дэзи? Я сам видел, как она пришла на сеанс к Джо, разговаривал с ней, она стояла с нами в цепи, а затем, уйдя раньше других с сеанса, я застаю ее за разговором с мистрис Трэси, в обществе которой она провела все то время, которое продолжался сеанс. Разве это все не доказывает того, что я говорю? Подобных фактов я мог бы привести очень много. Например, последние несколько дней она была больна, и мы точно знаем, что она не выходила из квартиры, и в то же время ее видели в раз-

ных концах города. Я передаю вам совершенно достоверные, проверенные факты.

Зенон вонзил в него взгляд и стал внимательно слушать.

— Это вампир! — произнес мистер Смит с торжественной таинственностью. — Она принимает какой угодно облик, чтобы свободно охотиться за человеческими душами. А может быть, она и не существует вовсе как человек? Может, это только временное воплощение “его” воли. Да, да, очень может быть, что это только “его” тень, бессмертная тень зла и греха... Одинокий в бесконечности, низвергнутый на дно векового мрака, непокорный и ненавидящий Высший Свет, он, как қоршун, протягивает когти, чтобы захватить власть над миром, и привлекает к себе безумные возмущенные души, чтобы со временем во главе этих отверженцев вступить в последний бой с Богом. Я верю, настанет время, когда заколеблется весь мир до основ, погаснут звезды, превратятся в пыль солнца и планеты и закипит неумолимый бой от края до края вселенной. Но я также верю, что сатана будет низвергнут в прах, что будет сломлена его гордыня. Бог из хаоса создаст новые миры. Земля станет новым, радостным Иерусалимом, и освобожденный от греха человеческий род снова запоет Осанну! Чистые безсмерные души наполнят вселенную, и все небо огласится счастьем вечного пребывания в Боге. Я твердо в это верю и так же твердо знаю, что Дэзи — посланница “того”. И я уверен, что здесь кто-то умрет, кто-то с ума сойдет, кто-то погибнет из-за нее и ради “того”.

Зенон, казалось, не понял предостережения, всецело поглощенный тем, что он услышал о раздвоении Дэзи. Спиритические теории мистера Смита были ему скучны, но это неожиданное подтверждение его подозрений, которые Зенон глубоко скрывал даже от самого себя, потрясло его. — И видели ее одновременно в различных местах? — спрашивал он, желая еще раз услышать это.

— Уверяю вас!

Мистер Смит стал поспешно приводить новые факты. Зенон уже не слушал его, углубившись в свои воспоминания. Он теперь и сам припомнил нечто подобное. И то первое свое удивление, когда, оставив Дэзи на сеансе, он встретил ее в коридоре и она шла с противоположной стороны! И сцену бичевания! И эту вчерашнюю встречу. Ведь он два раза ее видел, разговаривал с ней, сидел

рядом, чувствовал ее близость, а в это время она была у себя в квартире.

Что это значит? Как это соединить? Возможно ли это? Он боялся сделать окончательный вывод, связать все факты в одну цепь.

Он зажег папиросу, поглядел на Джо, обменялся еще несколькими словами с мистером Смитом и, стараясь думать спокойно, опять углубился в воспоминания.

Знакомство с Дэзи, все, что он о ней слышал, все, что видел, что сам пережил, даже то, что едва промелькнуло в его мозгу, что упало лишь невольной тенью, — все сейчас снова воскресало в нем, он переживал все это заново. Какое-то ясновидение посетило его, он до мельчайших подробностей помнил каждое мгновение и видел все словно на бесконечной ленте синематографа.

“Вижу, помню и опять ничего не понимаю, — думал он. — Ведь я вижу только факты, только поверхность каких-то случайных реалий, чего-то неизвестного, замечая только видимые глазу миражи. Но что происходит там, в глубине? Кто является режиссером этих спектаклей? И кто такая эта Дэзи? Какую роль я играю во всем этом?” — метался он в недоумении.

— Знаете, — обратился он наконец к мистеру Смиту, — меня бы теперь ничто не удивило, даже если бы заговорили человеческим голосом вон те деревья за окнами или вот эти средневековые рыцари сошли с полотна и сели вместе с нами.

Мистер Смит откликнулся торжественным тоном проповедника:

— Все находится в пределах возможного, потому что всякая действительность рождается в нас. Мысль наша также реальна и существует вне нас. Мы — мечта Бога, а мир — наша мечта. Двойственности нет, есть только совершенное единство, вечно волнующееся между двумя полюсами — смертью и жизнью или между “знако” и “существую”. В природе нет...

— Может быть, это правда, — нетерпеливо перебил его Зенон, которому безумно захотелось убежать от всего этого.

Не дождавшись приезда Бэти, он выбежал на улицу и с радостью утонул в толпе прохожих.

— Так дальше жить нельзя, нельзя! Я не хочу склонять с ума! — кричал в нем внезапно пробудившийся инстинкт самозащиты. — Вернусь с Адой на родину и забуду обо всем, — решил он, бесцельно двигаясь туда,

куда несла его толпа. Он становился спокойнее, постепенно уходили опасения, забывались пережитые ужасы.

Но в то же время он заметил в людях какую-то странную перемену, которая его беспокоила. Ему показалось, что лица их — только маски, сквозь которые просвечивало что-то загадочное. Взгляды их были слишком ярки, над головами стояло сияние. И двигались они как-то по-иному, более плавно, словно подымаясь над землей. А шум городских улиц переливался в волнообразную бесконечную мелодию. Каждый голос звучал отдельно, и все вместе составляли хор небесных звуков. Даже стены домов были голубые и подымались высоко к небу. Все, на что он глядел, было так же загадочно, везде таилась какая-то иная жизнь, чужая и непонятная, и отовсюду глядела беспокоящая душу тайна.

Он уже ничему не удивлялся, только пугливо думал:

“А может быть, в самом деле все так, как мне кажется”.

Проходя по парку, он остановился и прислушался к шуму деревьев.

“Что они говорят?” — он братским взглядом окинул колеблющуюся чашу. Деревья покачивались и как бы пели таинственную вечернюю песнь.

“Что, что?” — взволнованно спрашивал он: ему показалось, что эти черные великаны направляются к нему и протягивают ему свои суковатые ветки.

“Мы никогда, никогда не поймем друг друга”, — печально вздохнул он.

Стая птиц кружилась над парком, спускаясь все ниже. Зенон почувствовал на лице дуновение их крыльев, видел разинутые клювы и круглые блестящие глаза. Они опустились на землю рядом с ним, несколько птиц село ему на плечи, долго, протяжно каркая. Он прислушивался к их голосам, гладил их по черным блестящим перьям и грустно шептал:

— И здесь та же граница, которую нельзя перешагнуть! Мы бесконечно чужие друг другу!

Вдруг птицы поднялись и, хлопая крыльями, взвились в высоту, понеслись над деревьями, над городом, все выше и выше, а он тоскливо глядел им вслед, пока они не исчезли в сером тумане. Медленные громкие звуки башенных часов вывели его из забытья.

“Пять часов!” — Он вспомнил приглашение Дэзи.

Шел он тяжело, стяживая с себя мечтательное настроение, и был неприятно поражен тем, что все снова

обрело обычный, будничный вид. Рассеялся голубой туман, и вокруг пенился и клокотал поток жизни. Зенон вздрогнул от отвращения.

“А может быть, и в самом деле все именно таково, каким мне теперь кажется”, — думал он, глядываясь в озабоченные лица прохожих, искривленные страданием губы, отпечаток жестокости, жадности и эгоизма на многих лицах. А это бесконечное движение! Эти тысячи тысяч, которые топчутся на одном месте, словно в каком-то безумии! Эта дикая борьба всех против всех! Эти бесчисленные орды, постоянно ищащие добычи! Нищета, преступления, разнуданность! Каким ужасным все это теперь ему казалось: и эта неописуемая нищета, и это неимоверное богатство! И эти грязные дома, подобные прогнившим гробам, и это небо, повисшее над ними, как бы насыщенное гноем! Отвратительная, проклятая жизнь!

“Бежать как можно скорее и как можно дальше!” — билась в висках радостная, освобождающая мысль. Он снова почувствовал в себе силу, знал, что его ничто не удержит, и уже решился на все.

Он поспешил вернуться домой и узнал, что со второго этажа за ним присыпали какие-то дамы.

Зенон неохотно направился туда, предвидя новые неприятные осложнения.

Джо еще не проснулся, но малаец заметил:

— Он уже совсем холодный, так всегда бывает перед пробуждением. И уже не светится. Сейчас должен прийти в себя.

В желтой комнате мисс Долли разговаривала с домашним врачом.

— Ну что, разве я не говорила вам, что это не приведет к доброму? — воскликнула она, здороваясь с Зеноном.

— Но это ему теперь не поможет, — ответил он, глядывая в соседнюю комнату.

— Мистер Смит пошел вас искать у какой-то мисс... не помню имени...

Его задел этот намек, но он довольно вежливо спросил о Бэти.

— Сидит при больном, заупрямилась и не желает его оставить ни на одну минуту.

Зенон нашел ее в темной комнате среди кадильного дыма. Она сидела заплаканная, глядя все время на брата, который стоял по-прежнему сгорбленный, с застывшей улыбкой на лице.

— Это ужасно! Смотрит и ничего не видит! Я говорила с ним, но он не слышит, прикасалась к его рукам — они холодные и окоченевшие, как у мертвеца. Боже мой, Боже мой, — тихо простонала она.

Зенон увел ее в ярко освещенную круглую комнату.

— Что с ним случилось? — спрашивала Бэти, умоляюще сжимая Зенону руки.

— Не знаю. Мистер Смит вам ничего не говорил?

Этого он больше всего боялся.

— Говорил ужасные, ужасные вещи.

— Спиритический вздор, не надо верить. Бэти, Бэти!

— А если это правда? Если это она виновата?

Зенон понял, о ком она говорит, но не возразил и только спросил уклончиво:

— А что говорит доктор?

— А если она и Вандю околдовала? — продолжала испуганно спрашивать Бэти.

— Я вижу, что Ада поделилась с вами своими предположениями.

— А если это правда? Если правда все то, что говорит мистер Смит? — ужаснулась Бэти. — Я теперь так боюсь каждого нового мгновения, что предпочла бы умереть. Никогда, никогда я не думала... Я чувствую себя такой беспомощной перед несчастьем!

Она заплакала; слезы ручьями лились по бледному, усталому лицу.

Ему было ужасно ее жаль, но он не мог найти в себе ни слова утешения. Он стоял холодный и безучастный. — Мне было так хорошо... Я так была счастлива... А теперь, теперь... — И она снова залилась слезами, втайне еще надеясь, что, может быть, он заговорит с ней, как раньше, поддержит ее любящей рукой, защитит от несчастья. Но он не пошевелился, оставаясь в странном раздвоении. Ее слезы терзали его душу, он знал, что должен был сделать в это мгновение, знал, что эта беззащитная душа молит его о спасении, но он не смог преодолеть чего-то непонятного в самом себе, что запрещало ему проявить хотя бы малейшее сочувствие. Он физически был не в состоянии сделать ни одного нужного движения. Чувствовал, что совершает подлость и предательство, что оскорбляет Бэти, убивает это благородное, глубоко преданное ему сердце, но победить себя не мог. Тщетно метался он, сдавленный в чьих-то неумолимых когтях, как бы разрываясь надвое.

А из Бэти вместе со слезами уходила и сама жизнь. Она чувствовала, что в эту роковую минуту решается ее счастье, ее будущее. Ее охватила безысходная тоска, она уже не могла ни плакать, ни жаловаться, только выжженные горем глаза говорили без слов о душевной муке.

— Зенон, ведя отчаянную борьбу с самим собой, вдруг вскочил с места.

— Что со мной происходит! Бэти, Бэти! — крикнул он, отталкивая что-то от себя. В глазах его были ужас и безумие.

Бэти бросилась к нему и, хотя была смертельно испугана, стала его успокаивать, шепча ему нежные слова. Он взглянул на нее с бесконечным презрением и оттолкнул от себя.

— Зен! — простонала она, отступая перед его диким, безумным взглядом.

К счастью, он быстро успокоился и сел рядом с ней.

— Что с вами случилось? — не смогла удержаться она, чтобы не спросить.

— Какой-то кошмар... Что-то такое, чего нельзя передать...

— То же самое, что было тогда у нас?

— Нет, нет... У меня ужасно расшатаны нервы...

Он испуганно озирался, потом быстро заговорил, как бы желая что-то заглушить в себе. Его слова были сердечны, но это не рассеяло ее опасений и не воскресило умиравших надежд, потому что звучали они холодно и были как птицы, кружавшиеся в темноте.

Разговор их был странный; оба они прилагали все усилия, чтобы не показать друг другу трагического раздвоения душ и страха; Бэти дрожала, как испуганная птичка, в голосе ее дрожали слезы и с трудом сдерживаемые рыдания. Но она пересилила свое горе, боясь только за него.

— Вам необходимо на некоторое время уехать, — советовала она ему как сестра.

— Уеду, отдохну и вернусь с новыми силами, — согласился он.

Разговор прервал малаец, пригласивший их к Джо. Тот неподвижно лежал на кровати; доктор что-то ему делал, после чего Джо открыл глаза, никого, однако, не узнавая. Напрасно пытались с ним заговорить, он никому не отвечал и, улыбаясь, глядел куда-то в пространство.

Было решено, что доктор останется при нем вместе с сиделкой, а на следующее утро, в зависимости от состоя-

ния его здоровья, его перевезут в больницу или во дворец Бертелет.

Бэти уехала в совершенном отчаянии. Прощаясь, она просила Зенона не оставлять Джо без внимания. — До утра буду при нем неотлучно! — искренне заверил Зенон и почти тотчас же забыл о своем обещании. Как только Бэти уехала, он направился к Дэзи, хотя было уже довольно поздно, но, дойдя до ее двери, повернул назад.

— Нет, нет, — повторял он, запершись в своей квартире.

Он стал просматривать лежавшие на письменном столе бумаги и остановился на письме Кука: "Поезд отходит в 10 часов... Дувр..." Калибан". Он перечитал это несколько раз и, не понимая, что значат эти слова, машинально оделся и поехал к Аде. Хотел было уже позвонить, как вдруг за дверью зазвучал смех Ванди. Зенон вздрогнул и выбежал на улицу. Он был как мячик, носящийся в темноте, подбрасываемый незримыми руками. Чувствовал, что должен куда-то идти, шел, сам не зная куда и зачем, и, сам не зная почему, возвращался назад. Заходил в различные клубы, здоровался со знакомыми, но везде словно бы искал кого-то и, не находя, поворачивал обратно. И вот он вошел в какой-то театр-варьете. Программа уже началась, гремели ненастроенные инструменты, на эстраде кружилась стая балерин, клоуны хлестали друг друга по щекам, кто-то прыгал с потолка в бассейн, отделявший публику от сцены, а зрители смеялись и аплодировали. Зенон смотрел на все это с недоумением, не понимая, впрочем, где все это происходит, — в нем ли самом, или же во внешнем мире. Не успев разобраться в этом, он встал и бросился к выходу, расталкивая людей. В нем звучал чей-то категорический приказ уйти из театра. Некоторое время он стоял на тротуаре, беспокойно озираясь, затем, не зная, что делать, сел в экипаж и, торопя кучера, поехал домой.

Его встретил мистер Смит и произнес очень мрачно:

— Я думал, что уже не дождусь вас!

— Это вы меня звали?

— Не звал, только очень желал, чтобы вы возвратились как можно скорее.

— Так это не вы! Вы были у Джо? Он уже проснулся?

— Я сейчас от него. Его только что отправили в больницу для умалишенных. Да, это так, — добавил он, видя изумление Зенона.

— Джо?! Нет, нет, нет! — закричал в ужасе Зенон.

— С ним был припадок буйного помешательства, и его пришлось отвезти, — грустно подтвердил мистер Смит. — Когда приехали дамы, я отправился вас искать, был даже у мисс Дэзи, застал ее за упаковкой вещей. Она возвращается в Индию.

— Да, она мне говорила об этом.

— Я искал вас и в нашем клубе, а когда вернулся, при Джо не было уже никого, кроме доктора и сиделки. Мы стали пить чай и разговаривали о его болезни, как вдруг раздался крик и треск ломаемой о стены мебели. Бросаемся в спальню, а Джо стоит посредине комнаты, держит в руке стул и защищается от какого-то невидимого врага. Он что-то бессвязно кричал, все яростнее обороняясь. Пришлось созвать всю пансионную прислугу, и еле-еле удалось его обезоружить. Он защищался так отчаянно, что мы должны были надеть на него смирительную рубашку.

— Ужасно, ужасно! — простонал Зенон, с трудом веря тому, что он слышит.

— Я пережил самый тяжелый момент в моей жизни! До сих пор не могу прийти в себя!

— Простите... — Зенон открыл дверь и выглянул в коридор. — Мне показалось, что кто-то постучал.

— Не могу привыкнуть к мысли, что Джо погиб безвозвратно! Доктор не подает никакой надежды. Такой замечательный человек, такой могучий ум, такая высокая душа в сумасшедшем доме!

— Из-за вашего спиритизма.

— Может быть, в этом есть и наша вина, — покорно и с искренним сожалением прошептал мистер Смит, — но главной причиной были все же эти ужасные факирские опыты, которыми он увлекся. Он непременно хотел стать йогом, святым, чудотворцем, чистым духом, желая познать непознаваемое. Его безумие окончательно убедило меня, что такие эксперименты для европейцев пагубны. Всякий, кто этим занимался, или умирал, или терял рассудок. Я мог бы привести много примеров.

— И, несмотря на это, вы не перестаете быть апостолом этих истин, — горько улыбнулся Зенон.

— После того, что случилось, я решил больше не заниматься спиритизмом. Я прозрел и постиг горькую истину, что мы, европейцы, являемся низшей расой — мы лишь психическая чандала. Только индусы могут перешагнуть за пределы материи и взглянуть в бессмертный лик Вечного Сияния. Они — избранные из избран-

ных! Это души, переживающие свое последнее воплощение. Знаете, вся вера, вся тоска моей жизни умерла сегодня насильтвенной смертью! Теперь я знаю, что европеец может постичь законы нашей планетной системы, может даже превратить солнце в двигатель для своих фабрик и улететь на звезды, но он никогда не выйдет из границ вещества, никогда его грешные руки не подымут завесы и слепые глаза не увидят Изиды без покрываала. Теперь я знаю: мы, как лишай на скорлупе мира, обречены на низменное, отвратительное существование, на вечное удобрение этой земли, как черви, роящиеся под ее поверхностью. И действительно, мы недостойны лучшей участи, потому что сумма наших прегрешений превысила даже милосердие Бога. И потому горе тому смельчаку, который святотатственно пожелает перешагнуть заповедный предел! Горе ему стократ! Там на страже стоят безумие и смерть.

В его словах было столько ужаса и в глазах его было такое отчаяние, что Зенона охватил суеверный ужас. Он беспомощно смотрел на старика, который направился к двери и, обернувшись, еще раз сказал:

— Безумие и смерть!

Едва его шаги затихли в коридоре, как вошел служитель и доложил:

— Чемоданы уже снесены вниз, и лошади ждут! Время ехать на поезд!

Зенон не удивился, теперь точно зная, куда он уезжает и чей голос зовет его постоянно.

Он заметался по комнате, хотел собрать какие-то вещи, что-то искал в ящиках стола, пытался собрать страницы рукописи, но все у него летело из рук, он все забывал, охваченный дикой радостью и сладостной мукой ожидания.

— Сегодня! Сейчас! Немедленно! — он все более терял рассудок. Мираж волшебного счастья наполнил его душу невыразимым восторгом. Он пылал, как солнце, рвался туда, откуда звучал для него властный призыв.

— Дэзи, Дэзи! — восторженно звал он, отрешенный от себя и жизни, как бы утопая в бесконечности. — Жду освобождения! Жду, томлюсь и люблю! — Вдруг перед взором его совершенно отчетливо возникла Ада... Он очнулся, и в голове как молния пронеслась неуверенная, робкая мысль:

“Что со мной происходит?”

Послышался жалобный плач Бэти. Он невольно оглянулся, пытаясь сосредоточиться и думать о самом себе. В голове у него царил хаос образов и мыслей.

“Дядя такой добрый, такой милый, такой — мой, как папа...”

Кто это щебечет? Чьи это руки обвивают его шею? Чьи это глаза глядят на него с такой безграничной любовью?

Зенон пошатнулся. Неимоверная тяжесть придавила его душу и влекла его вниз, в криклившую, грязную жизнь.

Назад? В оковы повседневности? В неволю постоянных забот, дел и обязанностей? И уже навсегда? Нет, нет, нет! — звучал в нем могучий протест. — Лучше смерть, чем такая жизнь, чем такое рабское существование среди страданий, страха и тьмы!

“Безумие или смерть!” — зазвучал голос Смита жалобным эхом и загудел в мозгу, как погребальный звон.

Что делать? Что делать?

Призраки прежней жизни терзали его сердце, вливали в него горький яд беспокойства, страха и неуверенности. Душа его завыла в диком ужасе.

Но властный голос зазвучал в нем опять, заглушая все остальное, заглушая и жизнь, и смерть.

Он напрягся в безумной, отчаянной борьбе с самим собой.

Последний миг невольного колебания... борьбы, слабых сожалений и воспоминаний — миг, когда падает подрубленное дерево... И он упал туда, куда его звало предназначение.

— Пусть даже безумие и смерть! Пусть! — бросил он вызов своей судьбе.

... А наутро, перед восходом солнца, “Калибан” вышел из порта в неизвестном направлении.

ВАМПИРЫ

Фантастический роман
барона ОЛШЕВРИ
из семейной
хроники
графов ДРАКУЛА-КАРДИ

ПРОЛОГ

*Не любо, не слушай,
а врать не мешай.*

Сегодня большая комната деревенской гостиницы ярко освещена и убрана по-праздничному.

Там собралось большое и богатое общество.

Вот уже неделя, как вся гостиница снята под присезд американского миллионера мистера Гарри Карди.

Его приезду предшествовали целые легенды. Говорили, что он несметно богат, что его хлопчатобумажные плантации — целое королевство. Что в его происхождении много таинственного, что он потомок мексиканского короля Монтезумы и что он тайно поклоняется Вицли-Пуцли.

Вымысла в рассказах, конечно, было больше, чем правды. Одно оставалось неоспоримо: что мистер Гарри богат, молод, страстный охотник и что страсть эта заставила его побывать в Африке, и в Индии.

В Европу его привело дело и любопытство путешественника.

В деревне говорили, что приезд этого сказочного принца в Карпатские горы был связан с вводом во владение древним замком графов Дракула.

Замок этот лет сорок, если не больше, стоял покинутым. Все владельцы вымерли, а последний, как говорили, бросил мир и отрекся от жизни, похоронив себя в монастыре, где и умер.

Одни уверяли, что мистер Гарри купил замок ради титула, другие — что замок перешел ему по наследству. Рассказывали, что один граф Дракула уехал в Индию и изучал там черную магию под наблюдением браминов и что уже оттуда его наследники попали в Америку.

Мистера Гарри сопровождал целый штат служащих, друзей и прихлебателей. Самыми близкими людьми миллиардера были доктор Вейс — небольшого роста пол-

ный господин, весельчак и милый собеседник и капитан Райт — англичанин, доведший свое хладнокровие до апогея. Про него говорили, что, находясь в плену в подземельях кровожадной Бовами, где его ожидала неминуемая смерть, он не изменил своему обычая и не выпускал сигары изо рта, а при почти чудесном освобождении спросил стакан рому и выпил его так же спокойно, как и на дружеской пирожке. К этому неразлучному трио присоединился еще Джемс Уат, также американец, в жилы которого несомненно попала живая кровь француза. Он был подвижен, обладал пытливым характером и ко всему, его занимающему, желал прикоснуться руками. За желание потрогать золотой лотос на груди какого-то индийского истукана он чуть не заплатил всей рукой. И сейчас красный шрам, как змея, обвивает его руку. Этот шрам — память от удара одного фанатика. За страсть Джемса к наблюдениям и выводам доктор называл его Шерлоком Холмсом.

Затем шли: управляющий Смит; личный камердинер Гарри — Сабо; слуга и помощник доктора — Джо, заведовавший аптекой и всеми перевязочными средствами, так нужными при опасных охотах; повар и лакей.

Остальной штат занимался из местных жителей и при отъезде распускался.

Общество друзей-прихлебателей тоже менялось в зависимости от места жительства.

Теперь Гарри сопровождала больше молодежь — любители охоты или же люди, любившие вообще пожить на чужой счет.

Говоря по справедливости, Смит умел занять гостей хозяина: охота сменяла охоту, одна лучше другой, а по вечерам устраивался обильный ужин с массою лучшего вина.

Вино развязывало языки. После ужина шли разговоры. Вначале говорили о скачках и женщинах, но чем дальше в горы забирались охотники, тем чаще прежние разговоры сменялись охотничими историями и рассказами о приключениях в лесах Америки и джунглях Индии.

Сегодня хозяин изобрел новую забаву: чтение. Недавно он принял к себе на службу старика библиотекаря, Карла Ивановича Шмидта, для разборки нужных бумаг, а главным образом для отыскания в местном церковном архиве документов о смерти или погребении одного из

графов Дракула. Каждый вечер библиотекарь давал отчет, что им найдено за день, и вот сегодня он принес хозяину бумаги, вернее, дневники или записки, взятые им из церковного архива. Записки эти показались Гарри интересными, и он попросил Карла Ивановича прочесть их вслух, после ужина, для развлечения гостей.

Часть I

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

I

С этой ночи никто из жителей не видел его... Что это — случайность или новая жертва?
Я сказал: жертва, но жертва чего?..

II

Вот уже полгода, как я не брал в руки эту тетрадь. Все было спокойно. Мое подозрение, что между "случайностями" есть связь, что-то роковое, что заставило меня вести эту летопись несчастий, улеглось. Мне даже было стыдно, что я поддался такому суеверию...

Вчера мои сомнения вспыхнули вновь. Пропал Генрих-охотник.

Генрих — это предмет тайных мечтаний всех деревенских невест.

Молод, красив, всегда весел. Первый танцор и первый храбрец. Про него говорили, что он не знает страха, черта не боится, а перед Божьей Матерью, покровительницей нашей деревни, склоняется почтительно и даже носит ее изображение и образок на груди на зеленом шнурочке.

В пятницу утром Генрих ушел на охоту, обещав вернуться ко времени службы в костеле.

Но ни в воскресенье, ни в понедельник его не было.

Сестра его, Мария, очень беспокоится: не случилось ли с ним несчастья. Она пришла к нам на кухню, плакала и просила совета.

Среда — Генриха нет. По деревне уже идет слух, что он погиб и искать его надо не иначе как в Долине ведьм...

Но зачем он туда попадет?

Если кузнец Михель и нашелся в Долине ведьм, то он был пьян...

Генрих не пьет, да и промысел его лежит не близ проезжей дороги, а по другую сторону, в горах...

— Здесь, видимо, вырвано несколько листов, — сказал библиотекарь, сдвигая очки на лоб.

— Вот и отлично, перерыв, мы можем выпить по стакану вина! Эй, Сабо... — вскричал веселый хозяин. — Кстати, господа, — продолжал Гарри, — по расписанию мы завтра после охоты ночуем в Охотничьем доме. Он как раз лежит на холме, при входе в Долину ведьм. Вот, капитан Райт, тебе случай показать свою храбрость.

— Пока я еще ничего не понимаю, — пробурчал Райт.

— Поймешь, когда ведьма завладеет тобой.

— Да объясни лучше, что это за знаменитая Долина ведьм?

— Долина ведьм — прекрасное место, — вмешался один из гостей, местный уроженец. — Говорят, туда собирается нечистая сила и ведьмы справляют там свои мерзкие праздники. Кто дорожит спасением своей души, не должен на них смотреть.

— Видите ли, друзья мои, — вновь начал Гарри, — Долина ведьм — это небольшая, прелестная долина, лежит она у подножия скалы, на которой стоит замок. Но скала настолько крутая, что из долины подъезда на нее нет. С другой же стороны лежит цепь лесистых гор. В одном конце долины стоит наш Охотничий дом, а недалеко от другого конца проходит проезжая дорога. На дне долины лежит небольшое озеро, сплошь заросшее мертвыми розами-ненюфарами. Берега его болотисты, и на закате солнца на нем клубится туман.

— Вот этот-то туман, конечно, и подал, по моему мнению, мысль к созданию всех легенд о долине, — вставил свои слова доктор.

— Не слушайте его, у него нет ни капельки поэзии в душе, — перебил хозяин. — Туман, особенно при свете месяца, принимает образы прекрасных молодых женщин, на голове венок из мертвых роз, а по плечам вьется белое легкое покрывало... Глаза горят, как звезды, а тело светится розоватым оттенком...

— Недурно, — промычал Райт.

— Да, но немного найдется желающих испытать эту любовь. Всякого, кто волей или неволей попадал в полно-луние в Долину ведьм, находили мертвым, а если он и приходил оттуда, то умирал через месяц — в следующее полнолуние. Женщины с озера вместе с поцелуями выпиваются его жизнь. Он слабеет, бледнеет и умирает.

— Еще бы не умереть, когда вода в озере стоячая, гнилая и туман несет Бог знает какие ядовитые испарения, — прибавил доктор.

— Смотри, доктор, поплатишься за свое неверие, — смеялась, сказал Гарри.

— Напротив, я вполне верю, что если пьяный зайдет на болото, то он или утонет, или, проспав на сырой земле, схватит лихорадку, а болотные лихорадки шутить не любят.

— А что ты скажешь о ранках, находимых на теле тех, кто умер в долине? Положим, ранки крошечны, едва заметны.

— Ну, это очень просто — укус змеи или пиявки. Ведь ты сам говоришь, что ранки едва заметны.

— Впрочем, что, господа, говорить о том, что было да прошло, — с печальной миной продолжал хозяин. Вот уже больше тридцати лет никто не погибал в Долине ведьм, и храброму капитану Райту не придется отличиться. Нам остается только жалеть, что мы живем в век, когда нет ни спящих красавиц, ни драконов, ни даже самых простых упырей. И нам остается слушать только о чужих подвигах. Еще по стакану вина, и внимание! — закончил Гарри.

Библиотекарь надвинул очки и начал снова.

...Только когда он пришел в себя, нам удалось разжать судорожно сведенные пальцы. В них оказался образок Божьей Матери, что он носил всегда на себе.

15-е

Сегодня Генрих заговорил. Он говорит сбивчиво, неясно, но если хорошо обдумать, то, видимо, дело было так: он заблудился, что довольно странно для Генриха, и к ночи попал к озеру Долины ведьм. Чувствуя, как и все простолюдины, страх к озеру, он решил бежать и взобрался на высокую скалу, куда не достигает туман, и решил не спать. Сев на выступ скалы, недалеко от куста

боярышника, он, как хороший католик, прочел "Аве Мария" и задумался.

Луна ярко сияла. На озере клубился туман, воздух был прорван серебристыми нитями, и цветы боярышника странно благоухали. "Точно вонзались мне в голову", — говорил Генрих. Было жарко. Небывалая, приятная истома напала на него... Вдруг порыв ветра качнул куст боярышника, и ветка ударила его в грудь, в ту же минуту он был осыпан белыми цветами боярышника. "Точно белое покрывало окружило меня", — говорил он. Луна померкла. Покрывало засветилось, и ясно было видно прекрасное женское лицо, бледное и чудное, с большими зеленоватыми глазами и розовыми губами. "Оно все приближалось — я не мог от него оторвать глаз", — говорил Генрих. "Хотел молиться, но слова путались в голове. Хотел схватить свой образок, но представьте себе мой ужас, — с дрожью прибавил Генрих, — образка и шнурка не было на мне.

"Оно" сорвало его покрывалом!

Наконец, "оно" прильнуло к моим губам... все зашаталось и пошло кругом... Я потерял сознание", — добавил он.

Очнулся он от сильной боли в шее. Не успел открыть глаза, как в голову ударили прянный, одуряющий запах свежей крови...

"У меня вновь закружилась голова, и я упал, — говорил Генрих. — Падая, рукою захватился за что-то и — дальше ничего не помню".

Генрих убежден, что сама Божья Матерь спустилась, чтобы спасти его от вампира. Он уверяет, что видел сияние вокруг ее лица и слышал злобный хохот побежденного дьявола. Ведь то, что, падая, он схватил рукою — был его заветный образок!

16-е

Мне, сельскому учителю, представителю просвещения, не подобает верить в вампиров.

Да если спокойно разобрать историю Генриха, то все выйдет очень просто.

Он заблудился. Ночь на воскресенье была очень темная. Увидав себя в Долине ведьм, он, как всякий кресть-

янин нашей деревни, испугался и, вместо того чтобы быстро пересечь долину и идти в деревню, бросился в горы.

Ведь, пересекая долину, надо пройти мимо озера, ну, а на это храбости ему не хватило.

Усевшись на камень, он задремал и все остальное видел во сне. Заснув, упал и ударился головой, отчего и потерял сознание: да, это так.

Почему только он слаб?

Фельдшер говорит, что такая слабость бывает от сильной потери крови.

Ран на теле у него нет, и фельдшер предполагает, что просто от жары и волнения у него пошла носом кровь, так как рубашка спереди была в кровавых пятнах. Фельдшера удивляет только то, что, судя по пятнам, крови вышло не так уж много, а Генрих, такой молодой и здоровый, сильно ослабел от такого пустяка.

17-е

Сегодня я был в Долине ведьм и нашел место, где заснул Генрих. Это было нетрудно: его ружье все еще стояло прислоненным к скале и шляпа валялась рядом. Сев на камень, я отлично понял, как порывом ветра наклонило боярышник и тот колючкой сорвал шнурок с образка и юю же уколол шею Генриха. Кстати, и шнурок висел тут же на ветке. Осмотрев подножие камня, я нашел следы колен и рук Генриха. Падая, он рукой нечаянно уперся в оборванный образок и стиснул его пальцами. Если б я обнаружил следы вылившейся из носа крови, то все было бы ясно. К сожалению, этого я не нашел.

Кругом все было тихо.

Возвращаясь домой, я увидел под ногами цветок ненюфара. Откуда он? Немного завядший, но все еще прекрасный. Генрих не говорил, что он срывал его, да он и не подходил к озеру.

Я поднял цветок и принес его домой.

Сейчас он стоит передо мной в стакане воды. Как он прекрасен! Свежий, лепестки прозрачно-белы и точно дышат, а внутри сверкают капли воды, как дорогие камни, нет, как милые глазки... Что это, аромат? Нет, игра воображения, ненюфар — мертвый розан, ничем не пахнет.

Пора спать. Слава Богу, дело с вампирами окончено: все так просто и естественно.

...Три дня я не брал пера в руки... Такая творилась со мной чепуха.

Обдумав хладнокровно все приключения Генриха, я успокоился и лег спать. По-видимому, тотчас же заснул...

Сколько прошло времени — не знаю, но мне показалось, что я не сплю.

Комната наполнял серебристый свет: он переливался и мерцал. Это не был холодный свет луны, а, напротив, полный желаний и трепета... Откуда он?.. Он точно родился в моей комнате. Следя за волнами света, я увидел, что он идет от моего письменного стола.

Смотрю, ненюфар уже не плавает беспомощно в стакане воды, а гордо качается на высоком стебле, да это уже и не стебель, а стройное женское тело, а на месте цветка — чудная головка. Бледное лицо с большими печальными глазами и чуть-чуть розовыми губами, золотистые волосы падают красивыми волнами на грудь.

Фигура тихо качается и с каждым движением растет и превращается в нормальную женщину, только тело ее прозрачно, точно соткано из серебряных нитей.

Вот она двинулась от стола, и комната наполнилась ароматом и неуловимыми звуками. Движения я не улавливаю: фигура точно плывет в воздухе...

Все ближе и ближе: она уже качается около моей кровати, что-то шепчет, но я не могу разобрать слова...

Она склоняется ко мне, я холдею; она хочет приступить ко мне на грудь, но страх придает мне силы: дико вскрикнув, отталкиваю видение...

Раздается грохот и звон разбитого стекла...

В комнату вбегает испуганная Мина, и я вскоре могу разобрать ее ворчание:

— Кричат, столы со сна роняют и графин разбили, а купили-то его всего только два года, новенький.

Итак, это сон!

Недоверчиво кошусь на письменный стол: там беспомощно увядает бедный ненюфар... Только сон!

Мне стало смешно и стыдно.

День прошел как всегда.

К ночи мне показалось, что ненюфар ожил.

Улегшись в постель, я взял книгу и начал читать, невольно время от времени посматривая на цветок.

Положительно, я не ошибаюсь: он становится нежнее и светлее. Еще немного, и он закачался на высоком стебле.

Я сел на кровать. Я не сплю.

И это уже не цветок, а женщина... Опять звенит воздух, опять наполняется ароматом...

Но она не подходит ко мне, а смотрит, смотрит... точно молит о чем-то...

Чего она хочет?

Мне пришло на ум, не душа ли это какой-либо самоубийцы, просящей молитвы за себя.

Призрак застонал и исчез...

Как я заснул — не помню.

23-е

Утро. Ненюфар почти завял.

Что же, это опять был сон? Нет и нет!

Целый день меня преследует мысль — что она хотела, о чем просила?

Сегодня я ее спрошу.

Вечером, после ужина, я хотел взглянуть на ненюфар, но его не оказалось на столе. Мина на мой вопрос ответила, что выбросила увядший цветок. Жаль, я привык к нему.

Ночью сон бежал от меня. Я ждал.

Но все было тихо. Стол стоял пустой и темный. Воздух был спертым. Я ждал.

Но все напрасно...

Наконец больше не мог выдержать, встал и открыл окно.

Луна сияла. Далеко по направлению к Долине ведьм вился туман, принимая различные очертания. Мне казалось, она там, она ждет меня.

Чего она хочет?

Как я ни всматривался в туман, ее не было. А между тем я ясно чувствовал, что она там и ждет.

Не пойти ли? А если правда то, что говорят о Долине ведьм?

Пока я колебался, выглянуло солнце и туман рассеялся, а вместе с ним ушли мои желания и сомнения

Все-таки спрошу у фельдшера нервных капель.

Был на деревне, сказал, что болит голова, и просил капель.

Фельдшер смеется: "Уж и вам, как Генриху, не сняться ли девы, сотканные из тумана, с ненюфарами в волосах?"

Кстати, Генрих поступает в помощники к церковному сторожу. Он говорит, что не может видеть свежей крови и что он должен отмолить свою душу. Его сильно подстрекает старик сторож, да и немудрено: старик страшно дряхл, говорят, ему больше ста лет и он нуждается в молодом помощнике.

Он уверил Генриха, что если вампир попробовал крови человека, то тому очень трудно от него спастись. А в церкви, кроме защиты Божьей Матери, старик предлагает и свою помощь.

— Я умею возиться с этими паскудами! — утверждает он.

Пью капли и сплю отлично — не лучшее ли это доказательство, что дело не в вампирах, а в нервах?

И чего я струсил? Надо было посмотреть, что было бы дальше. Все идет своим порядком, только Генрих с усердием кладет поклоны и звонит на колокольне.

Попробовал расспрашивать его. Молчит. Сознался только, что ранка на шее плохо заживает.

— И не заживет, пока она не укусит кого другого, — буркнул старик сторож, слышавший наш разговор.

У старика, видимо, как говорится, "не все дома". Над окнами, над дверями, на подоконниках — всюду нарисованы кресты. Щелки, замочные скважины забиты чесноком; около кровати Генриха висят венки из омелы и цветов чеснока. Сад полон этим же вонючим растением.

На мой вопрос:

— Что это?

— Она не любит! — ответил старик.

Когда же я стал объяснять ему, что наука не признает существование вампиров и что мертвые не встают из гробов, он только покосился на меня и прошамкал:

— Молод еще, поживи с мое!

Мина говорит, что старик знал лучшую жизнь. Он был дядькой одного из молодых графов Дракула и жил в замке. Но семью постигло какое-то несчастье, которое и свело в могилу почти всех ее членов. Замок забросили, и он пришел в упадок. Говорят, есть дальние родственники где-то в Америке, но никто не знает, где они.

— Стойте, — прервал чтение один из молодых людей. — Гарри, да не вы ли этот американский наследник, я что-то слышал подобное.

— Пожалуй, вы правы, — сказал молодой хозяин, — что речь идет обо мне, вернее, о моем дяде. Дядя, со стороны матери, оставил мне, умирая, свои хлопчатобумажные плантации и какие-то права на замок и титул. Первое время у меня не было времени думать о замке и титуле: наступил кризис в торговле хлопком — надо было спасать доллары.

И вот только полгода назад я решил ехать в Европу. Оказалось, что замок и земли существуют, но все страшно запущено.

Замок с виду представляет руину, и я даже не был в нем, тем более что не могу получить ввода во владение — не хватает акта похорон двоюродного деда или указания места, где находится его могила.

Вот я и просил Карла Ивановича разобрать школьно-церковный архив. Нужной бумаги нет, но он выудил какие-то записки и рассказы о здешних вампирах. По правде говоря, мне некогда было его выслушать, тем более что местный священник все объясняет старинными легендами, а деревенский староста уверяет, что вот уже тридцать лет, как у них в деревне не было ни одного случая убийства или загадочной смерти. Раз только и случилось, что пьяный столяр зарубил свою жену, да и та после этого жила целый год.

Зиму, как вы знаете, я провел в Париже. А весною меня потянуло на охоту. Вот я и предложил вам поехать в мое, хотя еще и не утвержденное, поместье в Карпатских горах.

Замок выглядит сумрачно, и я велел пока отремонтировать Охотничий дом.

Карл Иванович забрался сюда раньше и глотает архивную пыль.

— Если б мистер Гарри разрешил посмотреть архив замка, — заявил старый библиотекарь.

— Хорошо, хорошо. Это от вас не уйдет, мы все пойдем осматривать замок. Друзья, по последней сигаре, — предложил хозяин. — Продолжайте, Карл Иваныч.

III

27-е

Ночи стали темнее, сплю хорошо, и нервы совершенно успокоились.

Вчера заходил к Генриху. Он бледен, но, видимо, тоже успокоился. Старик усердно подмалевывает крестики и разводит чеснок.

На мои насмешки по поводу чеснока ответил:

— Эх, связываться с тобой только не хочу, а уж по-рассказал бы!

Надо подпоить старика, авось развязет язычок.

28-е

Все идет спокойно и скучно. По ночам запах чеснока из церковного сада проникает даже в мою комнату.

29-е

Сегодня зашел к нам церковный сторож, принес Мите в чистку какие-то церковные вещи.

Я его зазвал в кабинет и угостил чаем, куда успел влить ложки две рому. Старика живо развезло, и он начал ораторствовать: говорил о замке, о порядках в нем, о гончих, о прекрасной бедной графине.

— А вот поди ж ты, — развел он руками, — чуть она меня не загрызла!

— Кто, гончая сука? — спрашивая я.

— Какая там сука, графиня. Умерла это она, а как полнолуние, так и пойдет ходить. Пристанет к кому — известно, погиб человек! Иной тянет месяца два, а иной и сразу ноги протянет. Выпьет у человека жизнь. Много тогда народа из замка разбежалось... А вот единожды идем это мы опушкой, а матерый-то волк и прысь на меня... повалил; я уже Богу душу представил! А она-то,

моя голубка Нетти, красавица, как разъярится, да ему, паскуде, в загривок впилась...

— Кто, графиня мертвая? — удивился я.

— Ну тебя, путаешь все только! Гончая Нетти, я сам ее вынянчил; и ни за что пропала собака! В ту ночь и погибла, когда змея укусила молодую графиню. Знаешь, та, с зелеными глазами...

Чем дальше, тем рассказ его путался все больше и больше, и окончательно нельзя было уже отличить, о ком идет речь: о суке Нетти, о графине или о змее. Кто кого укусил и у кого были зеленые глаза.

— Я ее утопил в старом колодце! — с гордостью закончил старик.

Он пошел домой, я его не удерживал. На пороге он оглянулся и, смеясь, спросил:

— Что, помогает?

5-е

Наступило полнолуние. Я тоскую, меня гнетет неведомое желание, кругом какая-то пустота.

Что она хотела, о чем просила?

Каждую ночь, помимо своей воли, я жду ее и прислушиваюсь...

Тихо.

Только противный чесночный запах стоит в комнате. При открытом окне он легче, несмотря на свободный доступ воздуха.

Чего я жду? Сна... видения?..

Днем я совершенно покоен, но к ночи становлюсь раздражительным, не могу найти себе места. Меня тянет куда-то, что-то надо сделать, но все неясно, неопределенно, а потому еще мучительнее. Состояние становится невыносимым.

Завтра пойду и принесу ненюфар.

6-е

Днем я был сам не свой, к вечеру пробрался за деревню, сбежал в долину, к озеру, и сорвал прекрасный ненюфар. Причем по колено попал в болото. Крадучись, точно вор, принес его в свою комнату.

Сижу у стола и жду. Ничего! Надо лечь.

Всю ночь не мог спать, ждал и ждал — ничего!
Ненюфар недвижим, и только запах чеснока царит в
комнате.

Что делать? Как добиться ее возвращения?
Чувствую, она страдает, но как и за что?!

11-е

Был на озере несколько раз, но, кроме промоченных ног и испачканных сапог, ничего не добился.

Тоска моя нарастает... она для меня не видение, не призрак, а любимая, желанная...

13-е

Был у Генриха. Старик хитро улыбается. На мой вопрос о суке Нетти довольно обстоятельно объяснил, что у графов в замке была отличная стая гончих, а Нетти была любимицей самой графини и имела привилегию лежать у ее ног.

— Уж не иначе как старый американский дьявол уходил ее, — говорил старик. — С первого же дня она его невзлюбила! Чуяла. Как завидит, ощетинится, оскалит зубы... а в ночь, как захворала графиня, на Нетти смотреть было страшно.

Когда я вбежал в комнату, Нетти стоит и трясется, шерсть на ней вся дыбом, изо рта пена, а глаза дикие, зубы щелкают. Некогда было тогда заняться ею, а помню, это я хорошо помню, как открыл я дверь на террасу, Нетти как сумасшедшая бросилась вон по направлению старой капеллы и скрылась... Больше ее и не видели...

— Ты думаешь, что змея укусила Нетти? — спросил я.

— Нет, змея укусила графиню.

— Откуда же взялась змея в замке? — удивился я.

— Из футляра, старый дьявол привез...

Когда я уходил, старик спросил меня, хорошо ли я сплю и перестал ли ходить на озеро.

— Кто тебе сказал, что я был на озере?

— Да где же вы сапоги-то пачкаете, ведь все в тине, не ототрешь. Ничего, будете спать хорошо, — прибавил он и засмеялся.

Придя домой, я все раздумывал, почему старик интересуется, хожу ли я на озеро, и почему он уверен, что я буду спать хорошо.

Раздумывая, я ходил по комнате и нечаянно задел занавес у окна: из-под него что-то скользнуло и упало на пол — поднимаю, и что же!.. Гирлянда из засохших цветов и луковиц чеснока! Так вот откуда этот противный запах, а я думал — из церковного сада. Не иначе как сумасшедший старик подкинул мне ее.

— Здесь опять перерыв, — сказал старик библиотекарь.

— И отлично. Пора спать, а то половина наших гостей дремлет, капитан Райт так и похрапывает, — заявил хозяин. — Доброй ночи и побольше прекрасных сновидений.

Все охотно разошлись по комнатам деревенской гостиницы — усталость охотничьего дня давала себя знать.

IV

Утром за чаем веселый хозяин спросил:

— Господа, кого посетили ночью здешние девы? Нежели никого!

— Меня, — робко заявил один молодой человек, скорее мальчик — лет шестнадцати, болезненный, нервный.

— Что, как, расскажите? — посыпались вопросы.

— Она пришла и просила открыть дверь, где она давно томится, и сказала, что берет меня в свои рыцари, — конфузясь, сообщил мальчик.

— Какую дверь, где? — спросил Гарри.

— Не знаю. Она сказала “ищи”.

— Ну, конечно, она была с распущенными волосами и с ненюфарами? — смеясь, сказал доктор.

— Совсем нет, — ответил юноша, — я рассмотрел ее хорошо и узнаю из тысячи. У нее темные волосы, и большой черепаховый гребень держит их на затылке.

— Галлюцинация, — пробормотал доктор.

— Лошади готовы! — доложил слуга.

Все бросились к ружьям, сумкам, патронташам, и все женщины и вампиры мира были забыты.

Охота.

V

Вечером охотники собрались вместе. Результат охоты оказался великолепен, а потому и состояние духа у всех приподнятое. После хорошего ужина и многих ста-

канов вина разговор с охотничьих приключений снова перешел на вурдалаков. Вытребовали старика библиотекаря и приступили к нему с вопросами, не нашел ли он продолжение дневника учителя.

— Нет, господа, в церкви идут приготовления к празднику Богородицы, а потому ризница и архив подле нее замкнуты. Но если мистер Гарри позволит, то я могу прочесть письма, найденные сегодня в Охотничьем доме.

Мы были там с управляющим, и дом, как уже известно, не успели приготовить к сегодняшнему вечеру. Он очень запущен. Даже к завтрашнему будет готова только часть дома: столовая и несколько спален, — говорил библиотекарь.

Убирая одну из спален, управляющий нашел в столе пачку писем и передал ее мне. Я просмотрел их, мне кажется, что письма имеют связь с дневником учителя, и вот, если господа пожелают, я их прочту, — предложил Карл Иванович.

— Просим, просим!

— Я предполагаю, — продолжал Карл Иванович, — что это пишет один товарищ другому; место отправления, судя по пометке, Венеция. Италия.

ПИСЬМА К АЛЬФУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Милый Альф!

Ты не можешь себе представить, как я счастлив. Мне разрешено, вернее, я могу вернуться на родину, которую оставил семилетним мальчиком. До сих пор для меня тайна, почему я был отослан из родительского дома.

Я много раз тебе рассказывал, как богато и весело жилось в родовом замке отца, но я как-то стеснялся рассказать тебе последние мои впечатления. Сегодня мне хочется это сделать. Не знаю сам, что побуждает меня к тому.

Начинаю.

Был прекрасный, весенний вечер, солнышко еще не закатилось, сад благоухал запахом цветов; все собрались на террасе. Я и малютка Люси, моя сестренка, также присутствовали. Любимая собака мамы лежала около нас.

Вдруг входит слуга и докладывает, что старый, чужой господин просит разрешения переговорить с отцом.

После разрешения отца пригласить его на террасу явился старый, седой господин, одетый в длинное полу-монашеское платье. Я заметил, что у него были красноватые глаза и пунцовые губы на бледном лице.

При первых звуках его голоса Нетти, любимая собака матери, вскочила и, ощетинившись, бросилась на него. Она точно хотела вцепиться в его ноги, но страх перед палкой, которую держал незнакомец, заставил ее отступить.

— Поразительно, что с Нетти, — сказала моя мать. — Извините, — обратилась она к незнакомцу, — это первый раз, когда Нетти бросается на чужих.

— Петро, выведи собаку, — приказал отец.

Незнакомец, казалось, не обратил никакого внимания на выходку собаки и с низким поклоном подал отцу большой запечатанный конверт.

Пробежав несколько строк, отец обратился к матери и начал сообщать ей содержание письма. Я, конечно, не понял, да и не все слышал. Дело кончилось тем, что отец и мать предложили посланному сесть и изъявили свое согласие выполнить его просьбу.

Пропустив первое мимо ушей, незнакомец спросил:

— Когда же позволите привезти гроб?

— Завтра, если хотите, — ответила мать.

Поклонившись, незнакомец удалился.

О чем говорили отец с матерью, я не разобрал: поминали капеллу, деда, старый портрет, но какую все это имело связь, я тогда не понял.

Вчера мне не удалось кончить письма: пришел Сильвио и уговорил меня ехать прокатиться на Лидо. Вечер был чудесный. Гондола наша тихо скользила по воде. Отблеск заходившего солнца золотил облака. Кругом нас раздавались пение и музыка с соседних гондол.

Я, настроенный на воспоминание о прошлом, думал о моей матери и ее преждевременной кончине. Она умерла, когда я уже был в Нюриберге. Как прекрасна она была и как быстро увяла. До сих пор я не знаю болезни, что свела ее в могилу. На мои вопросы отец не отвечал, так же как не объяснил мне причины, почему я был отослан из замка.

— Это желание твоей матери.

Но почему? Она так любила меня!

Я ясно представлял себе мою мать: высокая, стройная, с тяжелыми русыми косами. Голубые глаза любовно и нежно смотрят на меня... Я точно чувствую их... и что же... два глаза смотрят на меня, но это не голубые глаза матери, а жгучие, черные.

Они промелькнули и исчезли... а я не могу их забыть!.. Мне необходимо их еще раз видеть!..

Пока прощай.

Твой Д.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Милый Альф !

Вот уже две недели, как я не писал тебе. Представь, я даже не заметил, что прошло так много времени!.. Ты простишь мне, если я скажу, что счастлив, безмерно счастлив!!

Я нашел ее, т. е. нашел обладательницу тех черных глаз, что смотрели на меня на Лидо. Глаза эти при свете солнца еще прекраснее. Да и вся она хороша! Возьми описание красавиц Венеции, и ты будешь иметь понятие, но думай не о ней, а только о ее тени...

Она знатного рода, но сирота и небогата. Живет под присмотром своей кормилицы; вот все, что пока я о ней знаю.

Я уже тебе сообщал, что мое невольное изгнание с родины кончилось и я могу вернуться в родительский дом. Возвращение мое невесело, так как возможность вернуться я получил только благодаря смерти отца.

Много лет я уже не имел известий из родного дома. Отец, под угрозой его проклятий, запретил мне самовольно явиться в замок: "Когда придет время, я позову тебя".

И вот старый слуга пишет, что отец скоропостижно скончался от разрыва сердца, как определил врач.

Петро был моим дядькой и отвозил меня в Нюрнберг. Он просил прислать нотариуса для продажи замка и прибавляет, что это желание отца. О моем возвращении он не говорит ни слова. Точно этого и быть не может...

Нет и нет! Я еду домой, хотя бы это стоило мне жизни! Я хочу наконец знать тайну, что окружает смерть моей матери.

Да и сказать ли тебе, я мечтаю, что поеду туда не один...

Прощай!

Твой Д.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Милый Альф!

Может ли быть кто-либо несчастнее меня? С семи лет у меня не было матери, и я не знал ее забот и ласк; не было родины; никто меня не любил; ты скажешь, что я жил в довольстве, окруженный достатком. Да, но это не то! Я все же чужой; вот и она прошла вчера мимо меня и даже не взглянула! А я знаю, знаю, что она видела, знала, что я стою за колонной и жду ее взгляда. А прошла мимо. Несчастный я, ты можешь плакать на могиле матери, а я... Еду, еду домой!

Ты спрашиваешь, о каком гробе я писал тебе — да о гробе дедушки, что его слуга привез из Америки. Отчего дед был в Америке и что с ним там было — сказать тебе не сумею. Есть какое-то предание, но детская моя память его не удержала. Знаю только, что дед завещал перевезти себя в родовой замок из страны ацтеков.

— Как ацтеков? — вскричал молодой хозяин, — ведь и я из страны ацтеков, я потомок их.

— Быть может, это есть тот самый родственник, документов о погребении которого и не достает, чтобы быть введенным в права наследства, — сказал доктор.

— Жаль, что нет здесь нашего нотариуса. Но дальше, дальше, — торопил Гарри.

На другой день, — опять читал Карл Иванович, — после посещения старика с красными глазами перед вечером в ворота нашего замка въехали drogi, a na них — большой черный гроб.

Отец и мать весь день были заняты хлопотами к его принятию.

Открыли двери склепа, что из капеллы. Капеллу всю убрали зеленью и свечами, решили пригласить священника. Склеп также очистили от пыли и паутины, и на одном из запасных каменных гробов отец приказал высечь надпись с пометкой "Привезен из Америки".

Долго ожидали старика, и только к вечеру он явился со своей печальной кладью.

Гроб оказался страшно тяжел.

Старик с красными глазами выразил сомнение, пройдет ли гроб по узкой и крутой лестнице, что вела из капеллы в склеп.

— Не лучше ли открыть западные двери склепа, выходящие в сад? — сказал он.

— Откуда вы можете все это знать? — удивился отец.

— По рассказам графа, — сумрачно ответил старик.

Пришлось отказаться от внесения тела в капеллу и от похоронной службы, что очень огорчило мою мать.

Наскоро открыли западные двери склепа и через них внесли гроб и опустили в назначенное место.

Когда хотели снова замкнуть двери замком, который изображал крест и, по словам стариков-слуг, был прислан самим папою из Рима, не оказалось ключа. Поднялись суматоха и спор — кто держал ключ, но ключ не находился.

Красноглазый старик попросил у отца разрешение поселиться в развалившейся сторожке, близ дверей склепа, обещая их охранять, как собака.

— Да ведь сторожка непригодна для жилья, — сказал отец.

— Ничего, я ее поправлю, а для меня только и осталось на свете, что посещать могилу моего господина.

— В таком случае — хорошо.

Старик низко поклонился и, вынув из кармана большой темный футляр, подошел к моей матери.

— По словесному приказанию моего умершего господина, графа, на память о нем, — сказал он, передавая футляр.

На нежно-голубом бархате лежало чудное колье из жемчуга. Застежкой к нему служила голова змеи художественной работы, с двумя большими зелеными глазами. Изумруды, их изображавшие, были большой стоимости и как-то загадочно мерцали.

Все колье было особенное и стоило немало денег, конечно...

Вдруг Гарри прервал чтение.

— Не знаю, известно ли вам, что на груди у Вицли-Пуцли было ожерелье из жемчуга, вернее, из жемчуж-

ной змеи с зелеными глазами, и оно имело какую-то таинственную силу. Ожерелье пропало, когда испанцы разорили храм Вицли-Пуцли.

Подождав минуту, но видя, что Гарри молчит, Карл Иванович продолжал:

...Мать взглянула на отца, тот утвердительно кивнул головою.

Мать приняла подарок. Лучше бы она отказалась от него!..

Но прощай, Она послала за мной... о, я счастливейший из людей!

Д.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Альф, милый Альф, дорогой Альф, она меня любит, любит... мы объяснились! Она меня любит. Это нарочно она прошла мимо. Ей хотелось, чтобы я пошел за ней. Как я счастлив — Она и родина, что нужно еще человеку?

Прощай. Бегу за розами.

Д.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

::

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Как я уже писал тебе, все шло по-старому, и если смерть дочери садовника и огорчила мать, но все же она была совершенно здорова.

— Какая смерть, когда? — раздались вопросы.

— Видимо, пропущено одно письмо, — ответил Карл Иванович.

— Ну, дальше, — сказал хозяин.

... совершенно здорова, вплоть до роковой ночи.

Происшествия этой ночи крепко врезались мне в память, хотя до сих пор во многом они остаются для меня загадочными.

Люси и я, мы спали через комнату от нашей матери, под надзором Катерины.

Среди ночи меня разбудил страшный крик: откуда он, я не знал. Сев на кровати, я стал слушать: в доме была суматоха, хлопали двери, слышались шаги и голоса.

Окликнув Катерину, я убедился, что ее нет в комнате. На меня напал страх. Босиком, в одной рубашке я бросился в спальню матери. Там было много народа.

Мать лежала без чувств на высоко приподнятых подушках, бледная, как ее белые наволочки и ночная кофта. На груди, на белом полотне я заметил кровавые пятна. Отец наклонился над больной, а старый наш доктор вливал ей лекарство в рот.

Кругом толпились испуганные слуги.

Через несколько минут мать очнулась и боязливо осмотрела комнату.

— Фреди, это ты, Фреди, ты прогнал его?

— Кого его, моя дорогая?

— Его, дедушку, не пускай его, не пускай!

— Успокойся, милая, никого нет, дедушка умер, а ты видела сон.

— Сон, да, сон, но как ясно, — пробормотала мать.

— Нет, это не сон!.. — снова заговорила она.

— Правда, я уснула, но вдруг почувствовала, что кто-то вошел в комнату, лампада перед образом зашипела и погасла.

— Нет. Быть может, она и раньше погасла, а это шипела змея. Не знаю... В комнате был полумрак, — продолжала больная после короткого перерыва, — но я ясно узнала его, деда. То же бархатное платье и золотая цепь, а главное, те же злые глаза, чуть-чуть отливающие кровью. Горбатый нос и сухие губы. Это был он и не он!

— Полно, успокойся, — прервал ее отец.

— Нет, слушай. “Он наклонился ко мне. Почему ты не хочешь носить моего подарка? — тихо спросил он, — попробуй.” В руках его было ожерелье с головою змеи. Он надел его на меня, целуя в губы, — при этих словах мать вытерла рот, — губы были холодные, точно лягушки, и от него скверно пахло: гнилью, сыростью... Вместо ожерелья на моей шее висела змея, которая тотчас же меня и укусила... — Тут я потеряла сознание и ничего не помню... — закончила мать.

— Где же змея, мама? — не вытерпел я.

Тотчас же две хорошо знакомые руки подхватили меня и быстро унесли из комнаты.

— Где это видано, бегать ночью босиком, — ворчала Катерина.

— Где же змея, няня? — не унимался я.

— Какая там змея, барыня видела сон и закричала.

— А кровь на кофте, ведь я видел кровь?

— Ну, это не знаю. Надо спросить доктора. Да спи ты, спи, — ворчала няня, укрывая меня.

На другое утро солнце так ярко светило в нашу комнату, а Люси так звонко смеялась и болтала, что я совершенно забыл и о ночном страхе, и о змее.

Когда мы были готовы, Катерина, как всегда, повела нас здороваться с родителями. При входе в столовую она просила нас не очень шуметь, так как мамаша не совсем здорова.

На кушетке, обложенная подушками, полулежала наша мать. Даже мой детский взгляд заметил, как она побледнела и осунулась за ночь.

Почти не обратив на нас внимания, она обратилась к лакею:

— Где же Нетти, почему вы не приведете ее сюда? Вот уже полчаса, как я ее жду.

— Нетти нет дома, — отвечал, заикаясь, лакей, — все утро мы ищем ее и не знаем, куда она делась.

— Но где же она, что это значит? — волновалась мать.

Лакей молчал.

— Разыщите, узнайте, кто видел ее последним, — распорядилась мать.

Лакей вышел.

Отсутствие собаки удивило и меня; я так привык ее видеть у ног матери; но все же судьба змеи интересовала меня больше и, с несдержанностью избалованного ребенка я спросил:

— Мама, ты нашла змею?

В ту же минуту отец сердито дернул меня за руку и прошептал: “Молчи”.

С недоумением я посмотрел на него и на мать. Брови отца были грозно сдвинуты, а мать с легким стоном откинулась на подушки.

Прежде чем я опомнился, отец спокойным тоном спросил меня, не хочу ли я верхом съездить в деревню, что давно было уже мне обещано.

Удовольствие верховой поездки заслонило все. С криком радости я бросился на шею отца.

— Прикажи оседлать тебе Карего, и пусть едет провожать Петро. Когда лошади будут готовы, зайдите сказать, я дам Петро поручение. Да, только поезжай осторожно, не скачи особенно под гору, — кончил отец.

Через час мы уже выезжали из ворот замка. Пропуская нас, привратник просил Петро узнать, нет ли в деревне Нетти.

— До сих пор мы не можем ее найти, а барыня изволяет сердиться.

Петро проворчал что-то вроде “старого дьявола”, и мы осторожно начали спускаться под гору.

Я устал, Альф, до завтра.

Твой Д.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Воспоминания, как рои потревоженных пчел, осаждают меня, и мне остается одно — писать и писать.

Итак, мы отправились с Петро в деревню.

Петро, старый слуга нашего дома, обожал отца и меня, да и вообще любил всю нашу семью. Это был добрый, веселый старик, всегда готовый помочь мне во всех шалостях, достать ли птичье гнездо, смастерить ли удочку, принести ли живого зайца... В Петро я всегда находил усердного помощника.

Но за последнее время Петро очень переменился: его уже не интересовали больше ни наши зайцы, ни ловля рыбы, ни даже молодой ворон с перебитым крылом, что подарил мне кучер.

Петро молчал по целым часам, и только глаза его страшно бегали и как-то загорались злобой, когда он хотя издали видел проходившего старого слугу графа, привезшего гроб.

Он что-то бормотал, и “старый дьявол” частенько срывалось с его губ.

Вся дворня знала ненависть старика к приезжему американцу, и всех это удивляло, так как добрее и обходительнее, чем Петро, не было человека в замке.

Чем вызвал американец к себе ненависть — трудно сказать. Он был так тих и так непрятзателен. Все время

он проводил или в своей сторожке, которую исправил, или в склепе, у гроба своего господина. Реже он тихо бродил в той части сада, где было его жилье.

Ни в людской, ни в кухне он никогда не появлялся. От общего содержания он тоже отказался.

— Мой господин оставил мне достаточно, чтобы не умереть с голода, — объяснил он отцу.

Кое-кто из наших привилегированных слуг думали свести знакомство с новым жильцом, но живо отстали, обиженные его гордыми и холодными ответами.

Отказ от общего стола тоже задел самолюбие многих, а над выражением “не умру с голоду” шутили.

— Ишь ты, приехал сухой да серый, а теперь так растолстел, что в дверь не войдет, да и губы красные, что твоя кровь! — смеялась Марина, молодая веселая поломойка.

— Не верещи! — крикнул на нее Петро, — вот заест тебя, так не так еще потолстеет.

— Подавится, — заливалась смехом Марина.

Пока довольно, Альф.

Ты спросишь, какие дела с Ритой? Великолепно. Бросая перо, я сбрасываю и все прошлое и принадлежу только моей чудесной невесте.

Иногда мне приходит на ум — время ли теперь предаваться воспоминаниям, не лучше ли наслаждаться настоящим?

Но в тиши ночи, после горячих поцелуев меня тянет к воспоминаниям, а следовательно, и к перу. Что это? Видимо, за долгую жизнь изгнанника назрела потребность высказаться... и даже сама любовь не в силах заглушить ее.

Итак, до следующего раза. Завтра иду отыскивать подарок, достойный моей милой.

Д.

— Господа, я продолжаю разговор о снах, — сказал хозяин, как только Карл Иванович прервал чтение.

— Что! Спать! Рано еще, — раздались голоса.

— Ну, кто как, а я ухожу, — встал первым капитан Райт. — Сегодня так до него и не добрались. Все эти ваши чтения... По правде говоря, и разобрать-то в них ничего нельзя.

Молодежи ничего не оставалось, как покориться решению старших.

Библиотекарь аккуратно сложил старые, пожелтевшие листки и, поклонясь, вышел из комнаты.

— Завтра в Охотничьем доме, — кричали ему вслед.
— Хорошо.

ОХОТНИЧИЙ ДОМ

Назавтра за час до захода солнца вся компания собралась к Охотничьему дому.

На высокой башне разевался флаг свободной Америки (голубое поле с серебряными звездами) — лесть владельцу американскому.

Дом был невелик, но странной архитектуры: видимо, его построили не сразу, а надстраивали и пристраивали понемногу. Стены из серого камня облупились, выветрились, но все это скрадывалось сильно разросшимся диким хмелем и выющимися розами. Окна нижнего этажа до половины были закрыты боярышником и жасмином. Да и вообще растительность, ничем не задерживаемая, развилась во всей красе и часто оказывалась почти непроходимой.

У крыльца общество было встречено управляющим Смитом и его помощником, местным уроженцем, Миллером. Из довольно темной прихожей с допотопными колоннами гости прошли в ярко освещенную столовую.

Комната большая, но узкая, видимо, всегда имела это назначение: большой камин, несколько вделанных в стену шкафов, украшения из рогов и голов убитых зверей подтверждали это предположение. Охотничьи картины своей аляповатостью ясно говорили о своем местном происхождении и невольно наводили на мысль, что изображенные на них сцены взяты из жизни владельцев.

Вот седой старик наступил на голову убитого медведя. Рядом висит картина, изображающая прекрасную породистую собаку, впившуюся зубами в загривок волка. Ноги хищного животного упираются в лежащего на земле человека: судя по одежде — егеря. Молодой человек в бархатном плаще держит наготове ружье, чтобы прийти на помощь своей собаке. А вот у ног прекрасной охотницы лежит благородный олень.

Когда-то дорогие, тисненные золотом обои отстали и потемнели, но хитрый янки уже в очень плохих местах

повесил флаги в честь гостей, а так как гости были разной национальности, то флаги своим разнообразием напоминали ярмарку. На стене против камина висел красивый бархатный ковер и еще больше усиливал пестроту комнаты. Мебель была тяжелая, орехового дерева. Слуги торопливо бегали, приготовляя ужин. В ожидании его хозяин предложил осмотреть дом. Все охотно согласились.

Из столовой шел узкий, с несколькими поворотами коридор. В конце его было круглое окно с разноцветными стеклами, часть стекол была выбита и заменена белыми. При таком скучном освещении даже днем коридор был темен.

По коридору шли небольшие комнаты, видимо, спальни. Каждая из них имела одну или две кровати. Кровати были все старинные, деревянные, но с новыми тюфяками, набитыми свежим сеном.

На одном из поворотов коридора управляющий открыл дверь в противоположную сторону от расположения спален.

Общество весело вошло в открытую дверь. Новая комната была большая, с широкими окнами, выходившими к озеру.

Обстановка ее отличалась богатством и роскошью. Высокая резная кровать под парчовым балдахином, с золотыми амурами в головах, конечно, не могла служить ложем для мужчины; да и вся остальная меблировка напоминала о прекрасной, избалованной женщине.

Изящный туалет с дорогим венецианским стеклом, шкафчики, этажерки, столики — все это могло удовлетворить самую прихотливую красавицу.

— Э, Гарри, да мы никак попали в замок фей! — вскричал всегда спокойный Райт.

Все с интересом принялись осматривать комнату.

— Да, несомненно, это жилище женщины, смотрите, — сказал доктор, открывая один из столиков.

Там, прикрытые легким слоем пыли, лежали принадлежности дамского рукоделия: шелка, еще сохранившие свой яркий цвет, шерсть, немного истлевшая, и особенно много бисера и мелкого жемчуга. Крошечный золотой наперсток с вставленным опалом, красивые ножницы, иголки и все прочее, без чего не может обойтись женщина.

— Мы ничего здесь не трогали, — как бы извиняясь, сказал управляющий, посматривая на пыль.

— Отлично сделали, — ответил хозяин. — Осмотр жилища феи доставит удовольствие мне и моим друзьям.

И в подтверждение своих слов он открыл дверцу одной из шифоньерок.

Тонкая ароматная струя лаванды наполнила комнату. На полках лежало прекрасное белье, отделанное настоящими кружевами; вороха лент, бантов, цветов. Тут же стояли изящные маленькие туфельки.

— А вот и ларец с драгоценностями, — указал доктор на довольно большую шкатулку. Шкатулка, несомненно японской работы, была украшена золотом и перламутром.

— Посмотрим, что прятала в нем красавица, — прибавил Гарри, беря ящик в руки.

Но все старания открыть крышку не повели ни к чему. Ларец имел свой секрет! А что он не был пуст, доказывала его тяжесть.

— Придется оставить до другого раза, — сказал Гарри, ставя шкатулку на прежнее место и закрывая шкаф.

— Идите сюда, это стоит посмотреть! — раздался голос Райта.

Он стоял на балконе, колонны и перила которого заплел хмель, спелые шишки, распространяя сильный запах, свешивались целыми гирляндами.

Все столпились на балконе. Зрелище в самом деле было чудесное!

Последние лучи солнца скользили по долине. От озера поднимался туман и, пронизанный лучами, отливал то нежно-розовым, то золотистым цветом. А там, где туман несколько расходился, проглядывала голубая вода и зеленый берег. Слева была рамка из темной зелени сosen, а справа поднималась мрачная скала, увенчанная угремым замком.

— Недурно, чудесно, восхитительно, — слышалось со всех сторон.

— Ну, теперь еще больше, чем прежде, я отказываюсь видеть здесь злых дев с гусиными лапами, — громко заявил доктор.

— Это и понятно, все вампиры при заходе и восходе солнца прикованы к своим гробам, — сказал старик немец, староста деревни, приглашенный хозяином на ужин в виде любезности за разрешение осмотреть школьно-церковный архив.

Вдруг в комнате раздался раздраженный голос хозяина.

— Вы с ума сошли, Смит, если воображаете, что я соглашусь спать на старых тюфяках, да еще под пыльными занавесями. Нет и нет. Свежее сено и отсутствие тряпок.

— Извините, мистер, но я полагал, что это лучшая комната в доме, — отвечал сконфуженный управляющий.

— Ну, а теперь прикажите снести мои вещи в одну из маленьких спален.

Управляющий и его помощник Миллер начали быстро переговариваться и, видимо, были в большом затруднении.

— В чем еще дело? — спросил хозяин.

— Мы не знаем, как быть, кому из господ предложить эту комнату, так как число кроватей заготовлено по числу гостей, — с низким поклоном сказал Миллер.

— В наказание за вашу непредусмотрительность ложитесь сами в это пыльное гнездо, — смеясь, ответил Гарри.

— Я, мне... спать... оставаться... — бормотал бледный, как полотно, растерявшийся помощник. — Нет, я не могу... Пощадите!..

— Да что с вами? Говорите толком.

— Да ведь здесь жила невеста, здесь она и умерла, и люди на деревне говорят, что она ходит здесь, стонет и плачет по ночам, — говорил, боязливо оглядываясь, Миллер.

— Ну, господа, дело дошло уже до привидений. Жаль, я не знал этого раньше, непременно бы поселился в этой комнате. Но мое правило — не брать назад раз отданного приказания. Кто желает свести знакомство с невестой с того света? Не ты ли, Райт? — предложил, улыбаясь, Гарри.

— Что же, я не прочь, если мне дадут стакан рома и десяток сигар.

— При десятке сигар, да еще с примесью опиума, как ты любишь, ручаюсь, ты увидишь не только невесту-привидение, но белого слона и зеленого змея, — пробормотал доктор.

— Итак, решено, капитан Райт ночует здесь. Показывайте дальше, Смит.

— Но, мистер, это все.

— Как все, дом выглядит гораздо больше.

— Я хочу сказать: все, нами приготовленное; другую половину, быть может, даже большую, мы почти и не осматривали.

— Все равно, проведите нас туда.

— Вам придется идти через сад, так как два хода из этой половины мы заколотили и завесили коврами.

Все шумно прошли через столовую, прихожую и вышли на крыльцо.

VI

Солнце закатилось, и начало быстро темнеть.

Пройдя густо разросшийся сад, подошли к большой крытой веранде. Управляющий открыл дверь, из нее пахнуло запахом плесени и затхлости, как из нежилого помещения.

Было темно. Пришлось позвать лакеев со свечами. Первая комната не представляла особого интереса, да и трудно было определить ее назначение: в нее поставили лишние вещи и мебель из приготовленных уже комнат и она походила на лавку старьевщика. Тут же, прислоненный к окну, стоял большой письменный стол с подогнувшейся ножкой.

— Карл Иванович из этого стола взял пачку писем, — указал на стол управляющий, — но там еще есть бумаги.

— Не трогайте их до Карла Ивановича, — приказал Гарри.

Пошли дальше.

Комнаты не представляли из себя ничего особенного, но каждая была выдержана в своем стиле. Там, где мебель была черная, там и рамы картин были черные. Комнаты, отделанные дубом, имели и мебель дубовую. Все массивное и мрачное.

В одной из комнат обратил на себя общее внимание портрет. При темной обстановке богатая золотая рама невольно бросалась в глаза. Казалось, что портрет этот попал сюда случайно, тем более что и висел-то он как-то сбоку, около двери. Так и чувствовалось, что его повесили наскоро, на первое попавшееся место.

По желанию Гарри портрет хорошо осветили. Высокий, сухой старик в богатом бархатном платье, с золотой цепью на шее и в высокой, того времени шляпе гордо

глядел из рамы. Большой нос и тонкие губы говорили о породе и злом характере, а глаза...

— Э, да он в самом деле смотрит! — вскричал один из юношей.

При неверном, мигающем свете свечей глаза блестели злобным красноватым отливом. Все согласились, что живопись великолепна. Глаза жили.

Доктор, большой любитель старинной живописи, заходил то с одной, то с другой стороны, очень живо выражая свое восхищение. При одном из поворотов он нечаянно толкнул неловкого старосту деревни, а тот, чтобы не упасть, сильно оперся рукою о стену. В ту же минуту он с криком полетел в темное пространство.

Портрет был забыт. Все бросились на помощь старику.

Оказалось, что староста, думая опереться на крепкую стену, оперся на потайную дверь. Дверь сдала, и стариk упал.

К счастью, он отделался только испугом. Все с большим интересом вошли в новую комнату, так неожиданно открытую.

Управляющий и его помощник уверяли, что не видели этой комнаты при осмотре дома. Им можно было легко поверить, так как комната имела совершенно иной характер и заметить ее было невозможно.

По своим большим венецианским окнам, по изяществу и дороговизне обстановки она была похожа на спальню невесты-привидения.

Если б не слой пыли, то можно было бы думать, что комната не так давно оставлена своей обитательницей.

На столах лежали книги, гравюры, какое-то женское рукоделие. Около кушетки, стоявшей почти посредине комнаты, на изящном столике, в дорогой серебряной вазе — увядший букет полевых цветов. В головах кушетки — шелковая подушка, еще сохранившая следы женской головки, поконившейся на ней. Рядом стул с брошенной на него лютней.

Подойдя ближе, доктор на что-то наступил. Это что-то оказалось небольшой книгой в черном переплете и с золотым обрезом.

Католический молитвенник! На заглавном листе красивым женским почерком, но, видимо, слабеющей рукой, написано: “Помолитесь о несчастной!”

В ногах кушетки — прекрасная плюшевая дамская накидка ярко-пунцового цвета и несколько засохших розанов.

После того, как доктор прочел просьбу умершей: “Помолитесь о несчастной!”, смех и разговоры смолкли, все сдерживались, точно труп был тут же в комнате. Этому чувству способствовала никем не нарушенная обстановка помещения. Даже стакан и графин с открытой пробкой свидетельствовали, что комнату оставили неожиданно.

Видимо, какое-то большое несчастье выгнало ее обитателей, и однажды ушедши, никто уже не вернулся.

Такое предположение еще более подтвердилось видом птичьей клетки. На дне раззолоченной клетки лежал полуистлевший скелет птички. Бедняга погибла от голода: в кормушке в виде раковины не было ни одного зерна.

Было тихо, свечи тускло горели, а белые кружевные занавесы на окнах, выглядывая из-под тяжелых шелковых портьер, казались крыльями улетевших ангелов.

— Черт возьми, Гарри, да это точь-в-точь из спящей красавицы, только где она сама, чтобы ты мог разбудить ее поцелуем, — не выдержал наконец Райт.

Очарование было снято: зашумели, заговорили; посыпались догадки, предположения.

Управляющий, подойдя к последнему окну и раздвинув портьеры, увидел, что это дверь. Она оказалась запертой, но ключ торчал в замке.

С неприятным скрипом, точно со стоном, замок поддался, и дверь открылась. Ночной свежий воздух ворвался в комнату. Свечи замигали, занавесы и сухой букет задвигались, точно дух усопшей ворвался в комнату, озлобленный нарушением покоя.

— Так я и думал, эта комната примыкает к большой дамской спальне, — заявил Смит. — Отсюда это нетрудно определить: эта сторона дома выходит к замковой горе и далекого вида на озеро отсюда нет, а за углом будет небольшой балкон.

Гарри убедился, что Смит прав. Балкон, на который он сейчас вышел, был крошечный, точно гнездо ласточки.

Тотчас же нашли и дверь, ведущую в спальню; ее не заметили сразу только потому, что она представляла художественное произведение и могла быть принята за кар-

тину. Дверь не была заперта, но тем не менее открыть ее не могли.

— Да это потому, что с той стороны стоит тяжелый шифоньер, тот самый, в котором мы видели столько вещей. Недаром мне показалось, что он стоит как-то не на месте: занимает лучший простенок, тогда как его место скорее в углу, — сказал Гарри. — Завтра это разберем, а теперь ужинать. Все эти новости прибавили мне аппетита.

Все повиновались хозяину и пошли обратно. Возвращаться пришлось через сад.

VII

После усталости охотничьего дня и новых впечатлений от осмотра старинных комнат компания весело и охотно принялась за роскошный ужин и дорогие вина.

Вначале все были заняты закусками, заливными, паштетами и т. д. и, только утолив голод, а тем более жажду, начали разговаривать. Против обычая, об охоте не было и речи, а весь разговор вертелся около таинственных комнат и их обитателей. Слышались разные мнения: одни предполагали, что обитательница комнат умерла, вернее, погибла внезапно; другие — что она была похищена, но все сходились на том, что в таинственных комнатах произошла трагедия.

Также очень занимал вопрос, почему в таком специальном здании, как Охотничий дом, оказались жилые покой, да еще прекрасной молодой женщины. В том, что она была молода и прекрасна, как-то никто не сомневался. Это казалось очевидным!

— Эта дама была из чужой земли, — вмешался староста.

— А вы откуда это знаете? Кто вам сказал?

— Моя бабушка говорила, что заморская красавица умерла от тоски по родине. Что она была очень красива, но не нашей веры и умерла без покаяния, оттого ее душа и бродит по дому, не знает покоя и просит молитв своему Богу.

— Но отчего же она жила здесь, а не в городе или не в замке?

— Этого бабушка не говорила.

— Карл Иванович, быть может, вы можете что-либо сказать на этот счет. Вы разбирали сегодня церковный архив?

Оба управляющих и Карл Иванович сидели на дальнем конце стола и не вмешивались в разговоры почетных гостей.

— Нет, мистер Гарри, ризница еще закрыта, и только завтра я получу от нее ключ.

— Это верно, — подтвердил староста.

— Вот, если вам угодно, то я приготовил к чтению письма, — предложил Карл Иванович.

— Да, да, пожалуйста! — вскричала молодежь.

— Вина и сигар, — дал распоряжение лакеям хозяин.

Когда приказание было исполнено, слушатели разместились поудобнее и закурили. Карл Иванович начал.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Извини, Альф, что после последнего письма я сделал такой большой перерыв. Все эти дни я был сильно занят, так как искал подарок, достойный моей милой невесты. Ты, конечно, думаешь, что это нетрудно сделать в таком городе, как Венеция. Да, найти возможно, и я нашел.

Один старый еврей, торговец старинными вещами, предложил мне шкатулку, по его словам, принадлежавшую какой-то римской императрице. Он клянется богом Адонаем в верности своих слов. Это, понятно, не важно, но вещь, правда, из ряда вон выходящая...

Уже сама шкатулка — чудо искусства. Ее перламутровые цветы и золотые птицы напоминают что-то сказочное. Наружного замка нет, а внутренние застежки делают честь своему изобретателю.

На крышке с левой стороны есть птица, готовая схватить яблоко. Нужно ввинтить это яблоко ей в клюв, и застежки откроются.

В шкатулке несколько отделений, и все они заполнены дамскими украшениями. Почти все великолепной старинной работы, но главную красоту представляет большой чепраховый гребень, украшенный золотом и желтым жемчугом. Как бы он был красив в черных кудрях Риты.

Хороша еще булавка из розового сердолика с острым золотым концом, но что рассказывать! Купить этого сокровища я не мог... Средства, посыпаемые из дома, были большие для одинокого студента, а теперь я чувствую всю их мизерность.

Вместо подарка императрицы пришлось купить тряпки: кружева, материи, ленты и т. д.

Рита, когда открыли сундуки, была в неописуемом восторге. Она то разбирала вещи, то примеряла на себя, то бросалась мне на шею и говорила, что мечтала сшить себе такие платья, какие видела на старинных портретах в галерее.

Радость Риты радовала и меня, но все же я был забыт для атласа и бархата!

“О женщины, ничтожество вам имя”, — сказал поэт.

Мне ничего не оставалось, как проститься и пораньше идти домой.

А потому займусь окончанием моих воспоминаний.

Итак, до сих пор, если не считать ночного припадка матери и исчезновения собаки, все было просто и естественно.

Теперь же наступил какой-то сумбур. Но слушай.

Жизнь в замке течет мирно. Мать почти совершенно оправилась, только боится еще оставаться одна. Первые ночи после припадка в ногах ее кровати всю ночь сидел отец, теперь его место заняла наша старая Пепа. Пепа с давних пор занимает должность экономки в нашем замке.

Днем мать также не остается одна: отец, мы — дети, старики доктор и посетители не дают ей время задумываться. После обеда она выходит на площадку в саду и там ложится на кушетку.

Площадка — это лучшее место в нашем саду. Она расположена над обрывом, и вид с нее превосходный, от людских глаз и заходящего солнца она защищена непроницаемой стеной зеленого душистого хмеля.

Тут же мы играем с Люси в разбойников и строим песчаные пирамиды. Мать порозовела, но прежняя жизнь все еще к ней не вернулась. Она по большей части лежит тихо, устремив глаза вдаль.

Первые дни она скучала о Нетти, судьба которой так и осталась неизвестна, но взять другую собаку мать наотрез отказалась.

Играя с Люси в разбойники, я спрятался в хмеле и слышал часть разговора отца с доктором, конечно, относившуюся к ночному приключению.

— ...У малокровных, а тем более нервных людей это часто бывает, — говорил врач, — наверное, положила

футляр на ночной столик и ночью, не отдавая себе отчета, вздумала надеть ожерелье и, конечно, со сна сильно уколола щею острой застежкой, а уже от боли явилась галлюцинация змеи и все прочее. Единственное, что меня беспокоит в этом случае, это то, что она поправляется с большим трудом, — прибавил задумчиво доктор.

— Все это так, доктор, но как попало ожерелье в постель? Мы нашли его в складках одеяла!

— Да говорю вам, она сама его надела!

— Так-то оно так, только странно, футляр оказался на туалете в соседней комнате...

Доктор молчал.

— Теперь я принял меры, — продолжал отец, — она не увидит больше ожерелья, я запер его к себе в бюро.

— Поймала, поймала, — лепетала Люси, таща меня из хмеля.

Насколько у нас на горе было тихо, настолько в долине в деревне нарастала тревога. Там появилась какая-то невиданная эпидемия, которая уносила молодых девушек и девочек.

Не проходило недели, чтобы смерть не уносила одну или даже две жертвы. Все они умирали скоропостижно. Накануне веселые, жизнерадостные, наутро они были холодными трупами. Наружных знаков насилия не было, и трупы не вскрывали.

Вначале на случаи смерти не обращали внимания, но частая повторность при одинаковых условиях взволновала умы. Всюду затеплялись лампадки и зажигали ночники, а те, у кого были девочки-подростки, ложились спать в их комнатах или же девочек клали с собою в кровать.

Болезнь приутихла, точно испугалась. Но вот пропала дочка старости, девочка лет тринадцати, и поднялась тревога. Подруги сказали, что она пошла на соседнее поле за васильками. Бросились туда и у самой межи нашли труп ребенка. Васильки были еще зажаты в ее ручке. Лицо было испуганное, а на шее заметили две небольшие ранки. По просьбе отца труп также не вскрывали.

Дня через три погибла дочь зажиточного крестьянина. Веселая восьмилетняя девочка, общая любимица семьи. Она находилась всегда вблизи матери, а с наступлением неведомой опасности мать, что называется, не спускала с нее глаз.

В роковой день мать работала на огороде, а вблизи нее резвился ребенок, в кустах смородины, перекликаясь с нею. Не слыша некоторое время смеха ребенка, женщина его окликнула и, не получив ответа, бросилась в кусты. Там все было тихо. Побежав в сад, который примыкал к огороду, несчастная мать наткнулась на свою девочку.

Ребенок был мертв. Ручки были еще теплые, и глазки два раза широко открылись, а затем сомкнулись навеки. На шее ребенка было две ранки, и кровь обильно залила платье.

На этот раз вмешались уже власти. Труп вскрывали, но ничего не нашли, кроме ранок на шее, но ведь эти ранки могли появиться от укола о сук или шип, когда ребенок падал.

Опросы и допросы не повели ни к чему, разве только затемнили дело. Явились свидетели, которые говорили, что видели черную большую кошку, которая шмыгнула в рожь, когда поднимали с поля дочь старости. Находились и такие, что уверяли, что это была не кошка, а зеленая большая ящерица.

Но общее мнение было то, что кто-то скрылся во ржи. При последнем же случае даже этого не могли сказать. Домик стоял на краю деревни, и сбежавшиеся люди не видели ни одного живого существа,

Только нищенка старуха, сидевшая у ворот деревенской околицы, видела одного пожилого, хорошо одетого господина, который прошел из деревни по направлению замка.

Загадка осталась загадкой. Тревога все росла; девочек-подростков оберегали; но, несмотря на это, ужас охватывал даже самых спокойных и уравновешенных, так как никто не знал, откуда может прийти беда. А все это еще усугублялось тем, что время в деревне было рабочее, тяжелое.

Понемногу тревога перешла и в замок. Среди дворни были люди, имевшие в деревне и родню, и знакомства. По приказу отца от матери скрывали появление эпидемии. Иногда, когда ветер был со стороны деревни, к нам ясно доносились удары погребального колокола. Мать вздрагивала и бледнела. Всем, даже нам, детям, становилось жутко. Все крестились. Разговоры на минуту смолкали. Но тотчас же отец, доктор и другие старались отвлечь внимание матери от печальных звуков. Многие заметили, что при первом же ударе колокола старый аме-

риканец как-то съеживался и не шел, а прямо бежал в свою сторожку.

Прошла неделя, и разразилась новая беда.

У одной вдовы крестьянки была дочь восемнадцати лет. Красавица, хохотунья, кумир всех деревенских женихов. Домик их был окружен садом, одна сторона которого выходила на большую дорогу. По приказу матери девушка и молодая работница собирали в саду крыжовник.

Со стороны дороги подошел пожилой, высокий господин и попросил напиться, вложив серебряную монету в руку служанки.

Ничего не подозревая, она бросилась в ледник за квасом.

Возвратясь через четверть часа, она нашла свою госпожу лежавшей без чувств на садовой дорожке. Незнакомца нигде не было.

Служанка подняла страшный крик. Сбежались соседи, мать, работники, а когда приподняли новую жертву, то на песке дорожки осталось темное кровавое пятно.

С большими усилиями девушку привели в чувство, но она была так слаба, что доктор запретил всякие распросы.

О появлении незнакомца и его исчезновении сообщила, заикаясь и путаясь, испуганная служанка. Единственное, что можно было понять из этого сбивчивого рассказа, это то, что при ее возвращении с ледника на дороге никого не было, а дорога прямая и открытая.

“Когда я подходила, то мне было видно всю дорогу, и я подумала, что “он” вошел в сад”, — твердила она. Обыскали дом и сад. Никого и ничего.

Все-таки рассказу служанки пришлось поверить: на заборе на солнышке нежился черный кот, и, конечно, пройди здесь чужой человек, кот неминуемо бы убежал.

Известие о новом несчастии дошло до замка и стало известно моей матери. Она заволновалась и послала нашего старика доктора на помочь молодому деревенскому врачу.

Целую ночь провели доктора у постели больной, и к утру она начала говорить. Но рассказ ее был так фантастичен, что его приписали бреду.

Она бормотала, что черный господин прыгнул на забор, а потом в сад, запрокинул ей голову руками и впился в шею, но это уже был не господин, а большая черная

кошка... все это она говорила несвязно и со стонами, все время боязливо озираясь по сторонам.

Молодой врач рассказы объяснил нервностью, галлюцинациями, а слабость — малокровием.

Наш старый эскулап молчал у постели больной.

— Не могу же я у молодой деревенской красавицы допустить нервы и малокровие! — признался он отцу.

Больше всего его занимали ранки на шее.

— Несомненно укус! — бормотал он, — но кого?

Опять прошло несколько дней. Девушка оправилась, но была слаба и бледна. На расспросы матери, "как положение больной?", доктор отвечал:

— Должен признаться, правда, что у нее малокровие, и в сильной степени. Нужно хорошее питание: молоко, вино, — добавлял он. Мать распорядилась все это послать в дом вдовы.

Наконец беда разразилась и над нашим замком. Умерла одна из служанок, веселая хохотунья Марина, та самая, которую Петро пугал американцем.

Накануне она по обыкновению работала за троих и шутила, и хохотала при каждом удобном случае. Утром, не видя ее на работе, пошли в ее комнату. Комната, где она жила, была под самой крышей, и туда вела маленькая крутая лесенка. Дверь оказалась незапертой.

На кровати лежала Марина, поза и лицо были совершенно спокойны, никакого беспорядка в комнате также не было, и только ветер, врываясь в открытое окно, путал волосы покойницы. В первую минуту думали, что она спит, но потом убедились, что несомненно она была мертва, мертва и даже начала уже застывать. На шее зловеще краснелось пятно ранки с белыми, как бы обсосанными краями.

Весть об этой смерти поразила всех, как громом. Страшное, незнакомое чудовище вошло в наш дом!..

На женщин напала паника, мужчины угрюмо молчали. Покойницу обрядили и положили в притворе капеллы. В этот притвор-прихожую был ход не только из зала замка, но и со двора. Старые слуги замка взялись по очереди читать положенные молитвы.

Ночь от 12 часов до утра досталась конюку. И он уверял, что покойница не иначе как самоубийца, так как ее душа всю ночь билась за окном, скреблась, выла и мяукала. Одни верили, другие смеялись, потому что в кармане рассказчика нашли пустой штоф из-под водки.

Марину похоронили. Колокол капеллы печально вторил колоколу на деревне.

Родители и мы, дети, проводили гроб до ворот замка, большинство же дворни отправилось на деревенское кладбище.

Ни на прощании, ни на похоронах не было американца, а когда проходили мимо его сторожки, то ставни и дверь были плотно заперты.

— А старики-то боится смерти, — заметил отец.

Вскоре умерла девочка лет трех, круглая сиротка, жившая в замке из милости. Ее нашли на краю обрыва между камнями. Плакать о ней было некому, и ее живо похоронили.

Но так как труп нашли недалеко от площадки, где моя мать проводила время после обеда, то отец вздумал переменить место отдыха хотя бы на несколько дней.

Он выбрал большой балкон, с которого был прекрасный вид на долину и на заходящее солнце.

Балкон примыкал к парадным, вернее, к нежилым комнатам замка и был во втором этаже. Комнаты эти служили прежним владельцам для шумных пиров, при отце они совсем не открывались, но сохраняли всю свою богатую и старинную обстановку.

Балкон очистили и убрали цветущими растениями, коврами и легкой мебелью.

Несколько прекрасных дней мы провели на нем.

Из-за глупой случайности опять все пошло вверх дном.

Как-то раз, кончив беседу, мать встала, чтобы под руку с отцом идти вниз в свои комнаты. Мы и гости двинулись следом.

Лакей распахнул дверь.

Мать сделала два или три шага по земле, вдруг страшно, дико вскрикнула и, протягивая руки в соседний зал, проговорила:

— Он смотрит, смотрит... это смерть моя! — Упала в обморок на руки стца.

Все невольно взглянули в указанном ею направлении, и у многих мороз пробежал по коже.

В соседней комнате, как раз против двери, висел портрет одного из предков нашего рода.

Высокий, сухощавый старик, в бархатном колете и в большой шляпе, точно живой смотрел из рамы. Тонкие

губы сжаты, а злые, с красными белками глаза ужасали своей реальностью. Они жили.

Общество было поражено. Царствовало молчание.

К счастью, один из молодых гостей сообразил, в чем дело: он бросился к большому готическому окну и силою открыл его. Сразу глаза портрета потухли.

Перед нами висел простой, заурядный портрет — правда, мастерской кисти, но и только. Теперь в лучах заходящего солнца блестела и сверкала дорогая золоченая рама.

Весь эффект произошел оттого, что луч солнца, падая на красную мантию изображенного короля, придал адскую жизнь глазам портрета.

— Чей это портрет? — спросил один из гостей.

— Предполагают, что это портрет того самого родственника, чей труп недавно привезли в гробу из Америки, — ответил доктор.

— Что б он провалился в преисподнюю! — сказал Петро, грозя портрету кулаком. — Ну, чего рты разинули, убирайтесь все! — крикнул он на лакеев. — Больше сюда не придем!

Мать, против всякого ожидания, скоро успокоилась, когда ей объяснили причину.

Несмотря на видимое спокойствие матери, с этого дня ей часто казалось, что злые, с красным оттенком глаза смотрят на нее. В комнатах они не появлялись, но все чаще и чаще преследовали ее в саду: то они смотрели из-за выступа обрыва, то сверкали между листьями хмеля.

Когда она сообщила это отцу, он засмеялся и сказал:

— Полно, милая, даже портрета-то, тебя напугавшего, нет больше в замке, я послал его в ссылку.

А все же, милый Альф, мать была права: глаза на нее смотрели, и смотрели с жадностью... Я сам видел их, но не одни: между листьями хмеля мелькали и нос, и губы, а все вместе напоминало американского слугу.

Я не догадался тотчас же броситься к стене хмеля, а когда сообразил, то там никого уже не было. Американец сидел на крыльце своей сторожки.

Теперь мне предстоит перейти к заключительным ужасным дням, но я чувствую себя не в силах сделать это сегодня. Итак, до завтра или, вернее, до следующего раза.

Твой Д.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Вот видишь, милый Альф, я делаюсь аккуратным и пишу тебе на другой же день. Это оттого, что радость моя так велика, что один я не могу ее вместить в себя!

Представь, я богат, несметно богат!

Сегодня утром ко мне явился Петро, старый слуга отца и бывший мой дядька: он передал мне книгу вкладов в банки. Оказывается, отец жил последние годы совсем отшельником, и вклады сильно возросли. Более миллиона флоринов лежит в Венеции! Как это тебе покажется?!

Кроме того, он принес шкатулку с драгоценностями моей матери. Если не считать особенного гребня, то вещи по красоте и стоимости не уступают знаменитой шкатулке римской императрицы.

Жемчуга и камни наилучшего качества.

Перебирая их, я вспомнил об ожерелье со змеиной головой и спросил о нем у Петра.

Он сильно побледнел, странно покосился на меня и ответил, что такого ожерелья не было.

Когда я стал настаивать и вспоминать, он резко меня оборвал и спросил:

— Что же, вы думаете, что я его украл?

Пришлось замолчать.

Сам Петро сильно состарился, хотя лет ему не так много, выглядит угрюмо и страшно молчалив. Часто делает вид, что не слышит вопроса, а на настоятельные повторения отвечает: да и нет.

Если можно добиться от него толку, то только в делах, касающихся наследства.

Деньги и драгоценности он привез сам, замок и прилегающую к нему лесную дачу запер и оставил караульных. Земли и другие доходные статьи сданы на прежних условиях арендаторам. Деньги и отчеты будут присыпаться, куда я прикажу.

Сам он просится отпустить его на поклонение какому-то святому для замаливания грехов. Обещает через полгода вернуться обратно в замок.

Я ему сказал, что в память матери назначаю ему приличную пенсию и предоставляю право жить в замке. От паломничества не отговариваю, а даю деньги на путевые расходы.

— Не надо, пойду пешком! — сурово оборвал он меня.

Когда же я сказал ему, что женюсь и поеду в свой замок, старик точно сошел с ума. Он вскочил, как молодой, глаза его засверкали; он замахал руками и закричал:

— Туда, туда... нет и нет... никогда... ты не смеешь. (Раньше он почтительно говорил мне "вы".) Лицо его горело, а волосы беспорядочно торчали.

На мои вопросы и заявление, что я так решил, он понес такую чушь, что и не разберешь: тут было и обещание, и клятва, и проклятие, и смерть, и любовь — одним словом, бред сумасшедшего.

Я напоил его вином, дал ему успокоиться и тогда хотел обстоятельно все выспросить. Но это было невозможно.

При первых же словах старик бросился передо мной на колени, целовал мои руки и умолял не ездить в замок.

Я понял, что есть какая-то тайна, но он под страхом проклятия не смеет мне ее открыть.

— Ваша мать отослала вас, вы должны ее слушаться, — кончил он с усилием.

Я говорил ему, как всю жизнь рвался на родину, как тосковал и что теперь я должен, прямо должен поклониться могилам отца и матери. Если даже для этого я должен загубить свою, и его душу.

Конечно, это я говорил для красоты слога, но с Петро снова сделался припадок исступления: он катался по полу и рвал свои седые волосы; пена шла у него изо рта...

Наконец он ослаб и притих.

— Подождите меня, вместе поедем туда, — просил он.

Желая его успокоить, да и отвязаться от сумасшедшего, я обещал:

— Поторопись вернуться в замок, а через полгода и я приеду туда.

Он поклонился и вышел.

Вечером, когда я спросил о нем, то мне сказали, что, прия от меня, он живо собрал свою котомку и, никому не отвечая на вопросы и не говоря ни слова, ушел из дома.

Видимо, он торопился.

Ясное дело, ждать его я не буду, выясню все дела и поеду.

Но странно, Альф, после старика у меня точно камень на сердце... нервы натянулись, как струны. Прощай.

Твой Д.

::

Карл Иванович замолчал. Он аккуратно сложил письма и перевязал их старым шнурком.

— Это все, — сказал он.

— Как все? А где же конец?

— Где разгадка тайны?

— Читайте дальше, — слышались голоса.

— Я говорю: это все, — повторил Карл Иванович. —

В пачке нет больше писем.

— Какая жестокость!

— Это так интересно, неужели нет конца?

По-видимому, больше всех был опечален сам хозяин.

— Карл Иванович, господин Смит говорит, что в столе есть еще бумаги, разберите их, нет ли там окончания, — сказал Гарри.

— Хорошо, мистер, завтра я посмотрю.

— Ну, а сегодня нам ничего не остается, как идти спать, — сказал доктор.

Все рас прощались и разбрелись по спальням.

VIII

Ночь прошла спокойно.

Утром за кофе хозяин обратился к капитану Райту, к которому, видимо, чувствовал симпатию, и спросил, смеясь:

— Ну что, милый капитан, как ты почивал, не беспокоила тебя хозяйка комнаты?

Капитан Райт угрюмо сосал свою сигару и не сказал еще никому ни слова.

— Что же, ты полагаешь, что и я верю всем этим бредням... и боюсь, — пробурчал он сердито.

— Не бойся, никто не заподозрит тебя ни в суеверии, ни в трусости, — поспешил успокоить его Гарри.

— Ну а я бы не решился лечь в той комнате, — с дрожью в голосе заговорил Жорж К., молодой мальчик, тот самый, что один раз уже видел привидение.

— Лечь на ее постель, под ее занавесы, — продолжал он, — а вдруг ночью она вздумает их открыть! Бр... благодарю...

— Что вы за чушь городите! — вскричал Райт, с треском отодвигая стул.

Все изумленно на него взглянули: спокойный, холодный Райт так сердится на безобидную болтовню мальчика. Это что-то новое.

Наступило неловкое молчание.

— Господа, — поспешил на помощь хозяин, — охоты сегодня нет, и я предлагаю отправиться в замок. Ввода во владение еще нет, но местные власти в лице деревенского старосты, нашего милого гостя, — говорил Гарри, кланяясь в сторону старосты, — ничего не имеют против осмотра. Конечно, ни один камень не будет оттуда взят.

От любезного поклона будущего владельца замка лицо старосты сияло, и он предложил себя в проводники.

— Итак, после завтрака, — решил Гарри, — а вы, Карл Иванович, займитесь бумагами и постарайтесь найти нам что-либо для вечернего чтения.

ОСМОТР ЗАМКА

За завтраком ни Карла Ивановича, ни старосты не было. Они оба ушли в деревню: один разбирать архив, а другой взять ключи от замковых ворот из церковной ризницы.

Место встречи было назначено у ворот замка, куда общество из Охотничьего дома, а староста из деревни должны были прийти разными дорогами.

Замок лежал недалеко от Охотничьего дома, он как бы царил над ним, но подняться на скалу со стороны долины было невозможно. Прямая и отвесная скала не пропускала пешехода.

Пришлось идти через лес с противоположной стороны от деревни. Здесь подъем был не крут и почти незаметен. Выходя из кустов, которыми кончался вековой лес, тотчас же очутились под стенами замка.

Серые мрачные стены, без украшений, без бойниц и даже без щелей, они производили тяжелое впечатление.

Обогнув угол замка, дошли до ворот. Здесь пришлось немного обождать.

Ворота были массивные, дубовые, обитые железными полосами. Как на них, так и на маленькой калитке висели замки и печати.

Вскоре по дороге из деревни в замок показался староста. Он быстро шел. Дорога эта была короче, но много круче и страшно запущена.

По знаку Гарри староста, сняв печати, оттолкнул калитку: с тяжелым скрипом она открылась.

Все вошли во двор.

Когда-то этот двор был мощен, но теперь зарос бурьяном; всюду по углам валялся мусор, снесенный туда ветром; стояли лужи от бывшего ночью дождя — одним словом, картина запустения была полная.

Сад тоже заглох: здесь все перемешалось, перепуталось, дорожки исчезли. О цветочных куртинах не было и помину, бассейны являлись в виде заглохших мусорных ям. Площадки сохранились лучше. Так, с одной из них, расположенной на краю обрыва, открывался чудный вид на долину. В глубине виднелось голубое озеро, а направо вдали белела деревенская колокольня. В ясном воздухе раздавались удары вечернего колокола.

— А эта площадка походит на ту, что описана в письмах к Альфу, — заявил молодой охотник Джемс, приехавший с Гарри из Америки. Несмотря на свойственную ему подвижность и впечатлительность, он был серьезен не по годам, любил до всего додуматься и все знать. Это был самый внимательный слушатель Карла Ивановича.

— Вот и обрыв с камнями по краю, здесь, вероятно, была стена из хмеля — ведь это западная сторона, отсюда виден заход солнца, — продолжал он, — тут же недалеко найдем и сторожку американца.

— А пожалуй, ты, Джемми, и прав! — вскричал Гарри, — если сторожка найдется, то и место действия определено. Ура, наш Шерлок Холмс!

Все начали оглядываться, а потом искать; думали, что разросшиеся деревья скрывают сторожку. Но все было тщетно — нигде не было признаков постройки.

— Господа, пожалуйста, подъезд открыт! — крикнул торжественно староста.

Он до сих пор возился с замком, в чем помогал ему его рабочий.

Прекрасные входные двери из темного дуба были открыты, и ветер, врываясь в мрачную и холодную переднюю, поднял такую массу пыли, что ничего не было видно, особенно после яркого дневного света.

Поэтому общество поспешило в соседнюю залу. По знаку Гарри открыли окна. Повторилась та же история: с солнечным лучом ворвался и ветер, пыль поднялась, как туман, охватывая всех и каждого.

— Точно серое покрывало привидения! — уверял Жорж К.

Окно поспешили закрыть и второй раз решили этого не делать.

Пришлось осматривать в полутьме.

Окна до того были запылены и загрязнены, что пропускали только сероватый свет, а иные при этом были еще сделаны из цветных стекол.

Все же можно было разглядеть, что комнаты полны мебелью, картинами и всем прочим. Большинство вещей было закрыто чехлами. Ни книг, ни других мелких предметов обихода не валялось. Все было прибрано. Видимо, жильцы ушли спокойно, а не бежали, как из Охотничьего дома.

Комнат было много, и, судя по мебели, тут были спальни, гостиные и прочее, но при тусклом освещении они ничем не привлекали внимания общества.

Поднялись на второй этаж. Здесь обстановка была более жилой: этот этаж был покинут позднее, чем нижний. Здесь можно было натолкнуться на много неубранных обычных вещей. Вот лежит забытый хлыст и пара перчаток, вот на полу валяется роскошный голубой бант, несомненно, от дамского туалета, а вот и раскрытая книга.

Джемс не преминул в нее заглянуть:

— Латынь. «Сказание о ламниях и выходцах с того света», — объявил он. — Гарри, когда ты получишь замок, позволь мне прочесть эту книгу.

— Конечно, Джемми, тогда ты можешь взять ее совсем.

— Что это, разбитое зеркало?

И правда, гладкая черная рама была пуста.

Прошли еще несколько комнат. Вот большая зала, стены которой сплошь завешаны портретами: семейная портретная галерея.

Гарри и Джемс, отделившись от общества, были в соседней комнате.

— Смотри, Гарри, это дверь, и она, ясное дело, ведет на балкон. Значит, отсюда через дверь висел страшный портрет. Теперь его место должно быть пусто.

— Да будет тебе, неудачный сыщик, — смеялся все слышавший доктор. — Как ты ни смотри, а пустого места на стенах нет. Не эту ли красавицу ты считаешь за «страшный портрет». Да и рассуди логично: если место действия здешний замок, то письма писал его владелец, — каким же образом они попали обратно сюда, не писал же он их сам себе? А раз они здесь, то значит, он их не писал, а получал.

— Но замок стоит на горе, и в народе рассказывают о нем разные чудеса, — не унимался Джемс.

— Замков на горах много, а легенд про них еще того больше! — отрезал доктор.

Говоря так, они подошли к портрету женщины. Высокая, стройная, с чудным цветом лица и лучистыми, черными глазами, она могла быть названа вполне красавицей.

Черные волосы были высоко подобраны под жемчужную сетку, и красивый большой гребень удерживал их на макушке. Его резной край, тоже с жемчугом, как корона, поднимался над передними волнами волос. Белое шелковое, затканное серебром платье, фасона Екатерины Медичи, подчеркивало стройность фигуры, а большой воротник настоящих кружев, с драгоценными камнями, обрамлял ее белую шею. В руках ее были розы. Напротив висел портрет мужчины. Белокурый, прекрасно одетый, он, казалось, даже с портрета любовался своей соседкой и обожал ее.

— Красивая, прекрасная пара, — восхищался доктор, — но поспешим, нас ждут.

Все общество остановилось у запертых дверей.

Двери были массивные, чугунные, но покрыты золоченым орнаментом такого тонкого и изящного рисунка, что казались легкими. Главным украшением были кресты на обеих половинках.

Это украшение прямо указывало, что двери ведут в капеллу.

Попробовали их открыть и убедились, что они не только замкнуты, но и заделаны. Как щели, так и замочная скважина были залиты каким-то металлом.

На ручке дверей висел венок из каких-то однородных цветов, но что за цветы составляли этот венок, сказать было нельзя, до того он истлел. От одного прикосновения венок разлетелся прахом.

IX

Пошли дальше.

В третьем этаже были помещения для прислуги. Из них по наружной веранде можно было спуститься прямо в сад, что и сделали.

Восточная сторона сада представляла ту же картину запустения, что и западная.

Прошли в самый конец.

Оказалось, что общий массив скалы здесь еще приподнимается и образует высокий красивый выступ, по гребню которого и проходит замковая стена.

Скала под стеной, видимо, была отделана рукою человека. Оставив красивую площадку у подножия стены, она отвесно опускалась в сад и вся сплошь была закрыта выющимися растениями, точно завешана дорогой портьерой.

Скоро между растениями рассмотрели две пары колонн: они были из темного порфира и поддерживали небольшой фриз. Когда отодвинули лишние ветки, то образовался как бы вход в маленький храм. К нему вели несколько совершенно расшатанных ступеней. Двери не оказалось, а была ниша, и в ней — недюжинной работы мраморная статуя.

Доктор, поклонник искусства, рискуя свернуть себе шею, взобрался по шатким ступеням и принял осматривать статую.

— Великолепный мрамор, итальянская работа, — сообщил он. Постойте, да тут что-то написано: “Покойся твое тело, а мятежный дух...” — читал доктор.

Вдруг он вскрикнул и полетел со ступеней. Желая лучше разобрать полуустертую надпись, он оперся о статую, а та, точно только и ждала этого, рухнула с пьедестала и, падая, ударила Смита по голове, да так сильно, что и он, в свою очередь, упал, а статуя разбилась на куски. Только мраморная, чудной работы голова упала на мох и не очень пострадала. С сильным ругательством поднялся Смит и грубо ногой толкнул прекрасную голову богини.

Гарри остался недоволен и приказал ему отнести голову в Охотничий дом. Незаметно это распоряжение Смит передал рабочему.

На доктора посыпались насмешки и шутки. Раздосадованный падением и зная по опыту, что не так-то скоро отделяется от насмешек, он решил до известной степени восстановить свое реноме и прочесть надпись, которая стоила ему синяков.

Снова взобравшись на ступени, он наклонился к пьедесталу и через минуту торжественно объявил:

— Не смейтесь, я открыл тайну. Пьедестал пуст, а в нем плита с кольцом. Ясно, это подъемная дверь. Смотри же, Гарри, третья часть найденного клада моя. Посмот-

рю, как-то вы засмеетесь, господа, когда я получу мешок золота или пригоршню бриллиантов, — шутил доктор.

Двоих довольно легко подняли плиту.

— Конечно, ход в подземелье, — сообщал доктор стоявшим внизу. — Дайте веревку, я спущу сначала Джо, он посмотрит, крепка ли лестница.

— А, да боитесь, доктор, синяков! — кричали голоса снизу, но веревку все-таки подали.

Джо, молодой и ловкий слуга и помощник доктора, обвязался веревкой и охотно начал спускаться по лестнице.

— Лестница превосходная, — сообщал Джо, — здесь целая комната, только темно, плохо видать. Подождите, у меня есть спички, — продолжал он.

Через мгновение раздался крик ужаса, и Джо одним прыжком очутился не только наверху лестницы, но и спрыгнул в сад.

Он был бледен, и губы его дрожали.

— Что, что такое, что там? — засыпали его вопросами.

— Там... я не пойду туда больше! Там сидит мертвец.

— Какой мертвец, что ты мелешь, трус, говори толком.

— Господин доктор, я и говорю толком, там сидит мертвец. Мне ли не узнать человеческого черепа, — прибавил он.

— Так я и думал, — проворчал доктор, — скелет, а не мертвец. Дурья ты голова. Скажи-ка лучше — ступени крепкие?

— Да, господин доктор, такие крепкие, что не только вас, а самого слона выдержат.

— Ну, помолчи, — и доктор, кряхтя и охая, полез по узкой лесенке.

Наступило молчание. Было жутко.

Гарри не выдержал и, поднявшись на ступени, крикнул в отверстие:

— Жив ли ты, доктор? .

— Ну, конечно, жив. Сейчас вернусь и расскажу.

Немного погодя он и сам показался из люка, и Гарри помог ему выбраться.

— Прикажите закрыть люк, ничего особенного там нет, то есть я хочу сказать, что там нет ни золота, ни бриллиантов и от своей трети находки я отказываюсь в пользу деревенского кладбища.

Потом доктор, не торопясь, принялся готовить себе сигару.

— Да говорите, что там?

— Правда ли есть скелет?

— Где он лежит? — спрашивала любопытная молодежь.

— Подождете; вам бы только смеяться над пожилыми людьми, а небось к мертвцу никто не пошел, струсили, поди, — бурчал доктор.

— Не будем больше, не будем, вы доказали свою храбрость, падайте вверх тормашками, не будем смеяться, — уверяли молодые люди.

— Ну то-то! — сказал наконец удовлетворенный доктор, — слушайте же:

— Там небольшая комната, ну, скажем, сажень в квадрате, пустая. На стене, что упирается в гору, мраморная плита с надписью: “Здесь покоятся Фредерик и Мария, из древнего и знаменитого рода графов Дракула”.

— Ну а где же мертвец? — не унимались любопытные.

— Погодите, будет и мертвец! — отвечал доктор. С той стороны, что, по-моему расчету, выходит на озеро, на обрыв, есть в стене щель: через нее проникает свет. Щель или расщелина настолько широка, что через нее может прятиснуться человек, конечно, не такой, как я или капитан Райт. Вот возле этой-то щели на полу и сидит мертвец — точнее, скелет, приложив голову к выступу скалы. Кожа на лице почти не сохранилась, а судя по зубам, покойник — не старый человек. Волос на голове тоже нет, они или обриты, или же их съела какая-нибудь порода моли. Одежда настолько истлела, что определить материал или покрой невозможно. Какой-то плащ или халат. Вот и все! — закончил доктор, затягиваясь приготовленной сигарой.

— Но как он туда попал? — спросил Жорж К.

— Это вопрос трудный. Быть может, добровольно, быть может, и нет. Мог сойти через люк и закрыть его за собой или же он захлопнулся неожиданно. Наконец, мог прийти через расщелину и не имел сил выйти обратно, но последнее маловероятно. Расщелина должна прийтись как раз в середине утеса, на котором стоит замок. Так что добраться до нее нелегко. Но если предположить даже, что кто-либо ради любопытства и проник в нее, то почему он не пошел обратно и уже на дороге не завяз и не умер, а остался ждать смерти у входа, на пороге спасения, так сказать. Все это очень темно. Одно несомненно, расщелина образовалась после постройки склепа, не мог

же строитель оставил незаделанной такую огромную щель. Какой был смысл? — закончил свой рассказ доктор.

Предположения, догадки сыпались градом. Но ни одна не выдерживала логических возражений.

— Странно, что склеп сделан не под капеллой, как принято, а в стороне, — заметил Джемс.

— Да это скорее не склеп, а одиночная могила, так как других надписей нет, — добавил доктор.

Находка трупа удручающе подействовала на общество, и было решено дальнейший осмотр прекратить.

Вышли во двор. Прошли мимо конюшен, людских, кухонь и прочего прямо к воротам.

Староста аккуратно замкнул калитку и повесил новую печать.

До заката солнца оставалось еще часа два, а потому решили идти по новой дороге в деревню навестить Карла Ивановича в его архиве.

Дорога была крутая и очень испорчена временем. Шли тихо.

Никто не заметил, что староста исчез.

При входе в деревню он встретил Гарри низкими поклонами, прося чести удостоить посещением его дом.

— У меня в саду приготовлено пиво, его варили мои дочери, — говорил он.

Ничего не оставалось, как зайти, да и после жаркой и пыльной дороги глоток пива был бы не лишний.

Когда общество разместилось под тенью цветущей липы да холодное вкусное пиво принесли две хорошенckие дочери хозяина, то стаканы начали быстро пустеть и вновь наполняться.

Один доктор отказался от пива и попросил стакан колодезной воды.

А на насмешки товарищей ответил:

— Не люблю я деревенского пива, в нем всегда есть примесь дурмана. Вы, Жорж, очень не налегайте, вам и без дурмана сняться красавицы.

Жорж К. в ответ выпил огромную кружку пива.

— За здоровье здешних красавиц! — воскликнул он задорно, кланяясь дочкам старости.

— За здоровье наших милых хозяек! — подхватила молодежь, весело смеясь.

Дочки старости даже вспыхнули от удовольствия и стыдливости.

Это были девушки шестнадцати-восемнадцати лет, здоровые, свежие, а при опрятности костюма и роскошных косах даже привлекательные и для таких скучающих шалопаев, как наши охотники.

Так что когда Гарри в сопровождении доктора и старости вышел из сада, компания и не сдвинулась с места.

— Оставьте их! — сказал Гарри доктор.

Пошли к церкви.

Ризница была открыта, и сторож беспрекословно пропустил старосту и его спутников.

В ризнице хранилось запасное облачение священника, хоругви, кресты и прочая церковная утварь.

Гарри обратил внимание на большой крест, весь точно сделанный из мозаики.

— Что это за дерево? — обратился он к сторожу.

— Это омела, — отвечал сторож. — Крест сделал один из моих предшественников.

— Мне бабушка говорила, что этот сторож был древний стариk и имел много странностей, — добавил староста.

— Он целые дни делал кресты разных размеров и дарил их всем жителям деревни. У меня в доме тоже есть. Сторожка, где он жил, была наполнена крестами, но главное то, что он делал их только из омелы. Летом еще стариk разводил чеснок, до которого был большой охотник, и остролист. Когда его спрашивали, почему он не сделает креста из дуба или березы, а все из омелы, он хитро улыбался и шамкал: “Не любит, боится”, — рассказывал староста, польщенный вниманием Гарри.

Прошли в архив.

На полу небольшой полутемной комнаты с крошечным пыльным окном сидел Карл Иванович. Кругом лежали целые вороха бумаг. Карл Иванович только тогда заметил гостей, когда его окликнули.

Увидев Гарри, он быстро вскочил, точно ему было не 65, а 25 лет, и с сияющим лицом подал ему церковную запись.

Там значилось, что родоначальник линии графов Дракула-Карди был привезен в гробу и спущен в семейный склеп такого-то числа и года. О чем и свидетельствуют такие-то.

— Теперь вас можно поздравить. Вы владелец замка, — сказал Карл Иванович, видя, что Гарри кончил чтение.

Посыпались поздравления.

Гарри снял дорогой перстень и, подавая Карлу Ивановичу, сказал:

— В память сегодняшнего дня!

Когда кончились поздравления и пожелания и случайный свидетель, церковный сторож, получил золотой на чай, Гарри спросил Карла Ивановича: не нашел ли он что-либо об учителе?

— Дневника я еще не нашел, но не теряю надежды, — ответил старик, — вот все эти связки еще мною не просмотрены, — и он указал на целый ворох бумаг.

Затем, подавая Гарри толстую синюю тетрадь, он добавил:

— Посмотрите, это так называемые “Скорбные листы из больницы”. Тут есть записи о больном, вернее, сумасшедшем, записанном под именем Петра Дорича, сельского учителя. У меня есть предположение, что автор дневника и Петр Дорич — одно и то же лицо. На эту мысль наводит и то, что в дневнике много раз встречаются сплетенные монограммы из букв П и Д. Затем звание сельского учителя, да и другие мелочи.

Гарри отошел к окну и прочел “Скорбные листы из больницы”.

Такого-то числа и месяца, по приказу доктора, открывается запись для сельского учителя Петра Дорича, несмотря на то что в больницу он не поступал.

“Третьего дня доктор Брасе и я были приглашены госпожой Дорич, сестрой учителя, для осмотра ее брата Петра, которого она считает сумасшедшим.

По ее словам, она уже давно замечала странности в поведении брата, но не придавала им значения. Тем более что порядок дня ничем не нарушался, и только к заходу солнца и по вечерам, в особенности когда светит луна, он становится беспокойным, не слышит, что ему говорят, и запирается в своей комнате.

Она также заметила, что он стал часто уходить гулять вечерами, чего прежде никогда не делал.

За последние дни странности усилились, но все же большей частью они проявляются по ночам.

При закате солнца учитель запирается в своей комнате и не выходит до следующего утра.

Сестра пробовала смотреть в замочную скважину и видела, что он ходит по комнате, раскинув руки, точно летит; на голове что-то вроде короны, а на плечах дамская распущенная щаль.

Затем все смолкает, точно его нет больше в комнате.

Часто сапоги его бывают в грязи, но когда он уходит, она не может уследить. Дверь все время закрыта.

Ее больше всего заботит то, что брат худеет и бледнеет не по дням, а по часам. Ничего не ест и превратился в скелет.

Все это она сообщила доктору в больнице и просила его зайти к ним как бы случайно, посмотреть и поговорить с братом.

По приказу доктора я сопровождал его в этом визите и должен вести "Скорбный листок".

27-го

Мы зашли к Доричам вечером. Учитель был дома и принял нас радушно. Он правда, худ, а главное, как-то истощен.

Нас угостили чаем в саду. Все шло мило. К закату солнца хозяин становился беспокойным: вставал, ходил, не отвечал на вопросы, точно их и не слышал, глаза как-то бегали по сторонам. Наконец схватил шляпу и палку и, что-то пробормотав, ушел из сада.

Доктор прописал бром и посоветовал выследить, куда ходит больной.

28-го

Бром больной пьет беспрекословно, не спрашивая, что и зачем ему дают.

1-го

Он день ото дня становится все апатичнее.

Где он бывает, узнать не удалось, но установлено, что он вылезает из окна.

3-го

Сегодня его доставили в больницу. Сестра хотела его задержать при выходе из сада, но он набросился на нее в исступлении, и Бог знает, чем бы это кончилось, если бы,

к счастью, больной не запутался в распущенной шали, накинутой на его плечи, и не упал.

Его связали и привезли к нам. Дан морфий.

Днем состояние спокойное, полное отсутствие аппетита и слабый пульс.

Вечером припадок бешенства и опять морфий.

4-го

Утром — спокойно. Стасил чернила и бумагу, что-то пишет и прячет. Приказано не трогать.

Вечером заблаговременно морфий.

Спит.

Неделя под тем же режимом.

Прибавил в весе.

12-го

Начал становиться беспокойнее. Доктор предполагает влияние наступающего полнолуния, хотя окна хорошо закрыты.

Приемы морфия увеличены.

Беспокойство усиливается, и морфий уже действует не сразу, а через некоторое время после приема.

18-го

Начинается буйный период. Обрили голову и надели смирительную рубашку.

При борьбе нечаянно оцарапали шею, не знаю только чем, ранка небольшая, но сочится кровь. Приказано мазать цинковой мазью. Больной дает, не сопротивляется, но при этом хитро улыбается.

Припадки по-прежнему падают на вечер и первую половину ночи.

Днем спокоен.

Кормим почти силой.

Сестра и доктор хлопочут о перевозе больного в город. Здесь нет никаких приспособлений, даже удобной комнаты. А на действие морфия все меньше и меньше надежды.

20-го

Полнолуние.

Ночной прием морфия.

Спит.

21-го

Наутро больной исчез. Окно открыто, а железный крест, наколоченный на него по приказу доктора, отогнут с одной стороны. Гвозди вытащены.

Поиски всей деревней не привели ни к чему.

Следы, которые видны благодаря выпавшему с вечера дождю, ведут к озеру.

Озеро обыскали. Оно мелко, и трупа нет.

С восходом солнца начнут поиски в лесу.

22-го

Ничего, ни малейших признаков.

Дали знать по окрестностям.

При очистке палаты нашли в печной трубе листки, писанные рукой учителя. От сажи и небрежного письма многое прочесть нельзя; можно было восстановить лишь нижеследующее:

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ

...Темные силы на меня ополчаются... бороться... дракон силою своих чар опутал меня, и я упал... Но, будь покойна, я приду. Приду... Мне говорят: "Вы в больнице, вот это господин доктор". Ладно, я понимаю отлично обман... Это твой муж заключил меня, он думает — можно заключить дух! Ха-ха-ха, ведь я дух, дух... и... я чувствую, наступает час, золотые нити тянутся ко мне, впиваются в голову, в сердце... тяжело. Боже, как тяжело... Приду, при...

Место на шее, куда ты любишь меня целовать, горит, а они мажут его мазью, думают обмануть меня!.. Твой принц, твой милый скоро придет...

46-е

Я был прав, когда говорил, что сижу в тюрьме. Теперь это больше не скрывают, приколотили железную решетку на окно... Ха-ха... я все понял... это не твой муж, а Вельзевул. Он колет меня жалом, а потом уносит мой ум и сердце. И я их должен всюду искать...

...сегодня нашел в трубе.

...Ну, да ладно, все рыцари страдали за своих дам...

...Меня хотят купить. Надели тогу римского императора и остригли волосы для короны.

...Глупые, не видят, что гвозди уже вынуты... Ни корона, ни порфира меня не удержат... Я знаю путь к тебе и приду...

20-го

...Вчера он опять воровал мое сердце... Но я догадался и спрячу его сегодня под подушку, а сам прикинусь спящим!.. Жди.

...Близко счастье... Тихо... все спят...

Конец

Учителя не нашли. Доктор предполагает, что оншел далеко в лес и под влиянием морфия уснул. А затем погиб от волков или лисиц.

Одежды тоже не нашли.

Сегодня панихида. Мир его праху.

Фельдшер Фриц руку приложил."

— Странно, все очень странно, — пробормотал Гарри, передавая книгу доктору.

Когда доктор кончил чтение, Карл Иванович сказал:

— В церковной книге есть запись о смерти сельского учителя Петра Дорича с пометкой: "Причина неизвестна".

— Вообще некоторые здешние церковные книги в своем роде раритет, — продолжал Карл Иванович. — Так, в том году, когда был похоронен ваш родственник, значится много умерших, все больше молодежь и все с пометкою "причина неизвестна" или "от сердца", что, собственно, то же, что "причина неизвестна".

Видимо, была эпидемия, но так и не определено какая.

Через пятнадцать лет эта эпидемия повторилась и опять не была определена, — закончил Карл Иванович, снимая очки.

Вечером по обычаю все собирались вместе. Известие, что документ найден и препятствий к вводу во владение больше нет, на всех подействовало возбуждающее.

Поздравляли, пили за здоровье Гарри, строили планы новоселья и прочих торжеств и празднеств по этому случаю.

Молодежь уже справлялась о красоте и именах молодых девушек и женщин из ближайших окрестностей.

— Господин Смит, вы прежде всего позаботьтесь о похоронах того несчастного, что мы нашли сегодня в склепе, — сказал Гарри. — Прикажите также исследовать трещину в скале и заделать ее. Мне этот труп, найденный в первый день моего владения замком, кажется грустным предзнаменованием, — закончил хозяин.

На минуту всем стало не по себе.

— Похороните беднягу под именем Петра Дорича, — прибавил Гарри.

Все удивленно переглянулись; только доктор и Карл Иванович поняли желание Гарри, но оба промолчали.

.....

Скоро вновь воцарилось веселое настроение.

Когда шумные порывы стихли и количество пустых бутылок было достаточно, Гарри попросил библиотекаря дочитать дневник учителя, если он его разыскал.

Карл Иванович тотчас приступил к выполнению желания хозяина, надел очки и развернул старую тетрадь.

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

Сознаюсь, это мучительно, но составляет сущность моей жизни. Целый день я не живу, а жду, страстно жду ночи, а день тягнется такой бесконечный... Сестра и Мина стряпают пироги с морковью и уверяют, что я их люблю. Не знаю. Не помню. Должно быть, правда.

Но вот наступает ночь, желанная, долгожданная; всходит луна! Воздух делается ароматным, от луны бегут серебристые волны.

Тихо. Тихо. Лист не шелохнется... Но слушайте, слушайте... Вот шелестит, звенит... Это она, моя милая. Как ты хороша, как прекрасна! Ты надела сегодня ненюфары, они идут тебе. Но входи же, входи... Окно открыто, я убрал чеснок, его нет больше.

Но все напрасно.

Она протягивает руки, покрывало бьется около нее, как крылья, глаза горят желанием, но она неходит, точно невидимая сетка протянута через окно и непускает ее.

Со стоном она исчезает... и так каждый вечер... С голубого неба по серебряным волнам месяца спускается она ко мне...

20-го

Я решил. Сегодня я сяду на окно и схвачу ее.

Ах, эта сестра, как она мне надоедает!..

“Ты бледен, что с тобой, покушай то того, то этого”. Прямо несносно, ходит по пятам. А старик церковный сторож, кажется, вместо своей церкви сторожит меня.

Придется замыкать комнату.

Да что они, наконец, за сумасшедшего, что ли, меня считают!

Я просто ради науки хочу исследовать это явление природы.

Скоро ночь.

21-го

Вчера я исполнил свое намерение, сел на окно, схватил ее за руку и привлек к себе. Она не сопротивлялась, прильнула ко мне, покрывало обвилось вокруг меня, я потерял равновесие и через окно упал в сад.

К счастью, падать было невысоко, и я отделался пустяками: порядком только оцарапал щеку и шею.

Все-таки от падения я потерял сознание, а когда очнулся, то ее уже не было и луна померкла.

Был сегодня на деревне. Старик на меня косится, а Генрих совсем оправился, даже ранка на шее затянулась.

Что делать сегодня? Падать с окна мне вовсе не хочется, а видеть ее я должен. Вывод прост — вылезу в окно и буду ждать в саду.

25-е

Провел несколько чудесных ночей! Сидел на скамейке, и она припадала ко мне... Закинет голову и так целует, что больно делается.

Но проклятый старишка тут как тут. Пришел, и милая моя исчезла. От злости я так ослабел, что только с его помощью дотащился до кровати.

Три дня я вылежал. За это время стариик навесил чесноку, наставил крестов.

Смех, и только. Уверяет, что иначе бы я погиб, что вампир уже присосался ко мне.

Конечно, это вздор. Но что со мной было? Сон или видение? Для сна слишком ясно. А видение? Ну, оно не целуется и не кусается. Значит, действительность? Вампир. Пустяки, что я, старая баба разве?!

Темнеет, скоро вечер, взойдет луна. Засветится и зазвенит воздух, цветы раскроют чашечки, ночные бабочки полетят высоко, высоко... Почему и мне не полететь? Стоит только захотеть, и я буду царем бабочек, их принцем. Глупая Мина закрывает мне ноги и думает, что это шаль. Как бы не так, я отлично вижу, что это царская мантия, даже больше — волшебный плащ.

Сегодня я отправлюсь на озеро...

26-е

Ловко я провел вчера старого дурака церковного сторожа. Он уселся на "нашу" скамью не то с колом, не то с крестом, а я потихоньку прополз сзади него — плащ-невидимка помог мне, а может быть, и глухота старика — да и был таков.

Сегодня опять проделаю то же...

27-го

Вчера забрался на озеро рано. В саду у нас развели чай, угощали доктора и фельдшера, я их приветствовал, а потом и исчез незаметно.

Маленькое разочарование: я думал, что моя милая спускается с луны по серебряной лестнице и ступеньки звенят, звенят под нею, а вчера видел, что она выходит из замка, даже правильнее — из горы, на которой стоит замок. Должно быть, есть подземный ход — во всех замках бывают подземные ходы.

Надо посмотреть днем. Иду...

Ну конечно, я прав. В половине горы есть коридор, только такой узкий, как щель, и я едва ли в него пролезу.

Слаб я страшно. Это, конечно, усталость. Шутка ли — подняться почти по отвесной скале. Поднимаясь, я не замечал ни трудности, ни опасности, и только спустившись обратно к озеру, сообразил, как это было нелегко.

И вот она спускается каждый вечер, и это для меня, для простого учителя... да что я говорю, какой я учитель, я принц. Недаром же она любит меня...

И как она хорошеет! Не только губы, но и щеки у нее стали розовые.

Одно я не люблю: она целует меня в шею так крепко, что не дает зажить моим царапинам... они горят и саднят...

Сегодня я опять пойду на озеро...

— Дальше идут чистые страницы, — сказал Карл Иванович. — И продолжения, наверное, нет, — прибавил он, смотря на Гарри.

— Жаль, что не выяснилось, был это в самом деле вампир или мы имеем дело только с сумасшедшим, — заметил Джемс.

— А вы верите в существование вампиров? — спросил Жорж К.

— Я не имею обычая отрицать то, чего не знаю вполне, — ответил Джемс. — Наука говорит: “их нет”, а народное верование: “есть”... Кто прав?

— На свете так много еще нерешенных истин, — подтвердил Гарри. — Что такое наши сны, наши предчувствия? Наконец, даже галлюцинации?

— Но это ужасно, если “они” существуют, — прошептал, бледнея, Жорж К.

— Не бойтесь, у нас в горах их больше нет. Бабушка говорила, что прежде, правда, “они” шлялись, но стоят забить в сердце осиновый кол, тогда уже не встанут. Моя бабушка сама видела, как забивали... — болтал подвыпивший староста.

— А я слышал, что “их” можно удержать заклинанием, — скромно вмешался помощник управляющего Миллер.

— Я это тоже знаю, — перебил староста, — но бабушка говорит, что кол лучше. Заклинание случайно или нарочно можно снять...

Гарри и еще несколько человек вышли на террасу освежиться. Остальные же продолжали свой спор о вампирах.

Ночь была чудная, тихая, и яркий свет луны делал ее еще фантастичнее. Тумана в долине не было, озеро блестело, как металл, а за ним белела деревенская колокольня.

Дополняя картину, налево чернел лес, а направо стояла мрачная скала, точно с заколдованным замком.

Мечтательный Жорж К. залюбовался им, и вот ему кажется, что из сада замка по горе тихо спускается облако. Странно, откуда оно? Высокая ель загораживает вид: недолго думая, Жорж спускается с террасы и идет к калитке сада.

Ничего. Облако исчезло. Постояв немного, он внезапно почувствовал холод и точно присутствие кого-то рядом... Жорж оглянулся и обмер.

Около него стояла прозрачная женская фигура, золотистые волосы распущены, лицо бледное-бледное, и в руках ненюфар.

С криком ужаса в три прыжка Жорж очутился на террасе и, влетев в столовую, со стоном упал на кушетку.

Все вскочили.

Жорж молча указывал на сад. Доктор налил стакан воды и поднес Жоржу. Тот послушно выпил.

— Ну, говорите теперь, что вы видели? — сказал врач.

— Чары сняты, она в саду.

— Что за черт, кто она?

— Женщина-вампир! С золотыми волосами, — заявил Жорж.

Доктор в ответ только свистнул.

— Обыщите сад, — приказал Гарри слугам.

— Напрасно, Гарри, — остановил его доктор.

— Скажите-ка лучше, молодой человек, сколько кружек пива вы выпили в деревне? — спросил он.

Жорж с недоумением смотрел на врача.

— Много? — допрашивал тот.

— Да.

— А потом шампанское?

— Да, — виновато прошептал Жорж.

— Если вы сейчас наденете простыни и, вообразив себя царем бабочек, вздумаете полететь, я нисколько не

буду удивлен. Знаю я это деревенское пиво! Дурман! — Вообще, господа, я советовал бы лечь спать. Тем более что едва ли ночь пройдет тихо. Я боюсь, что наши храбрые молодые люди будут под влиянием дурмана сражаться если не с вампирами, то с волками или другими чудовищами, — закончил доктор.

Совет его был принят и, распрошавшись, все разошлись по спальням.

Последним оставил столовую капитан Райт.

XI

Предсказание доктора сбылось.

Среди ночи раздался дикий крик ужаса. Все выскочили в коридор.

— Что случилось, кто кричал? — задавали друг другу вопросы испуганные, полуодетые гости. И никто не получил ответа. Никто ничего не знал.

Нельзя даже было решить, из какой именно спальни раздался крик.

— Я предполагаю, что из спальни номер два, если считать от окна, — сказал Джемс. — Я первый был в коридоре и видел, что из этой спальни вышла фигура и направилась к окну, а потом повернула налево по коридору. Пойдемте туда.

Вошли в спальню номер два.

На кровати лежал виконт Рено, тихий и обыкновенно незаметный член компании. Руки его были вытянуты, а на лице застыл ужас. Он был без чувств.

После растираний и приема лекарств он очнулся, но на все расспросы конфузливо отвечал, что ничего не помнит, ничего не видел и не кричал.

— Ну, а твоя фигура, конечно, была с золотистыми волосами и ненюфарами? — насмешливо спрашивал доктор у Джемса.

— Это был лунный свет, что падает прямо на пестрое окно, а остальное дополнила тень от рамы, — спокойно ответил Джемс на насмешку.

Понемногу все успокоились и вновь разошлись по спальням.

До утра тишина ничем не нарушалась.

Утром Смит сообщил Гарри, что ночью случилось несчастье.

Внезапно умер один из молодых рабочих.

— Что с ним?

— Неизвестно еще. Доктор со слугою находятся у трупа, — отвечал почтительно Смит.

— Как звали рабочего?

— Блено.

— Блено? Я что-то не помню такого имени, — сказал Гарри.

— Это не тот ли молодой парень, которому вы, Смит, отдали нести отломленную голову статуи? — спросил Джемс.

— Да, сударь, это он. Голова и сейчас лежит на окне в ногах его кровати.

— Где же он умер?

— Во время сна в постели. Он спал в общей людской, налево по коридору. В комнате спало пять человек, и никто ничего не слыхал ночью. Он умер тихо, — докладывал почтительно Смит.

В это время вошел доктор и на общий немой вопрос ответил:

— Ну, конечно, паралич сердца.

— Похороните как следует, да справьтесь, есть ли у него родня в деревне, — приказал Гарри.

— У Блено старая тетка, — почтительно сообщил один из лакеев.

— Выдайте ей сто долларов, — прибавил Гарри.

Кругом послышались похвалы его доброму сердцу и отзывчивости.

Желая их поскорее прекратить, Гарри обратился к Джо, слуге доктора, и спросил:

— Что с вами, вы хромаете?

— Пустяки, мистер, поскользнулся и вытянул связку. И угораздило же этого Блено бросить ненюфар около своей кровати, а я впопыхах не досмотрел и поскользнулся.

День обещал быть скучным.

Гарри получил большую почту из Америки и заперся в своем кабинете.

Управляющий занялся похоронами, и гости были предоставлены самим себе.

Одни поехали в город, другие занялись письмами и книгами. Многие болтали.

Только капитан Райт угрюмо молчал: он забрался в угол террасы и курил сигару за сигарой. На вопросы и предложения товарищей он ничего не отвечал.

Его оставили в покое.

— Это на него действует воздух Европы, — смеялся Джемс.

— Ну нет, отсутствие женщин, — заспорил Жорж К.

— То или другое, но капитан Райт сильно изменился за эти последние три дня. Он осунулся, похудел. Сейчас он напоминает мне то время, когда нам пришлось выдержать осаду диких индейцев, — рассказывал доктор, — тогда приходилось не спать по три, четыре ночи кряду; да это бы еще ничего, но надо было быть все время начеку и ждать опасности, не зная, с которой стороны и в каком виде она придет. Это страшно действует на нервы.

— Доктор, и вы сами испытали это? — посыпались вопросы любопытной молодежи.

— Ну, конечно. Райт, Гарри, Джемс и я в числе других охотников попали в ловушку, ну, и досталось нам. До смерти не забудем. Зато с тех пор мы почти не расстаемся. Опасность сдружила нас, — закончил он.

К доктору пристали с расспросами, и он долго рассказывал о своих охотничьих приключениях не только в Америке, но и в Индии.

XII

Вечером все собрались в столовую. Последними пришли доктор и капитан Райт. Райт хмурился, а доктор озабоченно на него поглядывал. Ужин прошел оживленно.

За пуншем стали уговаривать Карла Ивановича что-либо почитать.

— Очень рад, я нашел между бумагами и книгами вторую пачку писем. Несомненно, это продолжение, хотя и с большим перерывом во времени, — сказал Карл Иванович, видимо довольный, что может услужить обществу.

— Читайте, читайте! — заторопила молодежь.

— Тише. Я начну.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Ты, наверное, считаешь меня изменившим нашей дружбе, милый Альф, считаешь, что я наслаждаюсь семейным счастьем и оттого не пишу тебе.

Семейное мое счастье еще в далеком будущем, а сейчас, кроме работы и забот, ничего.

Как видишь, пишу тебе с нового места жительства.

Я на родине.

Из-за прихоти старого дядьки идти на богомолье мне пришлось изменить весь план жизни.

Раньше я предполагал, повенчавшись с Ритой, ехать в замок, который старый Петро должен был к тому приготовить. Теперь готовить замок пришлось мне самому!

Не мог же я тащить Риту неведомо куда. Пришлось на время расстаться.

Я здесь, а Рита приедет на днях со старой кормилицей и двумя служанками. Наряды ее готовы, и она ими довольна. Каюсь, не утерпел и купил шкатулку императрицы.

Замок запущен гораздо более, чем я ожидал. По словам сторожа, отец уже давно не жил в замке, даже не входил в него. Он ютился в комнатах, предназначенных для прислуги, что лежат близ конюшен и кухонь.

Прислуга частью сама разошлась, частью была уволена отцом.

Ни лошадей, ни коров, ни даже собак я в замке не нашел.

Отец жил вполне отшельником. В лице одного Петро совмещалось и общество, и весь штат прислуги.

Из-за такого порядка вещей даже сад страшно запущен: он весь зарос чесноком. Противный запах так и стоит в воздухе.

Чистим и жжем чеснок, не покладая рук.

Старый колодезь пришлось бросить: решил выкопать новый.

Ни куртин, ни цветов еще нет. И куда все это делось? Прежде, при матери, сад тонул в цветах.

Старой сторожки, где жил американец, тоже нет, на ее месте стоит большой крест.

Надо думать, старики умер.

Пришли работники с расчетом, пока прощай.

Твой Д.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Уф! И устал же я!

Встаю в шесть часов утра, прямо на лошадь и в замок на работу.

Впрочем, я забыл сказать тебе, что живу в лесном доме, недалеко от замка. Мне здесь очень нравится, и я охотно привез бы сюда Риту.

Даже, признаюсь, эта мысль так меня занимала одно время, что я почти приготовил для нее здесь две комнаты.

Пришлое кое-что переменить и пристроить, но меня постигло разочарование. Рита непременно хочет въехать прямо в замок, "как владелица", пишет она.

Прощай, мечта и несколько тысяч дукатов!

Работы в замке идут тихо: все приходится выписывать из города.

Сегодня весь день жарился на солнце: распланировали с садовником куртины и клумбы.

Безобразный крест мы уничтожили и предполагаем сделать тут маленький розариум.

Ведь Рита обожает розы.

Оранжерея для роз уже готова. В саду предстоит много работы. Все дубы заражены омелой, точно кто нарочно разводил этого паразита.

Несколько лучше сохранилась восточная часть сада. Там, в скале, стоит мраморная богиня — при мне ее еще не было. Не поставил ли ее отец в память матери: на эту мысль наводит то, что кругом лежит много старых засохших венков. За неимением других цветов они сделаны из цветов чеснока.

Приказал сжечь.

Еще странность: в склепе не нашел гробов ни отца, ни матери.

Впрочем, я очень спешил. До завтра, засыпаю от усталости.

Твой Д.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Сегодня ко мне явился молодой человек в каком-то фантастическом костюме и с церемонными поклонами передал мне сверток от моей невесты, сопровождая его вычурными приветствиями.

Моя малютка вошла в роль "владетельницы замка".

Первое мое желание было спустить с лестницы средневекового посла, но, развернув сверток, я все забыл... передо мной была Рита! Моя умница прислала свой портрет для семейной галереи.

Она изображена одетой в тот наряд, что я готовил ко дню венчания. Знаменитый гребень украшает ее волосы.

Милая, милая. Я так засмотрелся на дорогие черты, что забыл о посланном и только при его вопросе: "Когда же я могу начать?" — очнулся.

Оказывается, он художник. Недаром отрастил такую гриву и оделся чучелом. По желанию Риты он должен теперь написать и мой портрет. Пришлось согласиться.

Твой Д.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

И надоел же мне этот художник! Изволь надевать рыцарский костюм — Рита же его и прислала. Видите ли, иначе не будет ансамбля с ее портретом! Оденешься каким-то попугаем и сиди, как истукан.

Пишу урывками. Дел куча, а тут сиди позирай.

Утешаюсь тем, что повешу наши портреты в зале, там, как нарочно, есть пустое место.

Сад почти готов.

Сегодня чуть не вздул "косматого".

— Не делайте хмурых глаз, я их рисую! — говорит он.

О, чтоб тебя! Догадался, велел повесить портрет Риты и смотрю на мою голубку, любуюсь ею.

Молчит, чучело, значит, "мрачных глаз" нет.

Твой Д.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Ура! Рита завтра будет.

Почти все готово. Только мой портрет запоздал. Художник уверяет, что я так мало и так плохо позириую, что это не его вина и принцесса, это Рита-то принцесса, не может на него сердиться.

Как жаль, милый Альф, что ты далеко и не можешь радоваться со мной.

Твой Д.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Вот уже неделя, как Рита здесь. Как и было условлено, Рита приехала в сопровождении своей кормилицы, старой Цицилии, и двух молодых девушек. Только де-

вушки эти не наемные служанки, а дальние бедные родственницы Риты.

Моя голубка очень извинялась, что привезла их без моего разрешения. А я, напротив, очень доволен: у Риты будет женское общество, и она не будет оставаться одна в те часы, когда мне по делу придется отлучаться из замка.

При этом Франческа и Лючия милые, здоровые девушки, и их веселая болтовня оживляет наши обеды и вечера.

Кроме того, Рита говорит, что они так ее любят, что отдаут свою жизнь за нее.

Общество наше совсем маленькое. Кроме нас с Ритой и двух кузин его составляют косматый художник, архитектор и его помощник.

Утро, хочешь не хочешь, мне приходится посвящать работе. В это время Рита и кузины усердно вышивают. Я это знаю, но что вышивается, от меня тщательно скрывают. Это мне подарок.

— Потерпи, — говорит Рита, — а за то мы весь бордюр сделаем из настоящего жемчуга.

За обедом нам служат два лакея итальянца, также привезенные Ритой.

Вечер проходит в болтовне и шутках. Лючия превосходно играет на лютне; впрочем, и Рита и Франческа также играют и поют.

Через две недели наша свадьба: мне бы так хотелось, чтобы ты приехал... приезжай! Когда я сообщил Рите это свое желание, она пришла в восторг и от себя очень и очень просит тебя приехать.

Постарайся, Альф, доставь нам обоим это удовольствие.

Твой Д.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Эх, милый Альф, твой отказ сильно меня огорчил, но еще больше он опечалил Риту. Она даже выразилась:

— Нет на свете истинной дружбы.

И как я ей ни доказывал, что отказ приехать на свадьбу не мерило дружбы, что, если б нас постигло горе и мы позвали тебя на помощь, ты немедленно бы явился. Она только покачивает в ответ своей хорошенкой головкой. Ты этим не огорчайся: Рита за последние дни мрачно настро-

ена. Она побледнела и вся зябнет, уверяет, что “немецкое солнце” не так греет, как итальянское.

А не только дни, но и ночи стоят небывало жаркие.

Этот “нервозный озноб”, иначе я его и назвать не могу, начался с того дня, когда я по своей глупости сводил ее в склеп.

Склеп, конечно, вычищен и проветрен.

Кстати, знаешь ли, я так и не нашел гробов ни отца, ни матери! Странно, и даже очень.

Рита с любопытством осматривала гробницы и читала надписи: одни прекрасны по своей наивности, другие дышат тщеславием и гордостью.

Уставши, она оперлась об огромную каменную гробницу, ту самую, в которой был поставлен гроб деда, привезенного из Америки.

— Как холодно, — с дрожью в голосе сказала Рита, отходя от гробницы.

На ней было легкое кружевное платье с открытой шеей и руками. Только при восклицании Риты: “Как холодно” я сообразил, какую глупость я наделал! В жаркий день, в одних кружевах, позволил ей спуститься в склеп, где холодно и сырь.

Осел я, дурак!

Вечер прошел как обычно. Рита играла на лютне и пела: “Guella fiamma shk...”.

Она, видимо, забыла о неприятном ощущении. Когда все разошлись, я еще долго стоял в саду под открытым окном Риты, беседуя с ней.

Назавтра она встала бледная и утомленная, отказалась от работы и все грелась на солнышке.

На другой день то же самое.

Я хотел послать за доктором в деревню, но она запретила мне это делать.

Даже кормилица, советов которой она обыкновенно слушается, на этот раз не могла ее убедить.

— Вот синьорина отказывается от доктора, а сегодня ночью я сама слышала из соседней комнаты, как она жалобно стонала, — сказала старуха.

— Что тут особенного, — с неудовольствием ответила Рита, — я ночью уколола себя булавкой и от боли застонала.

И она показала мне небольшую ранку под подбородком, на шее.

Ранка была небольшая, но на мейя подействовала как удар грома. В первые минуты я даже не мог понять, почему вид этого красного пятнышка так взволновал меня.

Позже я уже сообразил причину: такое пятнышко я видел на шее моей матери!

Умерла она не от него, конечно, но тем не менее вид его на белой шейке Риты пронзил мне сердце.

Я стал расспрашивать.

— Все очень просто, — отвётила Рита, — заснула я с открытым окном и ночью почувствовала, как из него пахнуло холодом и сыростью.

— Рита, помилуй, ночь была жаркая и душная, — вскричала Лючия.

— А я тебе говорю — подуло холодом, могильным холодом, — упрямо ответила моя невеста.

— Я закуталась в теплый платок, — продолжала она. — И чтобы не разогнать сна, не открывая глаз, взяла с ночного столика булавку. На мое несчастье, попалась розовая, сердоликовая, та, которую ты мне подарил: я ее так люблю! А у нее, ты сам заметил, такая длинная и острыя игла.

— Во всяком случае, это сущие пустяки, и завтра ничего не будет, — закончила Рита.

Сам отлично понимаю пустячность этой ранки, а все же мне не по себе: вспоминается умершая мать... и все...

Я почти забыл, что не досказал тебе своей истории; извини, и сегодня этого не сделаю. Нет времени. Решил тотчас же отправиться в город и завтра к утру привезти оттуда врача.

Рита наотрез отказалась от медицинской помощи, придется прибегнуть к хитрости.

Я знаю, что в городе живет старый домашний доктор моего отца и матери. Он очень стар, но не дряхл. Практику он совсем оставил, а живет на ренту, полученную от отца, и весь погрузился в науку.

Попрошу его приехать в замок не как доктора, а как старого друга.

Пока прощай; письмо в одну сторону, а я в другую.

Д.

XIII

— Но довольно на сегодня, — сказал Гарри, — я вижу, у Карла Ивановича такая толстая пачка, что хватит еще на целый вечер.

Гости не могли не согласиться с желанием хозяина и, прощаясь, один за другим стали выходить из столовой.

Скоро остались только Джемс и капитан Райт.

Райт молча курил: он точно тянул время пребывания в столовой.

Джемс, весь вечер за ним наблюдавший, был поражен его серым цветом лица.

— Райт, что с тобой? Ты болен? — спросил озабоченно Джемс.

Капитан вздрогнул и сердито взглянул на говорившего, но, увидев дружеское лицо Джемса, он тяжело вздохнул и, положив ему руку на плечо, сказал:

— Джемми, ты кажется, прав: я болен, я схожу с ума.

— Райт, что за идея, что с тобой? — вскричал Джемс.

— Хорошо, Джемми, я скажу тебе, но ты никому ничего не должен говорить. Согласен?

— Ну, конечно же, говори.

Капитан закурил новую сигару и после небольшого молчания заговорил:

— Это началось недавно. Вернее, с той ночи, как я согласился лечь в комнату привидений. Нечего тебе и говорить, что в привидения я не верил и ничего не боялся.

— Ну еще бы, — искренне вставил Джемс.

— В комнате было душно, я открыл окно и вскоре задремал. Сколько прошло времени, не знаю, но внезапно, точно от толчка, я очнулся: в комнате слышался шелест, ну точь-в-точь, как от женского шелкового платья; прянный запах лаванды ударил в нос.

“А, это из шифоньера, что открывал давеча Гарри, а шелестят от ветра занавесы на окне”, — подумал я и совершенно спокойно взял сигару и зажег спичку.

При свете спички между складок кроватных занавесей я ясно увидел прекрасную женскую ручку, на пальце которой сверкал дорогой бриллиант. Занавесы тихо шелохнулись, и в образовавшуюся щель заглянуло женское лицико. Страшно бледное, с большими черными глазами. Черные локоньи были украшены чем-то вроде короны, а на шее лежала нитка розовых кораллов. Я осталбенел. Догоравшая спичка обожгла мне пальцы и заставила очнуться. Все погрузилось во мрак.

Вскочить, зажечь свечу было делом одной минуты. Занавесы на окне тихо колебались, хотя в воздухе не было ни малейшего ветерка; в этом я вполне убедился, поднеся зажженную свечу к открытому окну.

Осмотрев еще раз двери и замки, я снова лег. Сон бежал от меня.

С сигарой во рту, вспоминая все мелочи, я старался дать себе отчет в увиденном, невольно время от времени посматривая на то место, где явилось видение.

Ты, конечно, знаешь свойство лучших бриллиантов Индии быть мертвыми при хорошем освещении и, напротив, в темноте, при малейшем луче света, играть и блестеть, как звезды.

— Ты вспоминаешь об ожерелье индийской богини Дурги? — спросил Джемс.

— Ну да. Такой же точно свет, вернее, игру света я видел при вспышках моей сигары между складок постельных занавесей.

Докурив сигару, я снова встал, снова все осмотрел — и опять тщетно.

Больше я уже не ложился.

На другой день Гарри приказал сдвинуть шифоньер в угол, и за ним, как и предполагали, оказалась дверь в таинственную комнату.

Воспользовавшись присутствием слуг, я распорядился подобрать занавесы у кровати, объясняя это невыносимой жарой.

Днем я совершенно забыл о ночном приключении и, ложась спать, даже не вспоминал о нем.

Среди ночи чувствую струю холодного затхлого воздуха. Открываю глаза. Широкая полоса лунного света тянется от окна, где осталась щель между занавесами, через мою кровать, прямо к тому месту на стене, где стоял шифоньер.

Смотрю. Дверь в таинственную комнату открыта, и на пороге стоит женская фигура.

То же самое лицо, что я видел накануне, только теперь я ее вижу всю.

Чудная, сказочная красавица: высокая, стройная фигура, голубое шелковое платье не скрывает роскошных форм, а его складки в лучах месяца как-то особенно мерцают и переливаются. Розовые кораллы покачиваются

на груди от дыхания. То, что я принял за корону на голове, — край красивой высокой гребенки.

Через минуту она тихо приблизилась к моей кровати и остановилась.

Ощущение холода стало сильнее, также усилился смешанный запах лаванды и затхлости. Большие черные глаза были устремлены на меня; я не выдержал и поднялся.

В тот же миг она исчезла.

Ушла ли она назад в комнату, скрылась ли за оконными занавесами — не знаю. Она точно растаяла.

Целую ночь я не спал, снова поджидая ее.

— Что это, Джемми? — закончил Райт.

— Галлюцинация.

— Помилуй, Джемми, у меня, капитана Райта, и галлюцинация! Но слушай, я жду ночи, как любовник свидания и... и боюсь, ведь это путь в сумасшедший дом.

— Почему ты ничего не сказал доктору?

— Что доктор, я или сам должен с этим справиться, или погибнуть.

— Хочешь, Райт, я посижу сегодня с тобой? — предложил Джемс.

— Хорошо, Джемми.

Приказали подать рому и сигар в спальню Райта и отпустили слуг.

Долго беседовали друзья.

В открытое окно лился лунный свет и аромат сада.

Вспоминали прошлое, говорили о будущем, но мало-помалу разговор становился вялым, одолевала дремота...

В полной тишине вдруг раздался нежный звук, точно кто тихо коснулся лютни, еще и еще аккорд...

Друзья насторожились... И вот таинственная дверь плавно открылась, и в ней показалась женщина.

Джемс должен был сознаться, что Райт, не преувеличивая, назвал ее сказочной красавицей. Но в то же время ему показалось, что где-то когда-то он уже видел ее. Быть может, наяву, быть может, во сне, но видел, видел.

Царственная, но в то же время нежная осанка, черные локоны, мраморная шея, и как красиво покоятся на ней розовые кораллы. А глаза, эти черные звезды?!

— Ты видишь? — тихо спросил Райт.

— Да, — прошептал Джемс.

Но как тихо они ни говорили, призрак точно испугался и мгновенно пропал.

До утра молодые люди просидели, не проронив ни слова.

XIV

Утром за кофе Гарри опять извинился перед гостями: «Охоты сегодня не будет».

— Ввод во владение окончен, — сказал он, — и Смит приготовил рабочих, чтобы открыть капеллу. Представьте, он говорит, что дверь в нее из сада не только заперта и замкнута, но так же заделана, как и та, что ведет из второго этажа замка. Меня это интригует, и я сам хочу все видеть.

Некоторые из гостей попросили у Гарри разрешения сопровождать его.

Доктор, Райт и Джемс также отправились.

Райт свирепо молчал. Всегда веселый Джемс также был не в духе.

Дорога от Охотничьего дома к замку была уже очищена, и обществу подали охотничьи экипажи. Поездка через густой зеленый лес, пересекаемый кое-где веселыми солнечными лужайками, была прелестна. Вскоре все общество прибыло к большим воротам замка.

Ворота сегодня были широко открыты для приема владельца. Ни печатей, ни замков больше не было.

Двор успели уже очистить от мусора и сорной травы. Когда-то он был прекрасно вымощен, но неумолимое время и на камни наложило свою печать.

В углу двора близ замка лежали две доски крест-на-крест. На вопрос Гарри: «Что это?» — Смит ответил:

— Тут старый колодец, каменная стенка обвалилась, и я боюсь, чтобы кто-нибудь не оступился.

— А сколько у нас колодцев? — осведомился хозяин.

— Не считая тех, что близ конюшен, два: этот и второй, более новый, в саду, — ответил Миллер.

— Приведите оба в порядок, — закончил Гарри.

Пока шли разговоры о колодцах, рабочие усердно трудились над большими чугунными дверями капеллы. Отпаять олово, которым были залиты створки и притвор, было не так просто.

Наконец, все щели и замок были очищены. Но двери оставались замкнуты, и из всех ключей, чтобы были переданы старостой управляющему Смиту, не подошел ни один.

Пришлось слесарю, приглашенному предусмотрительным Смитом, приняться за отмычки.

Долго он возился, но вот замок щелкнул, и в ту же минуту двери сами собой распахнулись, точно кто силою изнутри толкнул их.

Слесарь с порядочной шишкой на лбу отлетел прочь.

Из раскрытой двери вылетело огромное облако пыли, и на минуту все невольно закрыли глаза.

Райт и Джемс, все еще находившиеся под впечатлением ночного приключения, стояли в стороне. Они видели, что вместе с клубом пыли вылетело что-то живое.

Это что-то была большая серая летучая мышь.

Она, против обычая своих сородичей, которые любят ночь и не видят ничего при дневном свете, весело и радостно поднялась на воздух и "потянула", как говорят охотники, к лесу, по направлению Охотничьего дома, и скоро пропала из виду, утонув в синеве ясного неба.

— Можно подумать, что она вылетела из капеллы, — сказал Райт.

— Ну, этого быть не может, — возразил Джемс, — капелла давно закрыта, а просто у нее гнездо за карнизом двери и напор воздуха заставил ее покинуть свое убежище.

— Знаешь, Джемми, — сказал Райт, — я ненавижу мышей; представь, я их боюсь, не смешно ли это? Как многие не могут видеть змей, так я не могу без содрогания видеть мышей.

ОСМОТР КАПЕЛЛЫ

Пыль улеглась. Все вошли в капеллу... и были поражены видом разрушений.

Стены, когда-то покрытые черным сукном, были оголены, сукно висело печальными лохмотьями, серебряные подсвечники и кадки с засохшими лавровыми деревьями лежали на полу.

Барельефы из жизни Авраама и Исаака, покрывавшие кое-где простенки, разбиты и исцарапаны; где не хватает носа, а где благословляющей руки.

В окна вставлены деревянные решетки.

Над окнами и с хор, куда выходила дверь из второго этажа замка, висели венки и гирлянды, видимо, из цветов. Странно было видеть, что ни то, ни другое не тронуто временем.

Посредине капеллы, на возвышении, стоял белый парчовый гроб. Три ступени, ведущие к нему, были засыпаны высохшими розами, а гроб прикрыт вышитым покровом. Темный бархат почти сплошь был украшен цветными шелками и бисером. По краю шла широкая кайма.

— Художественная работа, — сказал Жорж К.

— И настоящий жемчуг, — прибавил доктор, рассматривая покров. Под его пальцами истлевшая ткань лопнула, и жемчужинки посыпались на пол. — Интересно, для кого приготовлен был этот гроб или, вернее, кто в нем лежит, — продолжал он.

Слесарь, по знаку Гарри, попробовал приподнять крышку гроба, и она тотчас же соскользнула со своего места.

Гроб был пуст.

Белый атлас, тонкие кружева и ленты придавали ему вид дорогой, красивой бонбоньерки.

Вся внутренность гроба прекрасно сохранилась, только чуть-чуть пожелтела.

Являлся странный контраст: полное разрушение снаружи и уютный уголок внутри.

— Что тут произошло? Какая драма разыгралась? Легкие венки и гирлянды висят нетронутые, кружева и ленты даже не помяты, а тяжелые подсвечники, кадки с цветами лежат опрокинуты, сукно висит лохмотьями, штукатурка отбита.

— Что за загадка?

— Ну, Шерлок Холмс, объясняй, — прервал наконец Гарри тяжелое молчание, обращаясь к Джемсу.

— Не знаю! — отрезал тот сурово.

— В деревне есть предание, — вмешался староста, — что давно, очень давно была страшная гроза. Казалось, вся нечистая сила спустилась на землю и напала на замок. Чуть его совсем не снесло тогда є горы!.. Земля тряслась, как живая... Только молитвы старого капеллана и спасли жителей... Если б замок снесло ветром, то засыпало бы всю деревню... Бабушка говорила, что даже крестный ход был учрежден по этому случаю. Скоро после грозы замок и бросили... — закончил староста.

— Что же, очень вероятно, что землетрясением повалило тяжелые предметы, а легкие остались нетронутыми, это обычное явление, — сказал доктор.

— По-вашему выходит, что нигде в замке, кроме капеллы, не было тяжелых предметов. Ведь погрома нигде больше нет, — сказал один старик.

— Что тут особенного, там привели все в порядок, — заметил доктор.

— Странно, почему же капеллу оставили в беспорядке? — не отставал старик.

— Ну, потому что она была заделана, — не сдавался доктор.

— Кстати, чем ты объясняешь этот факт? — обратился Гарри к доктору.

— Ну, это, знаешь: “У всякого барона своя фантазия, а у графов и подавно”, — развел тот руками.

Сколько ни говорили и ни спорили, так и не пришли ни к какому выводу.

Разгром капеллы, заделанные двери, пустой гроб так и остались загадками, да и молодежь, увлеченная радостями жизни, скоро забыла об этом.

— А вот и еще дверь, — обратился к Гарри все видящий и все знающий Смит.

И правда, из капеллы крутая лестница вела в самый склеп. Оттуда пахло затхлостью и гнилью, и охотников спуститься туда не нашлось.

— Очистите капеллу, снимите решетки с окон, а гроб опустите в склеп, — отдал распоряжение хозяин.

Замок наполнился движением и шумом. Двери и окна были открыты, и десятки рабочих чистили, мыли, снимали паутину.

Смит как ветер носился из комнаты в комнату, с одного этажа на другой. Грозным окриком, обещанием хорошей платы он умело подгонял рабочих.

То же самое проделывал Миллер в отделении служб. Конюшни, сараи быстро приготовлялись к приему новых постояльцев: лошадей, коров, собак...

Гарри, довольный деятельностью своих ставленников, не вмешивался в их распоряжения.

Он с частью общества прошел в дом, в комнату, которую выбрал себе для рабочего кабинета.

По-видимому, и при прежнем владельце она имела тоже назначение. Большой рабочий стол стоял прямо про-

тив окна, несколько шкафов с книгами ютились по углам, стояли удобные кресла, курительные столики и т. д. Все говорило о назначении этой комнаты.

Она настолько была в порядке, что стоило ее вычистить, хорошо проветрить и протопить, и она была бы готова принять нового хозяина.

Все дело портило разбитое зеркало: пустая рама обращала на себя внимание.

— Позаботьтесь вставить другое, — заметил Гарри, указывая на раму тут же вертевшемуся Смиту.

— Уже выписано, мистер, здесь в городе не нашлось подходящего, — ответил тот.

— Джемс, — снова заговорил хозяин, внимательно рассматривая старую книгу в кожаном переплете, — ты хотел иметь эту старинную книгу. Она твоя, только едва ли ты найдешь в ней что-либо интересное, это, кажется, страшное старье. Вот кожаный переплет — иное дело: если я не ошибаюсь, он сделан из человеческой кожи.

Со словами благодарности взял Джемс книгу и на первой странице прочел: *“По приказу высокочтимого барона Фредерика Зунсия книга переплита в кожу конюха Андрея”*.

— Ты прав, Гарри, это человеческая кожа и принадлежит какому-то конюху Андрею и, наверное, снята с него с живого.

Староста набожно перекрестился.

— И несмотря на это, вы, мистер Джемс, берете книгу, — не утерпел Жорж К., — а если конюх придет за своей собственностью?

— Да, милый Жорж, несмотря ни на что, беру и уж, конечно, конюх не получит обратно своей собственности. А вот для вас, — добавил Джемс, подавая Жоржу пышный голубой шелковый бант.

— Что же, я не прочь быть рыцарем этой дамы, — смеялся Жорж, стараясь приколоть бант к груди.

— Даже если эта дама — привидение, — заметил доктор.

Бант выпал из рук Жоржа, и он побледнел как полотно.

— Полно шутить, доктор, — вмешался Гарри, — наш молодой товарищ и так стонет по ночам.

Побродив по саду, общество разошлось по своим делам, и только уже вечером все были опять в сборе.

Весело сели за стол. Один прибор был никем не занят.

— Где же виконт Рено? — спросил внимательный хозяин.

— Они изволили уехать верхом в город и еще не возвращались, — доложил почтительно лакей.

— Позаботьтесь, чтобы к приезду господина виконта ужин был горячий, — тихонько отдал приказ Смит.

— Слушаю-с!

По обыкновению за ужином много ели, а еще больше пили. Разговоры не смолкали: капелла и ее загадки были неистощимой темой. Да и правда было над чем поломать голову. Нахodka гроба не подействовала удручающе на общество, напротив, присутствие его придавало больше романтичности и пикантности слушаю. Так что в связи с таинственными комнатами Охотничьего дома гипотезы сыпались со всех сторон. Но все они рушились одна за другой после холодного рассуждения и логических выводов.

Доктор являлся самым рьяным скептиком и разрушителем фантазий.

Ни до чего не договорились, зато шум и веселье были полные.

Лакеи не успевали наполнять осушаемые бокалы.

Уже к концу ужина дверь со стороны террасы шумно открылась, и в нее быстро вошел, скорее даже вбежал один из слуг.

Видно было, что бедный парень пережил страшный испуг.

В комнате воцарилась тишина.

— Да говорите же, черт вас возьми! — не выдержал наконец Смит.

— Я не виноват, право, не виноват, что господин виконт умерли!

— Как умер?

— Кто умер?

— Виконт Рено умер? — раздались голоса. Все шумно поднялись из-за стола.

— Выпейте и расскажите толком, — сказал доктор, подавая испуганному слуге стакан крепкого вина.

Тот с жадностью его выпил и сразу, видимо, оправился.

— Сегодня, при заходе солнца, — начал он, — господин Смит приказали мне съездить в город и заказать на

завтра бочку пива. Я оседлал Ленивого и поехал. Справив поручение, я... я...

— Ну конечно, заехал в трактир и напился, — подсказал Смит.

— Виноват, господин Смит, я заехал, но только, вот вам Бог, не напивался.

— Знаю, знаю.

— Уверяю, господин Смит, только одну кружку, да и то...

— Довольно, — крикнул Джемс.

— К делу, — строго потребовал Гарри.

— Ну, я отправился домой, луна хорошо светила. Ехал я шагом, ведь кучер, сами знаете, не позволяет нам гонять лошадей, да и Ленивого трудно заставить скакать. Благополучно проехал мимо озера и поднялся на горку. Самая прямая дорога идет около ограды сада. Не доехав до калитки, что выходит на озеро, Ленивый вдруг остановился, уперся передними ногами и весь затрясся. Я взглянул и обмер. В калитке стояла белая женщина, длинные золотые волосы были распущены, зеленые глаза горели и адский дым клубился вокруг нее.

Ленивый встал на дыбы и бросился в сторону. Я, мистер, не кавалерист и не учился ездить верхом, да еще на лошади, которая встает на дыбы... ну, я и упал, а Ленивый убежал.

— Дальше, — коротко сказал Гарри.

— Шляпа с меня слетела, да и шишку на голову я посадил хорошую, — продолжал парень, щупая голову.

— Пока я еще лежал, “оно” прошло мимо меня. От страха и холода зубы мои начали стучать. Как я вскочил, как бросился в калитку... не помню. У меня на ногах точно крылья выросли. Перебегая по площадке, мне показалось, что “оно” стоит в кустах. Я бросился к дому. Подбежав к террасе, я увидел, что господин виконт сидит на перилах. Я его сразу узнал, да и как было не узнать, когда я сам помогал ему одеваться утром.

— Господин виконт, господин виконт! — кричал я, но он оставался неподвижен...

— Поднявшись на террасу, я притронулся к его плечу, вижу: глаза стеклянные, руки холодные... Тут я понял, что он мертв.

Гарри, а за ним и другие, не слушая больше рассказчика,сыпали на террасу.

Там на перилах, прислонив голову к колонне, сидел виконт Рено, он будто отдыхал. Поза его выражала полное спокойствие. Шляпа, сдвинутая на затылок, открывала молодое, страшно бледное лицо с остановившимися холодными глазами. На нем были рейт-фрак и высокие сапоги. К пуговице фрака был прикреплен цветок ненюфара.

Сомнения в смерти быть не могло, и все грустно молчали.

Слуга, первым увидевший мертвца, все еще был страшно возбужден и продолжал рассказывать своим товарищам лакеям, как он испугался русалки. Теперь он уже прибавлял, что видел у нее гусиные лапы из-под платья, а вместо адского дыма ее окружало покрывало из тумана.

Он говорил, что она вся белая и легкая и даже летела с ним рядом, когда он бежал, и только не посмела выйти на освещенную площадку перед террасой, а осталась там, в тени, в кустах, в глубине сада.

— Да смотрите, смотрите, она еще там белеет в кустах, — взвизгнул он не своим голосом. Толпа шарахнулась.

В кустах, правда, что-то белело.

В минуту Гарри и капитан Райт были там.

— Опомнитесь, глупые, это белая лошадь, наш Павлин, — раздался властный голос Гарри, и тотчас же он вывел из кустов на площадку прекрасную белую верховую лошадь.

Страх прошел. Все ободрились. Павлина знали и гости, и слуги, это была одна из лучших лошадей конюшни миллионера.

Лошадь была под мужским седлом и тяжело дышала, белая пена клочьями покрывала удила и потник.

— Хорошо же тебя отдал господин виконт, — ворчал старый кучер, лаская лошадь, — а еще обещал поберечь!

— Теперь это не к месту, Матвей, — строго прервал кучера Гарри.

— Вот если б бедный Рено поберег Павлина, то и сам бы он был цел и невредим. Разве можно с пороком сердца скакать сломя голову? — закончил доктор.

— Откуда он достал ненюфар, он свеж, как только что сорванный? — заметил Джемс.

— Ну, этого добра на озере сколько хочешь, — ответил Жорж К.

— Но для этого надо останавливаться, а не скакать, — не унимался Джемс. Но ответа ни от кого не получил.

По знаку хозяина слуги взяли труп и снесли в дом.

Об окончании ужина, конечно, не было и речи.

Все рано разошлись по комнатам с условием утром отправиться в город дня на три, чтобы отдать последний долг усопшему.

.....

Капитан Райт и Джемс, не уговариваясь, отправились в комнату Райта.

Молча закурив сигары, уселись в кресла. Часы шли.

В комнате был полумрак. К полуночи луна высоко поднялась на небо, и комната наполнилась волнами света. Еще немного, и волны начали мерцать и переливаться.

Молодые люди ждали, но дверь оставалась закрытой. Там, за дверью, слышались легкие шаги, шуршало шелковое платье, звякали струны лютни, точно от нечаянного прикосновения... Вот скрипнула дверь балкона, и все стихло.

Часы шли.

Райт и Джемс очнулись от стука.

Ясный день. Комната ярко освещена солнцем, лучи его играют на гранях туалетных вещиц и бегают "зайчиками" по потолку и стенам. Они оба сидят в креслах, сигары давно потухли. Без всякого сомнения, они спали, и крепко спали.

Стук повторился.

— Войдите.

Вошел молодой лакей и доложил:

— Господ ожидают к утреннему кофе, и похоронный кортеж уже готов. Пожалуйте.

Джемс и Райт не сразу поняли, в чем дело, но все же поспешили привести себя в порядок и отправились в столовую.

XVI

Прошло три дня.

Гарри вернулся в свой Охотничий дом, с ним вернулись и его верные друзья: Джемс, доктор и капитан Райт.

Из гостей вернулись очень немногие. Смерть виконта Рено, молодого и полного сил, повлияла на нервных и

впечатлительных людей, и многие из них уехали: кто совсем, а кто с обещанием вернуться в замок к празднику новоселья.

Райт и Джемс хорошо выспались в городе, нервное напряжение спало, и они подсмеивались друг над другом, а Джемс свое приключение с привидениями называл "галлюцинация скопом".

— Что нового? — спросил Гарри по возвращении из города.

— Все, слава Богу, хорошо! — ответил помощник управляющего Миллер. После отъезда в город Гарри и Смита он оставался полновластным и ответственным лицом в замке.

— Замок совершенно очищен; с садом дело идет тише, но все же та его часть, которая примыкает к замку, уже в порядке и садовый колодец вычищен. На днях очищают и тот, что во дворе, но, кажется, в нем не будет воды, — докладывал он.

— Извините, мистер, вы, быть может, будете мною недовольны, — продолжал Миллер нерешительно, — я не знаю, но я был в затруднении, жена его плакала, а бедность, правда, очень большая, ну я и дал от вашего имени 25 таллеров на похороны, — закончил он свой доклад.

— Опять похороны, чьи похороны? — вскричал нетерпеливо Гарри.

— Конечно, мистер, он не был нашим постоянным рабочим, ему платили за каждый раз отдельно, но очень большая бедность, — бормотал сильно смущившийся Миллер.

— Постойте, вы меня не поняли, дело не в деньгах, а я хочу знать, кто умер, — сказал Гарри.

— Слесарь, мистер, тот самый, что открывал нашу капеллу.

— Он казался не старым и здоровым.

— Да он заболел в тот же день, нет, вернее, в ту же ночь. С ним случился обморок; долго ли он продолжался, никому неизвестно, так как жена заметила это только утром. Потом он оправился, целый день работал, но молчал и был невеселый, как она говорит. Ночью обморок повторился. Жена спала в соседней комнате и, заслышав шорох и стоны, прошла к больному. Он опять был без памяти.

Утром он уже встать не мог и весь день пролежал в постели.

Ночью он тихо скончался. Жена страшно плачет, она потеряла своего единственного кормильца. Но глупая крестьянка утешается тем, что ангел взял душу ее мужа, — рассказывал Миллер.

— При чем тут ангел? — спросил Джемс.

— Видите ли, — продолжал Миллер, — жена слесаря решила последнюю ночь не спать, а стеречь больного мужа. Ну и, ясное дело, после тяжелого рабочего дня уснула и видела сон.

— Где же тут ангел, какой сон? — допытывался Джемс.

— Глупая баба, сударь, утверждает, что она не спала, а нашел на нее столбняк, по-ихнему, это если человек не может пошевелиться, а все видит и слышит.

И вот явилась прекрасная женщина в небесном платье и с короной на голове. Наклонилась над больным и поцеловала его. Потом в луче месяца она улетела в небо и унесла его душу, — закончил Миллер.

— А чем объяснил смерть деревенский доктор? — спросил Гарри.

— Доктора, мистер, и не было. Его и не звали. Я уже вам докладывал, что у них страшная бедность. Недавно они погорели и теперь ютятся как попало.

— Смит, завтра вы позаботитесь о вдове, а на сегодня довольно, — решил Гарри.

Потом он откланялся гостям и друзьям и пошел со Смитом работать в кабинет. Он даже отказался от ужина, прося доктора занять председательское место.

Ужин прошел вяло, несмотря на шутки и анекдоты доктора. Сказывалось отсутствие хозяина.

Чтения тоже не было. От пунша отказались и рано разошлись по своим спальням.

XVII

К утреннему кофе Райт вышел последним. Он был страшно зол, и губы его нервно подергивались.

Подойдя к столу, вместо обычного поклона он бросил на пол большую пунцовую розу и, наступив на нее, сказал:

— Господа, я не женщина, и бросать мне розы в окно по меньшей мере глупо. Считаю это для себя оскорбительным и в следующий раз отвечу острием моей шпаги.

Все удивленно смотрели на Райта и переглядывались между собою.

Хорошо вышколенный лакей быстро подобрал бедную растоптанную розу.

— Откуда он ее взял, в саду нет таких, — сказал он, показывая розу камердинеру Сабо.

— На горе в замке уже есть, вчера привезли, — заметил Миллер.

День тянулся скучно и бесконечно.

Вечером в столовую собралось все оставшееся общество, сильно убавившееся. Все хмурились.

Хозяин, желая развлечь гостей да и сам отдохнуть от пережитых неприятностей, попросил Карла Ивановича дочитать письма.

Карл Иванович заметно поколебался, замялся, хотел что-то сказать, но потом махнул рукой и надел очки.

— Итак, я начинаю, — сказал он.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Альф, между моим последним письмом и сегодняшним прошли только сутки, но в эти сутки я пережил целую жизнь, и она сломала во мне все светлое и дорогое. Личное счастье погибло. А Рита? Чем же она виновата? Нет, с камнем на душе я должен если не быть, то казаться счастливым! Это ради Риты.

Но слушай по порядку.

Поручив Риту заботам кормилицы и кузины, сделав распоряжение по хозяйству, я отправился в город искать старого доктора.

Искать, собственно, мне не пришлось, так как в гостинице, где я остановился, на первый же мой вопрос ответили, что знают, и указали его адрес.

— Только напрасно вы к нему поедете, — прибавил коридорный, — доктор давно никого не лечит, да и редко кого пускает к себе. Он чудной. Позвольте, сударь, я лучше проведу вас к другому доктору — Фришу. Он отличный доктор и стоит в нашей гостинице.

Я поблагодарил и отказался от Фриша...

— А почему вы зовете старика чудным? — поинтересовался я.

— Да как же, сударь, все его так зовут. Говорят, он не в своем уме.

Я отправился.

Извозчик свез меня на окраину города к небольшому деревянному дому. Во дворе меня встретила пожилая женщина и угрюмо сказала, что доктор не лечит и никого не принимает.

— Проведите меня к нему, — сказал я, и “золотой” пропуск был в ее руке.

Меня тотчас же провели в сени, а затем и в комнаты.

Первая комната ничего из себя не представляла: самая обыденная, мещанская обстановка. Но зато следующая оказалась совершенно иного характера.

Это был какой-то кабинет алхимика или ученого: темные шкафы, полные книг, банки, реторты, несколько чучел и в конце концов человеческий скелет.

У окна в большом кресле сидел старик. В первую минуту я думал, что ошибся и попал не по адресу. Так трудно было узнать в высохшем, худом человеке когда-то полного и веселого доктора. Он был совершенно лыс и в огромных очках.

Если я, зная к кому иду, с трудом уловил знакомые черты, то он, конечно, совершенно меня не узнал.

— Что вам нужно? Я не практикую, — сказал он резко, вставая с кресла.

Я назвал себя.

Минуту он стоял неподвижно, точно не понимая меня, потом странно вытянул шею и спросил — голос его дрожал:

— Кто вы?

Я повторил.

Альф, нужно было видеть его ужас, он побелел, как бумага, очки упали на пол, и он этого даже не заметил. Протянув вперед руки, точно защищаясь, он бормотал:

— Нет, не может быть! — ноги его тряслись, и, не выдержав, он со стоном сел в кресло.

Я подал ему стакан воды и, взяв за руку, стал говорить:

— Доктор, милый доктор, разве вы забыли своего любимца, маленького Карло, — я старался припомнить из детства разные мелочи, его шутки, подарки...

Понемногу старик успокоился и начал улыбаться:

— Так это в самом деле ты, Карло, ты, живой и здоровый. Как же ты вырос и какой красавец. Эх, не судил Бог моему другу, твоему отцу, и полюбоваться тобой.

— Да, доктор, с семи лет я был лишен и отца, и матери, а почему, и до сих пор не знаю.

Старик как-то отодвинулся от меня и замолчал.

— Зачем и надолго ли ты приехал в наш город?

— Приехал я сегодня, а сколько проживу, зависит от вас, доктор. Если вы согласитесь на мою просьбу, то завтра же утром мы выедем в замок.

Старик снова весь затрясся:

— Что, ехать в замок, в твой родовой замок, зачем? Что тебе в нем? — закричал он сердито.

— Как зачем? Вот уже два месяца, как я живу в нем, — смеясь, заявил я.

— Ты в замке, рядом, два месяца, — бормотал он. Зубы, вся нижняя челюсть старика дрожали. — Ты жив, здоров, совершенно здоров. Поклянись Божьей Матерью, что ты говоришь правду, — и он повелительно указал на угол.

Весь угол был занят образами, большими и маленькими; перед ними горела лампада, стоял аналой с открытой книгой. Войдя в комнату, я не заметил этого угла, и теперь меня поразил диссонанс: лампада и человеческий скелет!

— Клянись, говорю тебе, крестись! — настаивал грозно старик.

Думая, что имею дело с сумасшедшим, и не желая его сердить, я перекрестился и сказал торжественно:

— Клянусь Божьей Матерью, я жив и вполне здоров.

Старик заплакал, вернее, как-то захныкал и, вытаскивая из кармана огромный платок, все повторял:

— Зачем ты приехал, зачем ты приехал? Чего ты хочешь?

Когда он совершенно успокоился, я ему рассказал, что с детства скучал по родине, но не смел ослушаться приказания отца и жил в чужих краях.

— Внезапная смерть отца сняла с меня запрет, — объяснял я, — и я явился поклониться гробам отца и матери, и представьте, доктор, я не нашел их в склепе, — закончил я.

— Не нашел. В склепе не нашел! — радостно шептал старик. — А новый склеп ты не трогал?

— А разве есть новый склеп? Где же он?

— Хорошо, очень хорошо, — потирал старикишки свои руки.

Я ничего не понимал и страшно раскаивался, что связался с полоумным. Соображая, как бы поудобнее выбраться из глупого положения, я молчал.

Молчал и старик.

— Когда ты едешь обратно в чужие края? — наконец спросил он.

— Обратно? И не собираюсь! — возразил я с удивлением. — Замок вычищен, отремонтирован заново, и через две недели моя свадьба.

Глаза старика опять выразили ужас.

— Ты намерен навсегда поселиться в замке и хочешь жениться, быть может, уже наметил невесту. Безумец, безумец, разве старый Петро не был у тебя, разве он не сказал тебе, что по завету отца ты не должен был приезжать в замок, а не то что жить тут, да еще с молодой женой, — кричал, весь трясясь, старик.

Все эти глупые охи и крики окончательно мне надоели, и я резко сказал:

— Отец ни разу не писал мне ничего подобного, да и теперь поздно об этом говорить: невеста моя уже приехала и находится сейчас в замке.

— Пресвятая Матерь Божья, помилуй ее и спаси! — горестно прошептал старик. — Ну, Карло, не думал я, что судьба заставит выпить меня и эту горькую чашу. А видно, ничего не поделась! Мы оберегали тебя от этого ужаса, но ты сам дерзко срываешь благодетельный покров. Твой отец взял с меня и Петро страшную клятву, что тайна эта умрет с нами... но теперь я должен, я обязан открыть ее тебе... Да простит меня Пресвятая Заступница... Дорогой друг, ты говорил: "Смотри, ни на духу, ни во сне ты не должен говорить, из могилы я буду следить за тобой", а сейчас, если ты можешь слышать, пойми и прости: ведь Карло надо спасти, избавить, хотя бы ценой моей души — души клятвопреступника! — печально и торжественно проговорил старик.

Он замолчал и скорбно поник головою.

Хотя все его слова представляли какой-то бред, я не считал его больше сумасшедшим, что-то говорило мне о их правде и ужасе, что ждет меня.

Я молчал, боясь нарушить думы доктора, и в то же время старался догадаться, что за тайну должен он мне открыть. Первое, о чем я подумал, было мое большое состояние: честно ли оно нажито? нет ли крови на нем? — и я дал себе слово исправить, что можно.

Нет, невероятно.

Смерть матери, не повинен ли в ней отец?

Тоже нет. Он обожал ее и пятнадцать лет хранил верность ей и чтил ее память.

Что же, наконец?

Доктор все молчал... потом спросил меня:

— Карло, что помнишь ты из своего детства?

Я стал рассказывать, вспоминая то одно, то другое.

— Ну, а что ты думаешь о смерти своей матери?

Холод пробежал по мне — неужели?

Я рассказал то, что ты уже знаешь, то есть что мать видела во сне змею, которая ее укусила, закричала ночью и от страха заболела. Потом ей было лучше, но после обморока в зале болезнь ее усилилась.

Затем, этого ты еще не знаешь, она начала сильно слабеть день ото дня и все жаловалась, что по ночам чувствует тяжесть на груди: не может ни сбросить ее, ни крикнуть.

Отец начал вновь дежурить у ее постели, и ей опять стало легче. Устав за несколько ночей, отец решил выспаться и передал дежурство Пепе.

В ту же ночь матери сделалось много хуже.

Утром, когда стали спрашивать Пепу, в котором часу начался припадок, она ответила, что не знает, так как ее в комнате не было.

— Господин граф пришел, и я не смела оставаться, — сказала она.

— Я пришел, что ты выдумываешь, Пепа? — засмеялся отец.

— Да как же, барин, вы открыли дверь на террасу, оттуда так и подуло холодом, и хоть вы и укутались в плащ, но я сразу вас узнала, — настаивала служанка.

— Ну, дальше, — сказал, бледнея, отец.

— Вы встали на колени возле кровати графини, ну я и ушла, — кончила Пепа.

— Хорошо, можете идти, — сказал отец и, поворачивая к доктору свое бледное лицо, прошептал: — Я не был там!

Я замолчал на минуту.

— Так, — качнул старик головою. — Так.

— Чем кончилось это дело, кто входил в комнату матери, я не знаю и до сих пор, — закончил я.

— Дальше, дальше, — бормотал старик.

— Дальше, через три дня Люси, мою маленькую сестренку Люси, — продолжал я свой рассказ, — нашли мертвою в кроватке. С вечера она была здорова, щебетала, как птичка, и просила разбудить ее рано... рано — смотреть солнышко. Утром, удивленная долгим сном ребенка, Катерина подошла к кроватке, но Люси была не только мертва, но и застыла уже.

— Так! — снова подтвердил доктор.

— Люси похоронили, и в тот же день мать подозвала меня к своей кушетке и, благословляя, сказала:

— Завтра рано утром ты едешь с Петро в Нюрнберг учиться. Прощай, — и она крепко, со слезами на глазах меня расцеловала. Ни мои просьбы, ни слезы, ни отчаяние — ничего не помогло... меня увезли.

Даже через столько лет старое горе охватило меня, голос дрогнул, и я замолчал.

— Так, — опять качнул головою старик. — Так. А не помнишь ли ты еще чьей-нибудь смерти, кроме Люси? — спросил он.

— Еще бы, тогда умирало так много народу: все больше дети и молодежь, — ответил я, — а похоронный звон из деревни хорошо было слышно у нас в саду, и я отлично его помню. Да и у нас на горе было несколько случаев смерти, — закончил я.

Опять длинное молчание. Точно старик собирал все свои силы. Он тяжело дышал, вытащил свой платок и отер лысину.

— Ну, теперь слушай, Карло.

После твоего отъезда смертность не прекращалась. Она то вспыхивала, то затихала. Я с ума сходил, доискиваясь причины. Перечитал свои медицинские книги, осматривал покойников, расспрашивал окружающих...

Ни одна из болезней не подходила к данному случаю.

Одно только сходство мне удалось уловить: в тех трупах, которые мне разрешили вскрыть, был недостаток

крови. Еще на шее, реже на груди — у сердца — я находил маленькие красные ранки, даже, вернее, пятнышки. Вот и все.

Странная эпидемия в народе меня очень занимала, но я не мог вполне отдаваться ее изучению, так как болезнь твоей матери выбила меня из колеи.

Она чахла и вяла у меня на руках. Вся моя латинская кухня была бессильна вернуть ей румянец на щеки и губы.

Она явно умирала, но глаза ее блестели и жили усиленно, точно все жизненные силы ушли в них.

Эпизод с господином в плаще пока остался неразъясненным.

Только с тех пор ни одной ночи она не проводила одна: отец или я — мы чередовались у ее постели.

Лекарство ей я тоже давал сам... но все было тщетно... Она слабела и слабела.

Однажды днем меня позвали к новому покойнику; твой отец был занят с управляющим. Графиня, которая лежала в саду, осталась на попечении Катерины.

Через два часа я вернулся и заметил страшную перемену к худшему.

— Что случилось? — шепнул я Катерине.

— Ровно ничего, доктор, — отвечала Катерина, — графиня лежала спокойно, так спокойно, что к ней на грудь села какая-то черная, невиданная птица. Ну, я хотела ее согнать, но графиня махнула рукой: “Не трогать”. Вот и все.

Что за птица? Не выдумывает ли чего Катерина.

Расспрашивать больную я не решился, боялся взволновать.

Прошло три дня.

Мы, твой отец и я, сидели на площадке; графиня по обыкновению лежала на кушетке, лицом к деревне.

Солнце закатилось. Но она просила дать ей еще немного полежать на воздухе.

Вечер был чудный. Мы курили и тихо разговаривали.

От замка через площадку тихо-тихо пролетела огромная летучая мышь. Совершенно черная: таких я раньше не видывал.

Вдруг больная приподнялась и с криком: “Ко мне, ко мне” — протянула руки. Через минуту она упала на подушки.

Мы бросились к ней, она была мертва.

Как ни готовы мы были к такому исходу, когда наступил конец, мы стояли как громом пораженные. Первым опомнился твой отец.

— Надо позвать людей, — сказал он глухо и пошел прочь. Он шел, покачиваясь, точно под непосильной тяжестью.

Я опустился на колени в ногах покойницы. Сколько прошло времени, не знаю, не отдаю себе отчета. Но вот послышались голоса, замелькали огни, и в ту же минуту с груди графини поднялась черная летучая мышь, та самая, что мы видели несколько минут назад.

Описав круг над площадкой, она пропала в темноте.

О вскрытии трупа графини я и не думал. Твой отец никогда бы этого не допустил.

Меня как врача поражало то, что члены трупа, холодные как лед, оставались достаточно гибкими.

Покойницу оставили в капелле.

Читать над нею явился монах соседнего монастыря.

Мне он сразу не понравился: толстый, с заплывшими глазками и красным носом. Хриплый голос и пунцовый нос с первого же раза выдавали его как поклонника Бахуса.

После первой же ночи он потребовал прибавления платы и вино, так как “покойница — неспокойная”. Его просьбу удовлетворили.

На другую ночь мне не спалось: какая-то необыкновенная тяжесть давила мне сердце. Я решил встать и пройти к гробу.

Попасть в капеллу можно было через хоры: так я и сделал. Подойдя к перилам, взглянул вниз. Там царил полумрак. Свечи в высоких подсвечниках, окружающие гроб, едва мерцали и давали мало света. А свеча у аналоя, где читал монах, оплыла и трещала.

Хорошо всмотревшись, я увидел, что сам монах лежит на полу, раскинув руки и ноги, и на груди его накинута точно белая простыня.

Нечаянно взглянув на гроб, я осталенел...

Гроб был пуст!.. Дорогой покров, свесившись, лежал на ступенях катафалка.

Я старался очнуться, думая, что сплю; протер глаза — нет, как ни зыбок свет свечей, как ни перебегают тени, но все же гроб пуст и пуст...

Не помня себя от радости, я бросился к маленькой темной лессенке, что вела с хор в капеллу.

Недаром я заметил подвижность членов: это только сон, летаргический сон... — мелькало у меня в уме. Слава Богу, слава Богу.

Кое-как, в полной темноте, я скорее скатился, чем спустился с лестницы.

Врываюсь в капеллу, бросаюсь к гробу...

Боже.. что же это!.. Покойница лежит на месте, руки скрещены, и глаза плотно закрыты. Даже розаны, которые я вечером положил на подушку, тут же, только скатились набок.

Снова протираю глаза, снова стараюсь очнуться от сна...

Обхожу гроб. На полу лежит монах; руки и ноги раскинуты, голова запрокинулась.

Мелькает мысль: где же простыня? и... исчезает.

Не доверяю своим глазам... в висках стучит...

Нет, это стучат во входные двери со двора. Машинально подхожу, снимаю крючок. Свежий ночной воздух сразу освежает мне голову.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Входит ночной сторож в сопровождении двух рабочих.

— Ах, это вы, доктор! — говорит сторож и облегченно вздыхает. — А я-то напугался. Иду это по двору, а за окнами капеллы точно кто движется: ну, думаю, не воры ли? Боже избави, долго ли до греха. На графине бриллиантов этих самых много-много; люди говорят, на сто тысяч крон! Подхожу. Шелестит, ходит да как заохает, застонет... Ну, я бежал, позвал парней, одному-то жутко, — закончил сторож.

— Вы пришли кстати, с монахом дурно, надо его вынести на воздух, — приказываю я.

— Ишь, как накурил ладаном, прямо голова идет кругом, — сказал один из парней, поднимая чтеца. — Ну и тяжел же старик! — прибавил он.

В это время из рукава монаха выпала пустая винная бутылка и покатилась по полу. Парни засмеялись.

— Отчего упился, да и начадил без меры. Недаром же он и стонал, ребятушки, страсть страшно! — ораторствовал сторож.

Вынеся монаха во двор и положив на скамью, мы стали приводить его в чувство.

Это удалось не сразу. Угар и опьянение тяжело подействовали на полного человека.

Наконец он открыл глаза: они дико бегали по сторонам.

Я приказал дать ему стакан крепкого вина. Он жадно выпил, крякнул и прошептал:

— Неспокойная, неспокойная.

Начало рассветать: послышался звон церковного колокола к ранней службе.

Я пошел к себе, желая все обдумать, но едва лег на кровать, как моментально заснул.

День прошел как обычно.

Монах совершенно оправился и просил только двойную порцию вина "за беспокойство".

Я видел, как экономка Пепа подавала ему жбан с вином, и шутя сказал ей:

— Смотрите, Пепа, возьмете грех на душу, обопьется ваш монах.

— Что вы, доктор, да разве они по стольку выпивают в монастыре! А небось только жира нагуливают, — ответила Пепа.

Ночью я часто просыпался, но решил не вставать.

Рано поутру слышу нетерпеливый стук в мою дверь.

"Несчастье!" — сразу пришло в голову.

В один момент я готов. Отворяю.

Передо мной Пепа; на ней, что говорится, лица нет.

— Доктор, доктор, монах... монах умер... — заикаясь, произносит наконец она и тяжело опускается на стул.

Спешу.

На той же лавке, что и вчера, лежит монах.

Он мертв. Глаза его широко открыты, и все лицо выражает смертельный ужас.

Кругом вся дворня.

— Кто и где его нашел? — спрашиваю я.

Выдвигается комнатный лакей.

— Господин граф приказали вставить новые свечи ко гробу графини, я и вошел в капеллу, а он и лежит у самых дверей.

— Верно, выйти хотел, смерть почуял, — раздаются голоса.

— Да не иначе как почуял, через всю капеллу притянулся к дверям.

— В руке у него было два цветка, мертвые розы. Вчера ребята из деревни целую корзину их принесли, весь катафалк засыпали.

— Верно, беднягу покачивало: он оперся и зацепил их.

— Хорошо еще, что покойнику графинюшку не столкнул, — рассказывают мне один за другим слуги.

Я слушал, в голове у меня гудело, и в первый раз в душе проснулся какой-то неопределенный ужас.

Смерть была налицо, и делать мне, собственно говоря, было нечего.

Но все-таки я велел перенести труп в комнату и раздеть.

Первое, что я осмотрел, была шея, и на ней я без труда нашел маленькие кровяные пятнышки — ранки.

Тут у меня впервые зародилась мысль, что ранки эти имеют связь со смертью. До сих пор, не придавая им значения, я их почти не осматривал. Теперь дело другое. Ранки были небольшие, но глубокие, до самой жилы.

Кто же и чем наносил их? Пока я решил молчать.

Монаха похоронили.

Графиню спустили в склеп. Для большей торжественности ее спустили не по маленькой внутренней лестнице, а пронесли через двор и сад.

И в день похорон члены ее оставались мягкими, и мне казалось, что щеки и губы у нее порозовели.

Может быть, это влияние разноцветных окон капеллы или яркого солнца?

На выносе тела было много народа.

После погребения, как полагается, большое угождение как в замке, так и в людских.

Когда прислуга подняла “за упокой графини”, начали шуметь и выражать неудовольствие на старого американца. Он ни разу не пришел поклониться покойнице. И утром, на выносе тела, его также никто не видел. Напротив, многие заметили, что дверь и окна сторожки были плотно заперты.

Под влиянием вина посыпались упреки, а затем и угрозы по адресу американца.

Смельчаки тут же решили избить его. Толпа под предводительством крикунов направилась в сад к сторожке.

Американец по обыкновению сидел на крылечке.

С ругательствами, потрясая кулаками, толпа окружила его.

Он вскочил, глаза злобно загорелись, и, прежде чем наступающие опомнились, он заскочил в сторожку и захлопнул дверь.

— А, так-то ты, американская морда, — кричал молодой конюх Герман. Он вскочил на крылечко и могучим ударом ноги вышиб дверь.

Ворвались в сторожку, но она была пуста. Даже ис-кать было негде, так как в единственной комнате только и было, что кровать, стол и два стула.

— Наваждение, — сказал Герман, пугливо огляды-ваясь.

Всем стало жутко. Все так и шарагнулись от сторожки.

Выбитую дверь поставили на место и молча один за другим выбрались из сада.

В людской шум возобновился.

Обсуждали вопрос, куда мог деться старик. Предпо-ложениям и догадкам не было конца.

Многие заметили, что комната в сторожке имела не-жилой вид. Стол и стулья покрыты толстым слоем пыли, кровать не оправлена. Где же жил американец и как и куда он исчез?

И опять слово “наваждение” раздалось в толпе. Чем больше говорили, промачивая в то же время горло вином и пивом, тем запутаннее становился вопрос.

И скоро слово “оборотень” пошло гулять из уст в уста.

Прошла неделя.

Отец твой почти безвыходно находился в склепе, ча-сто даже в часы обеда не выходил оттуда.

Смертность как в замке, так и в окрестностях прекра-тилась.

Дверь сторожки стояла по-прежнему прислонен-ной, — видимо, жилец ее назад не явился.

Из города поступило какое-то заявление, и отец твой должен был, хочешь не хочешь, уехать туда дня на три, на четыре.

На другой день после его отъезда снова разразилась беда.

После опросов дело выяснилось в таком виде: когда завтрак кончился, кучер прилег на солнышко отдохнуть и приказал конюху Герману напоить и почистить лоша-дей.

К обеду конюх не пришел в людскую, на это не обра-тили внимания. Одна из служанок сказала, что, проходя мимо конюшен, слышала топот и ржание лошадей.

— Чего он там балует, черт, — проворчал кучер и пошел в конюшню.

Вскоре раздался его крик: "Помогите, помогите!"
Слуги бросились.

Во втором стойле с краю стоял кучер с бичом в руках, а в ногах его ничком лежал Герман.

Кучер рассказал, что, придя в конюшню, он увидел, что Герман развалился на куче соломы и спит.

— Ну я его и вдарил, а он упал мне в ноги, да, кажись, мертвый!

Германа вынесли.

С приходом людей лошади успокоились: только та, в стойле которой нашли покойника, дрожала всеми членами, точно от сильного испуга.

Позвали меня. Я тотчас отворотил ворот рубашки и осмотрел шею. Красные свежие ранки были налицо!

Что Герман был мертв, я был уверен; но ради прислуги проделал все способы отваживания. Затем приказал раздеть его и внимательно осмотрел труп.

Ничего. Здоровые формы Геркулеса! Так как никто не заявлял претензии — я сделал вскрытие трупа.

Прежние мои наблюдения подтвердились: крови у здоровенного Геркулеса было очень мало.

Не успел я покончить возню с мертвцом, как из деревни пришла весть, что и там опять неблагополучно.

Умерла девочка, пасшая стадо гусей. Мать нашла ее лежащей под кустом уже без признаков жизни.

Тут в определении смерти не сомневались, так как мать ясно видела на груди ребенка зеленую змею. При криках матери гадина быстро исчезла в кустах.

Все-таки я пошел взглянуть на покойницу под благодатным предлогом — помочь семье деньгами.

Покойница, уже убранная, лежала на столе. Выслав мать, я быстро откинул шейную косынку и приподнял голову.

Зловещие ранки были на шее!

Ужас холодной дрожью прошел по моей спине... Не схожу ли я с ума?! Или это и впрямь "наваждение"??!

Всю ночь я проходил из угла в угол. Сон и аппетит меня оставили. При звуке шагов или голосов я ждал известия о новой беде...

И она не замедлила.

Умер мальчишка-поваренок. Его послали в сад за яблоками да назад не дождались...

Опять я проделал с трупом все, что полагалось, проделал, как манекен, видя только одни ранки на шее.

Наконец вернулся твой отец. Ему рассказали о случившемся; он, к моему удивлению, отнесся ко всему совершенно холодно и безразлично.

Тогда я осторожно ему рассказал мои наблюдения о роковых ранках на шее покойников. Он только ответил:

— А, так же, как у покойницы жены, — и ушел на свое дежурство в склеп.

Я опять остался один перед ужасной загадкой.

Вероятно, я недолго бы выдержал, но, на мое счастье, вернулся Петро, хотя ранее и предполагалось, что он останется с тобою в Нюрнберге.

За недолгое время отсутствия он сильно постарел с виду, а еще больше переменился нравственно: из веселого и добродушного он стал угрюм и нелюдим.

В людской ему сообщили все наши злоключения и радостно прибавили, что американец исчез и что он был совсем и не американец, а оборотень.

Один говорил, что видел собственными глазами, как старик исчез перед дверью склепа, а двери и не открывались.

Другой тоже собственными глазами видел, как американец, как летучая мышь, полз по отвесной скале, а третий уверял, что на его глазах на месте американца сидела черная кошка.

Были такие, что видели дракона. Только тут возник спор.

По мнению одних, у дракона хвост, по мнению других — большие уши; одни говорили, что это змей, другие — что это птица. И после многих споров и криков решили:

— Дракон так дракон и есть!..

Петро обозвал всех дураками и ушел в свою комнату.

XVIII

На другое утро Петро долго разговаривал с твоим отцом, о чем — никто не знает. Только после разговора он вышел из кабинета, кликнул двух рабочих и именем графа приказал разбирать сторожку американца.

Люди повиновались неохотно.

Сняли крышу и начали разбирать стены. При ярком дневном свете еще яснее выступило, что сторожка была необитаема.

Скоро от сторожки остались небольшая печь и труба.

Доски и бревна, достаточно еще крепкие, Петро распорядился пилить на дрова и укладывать на телеги.

Печь и трубу он приказал каменщику ломать, не жалея кирпича. Когда повалили трубу, мы с твоим отцом стояли в дверях склепа.

Из трубы вылетела большая черная летучая мышь и метнулась к нам. Я замахнулся палкой, тогда она, круто повернув, исчезла за стеной замка.

— Ишь, паскуда, гнездо завела, — проворчал каменщик.

Теперь мне стало ясно, откуда взялась черная летучая мышь на груди твоей матери в день ее смерти. Всем известно, что летучие мыши любят садиться на белое; вот ее и привлекло белое платье покойницы.

А что мышь была черная, а не серая, как обыкновенно, и что бросилась мне тогда же в глаза, объяснялось теперь тем, что она пачкалась об сажу в трубе.

Телеги с дровами Петро отправил в церковный двор для отопления храма как дар от графа. Кирпич вывезли далеко в поле.

Площадку Петро сам вычистил и сровнял, ходя как-то по кругу и все что-то шепча.

На другой день из деревни привезли большой крест, сделанный из осины, конец его был заострен колом.

Крест вколотили посредине площадки. Петро кругом старательно разбил цветник, но, к удивлению и смеху слуг, засадил его чесноком.

На мой вопрос, что все это значит, твой отец махнул рукой и сказал:

— Оставьте его.

В один из следующих дней отец твой, спускаясь по лестнице, оступился и зашиб ногу. Повреждение было пустячное, но постоянное пребывание в затхлом, сыром склепе и неправильное питание привели к тому, что пришлось его уложить в постель на несколько дней.

В тот же день после обеда, когда я читал ему газеты, прибежал посыльный мальчик и попросил меня спуститься вниз.

Сдав больного на руки Пепе, я спустился в сад. Там был полный переполох!

Молодой садовник Павел лежал без памяти. Он тихо и жалобно стонал, и казалось, вот-вот замолкнет навеки.

Я приказал перенести его в мою аптеку. Все слуги, кроме моего помощника, были удалены. Смотрю, роковые ранки еще сочатся свежей кровью! Тут для оживления умирающего, хотя бы на час, я решил употребить такие средства, какие обыкновенно не дозволены ни наукой, ни законом. Я хотел во что бы то ни стало приподнять завесу тайны.

Влив в рот больного сильное возбуждающее средство, я посадил его, прислонив к подушкам. Наконец он открыл глаза. При первых же проблесках сознания я начал его расспрашивать.

Вначале невнятно, а потом все яснее и последовательнее он сообщил мне следующее:

По раз заведенному обычаю после обеда все рабочие имеют час отдыха.

Он лег под акацию, спать ему не хотелось, и он стал смотреть на облака, вспоминая свою деревню. Ему показалось, что одно облако, легко и белое, прикрыло ему солнце. Повеяло приятным холодком... смотрит, а это не облако уже, а женщина в белом платье, точь-в-точь умершая графиня! И волосы распущены, и цветы на голове.

Парень хотел вскочить. Но она сделала знак рукою не шевелиться, и сама к нему наклонилась, да так близко-близко, стала на колени возле, одну руку положила на голову, а другую на шею... "И так-то мне стало чудно, хорошо! — улыбнулся больной. — Руки-то маленькие да холодненькие! А сама так и смотрит прямо в глаза... глазищи-то, что твое озеро — пучина без дна... Потом стало тяжело. Шея заболела, а глаз открыть не могу, — рассказывал больной, — потом все завертелось и куда-то поплыло. Только слышу голос старшего: "Павел, Павел". Хочу проснуться и не могу, — продолжал Павел. — На груди, что доска гробовая, давит, не вздохнуть! — и опять слышу: "Рассчитаю, лентяй!" Тут я уже открыл глаза. А графиня-то тут надо мной, только не такая добрая и ласковая, как бывало, а злая, глаза, что уголья, губы красные. Смотрит, глаз не спускает, а сама все пятится, пятится и... исчезла... а..."

Голос его все слабел, выражения путались, и тут он снова впал в обморок. Употребить второй раз наркотик я не решился, да и зачем, я знал достаточно.

Сдав больного помощнику, я поспешил в сад, к обры-ву: мне нужен был воздух и простор...

Немного погодя туда же пришел Петро.

Помолчали.

— Это не иначе как опять “его” дело! — сказал Петро как бы в пространство.

— Кого “его”, о ком ты говоришь? — обрадовался я, чувствуя в Петро себе помощника.

— Известно, об этом дьяволе, об американце.

— Слушай, Петро, дело нешуточное, расскажи, что думаешь?

— Ага, небось сами тоже думаете... а ранки-то у Павла на шее есть? — спросил он меня.

— Есть.

— Ладно, расскажу, слушайте.

Как приехал американец в первый-то раз да Нетти, бедняга, на него бросилась, — начал Петро, — так и у меня сердце екнуло: не быть добру, что это, с покойником приехал, а лба, прости Господи, не перекрестит, глаза все бегают, да и красные такие. И стал я за ним следить... и все что-то не ладно. Ни он в церковь, ни он в капеллу. Не заглянет, значит.

Живет в сторожке один, ни с кем не знается, а свету никогда там не бывает. Да и дым оттуда не идет: не топит, значит. Как будто и не ест ничего, а сам полнеет да краснеет. Что за оказия?

А тут все смерти да смерти... доктора... Вот и вы тоже, говорят, крови в покойниках мало.

Тут мне и пришло на ум — оборотень он, по-нашему вурдалак. Это, значит, который мертвец из могилы выходит да кровь у людей сосет. Принялся я следить пуще прежнего... — Петро замолчал.

— Ну и что же ты нашел?

— Да тут-то и беда, батюшка, доктор. Ничего больше-то не нашел, на месте, с поличным ни разу не поймал. Хитер был! А так всяких мелочей много, да что толку, сунься расскажи, не поверили бы, — горестно говорил Петро.

Одна графинюшка, покойница, смекала кое-что, недаром же она просила и потребовала, чтобы увезли Карло

да подальше. Какое такое учение в семь-то годков! — закончил он.

Снова молчание.

— Вернулся я, а графини уже и в живых нет! Может, и тут без “него” не обошлось? Вы, доктор, не уезжали, так как думаете?

Я предпочел промолчать.

— Знаю я от старух, — продолжал Петро, — что “он” не любит осинового кола и чесночного запаха. Колом можно его к земле прибить, не будет вставать иходить. А чесночный запах, что ладан, гонит нечистую силу назад, в свое место. Говорят еще старухи, что каждый вурдалак имеет свое укромное место, где и должен каждый день полежать мертвцом, — это ему так от Бога положено, вроде как запрет. А остальное время он может прикинуться чем хочет: животным ли, птицей ли. На то он и оборотень, — ораторствовал Петро.

— Сторожку я уничтожил, свез на дрова, в церковь; кол забил, чеснок скоро зацветет, а “он”... все озорничает... — печально окончил старик.

— Что делать? Привез дьявол из Америки старого графа да проклятое ожерелье, с которого и болезнь к нашей графинюшке прикинулась; нет ли тут закорюки? Как, по-вашему, доктор? — и Петро пытливо посмотрел на меня.

— Не знаю! — пожал я плечами.

— Вот что я надумал, — продолжал Петро. — На каменный гроб старого графа положу крест из омелы, говорят, это хорошо, да кругом навешу чесноку, а вот вы от имени графа скажите всем слугам, что склеп будет убирать один Петро и ходить туда запрещено-де, а то озорники все поснимут, да и разговоров наделаешь. А надо все в тайне, чтобы “он” не догадался да не улизнул.

Я обещал.

Петро усиленно принялся за изготовление креста.

За те дни, пока он возился, на деревне умерло двое детей и у нас на горе мужик-поденщик.

Наконец все готово.

На закате солнца, когда все слуги замка сильнее заняты уборкою на ночь, мы с Петро спустились в склеп, и он все сделал, как говорил: положил крест, навесил чеснок. Сверху же гроб мы закрыли черным сукном, чтобы не обратить на него внимания графа.

— А слышите, как воет и стонет, — обратился ко мне Петро.

Я прислушался, правда, что-то выло, но трудно было определить, что и где. Скорее всего это был ветер в трубе или в одной из отдушин склепа.

Петро был весел, он верил в успех! А у меня были данные очень и очень бояться за будущее.

И что же, в эту же ночь погиб личный лакей графа. Его нашли умирающим в постели, и он мог только прошептать: графиня, гра...

Пока слуги судили и рядили, подошел Петро, поднял голову покойника и со стоном опустился на пол. Он был бледен, как мел.

Испуг и обморок Петро были последней каплей в неспокойном настроении наших слуг.

Большинство, вместо того чтобы помочь старику, бросились вон из комнаты, и через час же несколько человек попросили расчет. К вечеру ушли поденщики.

Смех и песни замолкли. Слуги шептались и сговаривались о чем-то, ясно чувствовалось: еще один смертельный случай — и мы останемся одни. К вечеру...

— Господа, — прервал доктор, — как ни интересны все эти чудеса в решете, а все же спать надо. Скоро два часа ночи. Я полагаю, что все наши вампиры и оборотни уже нагулялись и завалились спать. Итак, я ухожу, — и доктор решительно встал с места.

— Делать нечего, подождем до завтра, — сказал один из гостей.

— Не бойтесь, ни Карл Иванович, ни его “сказки” не сбегут, — шутил доктор.

— А разве вы думаете, что все это сказки? — спросил удивленно Жорж К.

— Какое вы еще дитя, Жорж, если могли в этом сомневаться, — заметил один старик.

XIX

День прошел очень оживленно. Катались верхом, много гуляли по лесу, молодежь занималась гимнастикой и борьбой. Никто ни разу и не вспомнил о вчерашнем чтении.

Вечером усталые, голодные, но в хорошем расположении духа все были в сборе.

Сытно поужинав, приступили к Карлу Ивановичу дочитать "сказки".

Тот против обыкновения очень неохотно взял свой портфель и долго в нем разбирался.

— Ну-с, какой ерундой вы нас сегодня угостите? — спросил доктор.

— Быть может, можно сегодня и не читать? — точно обрадовался Карл Иванович, закрывая портфель.

— О нет, нет, мы хотим знать конец, — запротестовала молодежь.

— Вы кончили на том, Карл Иванович, что все слуги из замка убежали от страха, — напомнил Жорж К.

Карл Иванович вздохнул и начал.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИСЬМА К АЛЬФУ

К вечеру Петро объявил, что не отойдет от двери склепа, пока не выследит "проклятого дьявола"...

Ночь прошла тихо. Даже утром и днем Петро отказался сойти со своего поста. Он взял у меня только кусочек хлеба.

И день прошел хорошо.

Минули еще сутки.

Что делать с добровольным сторожем? Он ест один хлеб и совсем не спит. Долго ли он выдержит?

Еще сутки.

Никакие уговоры, никакие доводы не помогают.

Я решился оставить упрямца еще на ночь, а утром подсыпать сонного порошка в вино и заставить его выпить.

Приготовив покрепче снотворное, я сидел у себя в комнате. Пробило два часа.

Вдруг в комнату, пошатываясь, входит Петро. Он иссия-бледен, точно мертвец, волосы всклокочены, сам весь дрожит. Беспомощно опустившись на стул, он залился слезами.

Первых его слов разобрать было невозможно, до того стучали его зубы. Наконец я уловил:

— Графинюшка... ужас... наша графинюшка ходит... мертвец...

— Успокойся, Петро, расскажи все по порядку, я и сам думаю, что виноват не американец, а графиня, — сказал я, стараясь казаться спокойным.

— Наша графинюшка, это ангел-то во плоти — и вурдалак, вампир... — и он снова зарыдал.

Когда припадок прошел, Петро сообщил мне следующее:

И в эту ночь, как и раньше, он сидел на скамейке против входа в склеп и не спускал глаз с двери. Ключ от нее лежал у него в кармане.

Ночь лунная, и все видно отчетливо.

— Смотри, — говорил он, — перед дверью стоит графиня. Белое, нарядное платье, локоны по плечам, на голове цветы и бриллианты. Ну точь-в-точь, как она наряжалась, когда ехала на бал.

На минуту я забыл, что она умерла, и бросился к ней:

— Графинюшка, милая! — Она ласково посмотрела, да и говорит:

— Петро, за что ты меня преследуешь?

Тут я вспомнил, что она мертвая, отскочил, а она за мной.

— Оставь меня в покое, и я тебя не трону, — и голосок у нее такой нежный.

— Бог с вами, — говорю, — графиня, ведь вы же умерли... и похоронены.

— Умерла... и все-таки живу. Не мешай же мне. — И сама отстраняет это меня с дороги рукой.

Я хотел перекрестить ее, а она как бросится да схватит меня за плечи. Сильная такая, глаза злые, и лицо совсем как чужое. Хочу вырваться и не могу, вот-вот повалит... Так мы все пятись, пятись и дошли до грядки с чесноком.

Я запнулся и упал к подножию креста. Она тоже повалилась.

Ну, думаю, загрызет!.. Да Бог помиловал.

Почуяла чеснок, соскочила, застонала тяжко-тяжко и исчезла.

Долго я лежал, боялся пошевелиться. Ну а потом и к вам, доктор. — Что нам делать? Ведь графинюшку-то я не могу колом, рука не выдержит... — прошептал верный слуга и опять заплакал.

До утра мы сидели с Петро, обдумывая, как поступить. Надо обезопасить замок и деревню от вампира, а в

то же время ради Карло и старого графа пощадить имя графини в народе.

Мы еще ничего не решили, как пришли мне сказать, что умер сынишка кучера, мальчик лет десяти.

А затем потянулись один за другим слуги, прося расчет. Причина была одна:

— У нас в замке нечисто.

Пришлось всех отпустить. Осталось два-три человека, которым абсолютно некуда и не к кому было идти.

Надо было волей-неволей посвятить в дело и твоего отца.

С большими предосторожностями и покемногу я сообщил ему все.

К моему удивлению, и на этот раз он остался почти спокоен. И только спросил, кто, кроме меня и Петро, знает про "то". И когда узнал, что никто, остался очень доволен.

Видимо, он уже знал страшную тайну покойницы. Не оттого ли он и сидел целые дни в склепе?

Немедленно граф распорядился продать лошадей, коров и прочую живность — одним словом, все, что требовало ухода, заперев почти все комнаты замка, и отпустил слуг с наградой.

Затем по его приказу поденщики из города живо приготовили новый склеп в скале на два гроба.

Не решаясь пригласить священника, на восходе солнца, когда по чистому воздуху так хорошо доносится колокольный звон из деревни, перенесли мы сами гроб с графиней из старого склепа в новое помещение и с разными предосторожностями заделали его в стену.

После того отец взял с меня и Петро страшную клятву молчать обо всем случившемся.

Он щедро обеспечил нас.

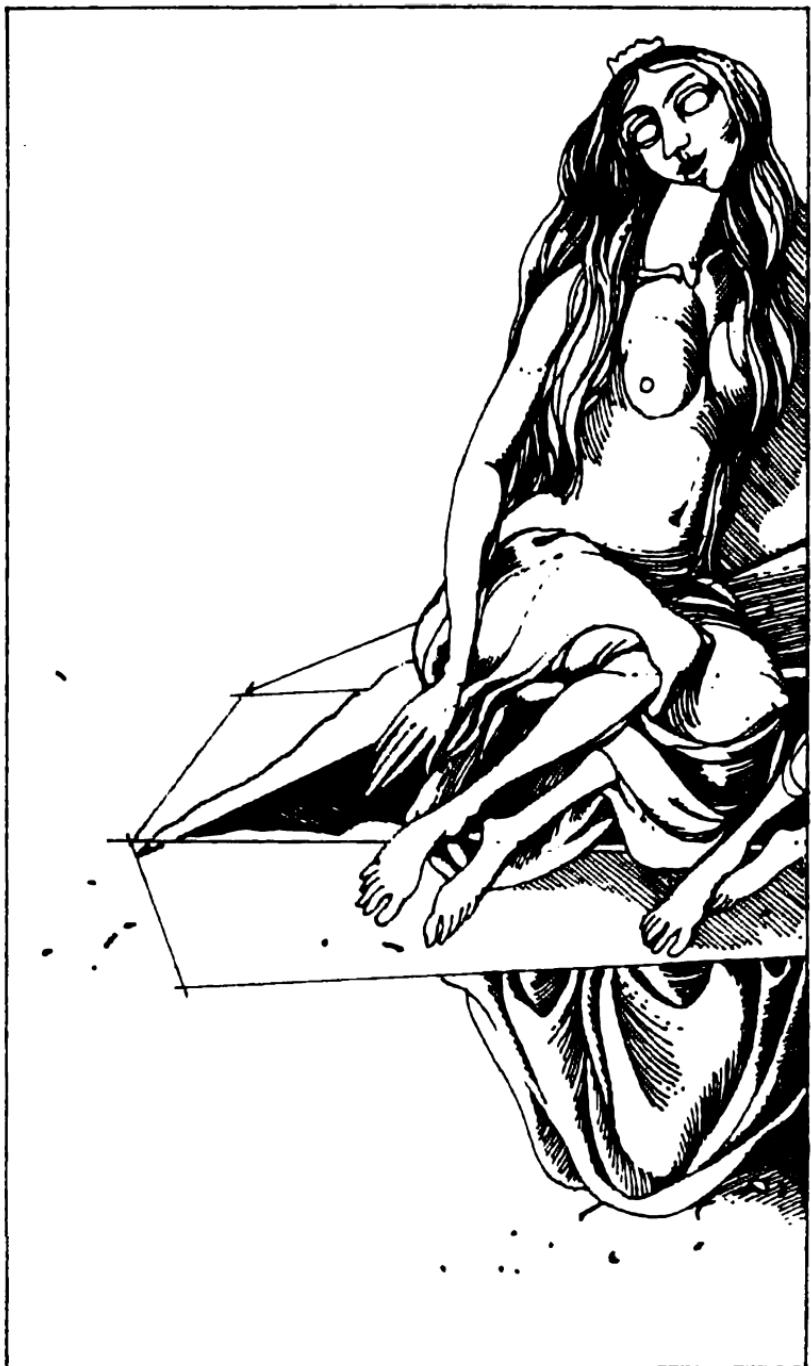
Петро, как милости, выпросил позволения остаться с ним в замке, где и прожил пятнадцать лет.

Как твой отец намерен был поступить с тобой и замком — он нас не посвятил.

Смерть унесла его неожиданно для него самого.

Мы хоронили его в новом склепе, в том месте, которое он себе приготовил.

Петро по обещанию пошел пешком в Рим, а я вернулся домой.

Теперь, Карло, уходи. Я нарушил ради тебя клятву, оставь меня, дай отдохнуть, — и старик скорбно, тяжело поник головою. Я вышел.

.....

Где и как я провел эту ночь, не могу вспомнить... ходил и ходил... И вот на заре пишу тебе, Альф. Это последнее средство хоть немного разобраться в своих ощущениях и попробовать успокоиться и обсудить. Что это?

Не сошел ли я с ума? А все слышанное, да и сам старик доктор в придачу — не что иное, как один бред больного мозга.

Или доктор существует и он сошел с ума, быть может, от старости?.. Или же, это все страшная правда?

Какая правда?.. Правда... я сын вампира!

Нет, я сумасшедший...

Впрочем, что лучше? — Реши сам.

Ах, почему ты не здесь, ты бы со стороны вернее это определил. Альф, спаси меня!

Сознаю все безумие верить рассказам старика и... верю. Почему? Как опровергнуть его слова? Где кончается действительность и начинается вымысел? Все так логично и так неправдоподобно!.. Господи, а Рита! Я забыл о ней!

Что же с ней будет? Могу ли я жениться теперь? Имею ли я право вовлечь ее в свое несчастье?

Нет, надо отослать ее на родину. Но как? Что ей скажу, что объясню?.. Это убьет, обесславит ее! Нет, это невозможно... Но что же делать?.. Где выход?.. Альф! Помоги, приезжай!

Д.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Уже три дня, как я отоспал тебе роковое письмо, Альф.

А я все еще в городе — нет сил вернуться и взглянуть на Риту.

Если б ты был возле, мне было бы легче... Знаешь ли, у меня есть лесной дом, он далеко от деревни и хоть лежит у подножия замка, но попасть в него можно, только сделав порядочный крюк.

Не кажется ли тебе, что это хорошее место для такого ученого, как ты?

Никто мешать не будет. Я строго запрещу слугамходить в лесном доме, а для тебя там будет смирная, хорошая верховая лошадь.

Что ты на это скажешь?

Ты можешь целыми днями рыться в своих книгах; я даже сам не буду к тебе ходить, а только писать. Но сознание, что ты близко, для меня уже утешение и большая поддержка... Альф, Альф, сжался надо мной. Кроме тебя, у меня нет никого.

Приезжай.

Д.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Весть, сообщенная мне доктором, так страшна и так меня выбила из колеи, что я даже забыл, зачем сюда приехал.

Сейчас я опять был у него, и вот теперь-то я знаю, что значит ужас, невыносимый ужас. Все прежнее пустяки в сравнении с этим! Но слушай.

Сегодня, прия к старику, я сказал ему первоначальную причину моего появления сюда: невеста моя, Рита, не то что хворает, а бледнеет и скучает.

Он вскочил, как укушеннный.

— Твоя невеста хворает, она слабеет, бледнеет; есть у нее рана на шее? — вскричал он.

Ноги у меня подкосились... Я не мог выговорить ни слова...

— Отвечай, есть рана? Как же ты мне сказал, что не нашел гробов отца и матери, ты солгал мне, ты выпустил "его"! — кричал стариик, бешено тряся меня за плечи. Откуда у него сила взялась.

Тут я очнулся.

— Доктор, погодите, с моего приезда никто не только не умер в замке, но и не хворал, — наконец мог я выговорить.

— А в деревне?

— И там не было покойников. Повторяю, клянусь, я не видел нового склепа, — сказал я серьезно и веско.

Доктор несколько успокоился и пробормотал:

— Слава Богу, я ошибся. Быть может, правда, что здешний горный воздух не годится для здоровья такой южанки, как твоя Рита. Поезжай. Через день я приеду в замок как друг твоего отца. И ты только устрой, чтобы я мог видеть шею твоей невесты.

— Это не трудно, доктор: Рита любит и всегда носит открытие платья. Она знает отлично, что шея ее прелестна.

И вот только придя домой, я вспомнил эпизод с розовой сердоликовой булавкой...

А что, если?.. Господи, спаси и помилуй! Альф, а если... боюсь выговорить... если все правда... если Рита... Альф, ради всего святого приезжай.

Спешу домой, что-то там? Ах я дурень, сидел здесь, а что там, что...

Жду тебя.

Д.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

Не нахожу слов, благодарю тебя, что приедешь! Теперь мне не страшно, ты будешь со мной.

Спешу тебя порадовать, у нас все спокойно. Правда, Рита слаба и бледна, но она ни на что не жалуется.

Доктор сдержал слово и приехал.

Рита приняла его ласково и дружественно.

Он ловко выспрашивал Риту, как она проводит ночи, не чувствует ли тяжести, удушья и прочего. Какие видит сны.

На все получает самые спокойные ответы. Единственное, что до сих пор мне не удалось показать доктору, — шею Риты.

Она выдумала носить кружевные косынки, на шею повязывать какие-то фантастические банты и ленты.

А когда я стал просить снять это и позволить любоваться ее шеей, она грустно проговорила:

— У меня до сих пор не было кружев и лент, позвольте мне их поносить...

Ну как тут не отступиться!

А когда я спросил, зажил ли укол булавкой, она нервно передернула плечами и нехотя ответила:

— Ну конечно, что об этом говорить.

Свадьбу Рита отложила.

Лесной дом был готов для приема дорогого гостя. До скорого свидания.

Твой Д.

Чтение кончено.

Все молчат, всем не по себе, у многих залегла тяжелая дума.

Что это?

— И больше ничего нет, Карл Иваныч, — спрашивает хозяин, — никаких объяснений?

— В связке нет больше писем, — отвечает сразу Карл Иванович.

— Господа, что же это, по-вашему, сказка, бред сумасшедшего? Или, наконец, истинное происшествие? — спрашивает один из гостей. — По некоторым мелочам можно предположить, что место действия — твой замок, Гарри. Неужели у тебя водились вампиры? — продолжает он.

Гарри молчит.

— А почему бы им и не водиться здесь, даже и теперь, раз вы признаете возможности и верите в их существование? — насмешливо вместо Гарри отвечает другой гость.

— Хватили, “даже и теперь”; за кого вы меня считаете, сударь?

И скора готова вспыхнуть.

Зная вспыльчивый характер споривших, капитан Райт быстро вмешивается и говорит:

— Постойте, сам я не был в склепе, но ты, Джемс, спускался и ты, Гарри, тоже. Есть там большой каменный гроб графа, привезенного из Америки?

— Нет, — отвечает Гарри. — У нас есть только церковная запись, что старый граф привезен из Америки и похоронен в фамильном склепе.

— Мало ли графов привезено и похоронено в фамильных склепах, нынче это не редкость, — вмешивается доктор. — И что за идея предполагать, что все эти рассказы приурочены к здешнему замку. Во всех письмах ни разу не говорится, что речь идет именно о замке Дракулы. Подпись Д. может означать и “Друг”, и первую букву от имени “Джеронимо”, а это имя часто уменьшается в Карло. Да, наконец, отсутствует в склепе “знаменитого гроба” — не лучшее ли доказательство вашей ошибки? — продолжал доктор.

— Жаль, нет больше писем, а то, быть может, мы бы и нашли ключ ко всей этой загадке, — промолвил Гарри.

— Вот пустяки, какая там загадка, я скорее склонен думать, что все эти письма — просто ловкая шутка заманить друга к себе на свадьбу, — не унимался доктор.

— Что-то не похоже на шутку, — заметил Джемс.

— А по-твоему, надо верить, хотя бы и в давно прошедшее время, в существование вампиров? Нет, слуга покорный, — раскланялся доктор перед Джемсом. — А теперь прощайте, желаю каждому из вас видеть графию-вампира. Я иду спать, — и доктор, забрав сегодня привезенные газеты, ушел в свою комнату.

Конец первой части

Часть II

Я покончила с ним,
Я пойду к другим,
Чтоб на свете жить,
Должна кровь людей пить.
(Невеста зампира)

I

Время шло.

Наступили темные вечера. Гарри со своими друзьями и гостями давно перебрался из Охотничьего дома в свой замок.

Там все было в порядке. Деньги миллионера преобразили запущенное графское жилище. На дверях и окнах вместо пыли и паутины повисли дорогие кружевые занавесы и шелковые портьеры.

Паркет в зале и картинной галерее блестел, как зеркало, и молодые ноги уже не раз кружились в вихре вальса с воображаемой дамой в объятиях. В других комнатах пол исчез под мягкими, восточными коврами.

На столах, столиках, этажерках появилась масса дорогих и красивых вещей, в большинстве случаев совершенно бесполезных, но как необходимая принадлежность богатой обстановки.

Появились растения, цветы.

Зажглось электричество с подвала до чердаков. Всюду было светло, уютно, весело.

Даже стариные фамильные портреты, покрытые свежим лаком, ожили и смотрели приветливо из своих старых рам.

Красавица в платье с воротником Екатерины Медичи, казалось, была готова не отставать от молодежи в упражнении в танцах. Она, как живая, улыбалась со стены.

Прекрасный рояль, отличный бильярд, масса самых разнообразных игр и занятий наполняли день.

Книги и журналы всего мира не успевались и просматриваться.

Жизнь веселая и беззаботная была ключом. Каждый вечер замок горел огнями, вина лились рекой.

Разбежавшиеся было гости вновь начали съезжаться.

Смерть виконта Рено была забыта.

Неприятное впечатление от чтения писем неизвестного Д. отошло в область сказок, и никто о них не вспоминал.

Все оживились.

Даже капитан Райт, перебравшись в замок, перестал хмуриться и молчать. Напротив, он показал себя интересным собеседником и отличным рассказчиком. Его охотничьи и любовные приключения могли заинтересовать кого угодно.

Хозяин был весел и обещал все новые и новые удовольствия.

Всем очень понравилась мысль устроить бал-маскарад.

Надо было только заручиться согласием соседей и представителей города.

Это оказалось совсем не трудно, тем более что Гарри обещал после обеда сделать визиты и просить на настоящее новоселье.

Балу-маскараду придавался вид шутки. Новая затея внесла и новое оживление в общество. Обсуждались проекты костюмов, выписали портных, материалы. Ежедневно почта и телеграф несли все новые и новые приказания.

Балу предполагали придать индийский колорит. Конечно, раджой, индийским набобом, должен был быть сам Гарри.

Доктор хотел быть брамином, "дважды рожденным". И как знак своего достоинства требовал толстый золотой шнур.

Джемс соглашался изображать одного из сказочных героев Рамаяны.

— А кем будет капитан Райт? — спросил Жорж К.

— Да ему больше всего подходит быть служителем богини Бовами, — сказал доктор.

Большинство в первый раз слышало имя богини Бовами.

Начались расспросы. Бовами, или Кали, считается супругой бога Шивы. Шива — это третье лицо индусской троицы (тримутри). Шива — бог-разрушитель, и на алтарях, посвященных его супруге, всегда должна быть свежая человеческая кровь. Поставкой жертв занимается секта тугов, или душителей.

— Что, как богиня, на алтаре которой никогда не высыхает человеческая кровь? Да это сказки. Вы смеетесь над нами! — слышались голоса.

— Да, но эти сказки многим стоили головы, — ответил серьезно доктор. — Спросите Райта, он и Джемми могут кое-что рассказать.

— Как, капитан Райт, у вас было приключение, которое чуть не стоило вам жизни, и вы молчите...

— Что же, я не прочь, — отозвался Райт. — Только одно условие: не просите объяснения, что это был... сон, гипноз, галлюцинация... Я сам не знаю.

— Что тут не знать! Это правда, — вмешался Джемс. Райт начал.

РАССКАЗ КАПИТАНА РАЙТА

В начале 18... года наш полк стоял недалеко от Дели; как видите, дело происходило в Индии. Нам для постоянства отвели заброшенный храм и сад какого-то местного бога.

Сад был чудесный, полный тени и роскошных цветов. Тропические деревья: пальмы, мусы, чинары — все это переплеталось вьющимися лианами и представляло густую чащу, где змеи и обезьяны спокойно от нас укрывались.

Полковник жил в небольшом бунгало, а нам, офицерам, отвели для помещения самый храм. Что ж, это было недурно.

Толстые каменные стены умеряли жар, а узкие окна давали достаточный приток свежего воздуха.

Мягкие маты и кисейные пологи обещали спокойные ночи.

Изысканный стол с обилием дорогого вина дополнил наше благополучие.

Но мы были недовольны: скука, томящая скука пожирала нас. Полное отсутствие общества, книг, а главное — женщин.

Дели с его городскими удовольствиями хотя и был близко, но ездить туда ввиду неспокойного времени было почти невозможно: требовалось разрешение командира, а отпуск давался неохотно и на срок.

Мы сильно скучали.

Крупная картежная игра, излишество в вине, соединенные с непривычной жарой, расстраивали наши нервы и воображение.

Рассказы достигали такой фантастичности, что оставалось только молчать и верить.

В самый разгар скуки нас посетил один из старожилов Индии, бывший офицер, теперь богатый плантатор и зять одного из раджей.

Он приехал по делу к командиру полка, но общество офицеров так просило его оставаться на сутки и принять от него товарищеский ужин, что он наконец согласился.

К вечеру главный зал храма был приспособлен для пиршства.

Если стол и не ломился под тяжестью хрустала и серебра, то вся окружающая обстановка по крайней мере имела сказочно-поэтический вид.

Стены помещения были разрисованы фантастическими чудовищами: огромные слоны, пестрые тигры, зеленые змеи и между ними прелестные женщины в самых сладострастных позах. А вокруг фигур — тропическая растительность, где первое место занимали цветы лотоса.

Краски были яркие, свежие, так что при мерцающем свете свечей весь сказочный мир жил и двигался.

Впечатление жизни еще усиливалось тем, что изображения были нарисованы не на гладких стенах. Одни прятались в глубоких нишах, другие ярко выступали на огромных колоннах, поддерживающих потолок храма.

У северной стены находился мраморный пьедестал, тут когда-то стояла статуя Бога, теперь пьедестал пуст.

Пиршество началось обильной выпивкой. Когда ужин подходил к концу, гость наш, до сих пор занятый паштетами, маринадами и вином, в первый раз внимательно взглянул на стены. Он вдруг побледнел и замолчал.

— А у вас, полковник, не пропадают люди? — спросил он внезапно.

Вопрос показался странным.

— За все время мы потеряли трех человек. Двух унесли тигры, а один, как думают, утонул, — ответил полковник.

— Ну, это еще милостиво! — как бы про себя сказал гость.

Ужин или, вернее, попойка продолжался дальше.

Скоро языки окончательно развязались.

— Господа, знаете ли вы, где мы пируем? — неожиданно сказал гость. — Это храм богини Бовами, — продолжал он, — самой кровожадной богини Индии. Она самая прекрасная из женщин, но алтарь ее должен всегда

дымиться свежей человеческой кровью: будь то кровь иноземца или своего фанатического поклонника. Не так давно здесь происходили чудовищные оргии. В то время, когда у ног богини, истекая кровью, лежала принесенная жертва, баядерки, служительницы храма, прикрытые только собственными волосами да цветами лотоса, образовывали живой венок вокруг пьедестала. Они тихо двигались, принимая различные позы; то свивали, то развивали живую гирлянду голых тел. Тихая, сладострастная музыка неслась откуда-то из пространства... Она не заглушала стонов умирающего, а, напротив, аккомпанировала им. Одуряющий запах курений обволакивал все сизыми облаками. Наконец страдалец исpusкал последний вздох, музыка гремела торжественно и победно. Танец баядерок переходил в беснование. Огни тухли. Все смешивалось в хаосе.

Все это приезжий говорил беззвучно, смотря в одну точку, точно в забытьи.

Он замолк.

Наступила тишина. Точно кровавые тени жертв, здесь замученных, пронеслись над пирующими...

Затем посыпались вопросы:

— Откуда вы знаете, что этот храм был посвящен Бовами?

— А вы сами присутствовали на ее мистериях?

Гость выпил стакан сельтерской воды и как-то сразу отрезвел. Натянуто улыбаясь, он ответил всем в один раз.

— Господа, не забывайте, что после вашего прекрасного вина остается только пропеть:

“Ври, ври, да знай меру!”

В ответ раздался дружный хохот.

Разговор перешел на культ Бовами. Нашелся еще старожил Индии, подтвердивший существование кровавого культа.

— Я только слыхал, — сказал он, — что главное служение происходит в подземельях храмов, а жертв доставляет secta, тугов или душителей. Говорят еще, что в подземельях есть особые помещения, в которых держат живыми запасные жертвы и по мере надобности закалывают их у ног идола.

— Да. в Индии все храмы имеют свои подземелья, известные только жрецам, и нет ничего удивительного,

если там существуют и тюрьмы, — сказал кто-то из офицеров.

— Что подземелья, что кровавая богиня, вот бы сюда десяток-другой молодых баядерок, да еще в костюмах из лотоса! — мечтал молодой прапорщик.

— Ну, этого-то добра всегда довольно, было бы золото, — возразил старожил.

— Вот капитан Райт у нас самый богатый, за деньгами бы он не постоял! — кричал прапорщик.

Я вынул полный кошелек золота и, помахивая им, смеясь, проговорил:

— За пару баядерок. Кто больше?

Вид золота напомнил о картах. Живо составились партии, и игра началась.

Мы с Джемсом отказались и вышли под колоннаду храма в сад. Бронзовый слуга-индус принес нам сигары. Мы закурили.

— Знаете, Райт, в эти сигары что-то подмешано, — говорит Джемс.

Я и сам чувствую какой-то особенно приятный вкус. А главное, после каждой затяжки в голове шумит и куда-то тянет; хочется, а чего — и сам не знаешь. Любви, страсти, приключений. Кровь толчками приливает к сердцу.

Мы сидим в глубоких креслах. В двух шагах от нас начинается непролазная стена деревьев. В темноте блестят два глаза... Они смотрят на меня... Не тигр ли? — проносится в мыслях.

Нет. Это человек. Вернее, скелет, обтянутый темно-бронзовой кожей, вся одежда которого состоит из лоскута бумажной материи вокруг бедра. Лицо окаменелое, только глаза блестят и живут.

— Кошелек, баядерки, тайна, — шепчет он, наклоняясь близко ко мне. Тем не менее Джемс слышит, хватает меня за руку и говорит:

— Идем, идем!..

Кошелек в ту же минуту в руках соблазнителя. Он прикладывает палец к губам и делает знак следовать за ним.

Мы ныряем в узкий проход между стеной храма и кустарником. Затем входим в храм по боковому входу. Отсюда нам слышны голоса наших друзей, и при плохом освещении можно разобрать, что мы позади внутренней колоннады.

Таинственный спутник нажимает невидимую пружину, и большой хобот слона тихо-тихо поднимается, а под ним узкая дверь и крутая лестница вниз. Лестница вьется все ниже и ниже... Мы в темном коридоре. Где-то вдали мерцает светлая точка.

— Тише, — шепчет проводник, и мы скользим, как привидения.

— Ждите, — вновь шепчет он, и мы остаемся одни. Воздух подземелья, пропитанный запахом пряностей, еще больше кружит нам головы.

Время идет, мы теряем терпение.

А свет впереди так заманчиво мерцает.

— Вперед, вперед, — коридор тянется бесконечно, но вот и зал. Огромный, темный, сколько ни всматриваешься направо и налево — видишь только лес колонн, сооруженных из черного гранита и украшенных золотым рисунком.

Проходим.

Перед нами занавес, тяжелая золотая парча стоит как стена. Наверху круглое отверстие, из которого идет свет, видимый из коридора и который чуть-чуть освещает зал.

— Вперед! — Мы за занавесом и стоим ослепленные. Стены из розового, прозрачного сердолика, из них, или через них, льются волны розовато-желтого света; с потолка идут голубые волны эфира и, смешиваясь с розовыми, дают небывалый эффект.

Что-то волшебное. На полу пушистый шелковый ковер, усыпанный белыми свежими цветами лотоса.

Перед нами небольшое возвышение, пьедестал, и на нем стоит женщина неземной красоты. Она совершенно голая. Черные густые волосы подобраны сначала кверху, а потом заплетены в четыре толстые косы. На голове корона в виде сияния из самоцветных камней. Две косы висят по обе стороны лица, как рама, и спускаются на пышную грудь; две другие косы висят вдоль спины. Ожерелье и пояс на бедрах также из самоцветных камней. Лодыжки ног обвиваются изумрудно-сапфировые змейки, положив головы на ступни.

В руке у нее голубой лотос.

Драгоценные камни ее наряда блестят и переливаются, но лучше их блестят черные большие глаза. Это чудные, огромные звезды! Коралловые губки плотно сжаты.

Линии лица и тела так чисты, так безукоризненны, так прекрасны!

— Кто ты, прекрасная из прекрасных? Будь ты небожительница или исчадие ада — мы твои верные рабы. — И под влиянием опьянения становимся на колени.

Чудное видение улыбнулось и, тихо скользя, приблизилось к нам. Белая ручка поднялась, и голубой лотос прикоснулся к левому плечу каждого из нас. В ту же минуту мы потеряли сознание.

Нас привел в себя адский шум, визг, стоны, завывания. Мы лежим связанными посреди зала с черными колоннами, и кругом нас беснуются желтые дьяволы. В них мы без труда узнали индийских фанатиков, факиров: нечесаные, всклокоченные волосы, испитые лица, тела факиров в клубах черного дыма, они были истинными представителями ада.

— Богиня оскорблена! Жертву, жертву, да льется кровь нечестивцев! — можно было разобрать среди визга и стона.

Нас повлекли куда-то. Наступила полная тьма.

Опять замелькали факелы, и скоро свет их позволил разглядеть другую картину.

Ужас сковал нас! Перед нами страшная богиня Бовами... Сомневаться мы не могли.

Грубо высеченный из темного мрамора истукан-женщина. На черной шее у нее ожерелье из белых человеческих черепов; пояс состоит из бахромы ног и рук — тут есть черные, желтые и белые, большие и маленькие, видимо, руки детей и женщин. И все они свежие, не успевшие еще разложиться!

Огромная ступня богини попирает человеческую голову, и в этой голове мы узнаем голову нашего солдатика, якобы унесенного тигром, из израненного тела бегут струйки крови, омывая подножие кровожадного идола. Тело еще содрогается последними судорогами.

— Жертву, жертву, — кричат кругом, и через мгновение мы совершенно обнажены.

Смерть неизбежна.

Но какая смерть! Бесславная, постыдная, у ног омерзительного истукана, от ножа фанатика!

Судьба.

Мы лежим рядом: я грызу потухшую сигару. Джемс молчит.

К нам подходит высокий худой брамин. На голове золотой обруч, белая одежда в виде хитона подпоясана шнурком, в руках широкий жертвенный нож.

Закрываю глаза.

Вдруг наступает мертвая тишина. Жрец, с высоко поднятой рукой, в которой зажат страшный нож, откинулся назад, на лице изумление и страх. Еще минута, и нож со звоном падает на пол:

Жрец, а за ним и все остальные встают на колени с криком: "Избранники, избранники!"

Нас осторожно поднимают, развязывают, завертывают в мягкие шелковые одежды и несут прочь.

Вот мы на ложе из душистых лепестков роз, вокруг носятся волны курений. Музыка сладостно звучит.

Перед нами прежняя красавица, но при блеске огней мы видим, что это не живая женщина, а статуя.

Кругом нее целый хоровод прекрасных молодых женщин: это баядерки храма. Ноги и руки украшены браслетами, звон которых мелодично звучит в ушах. Одежда их только из одних тонких цветных покрывал еще больше усиливает впечатление наготы.

Они пляшут, они подходят к нам и подают янтарные кубки с питьем. Как вкусно, как освежительно оно! Это напиток богов.

Нас окружают, ласкают, увлекают в танцы. Нам вновь подают вино, дарят поцелуями...

— Господин капитан, господин капитан!

Открываю глаза. Передо мной вестовой.

— Господин капитан, приказ от командира, — и он подает мне пакет.

Не могу опомниться, сажусь.

День. Моя спальня. Вот и гамак Джемса: он спит спокойно. Открываю пакет: приказ о выступлении через несколько часов.

Наконец соображаю: сон.

— Джемс, Джемс, выступление, вставайте, пора! — бужу я товарища.

Джемс вскакивает и изумленно смотрит на меня.

— Фу ты, черт, ведь это сон! — наконец произносит он. — Наверное, сигары вчера были с опиумом, ну и сыграли они со мной шутку!

Я начинаю расспрашивать.

Джемс рассказывает мой сон.

И когда в середине я его перебиваю и продолжаю рассказ, он стоит с открытым ртом от удивления и спрашивает, откуда я знаю его сон. Дело мало-помалу выясняется; мы видели один и тот же сон до мельчайших подробностей.

Вопрос: возможно ли это?

Наскоро отдав приказание готовиться к походу, мы бросились осматривать стену храма, ища боковой ход. Но стена была совершенно гладкая, не только хода, даже трещины не было.

Осмотрели храм изнутри за колоннами.

— Ну а ваш кошелек? — вспомнил Джемс.

Ищу в карманах, на столе, всюду — нет. Спросили денщика, и он подал пустой кошелек, поднятый в зале пиршества одним из слуг.

Вскоре забил барабан, и пришлось оставить храм, сделавшийся для нас очень интересным.

Капитан Райт замолчал.

— И это все? — спросил кто-то из гостей разочарованно.

— Все или почти все, — ответил Райт. — Только через месяц, купаясь в море, мы увидели с Джемсом друг у друга вот это, — и он, сбросив тужурку, отворотил рукав рубашки.

Все присутствующие увидели на белом плече татуированный рисунок лотоса.

Рисунок безукоризненно изящен и прекрасного голубого цвета.

— Вы нас мистифицируете, капитан? — спросил старый гость.

— Помните условие: не просить объяснений, — отрезал сухо Райт и этим прекратил всякие расспросы.

II

Наступил день маскарада.

С утра все, и гости и слуги, в хлопотах и волнении.

Хотя ночь предвидится светлая, так как наступило полнолуние, но все же в саду развесаны фонари и расставлены плошки.

Залы, и без того блестящие и нарядные, украшены зелеными гирляндами. Темная зелень дубов и елей еще ярче оттеняет белое электрическое освещение.

Во многих комнатах под тенью тропических муз, пальм и магнолий устроены укромные поэтические уголки.

Буфеты ломятся под тяжестью изысканных закусок и вин.

Маленькие киоски в виде индийских пагод, с шампанским, фруктами и прохладительными, разбросаны всюду.

Над главным дамским буфетом красиво спускается флаг Америки. Голубое шелковое поле заткано настоящими золотыми звездами.

Зимний сад по приказу Гарри только полуосвещен, и для прохлады в нем открыты окна.

Смитт и Миллер летают вверх и вниз, устраивая и отдавая последние приказания прислуге и музыкантам.

Кухни полны поваров и их помощников.

Гости тоже в волнении; каждый занят своим нарядом. Оказывается, у одного все еще не доставлен костюм из города; у другого оказались узкими сапоги; доктор ворчит, что золотой шнурок "дважды рожденного" недостаточно толст. Парикихеры и портной завалены просьбами, их рвут на части...

Гарри тоже озабочен: он примеряет костюм набоба. Райт сидит перед ним в кресле с сигарой, а Джемс с усердием хлопочет возле Гарри.

— Отлично, отлично, ты настоящий раджа! Теперь бы вокруг тебя штук десять "нотчей", индусских танцовщиц, — восклицает он.

— А по-моему, не мешало бы побольше бриллиантов и вообще камней на тюрбан и на грудь, — говорит Райт.

— Это правда, — соглашается Гарри, — но где их взять теперь?

— Постой, ты, Гарри, не открывал шкатулку, что стояла на шифоньере, в комнате умершей невесты, помнишь, ту, что мы видели в первый день приезда в Охотничий дом? — спросил Джемс. — Она была тяжела, и в ней, вероятно, дамские украшения.

— А ведь ты, пожалуй, прав, Джемми, пошли сейчас же за ней Смита.

Сказано — сделано.

Смит отряжен, через полчаса шкатулка привезена. Что за чудная, тонкая работа!

Но молодым людям не до красот шкатулки: они спешат открыть ее. Но открыть нельзя: крышка крепко сидит на своем месте, нет и признаков замка.

Гарри вертит ее из стороны в сторону.

— Какая досада, что я раньше не подумал о ней и не призвал мастера, — сожалеет он.

— Ну, мастер-то едва ли бы что тут сделал: замка ведь нет, — говорит Райт и, в свою очередь, вертит шкатулку.

— Постой, постой, дай мне! — перебивает Джемс и берет ящик.

Он нажимает что-то, и крышка с мелодичным звоном открывается. Ура!

Увлеченные костюмом, ни Гарри, ни Райт не обратили внимания на то, что Джемс так легко открыл шкатулку. Им не пришло в голову спросить его, откуда он знает секрет замка.

Сам же Джемс только слегка сдвинул брови, что у него было признаком запавшей думы.

В шкатулке несколько отделений-этажей, и все они наполнены дамскими украшениями старинной художественной работы: тут кольца, браслеты, серьги, ожерелья и прочее, и все лежит на своих местах-вымеках.

Порядок образцовый.

В одном из средних отделений не хватает ожерелья из каких-то кораллов или бус. Осталась пустая ложбинка с ямочками. Да в нижнем этаже такая большая пустота. Трудно определить, что тут лежало... Скорее всего, что большой дамский гребень.

На месте его лежит тоненькая тетрадка, исписанная женским почерком.

Друзья ее раскрывают и не знают, на каком языке она написана.

— Должно быть, по-итальянски, — решает Джемс.

— Это дадим перевести Карлу Ивановичу, а теперь пора выбирать подходящие украшения, — спешит Гарри и кладет тетрадку на место.

Украшения выбраны, и наряд набоба сразу выиграл вдвое.

Это в самом деле набоб, богач, увешанный драгоценностями, как индусский идол.

Вечер. Близко полночь. Бал удался на славу! Залы переполнены гостями.

Множество дорогих и интересных костюмов. Шелк и бархат всех цветов и оттенков. Кружева, ленты, бриллианты...

Вот гордая венецианская драгаресса в жемчужной шапочке и с длинным парадным шлейфом, который несет голубой паж.

Вот благородная испанка в черных кружевах и с огромным красным веером.

А вот маленькая японская мусмэ в расшитом цветами и птицами халатике.

Здесь турчанка в шелковых шальварах и белой воздушной чадре.

А сколько боярынь, боярышень, полек, румынок и даже китаянок!

Кажется, все нации мира прислали своих лучших представительниц на этот пир.

Между костюмами мужчин преобладают домино.

Музыка гремит. Танец сменяет танец.

Хозяин, хотя и под маской, но всеми узнанный по богатству костюма раджи, внимателен и приветлив со всеми.

Всюду разбросанные буфеты-пагоды с шампанским, дорогими винами и фруктами не успевают удовлетворять желающих.

Уютные уголки под тенью пальм и муз, где розоватый или голубоватый свет фонарика располагает к излияниям любви, скрывают счастливые парочки.

Джемс, Райт и даже сам доктор ухаживают вовсю. Каждый выбрал даму по своему вкусу.

Вскоре после полуночи хозяин входит в главный зал под руку с новой гостьей.

Между публикой пробегает шепот одобрения. И правда, более красивой пары не найти.

Но кто она?

Раньше ее не видели, не заметить же ее было невозможно. Она так хороша!

Высокая стройная фигура, маленькая головка с пышными черными локонами, подобранными под большой гребень. Тонкое венецианско кружево заложено за не-

го и прикрывает собою лицо, вместо маски, до самых глаз.

Глаза открыты. Большие, черные, полные неги и страсти. Под кружевом можно рассмотреть правильные черты лица, коралловый ротик с белыми острыми зубками.

Незнакомка одета в голубое шелковое платье: материя старинная и фасон средних веков. На шее у ней нитка розовых кораллов. У корсажа пучок пунцовых роз. На пальцах дорогие кольца.

Она идет по залу с видом владелицы замка, едва отвечая на поклоны.

В глазах ее властная, притягательная сила.

Гарри совершенно очарован своей дамой. Он проходит с ней все бальные залы и подходит к главному буфету.

Но на все предложения любезного хозяина незнакомка отрицательно качает головкой.

Умоляя ее отпить из бокала шампанского, Гарри берет ее за руку.

— Боже, какая холодная ручка. Вам холодно! — и он торопливо отдает приказание затопить камин у себя в кабинете.

Кабинет, спальня и уборная хозяина — почти единственные комнаты в этом этаже, закрытые для гостей.

Музыка играет веселый вальс.

Гарри делает несколько турсов со своей дамой. Она танцует превосходно, точно скользит по полу, отдаваясь в объятия своего кавалера.

— Довольно, — шепчет она, и Гарри тотчас же останавливается.

Джемс на другом конце зала занят усиленным флиртом с маленькой испанкой в желтой шелковой юбке; он в это время поднимает голову, и взгляд его падает на красавицу рядом с Гарри.

Он слегка вскрикивает, и веер, который он выпросил у своей дамы, со стуком падает к ее ногам.

Кое-как проговорив “извините”, Джемс бросается через зал к Гарри, но пока он пробирается между танцующими, пара исчезает.

Он хочет бежать дальше... Рука Райта его останавливает.

— Джемми, что с тобой? Ты бледен, как мертвец, — говорит капитан.

— Но это она, она, я узнал ее, пусти меня, — вырывается Джемс.

— Нет. Кто “она”, говори, — властно приказывает Райт.

— Та, в голубом платье, из Охотничьего дома.

Райт вздрагивает и бледнеет, в свою очередь.

— Где она? — тревожно спрашивает он.

— С Гарри под руку, с Гарри, надо его предупредить; я чувствую сердцем, ему грозит опасность, — взволнованно твердит Джемс, порываясь бежать.

— Да, ты прав: надо искать, надо узнать, кто она? — решает Райт.

Они обегают все залы, невежливо толкая танцующих, нахально заглядывают в уютные уголки, прерывая жаркие признания. И уже готовы спуститься в сад, как Райту приходит на ум спросить камердинера: “Где господин хозяин?”

— Мистер приказал затопить камин в кабинете; вероятно, он там, — отвечает Сабо.

— Идем туда!

IV

Между тем Гарри, окончив вальс, повел свою даму к двери кабинета.

— Я сейчас вас согрею, — шептал он, — там топится камин, и никто туда не войдет.

Его тешила мысль оставаться наедине с красавицей и упросить ее снять кружево с лица.

Лакей распахнул перед ними двери кабинета.

“Сейчас я увижу ее рядом с собою — подумал Гарри, — зеркало висит как раз против двери”.

Они входят. Что за странность: Гарри видит себя в зеркале, но одного; рядом нет ничего; видно только, как лакей закрывает дверь.

Прежде чем ошеломленный Гарри мог что-либо сообщить, спутница увлекает его на низенький диван, кладет себе под руку мягкую подушку. Она это делает с таким видом, точно бывала не раз в этой комнате.

Грациозным движением вытаскивает розовую сердоликовую булавку и откладывает кружево.

Если через кружево она казалась красавицей, то теперь она стала еще лучше.

Гарри позабыл весь мир: он соскальзывает с дивана на ковер к ногам красавицы и кладет голову на ручку дивана.

Дама наклоняется низко-низко; Гарри чувствует одуряющий запах лаванды и неизъяснимую сладкую истому. Глаза сами собой закрываются.

Он сознает, как сквозь сон, что холодные пальчики с острыми ногтями ищут расстегнуть ворот его костюма.

Вдруг дверь с шумом открывается: это Райт и Джемс, вопреки настоянию лакея, входят в кабинет.

Женщина поднимает голову, и взгляд, полный злости и ненависти, на минуту останавливает молодых людей.

Она встает, а Гарри безжизненно падает на ковер. Он в глубоком обмороке.

Райт бросается к незнакомке, чтобы задержать ее; но уже поздно. Она у двери, портьера скрывает ее.

Друзья, не зовя слуг, освещают и обыскивают все: спальню, уборную — никого. Все двери заперты и заложены изнутри.

Гарри кладут на диван и приводят в чувство. Первое его слово о красавице.

Райт старается уверить его, что он ошибся, что душный воздух зала был причиной его обморока.

— Полноте, я отлично все помню. Она была здесь; вот и подушка, на которую она опиралась; вот и ямка от локтя; затем он быстро согибается, что-то поднимает и с торжеством, показывая сердоликовую булавку, восклицает:

— А это что? Вы и теперь будете отрицать ее существование! И какая у вас цель? — и ревность, горячая ревность загорелась у него во взгляде.

— Полно, Гарри, только не это! — вскрикивает Райт.

— Мне одно странно, — продолжает Гарри, — когда мы вошли, я не видел ее в зеркале, хотя она и была рядом со мной.

При этих словах Джемс вздрагивает и испуганно смотрит на Райта.

— Все это мы разберем после, а теперь нельзя оставлять гостей одних, — благородно замечает капитан.

Гарри послушно поднимается, и все выходят из кабинета.

Джемс берет капитана под руку и шепчет ему:

— А мне эта история не нравится; тут что-то неладно... И не помню, где я ее видел, что видел — это несомненно.

— А заметил ты странность, — продолжал Джемс, — в спальне Гарри на обеих стенках его кровати есть знак пентаграммы? Видел ты его?

— Пентаграммы? Ты хочешь сказать о том каббалистическом знаке пятигранной звезды, что, по преданию, в средние века употребляли как заклинание против злых духов?

— Ну да, — подтвердил Джемс.

— Неужели Гарри сам велел их приделать к спинкам? Я ясно рассмотрел; они не входят в рисунок кровати, а помещены сверху.

— Не вижу тут ничего особенного, — сказал спокойно Райт. — Знак пентаграммы, видимо, почему-то был любим бывшим владельцем замка. В вещах, перешедших к Гарри по наследству, он часто встречается, и я видел золотую цепь, на которой висит знак пентаграммы из чистого золота, усыпанный бриллиантами. Вещь в высшей степени художественная, и Гарри сказал, что она нравится ему больше всех остальных вещей и что носить ее он будет охотно.

— Райт, мне необходимо сегодня же говорить с тобою, — заявляет Джемс.

— Хорошо, когда проводим гостей. Смотри, к тебе идет твоя испанка.

— А ну ее к черту, не до того теперь! — ворчит Джемс.

Веселье, ничем не нарушающее, царит в залах; гости по-прежнему танцуют, пьют, любезничают. Только хозяин стал холоднее; он не замечает ни страстных взглядов, ни вздохов, ни милых улыбок, которыми щедро дарят его красивые и некрасивые особы женского пола.

Он молча бродит по комнатам.

Красавица в голубом платье как внезапно появилась, так внезапно и исчезла, унеся с собою и веселье хозяина.

Джемс тоже потерял охоту к флирту. Он хотя и ходит под руку со своей дамой и говорит любезности, но, видимо, думает о другом и сильно озабочен. Испанка, не зная, как вернуть к себе внимание своего кавалера, предлагает пройтись по саду.

Они спускаются. Сад красиво освещен, но довольно свежо, и публики немногого.

Подходят к обрыву. Долина залита лунным светом, под ногами блестит озеро.

— Как странно, — говорит испанка, — погода ясная, а по скале тянется полоса тумана.

И правда: с середины горы, кверху, поднимается столб белого светящегося тумана: он ползет выше и выше и пропадает в соседних кустах.

— Если бы не была с вами, — шепчет нежно испанка, прижимаясь к Джемсу, — я бы боялась этого тумана: в нем точно кто-то есть.

Как будто в подтверждение ее слов из кустов выходит женщина в белом платье и легкой походкой направляется в замок.

Джемс и слегка испуганная испанка следуют за ней.

“Кажется, я не видел еще этой маски, — думает Джемс, — и она хороша, не хуже “той”.

В зале белую фигуру тотчас же окружает рой кавалеров и увлекает в танцы.

Белое легкое платье, как облачко, носится по залу. Золотистые локоны рассыпались по плечам, и их едва сдерживает венок из мертвых роз. Лицо плотно укутано газом, только большие голубые глаза ясно и ласково осматривают всех.

Маска имеет большой успех.

Но больше всех за ней ухаживает молодой корнет Визе, одетый словаком; он, как тень, следует за ней всюду. Да и сама она, видимо, выказывает ему предпочтение.

Так что понемногу кавалеры отстают, и словака с белой дамой предоставляют друг другу.

V

Начинается разъезд.

Гарри стоит наверху лестницы, откланиваясь и благодаря. Он уже без маски.

Залы мало-помалу пустеют. Огни гаснут.

По комнатам быстро проходит молодой человек в костюме пажа и спрашивает лакеев, не видели ли его товарища, корнета Визе, в костюме словака — белая, широкая, с открытым воротом рубашка.

Одни не видели, другие заметили, как он проходил с дамой в белом платье, с цветами в волосах, но где сейчас, не знают.

Паж еще раз пробегает темные уже залы. Визе нет.

“Амурничает в зимнем саду!” — проносится в голове товарища, и он спешит туда.

В саду все погашено, и он освещен только светом луны через огромные зеркальные стекла.

При изменчивом и неверном свете предметы принимают какие-то неясные и сказочные очертания. Листья пальмы образуют хитрый узор; темный кактус выглядит чудовищем; филодендрон протягивает свои лапы-листья и точно хочет схватить; вот там в углу, под тенью большой мусы, точно раскинулось белое, легкое платье; а здесь от окна, по песку, тянется белая полоса, точно вода.

— Визе, тут ли ты? — окликает паж.

Тихо. Фу, как тут сырьо, думает паж, и в самом деле, из темного угла к дальнему открытому окну плывет полоса тумана. Она колеблется и от ветра и лунного света странно меняет очертания; в ней чудятся то золотистые локоны, то голубые глаза. Туман упливает в окно.

— Визе! — еще раз окликает паж.

Из-под листьев большой мусы раздается стон. И то, что паж принял за белое дамское платье, оказывается белым костюмом словака.

Визе лежит на полу и болезненно стонет.

— Что с тобой? — отвеча нет.

Испуганный паж бросается в комнаты за помощью и возвращается в сопровождении доктора, Райта и слуг. Приносят свечи.

Визе поднимают и усаживают на садовую скамейку. Он бледен и слаб.

На участливые расспросы товарища вначале он молчит, а потом рассказывает какую-то сказку. Он много танцевал, много пил, затем устал и пошел отдохнуть в зимний сад вместе с дамой в белом платье.

Тут он объяснился ей в любви, и она дала согласие на поцелуй.

Газовый шарф был снят. Но, когда он наклонился к ее лицу, она так пристально смотрела ему в глаза, что он растерялся и не мог двинуться с места.

Дама закинула назад его голову и укусила в горло.

Но ему не было больно, а, напротив, такого наслаждения он никогда не испытывал!

С помощью товарища Визе поднялся и, раскланявшись, уехал в город.

— Натянулся паренек-то изрядно! — пошутил доктор.

Когда отъехал последний экипаж, то на востоке уже показались первые лучи солнца.

Все были так утомлены, что через час замок крепко спал.

Джемс, желавший немедленно говорить с Райтом, похрапывал так же исправно, как и сам Райт.

VI

На другой день вечером все общество собралось в столовой.

Гарри был угрюм, несмотря на целую кучу писем и визитных карточек, выражавших благодарность и восхищение за вчерашний роскошный праздник.

Несколько более знакомых лиц явилось лично благодарить его.

— А слышали новость? — спросил вновь вошедший аптекарь, не успев даже и поздороваться, — умер скоро-постижно корнет Визе. Я был у него.

— Как, что, расскажите! — послышались просьбы.

Довольный общим вниманием, аптекарь начал:

— Вчера на балу с Визе был обморок.

— Обморок? А я и не знал, — сказал Гарри.

— Да, его товарищ корнет Давинсон нашел его без чувств в зимнем саду, — продолжал аптекарь. — Визе был выпивши и бормотал какую-то чушь. Но потом он оправился, и они прямо с бала поехали в лагерь в офицерскую столовую. Там обильно позавтракали. Визе был здоров, хотя и очень бледен. Собирались к часу ехать в город с визитами, но вдруг в 12 часов Визе объявил, что он так устал и так хочет спать, что не в силах держаться на ногах. И правда, он очень ослабел, так что только с помощью Давинсона добрался до своей палатки и упал на постель. Больше не суждено ему было с нее встать. Перед вечером денщик нашел его мертвым. Лицо спокойное, даже радостное, а в кулаке зажата поблекшая мертвая роза-ненюфар. Надо думать, дорогое воспоминание прошедшего бала, — ораторствовал с азартом аптекарь.

Все жалели покойного: корнет Визе был еще так молод!

Многие, в том числе и Гарри, спрашивали, когда похороны, и тут же условились поехать отдать последний долг усопшему.

Только Джемс и Райт угрюмо молчали...

Закутив сигары, они откланялись обществу и вышли в сад на обрыв.

— Ну что? — первым прервал молчание Джемс.

Райт молчал.

— Не прав ли я был, когда говорил, что дело неладно? Я едва ли ошибусь, если скажу, что участь Визе грозила вчера и Гарри.

Райт все молчал.

— Что ты молчишь, как истукан! — вспылил Джемс.

— Что ты пристал ко мне! Я ничего не понимаю в этой чертовщине, — огрызнулся Райт.

— Не сердись, голубчик, подумай, что нам делать, — просил взволнованно Джемс.

— Если б это были команчи или туги — дело другое, а тут я ничего не понимаю, — хмурясь, ответил Райт.

— Я ее видел, но где, когда? А видел, видел, — не унимался Джемс.

— Ты говоришь “она”, а кто она? Дама в голубом платье, а что мы можем о ней сказать?.. Видение в Охотничьем доме и вчерашняя маска. Да, быть может, это совпадение! А если предположить, что мы видели ее призрак прежде, чем увидели ее саму. Разве ты не знаешь: “Есть многое на свете, друг Горацио, чего не снилось нашим мудрецам!” — задумчиво говорил Райт. — Но где тут опасность? — как бы про себя продолжал он.

— Где опасность? Вот в том-то и вопрос! А что опасность есть, то это я чувствую, чувствую, — горячо убеждал Джемс.

— Да еще бы тебе не чувствовать опасности или преступления, на то ты и Шерлок Холмс, — засмеялся Райт.

— Ладно, посмотрим, кто будет смеяться последним! — сердито проворчал Джемс и, резко повернувшись, ушел в дом.

Райт еще долго сидел на краю обрыва, куря сигару за сигарой, машинально следя за колечками дыма. Тяжелое предчувствие томило его сердце.

После бала прошла неделя. Веселая жизнь в замке плохо налаживалась.

Гарри с утра до вечера делал обещанные визиты, что очень утомляло и раздражало его.

Райт молчал, как истукан, а Джемс, всегда веселый и живой Джемс, просто переродился. Целые дни он сидел у себя в комнате, обложенный книгами и словарями. Причем он тщательно скрывал свою работу.

Только один Карл Иванович имел доступ в его комнату. Да и вообще за последнее время Джемс очень сдружился со стариком и много ему помогал в разборке архива и библиотеки.

Таким образом на доктора и Смита упала вся забота о веселье замковых гостей. Они усердно устраивали облавы на коз и зайцев; ездили с гостями на вечерние перелеты уток; травили лисиц... и все по обыкновению кончалось обильными ужинами и вином, но все это было не то, не прежнее.

Рассеянность и какая-то нервность хозяина были налицо.

Доктор часто ворчал себе под нос:

— И что это с Гарри, влюбился, что ли, он на балу? Да в кого? Говорят, была какая-то красавица в голубом платье. Не она ли? — соображал толстяк.

Был у доктора и пациент — молодой поденщик, но он не доставил много хлопот: захворал ночью, а к закату солнца умер.

На вопрос Гарри о причине смерти доктор ответил:

— А черт его знает, точно угас!

В деревне также было два случая смерти и также почти внезапной.

Но так как умирали люди бедные, то никто на это и не обратил внимания.

В обоих случаях Джемс и Карл Иванович лично вызвались отнести помочь, пожертвованную Гарри.

Угнетенное состояние духа хозяина замка заразило, наконец, и гостей. От охоты и поездок понемногу начали отказываться или уклоняться.

Доктор выходил из себя, не зная, как развлечь общество. Он предлагал то то, то другое; устраивал кавалькады, карты, игру на бильярде, но все было тщетно.

Он зорко следил за малейшими желаниями и нуждами гостей.

— Что с вами, — обратился он однажды к молоденькому мальчику Жоржу К., — вам что-то нужно, не стесняйтесь.

— Я бы хотел другую спальню, — стыдливо сказал мальчик.

— Почему? — осведомился доктор.

— Видите ли, моя... моя очень холодна, — сказал, краснея, Жорж.

— Холодна? Летом? — удивился доктор, но видя, что Жорж покраснел еще больше, проговорил: — Хорошо!

Вечером он увел Жоржа к себе в комнаты и начал расспрашивать.

— Вы не стыдитесь, мой милый, доктору, что духовнику, все можно сказать.

— Ах, доктор, как я вам благодарен, но мне, право, неловко, — бормотал мальчик.

— Смелее, смелее, я курю и на вас не смотрю, — шутил доктор.

— Еще там в деревне, в гостинице, она приходила ко мне, — начал Жорж.

— Кто она?

— Она, красавица с черными локонами и большим гребнем.

— Ну, дальше. Ну, дальше, — поощрял доктор.

— В Охотничьем доме она опять была у меня и оставила голубой бант, вот этот, — и Жорж вынул из кармана голубой шелковый бант.

Доктор взял его и, рассмотрев, весело захохотал:

— Жорж, милый, да ведь это тот самый бант, который наш повеса Джемми преподнес вам в день осмотра замка. Припомните.

— Но я же бросил его, — пробормотал мальчик.

— Что из этого, кто-нибудь из слуг видел шутку Джемми и отнес бант в вашу комнату. У нас очень строго следят за чужими вещами, — проговорил доктор, — мистер Гарри в этих случаях неумолим.

— Не знаю... быть может... вы и правы, доктор, но... — и Жорж замолчал.

— Ну, а еще видели вы ее?

— Да, видел.

— Как, где, когда? — торопил доктор.

— Вчера, в моей спальне. Она еще больше похорошела и говорит, что любит меня и даст мне счастье, — совсем застыдившись, проговорил Жорж.

Доктор молчал.

— Она даже обняла меня и хотела поцеловать, но потом раздумала и спросила, зачем я ношу вот это, — и при этих словах Жорж показал черные мелкие четки с крестиком. — Это благословение бабушки: она привезла их из Рима, — пояснил он. — А еще она пообещала подарить мне розу.

— А потом что было? — спросил заинтересованный доктор.

— А потом... потом я уснул, — сказал конфузливо Жорж. — Мы так много играли в этот день в лаунтеннис, и я был очень уставшим, — прибавил он.

— Знаете, Жорж, ложитесь сегодня у меня в кабинете на кушетке, на которой сидите. Спальня у меня рядом и дверей нет, а только одна портьера. Так что мы, не стесняя один другого, будем спать как бы в одной комнате.

Жорж, видимо, с радостью согласился.

Приготовили постель.

Доктор по обыкновению запер дверь на ключ и ушел в свою спальню.

Он, благодаря кочевой, полной приключений жизни, привык спать чутко, и вот среди ночи ему послышались шаги и подергивание двери, ключ от которой лежал на его письменном столе.

Доктор живо встал и заглянул за портьеру.

Жорж стоял у двери и старался ее открыть. Глаза его были плотно закрыты.

— Э, да ты, голубчик, лунатик, — прошептал доктор. — Это интересно.

Жорж между тем вернулся к кушетке и лег на нее.

Доктор подошел к окну, отдернул занавесы и открыл одну половину. Лунный свет наполнил комнату.

— Понаблюдаем! — решил доктор и уселся в кресло в своей комнате так, чтобы видеть кушетку и окно.

Жорж спал спокойно. Незаметно для себя уснул и доктор.

Рассвет застал доктора в кресле. Протерев глаза, он вспомнил приключения ночи и первым делом подошел к кушетке.

Жорж спал тихо и спокойно, на груди у него лежала свежая пунцовая роза.

Доктор взял ее, повертел и поставил в вазочку на свой письменный стол.

— Досадно, что я не видел, как он ухитрился вылезти в окно и спуститься в сад, а что он лунатик и ходит ночью — доказательство налицо, — бормотал доктор.

Доктор оделся и тогда уже начал будить Жоржа.

— А, это вы, доктор, как я рад! — потом поискав вокруг себя, Жорж спросил:

— А где же роза?

— Какая роза?.. — притворился доктор непонимающим.

— Она была, дала мне розу, вот такую же, как стоит на вашем столе, и велела снять вот их. — Он указал на четки.

— Полноте, Жорж, ни розы, ни красавицы не было. А дам я вам сегодня снотворного.

“Не говорить же ему, что он лунатик!” — подумал доктор.

— А теперь нас с вами ждут пить кофе. Торопитесь.

VIII

День прошел как всегда.

Вечером доктор уговорил Жоржа выпить снотворное, а сам все же решил караулить.

— Интересный субъект!

Жорж быстро заснул. Отворив окно и отдернув занавесы, доктор занял свой наблюдательный пост.

Чтобы не заснуть, как вчера, он начал курить. Дремота его одолевала, а потому клубы дыма становились все гуще и гуще.

И вот ему чудится, через сизый дым, что в соседней комнате стоит женщина с темными волосами и розами на груди.

Хорошо рассмотреть он не может, дым клубится и перемещается, закрывая фигуру.

Что это? Она у кровати Жоржа, становится на колени, целует его...

На доктора напала слабость...

Наконец он очнулся. В комнате темно, луна уже зашла.

— Черт знает, до чего докурился! До обморока, вот дурак, — шепчет он и в то же время слышит стон Жоржа.

— Вот и парня, должно быть, закурил! — и он берет спички и зажигает свечу.

Жорж лежит на кушетке и по временам тихо стонет.

Доктор наклоняется и видит на груди, на рубашке, несколько капель крови. Тут же лежит судорожно сжатая рука, в которой крепко зажат стебель алой, свежей розы.

Доктор стоит в недоумении... опять, значит, ходил, значит, обморок мой был продолжителен! соображает он.

А кровь на рубашке, откуда она? Ну это просто, розы имеют шипы, решает он.

Отобрав цветок, доктор запер окно и завалился спать.

Утром Жорж встал первым. Он был бледен, слаб и как-то рассеян. На вопросы доктора отвечал нехотя и уверял, что он вполне здоров.

Во время кофе из деревни принесли известие, что ночью опять скончался один рабочий.

Джемс и Карл Иванович всполошились и тотчас же собрались идти в деревню отнести помощь. Они просили Смита выдать ту сумму, какую назначает мистер Гарри в таких случаях.

Жорж К. попросил взять его с собою. Хотя и неохотно, но Джемс дал свое согласие.

Пошли. Дорогой не говорили, шли молча, каждый занятый своей думой.

В деревне им указали, где был покойник. Старая, покосившаяся избушка, беднота была страшная и глядела изо всех углов. Усопший лежал на лавке.

— Отчего он умер? — спросил Джемс, передавая денежную помощь от владельца замка.

— Не знаю, сударь, лег здоровехонек, а не встал больше! Божья воля, — отвечала, заливаясь слезами, сестра покойного.

— У вас, конечно, есть колодец, — принесите мне, пожалуйста, воды, — сказал Карл Иванович.

Женщина вышла.

В ту же минуту Джемс и Карл Иванович бросились к покойнику и приподняли ему голову.

Они оба ничего не сказали, а Жорж, о присутствии которого они забыли, заметил:

— Да у него на шее такие же ранки, как и у меня.

— Что, у вас ранки на шее? Покажите! — властно сказал Джемс, подходя к Жоржу.

Жорж поднял голову и показал две небольшие ранки с белыми краями.

Джемс и Карл Иванович побледнели хуже мертвеца, лежащего на лавке, они стояли молча, как пораженные громом.

Их заставил очнуться приход хозяйки с водой.

Не прикоснувшись даже к кувшину, они заспешили домой.

В обратном пути в замок они ловко выспросили Жоржа об его снах и о том, как ему спится в комнате доктора.

О ранках он сообщил, что заметил их сегодня утром, что они не болят, а откуда явились, он и сам не знает.

Доктора дома уже не было, он уехал с большой компанией на рыбную ловлю и довольно далеко, верст за пятнадцать.

— Вернутся не раньше ужина, — доложил слуга.

Карл Иванович и Джемс не запирались сегодня в библиотеке, а целый день провели с Жоржем К., не оставляя его одного ни на минуту.

Вечером к обществу неожиданно присоединился и сам хозяин дома, благодаря чему ужин прошел намного веселее обычного.

— Когда же вы, Карл Иванович, побалуете нас продолжением сказки о вампирах? — спросил Гарри.

Карл Иванович молчал.

— Неужели так-таки и нет никакой разгадки этой истории? — продолжал хозяин.

— И охота, тебе, Гарри, вспоминать всю эту чепуху? — перебил Джемс. — Устроил бы ты, пока лето не прошло, Венецию на озере или сельский праздник, — добавил он, желая замять разговор о вампирах.

— А потом я опять должен буду делать визиты, нет, благодарю тебя, — сморщился Гарри.

— А кто тебе велит приглашать знать, ты собери деревенских красавиц, — это пожалуй, будет еще поинтереснее, — сказал Райт.

— Вот идея, так идея! — зашумела молодежь.

Посыпались проекты, предложения... Джемс не участвовал в их обсуждении — он был доволен, что отвлек внимание общества от разговоров о вампирах.

Устройство праздника решено не откладывать в долгий ящик, а воспользоваться последними лунными ночами.

Когда все расходились по спальням, Джемс попросил у доктора разрешения зайти к нему выкурить сигару.

— Мне привезли новые, и я жду твоего мнения о них, — сказал он.

— Заходи, голубчик, я даже очень рад, но курить, извини, не буду. — Вчера я докурился до обморока, а это доктору совсем не пристало.

— Как, до обморока? — удивился Джемс.

— Хуже, до видений! — ответил доктор. — Надень халат и приходи, я расскажу тебе.

— Хорошо, сейчас.

IX

Жорж К. мирно спит на кушетке. Доктор и Джемс тихо беседуют в соседней комнате. Огня нет.

Комната Жоржа освещена луной; так как занавесы подняты и окно открыто. У доктора же совершенно темно, и только огонек сигары, которую курит Джемс, блестит крошечной звездочкой.

Доктор, тихонько смеясь, уже успел рассказать свое “видение” и сообщил товарищу о лунатизме Жоржа, в котором он вполне убедился.

Джемс слушал молча, не спуская глаз с Жоржа.

— Ну, что же ты скажешь? — наконец спросил доктор.

— Тихо, молчи, — чуть слышно прошептал Джемс.

Наступила жуткая тишина. Не прошло и пяти минут, как Джемс притронулся к руке доктора, точно приглашая быть внимательным.

На окне, ногами в сад, сидит женщина. Кто из служанок замка смеет быть такой нахальной? — думает доктор.

Красивая головка с высоко подобранными локонами не напоминает ни одной из них. Женщина оборачивается — несомненно, такое лицо не может принадлежать служанке. Как-то легко и незаметно, и ноги женщины уже в комнате.

Она встает. Пышное платье облегает стройную фигуру, на высокой груди букет алых роз.

Вот она скользнула к кушетке, положила руку на голову Жоржа, склонилась к нему — он тихо, болезненно застонал.

Джемс вскочил и бросился в кабинет с явным намерением схватить незнакомку.

Она поднялась и пошла к нему навстречу, раскрыв объятия.

Она была ослепительно прекрасна. Впечатление портили только губы, красные, как свежая человеческая кровь.

Джемс осталенел. Он рассчитывал преследовать, а она сама шла к нему! Еще минута, и она обнимет его, и прильнет к нему этими красными кровавыми губами...

Жутко, и нет сил тронуться с места.

Она положила руки на плечи Джемса, но вдруг отдернула и с удивлением и почтением на прекрасном лице прошептала:

— Прости, я не знала... я бы не осмелилась...

И, как облако, качнулась в сторону. Еще мгновение — и за окном мелькнуло ее платье и растаяло в лучах месяца.

Жалобный стон Жоржа привел в себя доктора и Джемса. Они оба подошли к кушетке.

Раскинув руки и запрокинув назад голову, лежал бедный мальчик. На шее ясно виднелись кровавые ранки, из которых еще и сейчас сочилась кровь.

Доктор хотел его разбудить, но Джемс остановил его:

— Зачем? Теперь он будет спать спокойно и безопасно.

Потом он повернул Жоржа на бок и закрыл его одеялом.

— А теперь твое мнение, доктор?

— Из твоего поведения я заключаю, что и у тебя была та же галлюцинация, что и у меня, — сказал доктор. — Это очень интересное явление. Видение...

— А это тоже видение, а не действительность? — спросил насмешливо Джемс, поднимая и подавая доктору измятую и сломанную под самый корешок алую розу!

X

Назавтра Джемс собрал, как он выражался, военный совет. Совет состоял из доктора, капитана Райта, Карла Ивановича и самого Джемса.

Заранее Джемс познакомил Райта с приключениями прошедшей ночи, а от него взял разрешение рассказать о видениях в Охотничье доме.

Совет заседал в комнатах доктора и после небольшого вступления Джемса торжественно произнес:

— Теперь вопрос, что мы должны делать? Опасность грозит каждому из нас, а главное, она грозит Гарри, нашему любимому товарищу, человеку, которому мы все так много обязаны.

— Джемми, ты хватил через край, какая опасность может грозить Гарри, он не нервная женщина, чтобы испугаться привидения из тумана, — протестовал доктор.

— Какая опасность? Да самая простая, — ответил Джемс, — опасность умереть.

— Что за чепуха! — бормотал доктор.

— А ты исследовал ранки на шее Жоржа К.? Отчего они, по-твоему? И опасны ли? — сыпал вопросами Джемс.

— Должен сознаться, ранки довольно странные, но отнести их к области болезней, а тем более опасных, уж извини, не могу, — сказал доктор.

— А что ты скажешь на то, что у умершего на балу корнета Визе, нашего работника в замке и у трех поденщиков, скончавшихся в деревне, были такие же ранки на шее? — продолжал Джемс.

— А кто их смотрел и кто тебе об этом сказал? — спросил доктор.

— Видели эти ранки мы сами с Карлом Ивановичем, затем мы и в деревню ходили, чтобы проверить свои наблюдения.

— Да, мистер Джемс говорит правду, — подтвердил Карл Иванович.

— Ну и какой вывод? — спросил доктор.

— А такой, что во всех пяти случаях смерти ранки были ее причиной и, не подоспев мы вовремя, бедный Жорж К. был бы также мертв.

— Помилуй, Джемми, что ты говоришь! — вскочил доктор со своего места.

— Я утверждаю, понимаешь, ут-вер-ждаю. Виконт Рено, каменщик и слесарь погибли от той же причины. — серьезно сказал Джемс, — к сожалению, я не осматривал их шеи, но уверен, что ранки и там были...

Доктор озабоченно подошел к Джемсу и положил руки на голову.

— Жару нет, — прошептал он, — и пульс нормальный.

— Не бойся, голубчик, я с ума еще не сошел и не хвораю белой горячкой, — улыбнулся Джемс.

— Ну а если ты нормален, так говори же, чёрт тебя возьми, в чем тут дело, не строй из нас дураков, — разозлился доктор.

— Сиди и слушай, — приказал Джемс.

— Итак, господа, у нас и в окрестности появилась смертность, и очень странная: люди умирают, заметьте, молодые и здоровые, почти внезапно, и единственный признак — две маленькие ранки на шее. Ранки эти, мы с Карлом Ивановичем их осматривали, кровоточивы и с белыми краями, можно сказать, точно обсосанные. Кто-то или что-то их наносит и выпивает кровь.

Доктор сердито передернул плечами.

— Теперь вопрос, кто это? — продолжал невозмутимо Джемс. — Объяснение нам надо искать в тех письмах и дневниках, что читал нам Карл Иванович в Охотничьем доме как сказки и о которых все уже давно забыли.

— Джемми, я не могу, — не выдержал доктор, — ведь знаменитый Дневник учителя не что иное, как бред сумасшедшего, он даже сам пишет, что на него надевали смирительную рубашку.

— Хорошо, ты прав, это сумасшедший, оставим его в стороне. Обратимся к письмам, — согласился Джемс. — Если ты их так же внимательно перечтешь, как это сделали мы с Карлом Ивановичем, ты убедишься, что подобная смертность посетила уже здешний замок. И его владелец прямо называет, что причиной были вампиры.

Доктор опять не выдержал:

— Джемми, Джемми, помилосердствуй, в наш двадцатый век — вампиры! Это средневековые сказки!

— Да, — прервал Джемс со строгим и холодным лицом. — Я утверждаю существование вампиров в наш двадцатый век. И эти письма не средневековые сказки, а страшная, роковая действительность.

— Один раз уже поднимал я вопрос, что письма эти писаны из здешнего замка, и был отвергнут уже по одному тому, что тогда они физически не могли бы быть в замке, — все еще защищался доктор.

— А разве ты не помнишь, что в последнем письме говорится о приезде друга в замок? — спросил Джемс. — Что для его приезда готовится лесной дом, лежащий у подножия замковой горы, и, наконец, что письма найдены Карлом Ивановичем в нашем Охотничьем доме? Не прост ли вывод, что адресат привез их с собой?

Доктор был сбит с позиции и молчал.

— Я думаю, вернее, я убежден, — продолжал Джемс, — что подпись Д. означает не Джеронимо, не друга, а просто Дракулу, то есть графа Дракулу, владельца замка.

— Но ведь у нас нет каменного гроба из Америки, ты сам говорил это, — опять возразил доктор.

— Ну и дался тебе этот гроб, а второй склеп, где похоронены только отец и мать, так называемый “новый склеп”, разве он не стоит американского гроба? А обрыв, откуда видно озеро и куда доносится вечерний звон из деревни? А дамские комнаты в Охотничьем доме, приготовленные для невесты-итальянки, помнишь: прощай мечта и несколько тысяч ду-каторов? А, наконец, японская шкатулка, разве это не та самая шкатулка римской императрицы, что Дракула купил для своей Риты? Ведь яблоко, входя в клюв птицы, открывает крышку. Это тебе может и Райт подтвердить, — спеша, ссыпал фразами Джемс.

Райт усиленно молчал и курил.

Доктор, не находя поддержки, беспомощно смотрел на всех.

Молчание прервал Карл Иванович.

— В церковном архиве, — сказал он, — в книгах о похоронах эту местность два раза постигла эпидемия с большим процентом смертности, эпидемия в свое время не была определена врачами. Первый раз это было в год смерти молодой графини Дракула, а другой раз много позднее.

— Ну а теперь эта эпидемия наступила в третий раз, как и почему, вопрос другой, но она наступила, опасность налицо, и мы должны, мы обязаны бороться с ней, мы должны спасти Гарри, себя, да и окрестное население вправе ждать от нас помощи, — пылко говорил Джемс.

— Все это прекрасно, Джемс, но кто же враг? — спросил доктор.

— Да говорю же вам — вампиры.

— А что такое вампир? Где он? Как с ним бороться, воля твоя, Джемми, — я не понимаю, — печально произнес доктор.

ПЕРЕВОД КНИГИ

— Что такое вампир, дает объяснение до некоторой степени, конечно, вот эта книга о ламиях, или живых

мертвецах, — сказал Джемс, указывая на книгу в старинном кожаном переплете.

— А, да, это та книга, что подарили тебе Гарри, я знаю ее, — перебил Райт.

— Да, та самая. Мы с Карлом Ивановичем по возможности перевели ее, говорю, по возможности, так как, надо сознаться, это чертовски трудно. Она написана старым латинским языком, с кучей специальных выражений, да и толкует о предмете для нас и так непонятном.

— “Не-мертвые”, как она называет их, — для нас что-то необъяснимое, ненормальное. Но присутствие подобной книги на письменном столе владельца замка находит на много мыслей и говорит само за себя.

— Ну и что ты почерпнул из этой книги? — нетерпеливо перебил доктор.

— А вот сейчас, — сказал Джемс, — только повторяю, тут много нами еще не выяснено и пока не понятно.

— К делу, к делу, — торопил доктор.

— Древние лами — это такие существа, — начал Джемс, — вернее, это умершие люди, которые могут выходить из могилы, являться живым и принимать участие в жизни. В большинстве случаев вмешательство это злобное и приносит несчастье.

“Не-мертвые”, вампиры, — это разновидность лами. Они также встают из гробов и сосут кровь живых людей.

Они могут жить века, и чем дольше живут, тем становятся могущественнее. С каждой засосанной жертвой сила их растет, а с ней растут и знания.

Они могут обращаться в некоторых животных: в кошек, в летучих мышей, в змей, могут окружать себя туманом или даже обращаться в туман. Любят лунные ночи и по лунному лучу плывут, как по реке.

Зубы у них длинные, острые, пальцы тоже длинные с острыми ногтями, дающие им возможность ползти по отвесным стенам.

Чем сильнее вампир, тем он легче усыпляет свою жертву своим взглядом или прикосновением. Самый сильный человек под взглядом такого вампира делается совершенно беспомощным, никакая храбрость тут не поможет — человек засыпает против своей воли, и тогда он верная жертва вампира.

Вампир засасывает в один, в два приема, реже в три, четыре. Первый раз самый трудный: жертва боится и

сопротивляется. Зато потом ему легче, больной ждет и желает прихода мучителя...

Иногда вампир влюбляется и тогда засасывание идет очень тихо, он наслаждается понемногу, сберегая дольше жизнь любимого существа.

В таких случаях жертва сама становится вампиром, в других же случаях — это редкость. Любовь всегда бывает между мужчиной и женщиной; засасывать же могут без различия пола и возраста. Но замечено, что предпочтение отдается детям и молодым людям.

Вампиры предпочитают ночи, особенно лунные, но более сильные или живущие давно могут ходить и даже сосать днем.

Многие животные им подчиняются, но все их чуют и боятся, особенно их ненавидят лошади и собаки, эти друзья человека. Они точно угадывают в них врагов.

Самые могущественные вампиры могут управлять до известной степени, конечно, явлениями природы, как-то: ветром, тучами, туманом и так далее.

Слабая сторона всех вампиров — это то, что каждый из них должен иметь свой приют и лежать в нем в виде мертвеца в продолжение известных часов.

В эти часы они, то есть вампиры, совершенно беспомощны, а потому и стараются тщательно скрывать свое убежище и даже иметь их по нескольку.

Убежище должно быть вблизи района похождений вампира, иначе он рискует, что роковой час застигнет его вдали от убежища. Заснуть же не в своем месте крайне опасно.

Старые, опытные вампиры могут вселяться в свои портреты, но ненадолго.

При успехе в похождениях, т. е. когда жертв достаточно, вампир молодеет и хорошеет. Только красноватый отблеск глаз и яркие, алые губы портят впечатление.

Если почему-либо вампиру приходится скрываться, а значит, голодать, он бледнеет, сереет, делается малоподвижен и страшно зол.

Но все-таки он может по нескольку лет лежать прикованным к месту — благодаря заговору и разным за-клинаниям — и все же оставаться живым. При первом же случае он ускользнет и вновь набросится на человека.

Время, когда вампир проводит в своем гробу, или, как это называется, “вампирический сон”, определить труд-

но. Или сам автор книги не знает этого вполне, или мы с Карлом Ивановичем неправильно толкуем.

Только в этом вопросе много разноречий.

Быть может, для разных местностей и для разных субъектов, то есть для субъектов вампирической силы, оно различно.

Во всяком случае, оно вертится около восхода и захода солнца. Любимый же час вампиров — это двенадцать часов ночи.

У вампиров есть что-то вроде иерархии, они преклоняются перед сильнейшими. Но кто эти сильнейшие, опять же разберешь, в одном месте выходит даже так, что это древние боги, которым приносились человеческие кровавые жертвы.

Одно место можно перевести так: "неповиновение наказуется, или отбитие намеченной жертвы наказывается". Но как и кем, понять невозможно. Есть, вернее, были в древние времена великие кровопожиратели, перед ними склоняются все вампиры, ламии и прочие живые покойники.

Узнать вампира легче ночью, чем днем. Ночью несвоевременность и неуместность появления часто указывают на его существование. Так, например, появление молодой женщины в спальне мужчины или наоборот.

Днем умных вампиров отличить очень трудно, они отлично имитируют живых людей.

Их главный признак: они ничего не едят и не пьют. Более внимательный наблюдатель может заметить, что ни при солнечном, ни при лунном свете они не отбрасывают тени. Кроме того, вампиры большие враги зеркал. Они всегда стремятся их уничтожить. Это потому, что в зеркале не видно отражения вампира, и это выдает его.

Вот все, или почти все, что нам удалось разобрать в этой книге.

Тут много рассуждений автора, примеров, но все это несущественно.

Главные же вопросы, когда вампиры более всего беспомощны и кому подчинены, самые неясные, самые запутанные.

XI

Джемс кончил и замолчал. Молчали и все остальные.

— Что же мы должны делать? — спросил доктор.

— Ясное дело, раз мы убедились в существовании вампира, мы должны найти его убежище и в часы его

“вампирического сна”, когда он беспомощен, уничтожить его. Это наш священный долг, — горячо проговорил Джемс.

— Ты прав, но как это сделать? — сказал Райт.

— Тут нам помогут письма графа Дракулы и еще коскакие бумаги, мной найденные, — вмешался Карл Иванович.

— Джемми, ты уж признанный Шерлок Холмс, так подумай и скажи, что нам делать, мы будем тебя слушаться, — покорно предложил доктор.

— Спасибо за доверие, — поклонился Джемс. — Итак, я начинаю, — сказал он, немного подумав. — Из письма Карло, или графа Дракулы, мы знаем, что мать его была вампиром, а следовательно, и умерла от вампира. Кто погубил ее, сказать нелегко. Быть может, это старый слуга из Америки, исчезнувший так таинственно; быть может, покойник, привезенный под именем дедушки графа; недаром же в ночь заболевания она видела старика графа во сне, кто знает, быть может, это и не был сон. Можно предположить, что и змея имела тут свое значение. Я по крайней мере склонен думать, что слуга-американец и покойник в гробу — одно и то же лицо.

Меня сбивает очень то, что гроб, о котором так много говорится в письмах, не существует больше. Мы с Карлом Ивановичем внимательно обыскали склеп и ничего подходящего там нет, — печально сказал Джемс. — Во втором склепе, открытием которого мы обязаны тебе, доктор, его тоже нет.

— Ты называешь “вторым склепом” тот, где я нашел мертвеца?

— Конечно, ведь в письме он прямо назван новым склепом, где похоронили графиню, и там говорится, что он находится в горе. Мне даже кажется, ты уж прости меня, — проговорил Джемс, протягивая доктору руку, — что ты виновник того, что вампир появился вновь.

— Что за чушь! — вскричал доктор.

— Нет, ты проследи, — не унимался Джемс, — ведь до твоего несчастного приключения все было спокойно, мы не слышали о смерти кого-либо, а тем более о внезапной и ничем не объяснимой, а после твоего падения они посыпались, как из рога изобилия: первым умер каменщик, унесший голову разбитой богини, а...

— Постой, постой, — перебил доктор, — ты хочешь сказать, что я открыл вход, быть может, и заговоренный (вот чушь-то я несу, пробормотал он про себя), выпустил вампира, но ты забываешь, мой милый, что в склепе был другой путь через скалу, через нее мог пройти не только твой вампир, но даже пролез целый человек, скелет которого мы и нашли. В дневнике учителя говорится о девах с озера, а так как мы, — доктор принял комическое выражение, — не верим в дев с озера, а верим в вампиров, то, значит, они были свободны и до нас.

— Не смейся, доктор, — сказал Джемс, — в дневнике сумасшедшего много ценных указаний.

Я сопоставлял письма с дневником и пришел к такому выводу: мы читали вначале дневник учителя, а затем письма, тогда как хронологический их порядок как раз наоборот. Вначале явилась графиня-вампир, а затем уж погиб учитель. Такой порядок подтверждается еще служащим Петро.

Молодой граф Дракула часто в своих письмах упоминает о старом Петро, из них же мы знаем, что он ушел на богомолье.

Если предположить, что он вернулся в то время, когда молодой граф с женой или невестой покинул замок хотя бы из страха перед вампирами...

Карл Иванович хотел вмешаться в разговор, но Джемс не дал ему и рта разинуть, а с азартом продолжал:

— Замок был заброшен и остался пустым, а Петро поступил в церковь звонарем, делал кресты и сажал чеснок. Это вполне логично.

Я думаю, что не ошибусь, если предположу, что скелет, найденный нами в новом склепе, принадлежит никому иному, как бедному сумасшедшему учителю, Петру Доричу.

Его дневник обрывается на том месте, где он идет куда-то в гору на свидание, а больничная запись подтверждает исчезновение сумасшедшего и бесплодные поиски его трупа.

Скелет был одет, как сам ты, доктор, сказал, в какую-то хламиду или халат — ясно, это был больничный халат.

Про волосы ты тоже сам говорил, или обриты, или съела моль, теперь нет сомнения, были обриты, как и у всех сумасшедших.

— Гарри твоего же мнения, — перебил доктор, — он приказал похоронить скелет под именем Петра Дорича.

— Ну, вот видите, это только подтверждает, что я на правильной дороге, — сказал довольный Джемс. — Теперь дальше...

— Ты хочешь сказать, — опять перебил доктор, — что бедняк в припадке сумасшествия забрался через расщелину в склепе, там уснул под влиянием опиума, а затем от слабости, истощения, а быть может, и от голода умер.

— Нет, я предполагаю несколько иначе: учитель в припадке забрался в склеп, и там наступила минута ясного сознания. Он понял не только ужас своего положения, но и ужас, который грозил всей его родной деревне. Он пожертвовал собой вампиру, но в то же время употребил какие-то меры, которые легко мог знать от старого Петро, чтобы не выпустить больше вампира, и сам, как верный сторож, остался у входа в расщелину.

— Фу, как это поэтично! — не утерпел доктор.

— Я это только предполагаю, а не утверждаю, — немного сконфузился Джемс. — Может быть, было и так: Петро проследил учителя и заговорил выход из горы сам, я не сомневаюсь, что он мог это сделать. Результат один: выход был заговорен, а вот мы своей неосторожностью открыли другой.

Ну, теперь выводы, — продолжал Джемс. — Мы установили, что вампиры существуют, мы знаем убежище вампира и приблизительно — часы его вампирического сна, вернее говоря, его беспомощности, и мы должны его уничтожить!

— Да, уничтожить! — повторили все.

В ту же минуту раздался сильный стук и бренчание разбитого стекла.

Присутствующие невольно вскочили на ноги.

— Что это?

Оказалось, стукнула одна из створок открытого в сад окна и от сильного удара вылетели все стекла.

— Верно, от ветра, — сказал Карл Иванович.

— Помилуйте, Карл Иванович, да ни один лист в саду не шелохнется, — вскричал Джемс, — а мы попались, как глупые мальчики, нас подслушали. Итак, надо спешить. — Сегодня же я еду в город, — заявил Джемс, — и привезу что надо, а завтра в час заката солнца

нца мы спустимся в склеп, откроем гроб и с Райтом вобьем осиновый кол в сердце прекрасной графини. Дальше. Пока же мы должны охранять жизнь Гарри и маленького Жоржа К. Первого передадим капитану и в помощь ему предоставим доктора, а второго буду караулить я сам. Посидеть на окне в летнюю ночь очень приятно, а двадцати часа сна после восхода солнца для меня совершенно достаточно. Сегодня же, во время моего отсутствия, за Жоржем понаблюдает Карл Иванович. Итак, на борьбу, господа, — закончил торжественно Джемс.

— Мы с тобой, — ответили остальные.

— Мужайтесь, и мы будем победителями, — продолжал Джемс.

— Почему ты так уверен? — спросил Райт.

— Среди ночи серебристый голосок мне твердит: “Боритесь, я вам помогу”, — ответил Джемс.

— Ну, а мне тайный голосок твердит: “Есть хочу!” — серьезно добавил доктор.

Все засмеялись, и настроение сразу переменилось.

XII

На другой день, отказавшись под каким-то предлогом от увеселительной прогулки, Джемс с друзьями отправился к склепу. Время было за час до захода солнца.

На ступенях, у ног статуи, нашли подготовленные Джемсом инструменты: лом, кирки для отбивания кирпичей, щипцы для отвинчивания гробовой крышки, осиновый кол, фонари. Статуя была отремонтирована и стояла на своем месте. С большим трудом ее сняли, еще с большим трудом открыли подъемную дверь. Джемс с фонарем спустился первым, за ним остальные.

В склепе была полная темнота, так как расщелина в скале была тщательно заделана. Когда осветили стену, где, по словам доктора, надеялись увидеть белую мраморную доску с надписью “Фредерик и Мария из знаменитого рода графов Дракула”, то остановились пораженные.

Вместо белой мраморной доски чернело два углубления. Гробы же исчезли!

Доктор протер глаза. До сих пор на все затяянное он смотрел как на шалость школьников, теперь впервые он почувствовал холодок в сердце. Разве не сам он, своими

собственными глазами, видел мраморную доску, да вот она и стоит в углу. Где же гробы? Кто и зачем мог их взять?

— Опоздали! — проговорил Джемс, и голос его сорвался.

Молча выбрались из склепа и все привели в порядок.

Все почувствовали нешуточность предприятия и невольно молчали.

Первым очнулся Джемс.

— Вперед наука не говорить в таких местах, где легко могут подслушать, лучше всего говорить на закате солнца, как сейчас. Дело осложнилось, приходится искать.

— Странно, однако, то, что без ведома Гарри такие вещи не делаются, а прежде он не имел от нас скретов, все его распоряжения были нам известны, — задумчиво прошептал доктор.

— А главное то, если он умолчал, то спрашивать его нетактично, да и чем объяснить, что мы спускались в склеп, — прибавил Джемс.

— Стойте, тут без Смита не обошлось, а я его приструни, — оживился Джемс.

.....

Но Джемс ошибся. На этот раз дело оказалось не так просто.

Смит был занят устройством ночного праздника на озере и пропадал по целым дням.

Наконец Джемс поймал его. Но на окольные вопросы управляющий отвечал или уклончиво, или шутливо, а на прямой запрос серьезно сказал:

— Обратитесь к мистеру Гарри, я же ничего сказать не могу.

Джемс сообщил свою неудачу товарищам, и было решено пока молчать.

XIII

Карл Иванович принес Джемсу пачку бумаг: тут были большие листы в виде писем, были небрежно оторванные полулистки и клочки, сложенные треугольником, как складывают маленькие записочки.

— Это я собрал по столам в Охотничьем доме, — сказал старик, — как по почерку, так и по подписи на неко-

торых они писаны молодым графом Дракулой и, видимо, посылались его другу в лесной дом. Тут много пустых, вроде приглашения к чаю или завтраку, но, как кажется, есть и интересные. Вот, мистер Джемс, посмотрите их, хотя бы этот.

Это был большой, кругом исписанный лист, даты на нем не было.

Джемс начал читать про себя:

“Прежде всего я должен поблагодарить и извиниться перед тобой, мой дорогой, вместо отдыха и спокойных занятий я втянул тебя в наши печали и заботы. Но что поделаешь? Трагическая смерть Франчески выбила нас из колеи, и Рита совсем не спит по ночам.

Мой старик посоветовал перемену места. Вот и пригодились отделанные комнаты! Надо прислать только, так сказать, “текущий инвентарь” из кружев, лент, цветов и т. п. Лючия обещала все это устроить. Уж извини, знаю, что вашему брату, ученым, бабы одна помеха.

Надеюсь, переселение народов будет недолгим, как только Рита оправится, я переведу ее обратно в замок, и при этом переменю помещение, чтобы ничего не напоминало ей об ужасах, которые она пережила.

Мне до сих пор не удалось тебя спросить, что ты думаешь об этом случае и как ты объяснишь все происшествие?

Старик мой все, конечно, толкует в духе вампиризма, но с тех пор, как ты меня образумил и доказал ненормальность его умственных способностей, я с ним согласиться не могу, а все же во всей истории есть что-то ненормальное, нелогичное, так сказать...

Почему, например, умершую Франческу нашли у кровати Риты на полу, волосы и весь ночной туалет в полном беспорядке, точно она выдержала борьбу перед смертью. На лице и груди ссадины и синяки.

Можно подумать, что кто-то нечеловечески сильный раздавил или задушил ее, как муху. Заметил ты, что в ее мертвых, широко открытых глазах застыл ужас, а губы сжаты с какой-то решимостью?

С чеে можно бы написать мученицу первых веков христианства или портрет человека, “положившего жизнь свою за други своя”.

Если она погибла в борьбе, то с кем и за кого? Эту тайну она унесла с собой в могилу.

Я забыл попросить тебя не расспрашивать Риту об этой ужасной ночи. Ясно, она пережила что-то страшное, но не хочет или не может сказать. При малейшем намеке она бледнеет и трястется.

Представь, если Франческа была больна и в припадке билась у ее постели. Тут и более крепкий человек, чем Рита, может впасть в обморок.

Да, я, кажется, никогда в жизни не забуду того ужасного крика, когда она очнулась и увидела труп у своих ног.

Старик убежден, несмотря на то что в окрестности все спокойно, что смерть Франчески — дело рук вампира.

Он убил ее, буквально убил, а не засосал, за то, что она помешала ему наслаждаться кровью, а быть может, и любовью Риты.

По мнению моего старика, бедная девушка погибла, защищая свою подругу.

Конечно, Рита многое могла бы тут выяснить, но я еще раз убедительно прошу тебя не расспрашивать ее. Пусть она сначала успокоится. А твое личное мнение я бы очень и очень хотел знать.

Распорядись, голубчик, поставить кушетку посредине комнаты, около — столик или этажерку для цветов и книг.

Букет розанов каждое утро я уже распорядился доставлять к вам.

Любимая канарейка Риты также' прибудет в лесной дом, и я боюсь, что эта певунья обеспокоит тебя больше, чем моя бедная, бледная голубка. Она стала такая молчаливая и печальная. О свадьбе я не смею и заикнуться.

И скучно же мне будет одному!

Утешусь тем, что большую часть дня буду проводить у вас.

Сегодня свежо. Распорядись протопить печи и даже камин. До завтра.

Д.»

— А вот и еще, — протянул Карл Иванович другой листок.

«Конечно, — снова читал Джемс, — я далек от мысли считать свою беседу такой же интересной, как твоя. Ты ведь великий ученый! А все же, говоря правду, мне неприятно видеть, что Рита, моя невеста, отдает тебе

такое предпочтение. Как-никак, а мое положение становится смешным.

Пока Рита жила в лесном доме, мне ваши отношения в глаза не бросались, все было как-то естественно.

Не замечал, что ли, я их... или их и правда не было. После своей летаргии или обморока, как хочешь назови, Рита страшно переменилась.

У нее каждый день новые капризы: три или четыре часа во время заката солнца она сидит одна, да притом еще тщательно запирается.

Обедать и завтракать со всеми она также отказалась. Ей подают отдельно, в ее комнате, и я часто вижу, что блюда уносят почти нетронутыми. Она наотрез отказалась, чтобы Лючия жила около нее. "Будет с меня и одной Цецилии", — говорит она, не соображая, как она этим обижает бедную девочку.

Несмотря на эти ненормальности, Рита заметно поправилась: бледность и вялость исчезли, она так же свежа и розова, как розы на ее груди.

Даже смерть одного за другим обоих итальянских лакеев, которых сама же она привезла из Венеции, не произвела на нее никакого впечатления. И в том, и в другом случае она только пожала плечами и отказалась сопровождать гробы на кладбище.

Ожидая тебя или собираясь в лесной дом, она еще больше оживляется, глаза ее сияют.

Со мной она холодно-вежлива, несмотря на то что я исполняю все ее желания.

Даже исполнил такое безрассудство, как оставил гроб посредине капеллы. Она к нему питает какую-то болезненную нежность и навещает его по несколько раз в день.

Когда она очнулась после летаргии, я сообщил ей, что мы считали ее умершней, заперли ее кабинет-салон и решили никогда туда не входить... и что в горе мы забыли взять оттуда канарейку и что теперь, когда все кончилось так хорошо, надо спешить спасти птичку.

Она холодно отвечала:

— К чему, оставь все по-старому.

Вообще я перестал ее понимать. Да и будь на твоем месте другой мужчина, дело много бы обострилось, и не ручаюсь, чем бы кончилось. Тебе же я верю и думаю...»

— Конца нет, — сказал Карл Иванович, видя, что Джемс вертит листок в разные стороны.

Затем Джемс взял первый попавшийся листик и прочел:

«Мне несказанно жаль, но я никак не могу быть сегодня у вас, мои милые. Альф, прошу тебя, понаблюдай, чтобы хорошо натопили комнаты Риты и чтобы она сама не снимала теплой шали.

Она такая бледная и слабая, что у меня сердце обливается кровью.

Вчера я даже не решился попросить ее спеть.

На все мои вопросы твердит одно, что здорова, а “только очень холодно у вас в горах”. Доктора по-прежнему не хочет видеть.

Вот счастливая неожиданность, только что хотел отправить эту записку, как получил посылку из Парижа: прекрасную теплую накидку.

Закутай в нее Риту... Ну, право, хоть поздно, и на 1/4 часа, а я приеду, мне кажется, что красный плюш выгодно оттенит ее черные волосы и оживит бледное лицо. Кланяюсь.

Д.»

Прочитав письма, Джемс обратился к Карлу Ивановичу и спросил:

— А что вы сами думаете об этих письмах?

— Мне кажется, мистер, что вы ошиблись, предполагая, что граф Дракула выехал из замка. Скорее можно предположить, что друг его Альф приехал в лесной дом и почему-то туда же переселилась и невеста Рита.

— Причиной могла послужить смерть мадемуазель Франчески. Граф Дракула остался в замке и очень заботился о своей невесте. В этой куче записок часто говорится о том, чтобы хорошо топить комнаты, о перестановке чего-либо из мебели; высказываются заботы о свежих цветах, новых книгах, нотах и т. д.

Комнаты, несомненно, те две, что и сейчас стоят нетронутыми в Охотничьем доме. Даже красная плюшевая накидка, о которой вы читали в последнем письме, лежит до сих пор в ногах кушетки, той самой, что граф просит выдвинуть на середину комнаты.

— Вы совершенно правы, Карл Иванович, я и сам оставил мысль о том, что граф покинул замок. Но что стало с ним и с другими? Здесь говорится о смерти

Франчески и двух итальянских лакеев, значит, дух смерти царил в замке, но не все же поголовно перемерли?

— А вы обратили внимание, что в письмах упоминается о летаргическом сне мадемуазель Риты? — ответил Карл Иванович вопросом на вопрос.

— Это что-то совсем смутное и непонятное, — сказал Джемс.

— Если вы перечтете весь ворох этих записок, как перечел их я, — продолжал Карл Иванович, — то, наверное, придет к тому же заключению, что и я, а именно: невеста была переселена из замка в лесной дом и занимала там известные уже вам комнаты. Она все хворала: бледнела и слабела и наконец впала в летаргический сон настолько сильный, что он был принят за смерть. Ее одели в любимые ею вещи, положили в гроб и отнесли в замок. Комнаты, где она жила, закрыли, чтоб никогда в них не входить, особенно ту, в которой она умерла, то есть ее кабинет-салон. Единственная дверь и та была скрыта шкафом.

В попыхах там забыли канарейку, скелет которой мы и видели в клетке, а также букет полевых цветов в серебряной вазе. Красная плюшевая накидка, лютня и прочее — все осталось на своих местах.

Надо предположить, что покойница очнулась в замке и начала быстро оправляться после болезни. Граф пишет: “Она свежа, как роза”. “Рита порозовела, и слабость прошла” и так далее. Но в то же время она изменилась характером: сделалась своенравна и капризна, а главное, влюбилась в друга своего жениха.

Граф сильно ее ревнует и неоднократно выражает своему другу негодование и обиду.

Дальше события становятся более спутанными, видимо, между графом и его другом произошел разрыв.

Письма заменились записками сухими и короткими, а потом и совсем прекратились.

Карл Иванович замолчал.

— Браво, Карл Иванович, — вскричал Джемс, — я так рад, что ваши предположения совпадают с моими выводами. Это гарантия правды. Ну а дальше что вы думаете?

— Дальше я думаю, — продолжал Карл Иванович, — что для замка наступила тяжелая пора, смертность как в нем, так и в его окрестностях сильно увеличилась.

Об этом говорят приходно-расходные книги замка, где на каждой странице есть расходы на похороны, а также и церковные записи в архиве церкви.

Мадемуазель Лючия также умерла, как и Франческа, — похороны той и другой стоили больше тысячи гульденов.

Гроб для мадемуазель Риты стоил тоже очень дорого, но расходов на похороны я не нашел.

— Но куда же делись граф, Рита и друг Альф, не говоря об остальных? — перебил нетерпеливо Джемс.

— Эти вопросы, к сожалению, остаются для меня невыясненными, — печально сказал Карл Иванович. — Я разобрал и перечел все, что нашел в столах и шкафах замка и Охотничьего дома. Я перебрал и перетряс все книги и бумаги.

— Правда, в божнице Охотничьего дома лежит старая Библия, ее я не трогал, да в ней, наверное, ничего и нет, — закончил старик.

— Постойте, есть еще письменный документ, — вдруг сорвался с места Джемс, — я предполагаю, что это дневник Риты.

— Что вы, где же он? — заволновался, в свою очередь, Карл Иванович.

— Я его вам достану, он у Гарри, только, наверное, он написан по-итальянски, — грустно добавил Джемс.

— Это ничего не значит, я немного знаю итальянский — сказал Карл Иванович, — и с помощью словаря сделаю перевод. Завтра праздник на озере, вот я и займусь переводом, благо в замке никого не останется и я буду вполне свободен.

Джемс от души поблагодарил Карла Ивановича и пошел добывать ту тоненькую тетрадочку, что он видел в день маскарада в японской шкатулке с драгоценностями. Он был уверен, что это дневник невесты графа Дракулы и что в нем могут быть полезные сведения.

ПРАЗДНИК НА ОЗЕРЕ

Праздник на озере возбудил общее любопытство и породил кучу разговоров.

Приготовления шли на широкую ногу: весь берег был покрыт сетью лампочек, фонарей и факелов.

Были заготовлены смоляные бочки, бенгальские огни, несмотря на то что ожидался лунный вечер, вернее, ночь, так как луна всходила поздно.

Были раскинуты палатки для отдыха и буфетов, приготовили также сухую площадку для танцев.

Ее окружили столиками и стульями для желающих любоваться танцами. Рядом, на возвышении, поставили бочку пива и над всем протянули веревки с маленькими флагами, как это делают китайцы в день праздника фонарей.

Приглашений не было.

Все, кто желал, могли явиться.

Хозяин и его гости решили надеть охотничьи костюмы и тем придать празднику вид простоты.

Нечего говорить, что большинство костюмов было специально заказано к этому дню.

В день праздника молодёжь шумно волновалась и весело готовилась к вечеру.

Жорж К., совершенно здоровый, не отставал от других.

Сам Гарри тоже внимательно осматривал свой костюм и был как-то шумливо и нервно настроен, что, конечно, не укрылось от наблюдательных глаз доктора.

— А Гарри-то нервничает и точно ждет чего-то, — сказал он Джемсу.

— Не чего-то, а кого-то, — пробурчал Джемс. — Свою голубую красавицу, — добавил он.

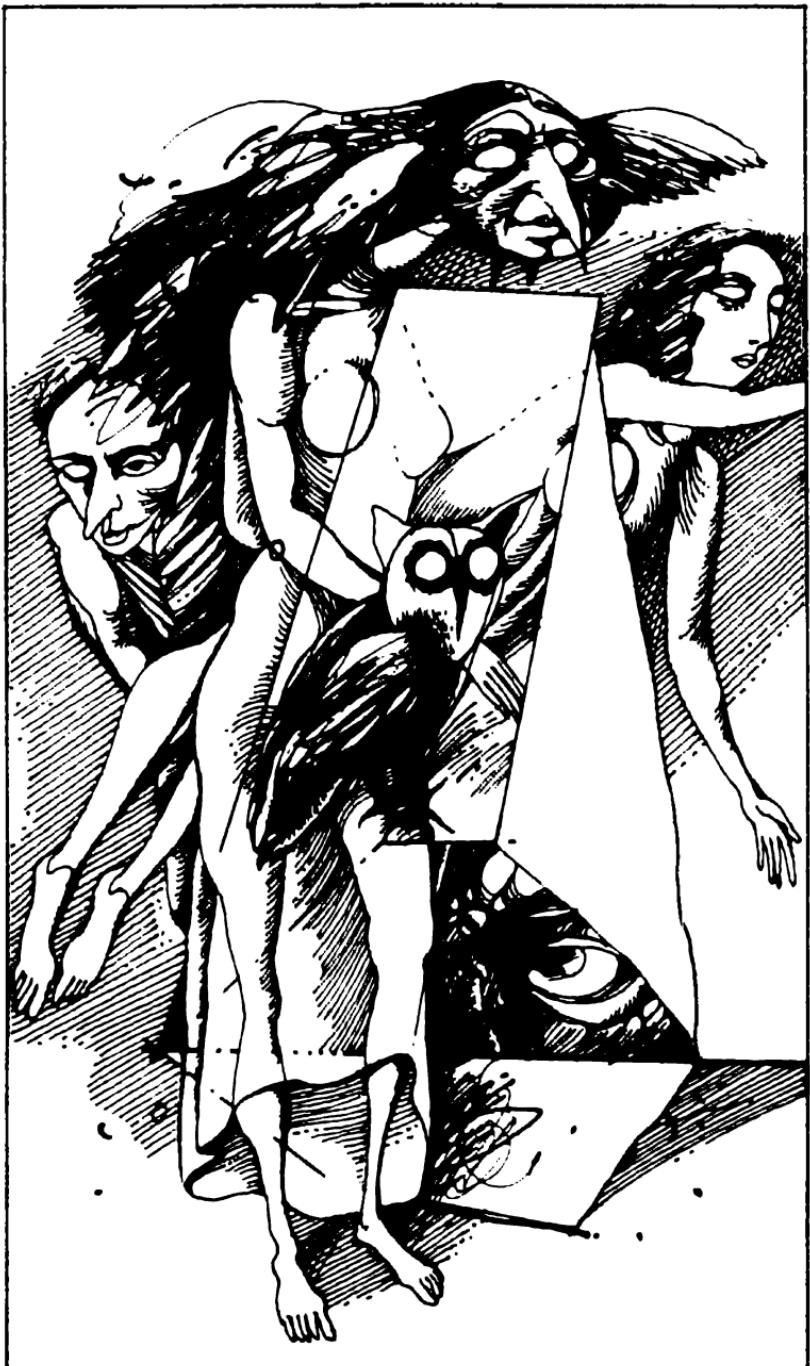
— Послушай, капитан, — обратился он потом к Райту, — прошу тебя, заклинаю, не отходи от Гарри, береги его, у меня так болит сердце, точно перед большой бедой. Помнишь ли ты ту ночь, когда мы ползли с тобой в лагерь команчей, поверишь ли, мне тогда было легче на душе, чем сегодня. За каждым кустом, за каждым камнем там можно было ожидать врага, но там мы знали, что это за враг, а здесь? Какой-то туман или женщины из тумана! Брр... брр...

XIV

Праздник в полном разгаре.

Целые толпы народа прогуливаются по берегу озера.

Тут и представительницы города в изящных летних платьях, тут и деревенские красавицы в своих поэтичес-

ских национальных костюмах. И не одна городская дама втайне завидует густым, черным косам или прекрасному цвету лица какой-нибудь поселянки.

Два оркестра не умолкают, и танец следует за танцем. Только вместо черных лансье и контрансов здесь гремит залихватская венгерка или чардаш.

Кавалеры весело кружат своих дам, а не прикасаются к ним, как к фарфоровым куклам, точно боясь ежеминутно их разбить.

Для отдыха повсюду разбросаны садовые скамейки. Они стоят не только на освещенных площадках, но и юятся в тени леса.

Озеро, опоясанное лентой разноцветных фонарей и лампочек, чудесно блестит, переливаясь всеми цветами радуги. Белые ненюфары под цветным освещением кажутся таинственной, небывалой красы. Это какие-то волшебные не то цветы, не то бабочки.

Широкие прогалины залиты лунным светом. Вся прелест картины в освещении и в переходах от света к тени и даже мраку под старыми соснами. Молодой хозяин, в новом изящном полуохотниччьем костюме, который хорошо обрисовывает его мужественную фигуру, со всеми равно любезен и никому не отдает предпочтения. Тихо переходит он от группы к группе и идет все дальше и дальше, точно ищет кого.

За ним, как тень, следует Райт.

Джемс такой же тенью следует за Жоржем К., но это много труднее.

Жорж веселится, он танцует без устали и каждую из своих дам увлекает под тень деревьев, чтобы наговорить любезностей, а если счастье поможет, то и сорвать поцелуй.

Джемс утомился, бегая за мальчиком, и ему начинает приходить в голову: уж не ошибся ли он? Не прав ли доктор, называя его сумасбродом? И желание оставить свой пост усиливается и усиливается, и вот он перестает, как раньше, неотступно следить за Жоржем.

“Довольно!” — наконец решает он и, помимо воли, еще в последний раз взглядывает в сторону Жоржа.

Что это? Жорж выходит из-под тени деревьев под руку с молодой дамой. На ней легкое летнее платье, несколько старомодного фасона, черные локоны подобраны под большой гребень, на груди пара пунцовых роз.

В наряде и прическе нет ничего особенного, кроме роз. Джемс знает, что таких цветов нет в окрестности, они есть только в оранжерее замка.

Кто же их обладательница?

В замке нет такой женщины, значит, она из города или деревни, но откуда тогда она взяла розы? Гарри так их бережет.

“Кто-нибудь из молодежи стащил”, — решает Джемс, но сердце его усиленно бьется, апатии и усталости как не бывало.

“Ведь я видел ее”, — проносится у него в голове, и он старается при неровном освещении всмотреться в черты дамы.

“Это она, голубая красавица бала”, — решает наконец Джемс.

Между тем Жорж К. весело с ней танцует и, видимо, сильно увлечен. Они во время танца несколько раз проходят мимо Джемса, и тот ясно различает знакомый запах лаванды.

“Она, несомненно она”, — шепчет он.

И, чтобы не спугнуть парочку, Джемс прячется в тени деревьев.

Жорж уговаривает свою даму пройтись по лесу, но для этого надо пересечь площадку, освещенную луной. Дама не решается.

“Ага, — думает Джемс, — боится, что могут заметить, что от нее не будет тени”.

Жорж упрашивает. Дама оглядывается кругом и, видя, что никто за ними не следит, соглашается. Они быстро переходят освещенное место. И Джемс с ужасом видит, что он не ошибся; от Жоржа тянется длинная черная тень, от дамы нет ничего!

Вампир!

И как ни был Джемс готов к этому выводу, на минуту он потерял способность сдвинуться с места.

В это время Жорж и его дама скрылись в лесу. Джемс бросился за ними, но минутной остановки было достаточно, чтобы он потерял их из виду.

Только опушка леса была освещена, внутри же царил мрак.

Обежав кругом, он несколько раз окликнул Жоржа по имени.

Жуткая тишина.

Джемс снова выскочил на освещенную площадку. Никого. Тут же он сообразил, что, конечно, вампир не пойдет на свет, а увлечет свою жертву в темноту.

Тогда он бросается опять в лес. Тихо, угрюмо стоят старые сосны, и только издалека долетают звуки вальса.

“Опоздаю, опоздаю!” — молотом стучит в голове Джемса. Что делать? Он бросается к палатке управляющего и требует людей и фонарей. Он забыл, что может всех напугать и испортить праздник; забыл, что может рассердить и самого Гарри.

“Опоздаю, опоздаю!” — твердит он и, не дождавшись помощи, опять бежит к роковому месту.

Джемс предполагал, что лес с этого места непрерывно идет в гору, и с ужасом думал, где и как он будет искать Жоржа.

Оказалось же, что это не лес, а только еще перелесок, за которым расстилается вновь освещенная поляна, и поляна подходила к самой подошве замковой горы.

“Слава Богу, я ошибся, это другая сторона озера, легче будет искать, — мелькает в голове Джемса. — Да вот и они”.

Правда, ему навстречу по поляне двигаются две фигуры, но это не Жорж К., а две женщины. Одна из них, с черными локонами, несомненно давнишняя дама Жоржа, а кто же другая?

Светлая блондинка, в легком старомодном платье.

Они идут, обнявшись, и представляют собою картину, достойную кисти Грэза.

Удовлетворенное счастье сияет в их взорах и придает их лицам какой-то ослепительный блеск. Они сказочно красивы.

Джемс забыл и Жоржа К., и свои заботы о нем, он видит только двух обольстительно прекрасных женщин!

Кровь его горит, сердце бьется любовью. Но это продолжается мгновение, сильная натура и светлый логический ум берут перевес над молодой, бурлящей кровью.

Он уже не замечает больше сияющих лиц красавиц, а с ужасом видит, что обе фигуры при свете месяца не оставляют ни малейшей тени!

Значит, и вторая тоже вампир!

“Боже, что же делать? Их целое гнездо”, — проносится в его голове.

“Гибель, гибель нам всем!” — Ноги Джемса подкашиваются, страшная слабость овладевает им, и он падает к ногам подошедших красавиц.

“Смерть” — последнее, что мелькает в его уме, он теряет сознание...

XV

Звуки вальса все еще несутся над озером, но лампочки и фонари начинают гаснуть. Смоляные бочки и бенгальские огни тоже сожжены, да и незачем, рассвет уже наступил, скоро взойдет солнце. Большая половина гостей уже покинула роскошный праздник.

Гарри, бледный и усталый, сидит на берегу озера и разочарованно смотрит на остатки пиршества.

Райт, хмурый, стоит рядом.

— Ну что, капитан, доволен ли ты? Поймал ли красивую рыбку? И где Джемс, неужели все еще волочится за юбками? — спрашивает Гарри.

— Джемс меня беспокоит, его не могут найти, — отвечает Райт.

— Что за пустяки, не похитила же его какая-нибудь горная фея? — вяло улыбается Гарри.

Вдруг перед ним является фигура управляющего Смита. Он бледен, как полотно, и едва может выговорить:

— Мистер Гарри, у нас несчастье: нашли мертвым мистера Жоржа К.

— Что?! — вскрикивает Райт. — А где же мистер Джемс, где он? — и капитан, точно помешанный, бросается прочь.

В то же время к Гарри подходят слуги, они несут на ковре труп молодого Жоржа К.

Слуги кладут его на главную площадку, подготовленную для танцев.

— Доктора, скорее доктора, — кричит Гарри и сам наклоняется над покойником.

Лицо молодого человека спокойно и выражает счастье. Следов борьбы не видно, а на отвороте охотничьей куртки сохранились две пунцовые, слегка помятые розы.

— Кто мог ему их дать? Это, несомненно, розы моей оранжереи, — строго говорит хозяин.

— Вы что забыли, Смит, что я запретил их рвать?

— Разве я когда-нибудь осмеливался забывать ваши распоряжения, мистер Гарри? Даже ключ от оранжерей у меня с собой, — говорит Смит.

— Странно... А что это за шум?

На опушке леса толпился народ и раздавались крики ужаса.

Оттуда что-то несли. Еще покойник, еще труп!

Капитан Райт, быстро переходивший поляну, застыл от страха.

— Неужели это Джемми, любимый, дорогой товарищ?!

Еще сегодня вечером его томило предчувствие, но он боялся не за себя, за других!

— Господи, Джемми, Джемми, — и слезы выступили на суровых глазах Райта.

Он бросился бегом через поляну, заросшую довольно высокой травой.

Между тем печальное шествие подошло, и на ковер рядом с Жоржем К. опустили другой труп, но это не был труп Джемса.

Это был молодой мальчик лет пятнадцати-шестнадцати, никому не известный, судя по костюму — городской ремесленник.

Все столпились кругом, не зная, что делать. Капитан Райт, бежавший по траве, вдруг за что-то запнулся и упал.

Быстро вскочив на ноги, он невольно посмотрел на предмет, послуживший причиной его падения.

Райт не верил своим глазам: перед ним лежал Джемс.

Там несут Джемса, и тут лежит Джемс! Да от этого можно с ума сойти.

Не раздумывая, Райт поднимает труп Джемса, кладет его на плечо и идет к танцевальной площадке и там, не говоря ни слова, опускает его рядом с Жоржем К.

Вопль отчаяния проносится по толпе.

Затем гости бросаются бежать, наскоро усаживаются в экипажи, на верховых лошадей, а то улепетывают на своих двоих. Панический страх напал на всех. Между криками отчаяния слышатся угрозы по адресу Гарри.

С Гарри осталась небольшая кучка друзей и несколько самых близких слуг.

Взошедшее солнце осветило необычайную картину: неубранные ковры, разноцветные флаги, гирлян-

ды; на полу — ленты, цветы, золотые и серебряные звезды и другие принадлежности котильона. На столах — недопитые кружки пива, вина, дамские веера, перчатки.

Все говорило о жизни и радости, и вот тут же эти три страшных трупа!

Они молоды, прекрасны и неподвижны.

Бледные, заострившиеся черты лица с открытыми неподвижными глазами, в которых играет луч солнца, наводят на окружающих холодный ужас. Все стоят молча, опустив руки и головы. Полная растерянность.

Но вог прибыл доктор, уехавший уже давно в замок. Он сразу принял на себя команду над слугами, потерявшими от страха головы.

— Скорее, как можно скорее несите в замок, быть может, можно еще помочь, — властно кричит он. — Да торопитесь!

Все бросились исполнять его приказание. Трупы подняли, и печальная процесия с тремя мертвецами начала тихо подниматься в гору.

Гарри сурово молчал. Отчаянию капитана Райта не было предела...

Доктор уехал вперед и с помощью своего слуги уже все подготовил к осмотру тел.

Жорж К. и мастеровой из города, несомненно, были мертвы. Потихоньку от слуг доктор указал Райту на красные ранки на шее покойников и прошептал:

— А ведь Джемс-то был прав!

Перейдя к трупу Джемса, доктор прежде всего осмотрел его шею, на ней не было и признака зловещих красных пятен. На теле также не нашли знаков насилия. Только знак голубого лотоса на левом плече выступал ярко и в то же время нежно, точно мерцал.

— Тут глубокий обморок с примесью гипноза, — сказал доктор, — есть надежда; помоги, Райт.

После долгих усилий Джемс пришел в себя, его уложили в теплую постель, и Райт, как верная собака, сел его сторожить.

Между тем в замке все еще царил переполох. Последние гости и большинство слуг спешно укладывали свои вещи, торопясь до ночи выехать из замка.

Смит кричал и ругался на всех европейских языках, но ничего не помогало. Заставить слуг привести покойников в порядок стоило ему немало труда.

Гарри затворился в кабинете и даже не вышел откладываться гостям.

XVI

Настал вечер. Джемс после крепкого сна совершенно оправился и просил позвать к себе Карла Ивановича.

— Ну что, прочли? — был его первый вопрос.

— Да, мистер, и это так печально, что трудно не плакать. Несчастная, несчастная мадемуазель Рита, — и Карл Иванович грустно опустил голову. — Она погибла от вампира, знала, отчего рогибаает, и не смела никому сказать, и в этом был ужас ее положения.

— Не жалейте о ней, Карл Иванович, это она сама вампир, это она погубила Жоржа К. Теперь мне ясно, почему лицо голубой красавицы на балу и вчерашней танцорки показалось мне знакомым. Я видел эти черты в портретной семейной галерее графов Дракула. Это портрет молодой невесты-итальянки в белом атласном платье с воротником фасона Медичи. Этот-то воротник и сбил меня с толку, он-то и придал другое выражение лицу красавицы. Теперь же я убежден, что это она, повторяю, она виновница смерти Жоржа, — горячо проговорил Джемс.

— Не ошибайтесь, мистер, мадемуазель Рита — это такое милос, доброе существо, да вот позвольте прочесть вам ее записки, они не длинные, — предложил Карл Иванович.

— Хорошо. Читайте.

ДНЕВНИК РИТЫ

“До сих пор жизнь моя была не жизнь, а чудная сказка, — начал Карл Иванович. — Я, как Золушка, нашла своего принца. Но только мой Карло красивее, добреc, богаче и лучше всех принцев мира.

Его замок, мой замок, стоит на высокой горе, кругом сад, а в нем цветов, цветов, мои милые, алые розы! Чудные,

роскошные... я их люблю и теперь, несмотря на то что украшений у меня много.

А все это Карло. Он, кажется, хочет скупить весь мир для меня! Милый, дорогой Карло, я люблю тебя не за подарки, а за тебя самого. Какое счастье прислониться головой к твоей груди.

Вот и тогда, вечером, он долго стоял у моего окна, и мы вместе смотрели на луну. Мне и в голову не приходило, что это последний раз, что уже потом будет не то.

Что же случилось? Что? Я и сама не знаю. Но я не та, и все не то.

Ночью из открытого окна подуло холодом, Лючия и Франческа уверяют, что ночь была жаркая, но это не так, из окна дуло холодом, каким-то мертвым холодом. И я укуталась в шаль и закрыла глаза.

И вот мне кажется, что я не одна в комнате, но в то же время я не могу открыть глаза.

Кто-то приближается, неужели вернулся Карло... И вот, как ни странно, сквозь закрытыес веки я вижу: от окна к кровати подходит господин. Это не Карло, а совсем незнакомый мужчина.

Он высокого роста, худой, в черном бархате, глаза его горят, а губы тонкие, злые, крепко сжаты. Он страшно бледен.

Кто это?

В нем есть семейные черты предков Карло, но он не из них; я знаю хорошо все семейные портреты, а его там нет.

Чем он пристальное смотрит на меня, тем мне становится страшнее и холоднее. Я слышу, но не ушами, а сердцем: "Ты моя избранница, я люблю тебя". От страха я теряю сознание...

От солнечного луча я проснулась. Все тихо, в комнате никого.

Что за странный сон. Ощущение холода осталось до сих пор, да шею неприятно саднит: это от двух маленьких ранок. Чем я могла так сильно себя уколоть? Правда, сердоликовая булавка очень острия..

За кофе я хотела рассказать Карло свой сон. Но прежде чем открыла рот, ясно услышала: "Не смей!" Я растерялась, а тут Карло начал приставать, почему я такая бледная, а кормилица — жаловаться ему, что я стонала ночью.

Тут, конечно, на меня напустились с расспросами, советами, а когда я сказала про ранки на шее, то Карло побледнел, как полотно.

Отчего это? Разве они опасны?

Он и другие думают, что я простудилась, когда осматривала склеп. Правда, там было довольно сырого, а моя вина в том, что я прислонилась к каменному гробу, и из камня холод точно вошел в меня и охватил всю.

Я как-то принадлежу ему.

И вот с той несчастной ночи я утратила свой покой и счастье.

Днем я зябну, а при наступлении ночи, особенно когда светит луна, я начинаю страстно желать и ждать. Кого, что? Первое время я даже не давала себе в этом отчета, а теперь я знаю, знаю, я жду Его.

Того страшного, черного, чужого. Он требует, чтобы я ждала его, ему тогда легче приходить, и я жду и зову.

Кто он, не знаю, боюсь его, ненавижу... и жду. Он входит как властелин, обнимает, ласкает меня, шепчет: "Твоя любовь вернула мне молодость и жизнь"...

И правда, он помолодел на вид: розовый, губы красивые, но... стало еще противнее.

Все вокруг колышется, и я каждый раз замираю, и чем кончается, и как он уходит — не знаю.

Вероятно, у меня какая-нибудь болезнь. Карло хотел позвать доктора, но я не разрешила: Он рассердится.

Ранки у меня на шее не только не заживают, а становятся шире и выглядят неприятно. Приходится закрывать их бантами и кружевами.

Сейчас новолуние, ночи темные, и Он вот уже несколько дней не был у меня.

Я точно начинаю приходить в себя после обморока: не могу еще хорошо отличить, что было и что казалось мне.

Одно сознаю ясно: мне грозит опасность или от Него, если Он существует, или от сумасшествия, если все это галлюцинация.

Надо сказать Карло, а он, как назло, уехал в город на один день и все не едет. Что-то его там задержало.

Я становлюсь все спокойнее, ранки мои заживают быстро.

Надо скорее, скорее принимать меры, а Карло нет и нет!

Сегодня я прямо счастлива, нашла свой молитвенник, мою милую, черненькую книжечку, а то он затерялся, и без него молитвы как-то выскочили у меня из памяти.

Теперь я не боюсь тебя, черный призрак! Франческа обещала мне каждый вечер читать вечерние молитвы.

Я ей сказала, что мне видится черный человек, и она уверена, что ни одно привидение не устоит от молитв св. Антония. Как хорошо. А Карло все не едет.

Луна все прибывает, и скоро полнолуние. Уверенность и спокойствие испаряются, а ожидание и желание вновь насладиться покачиванием в лучах месяца все нарастают. Серебряные волны плывут, и ты точно летишь, летишь, а Он тут рядом, ненавидимый и желанный.

Нет, я переломлю себя и не дам Ему повода явиться вновь.

Мой молитвенник всегда со мною, нужно подтянуть нервы, достаточно галлюцинаций...

Франческа каждую ночь сидит у моего изголовья, и мы много с ней беседуем...

Карло вернулся. Он очень похудел и осунулся; верно, есть заботы, которые он скрывает от меня. Неужели же я буду наваливать на него новые. Да тем более, что все прошло.

С Карло приехал смешной старионка, друг его отца. Он всячески за мной ухаживает, расшаркивается, расспрашивает, точно влюбленный рыцарь. Забавный.

На шее он носит на черном шнурке какой-то смешной значок, точно два треугольника. Когда я его спросила: "Что это?", он важно ответил:

— Это сударыня, пентаграмма, знак для заклинания злых духов.

Мне очень хотелось попросить этот значок себе, но я не посмела. Попрошу Карло заказать мне такой же.

На днях ждем друга Карло, из Нюрнберга. Ему готовят лесной дом.

Карло говорит, что он страшно ученый, не любит общества и особенно женского.

Я так и не успела побывать в лесном доме, хотя там для меня были приготовлены две комнаты: а теперь и совсем будет нельзя: Карло не пустит, он принимает все меры, чтобы не беспокоили его ученого друга.

.....

Кончено. Наступило полнолуние, Он пришел и взял мою душу.

На мое несчастье, в эту ночь у Франчески болела голова и она рано ушла спать. У меня нет сил сопротивляться. Да и Он не призрак, а существует, понимаете, су-ще-ству-ет!! Он ложится мне на грудь и тихо, тихо пьет мою кровь, мою жизнь. Ранки на шее опять стали большими, с белыми обсосанными краями.

Я опять не смею выйти из-под Его воли, просить помощи у Карло. Да и ласкать моего жениха Он строго запретил мне. Он страшно ревнив.

— Свадьбе не бывать, — говорил Он.

Чем же это кончится, что дальше... О ужас, ужас, это случилось вчера ночью! Мы сидели в саду, и я почувствовала, что Он приближается, и скорее поспешила в свою комнату. Впопыхах я забыла замкнуть дверь в комнату Франчески.

Он скоро вошел и припал к моей шее. Застонала ли я или почему другому, но Франческа вошла в комнату.

Я видела, как она бросилась на него и вцепилась ему в плечи.

Какая это была ужасная борьба!

Франческа билась за меня, как исступленная, волосы у нее распустились, рубашка разорвалась, но она ничего не помнила, да и где ей было справиться: Он силен, страшно силен, и просто удивительно, что она так долго сопротивлялась.

Я думаю, ей помогли освещенные четки на груди, потому что в ту минуту, как они рассыпались, она упала мертвая...

Он тоже исчез...

Для меня наступил мрак... надолго ли, не знаю.

Я очнулась на руках Карло, а Франчески в комнате не было...

От меня они хотят скрыть ее смерть! Даже забавно, если б они знали, что я знаю...

.....

Карло хочет, чтобы я переехала в лесной дом. Я согласна, почему нет?

Кто знает, не тут ли мое спасение? Уйду от Него подальше, не буду Его ждать, и, быть может, Он забудет обо мне.

Ученый друг Карло совсем не такой старый и угрюмый, как говорил Карло. Охотно приглашает меня в свой лесной дом.

.....

Я погибла, окончательно погибла. Я думала найти в лесном доме пристанище, скрыться... и что же... Боже мой, Боже мой, попала в Его берлогу.

Каким адским торжеством сияли Его красные глаза! Как зло Он улыбался! Теперь, чтобы прийти, Он не нуждается в моем желании или вызове.

Здесь он дома. Только одна стена разделяет нас. И никому это не придет в голову.

Мне нет спасения, прощай, Карло, прощай, счастье, прощай, сама жизнь...

Время тянется бесконечно, Он берет мою жизнь по-немногу, Он, как лакомка, растягивает свое удовольствие, а я должна жить не только этими ужасными ночами, но теперь даже днями.

Подумайте, между моей комнатой и той, где висит Его ужасный портрет, или, вернее, Он сам, есть потайная дверь, никто о ней не знает, кроме нас двоих!

И он входит всегда, когда Ему вздумается!..

Конец мой близок, помолитесь обо мне. Скорее..."

— Несчастная девушка, — прошептал Карл Иванович и замолк.

Наступила тишина.

В комнату быстро вошли Гарри, доктор Райт и управляющий Смит.

Смит был бледен, а Гарри страшно возбужден. Он опустился в кресло и быстро заговорил:

— Это черт знает что такое! Безобразие! Они, эти олухи, кричат, что я привез смерть с собой из Америки. Дураки, очень много я о них думаю!

Напасть на моего посланного! Избить его! Я найду на них управу! Идиоты! Мерзавцы!

— Успокойся, Гарри, и скажи толком, в чем дело, — попросил Джемс.

Выкрикнув еще несколько ругательств, Гарри вынул сигару и, закурив, сказал спокойнее:

— Смит, расскажите, как было дело.

— Сегодня утром, — начал Смит, — я и Миллер отправились по делам в город. Купив что надо и получив с почты посылки, Миллер поехал в тележке обратно, а я верхом заехал к помещику В. — у него продается лошадь, которую мистер Гарри желал приобрести. В. не было дома, и я поспешил догнать Миллера.

Представьте мое удивление, да и негодование, когда я увидел, что тележка опрокинута, припасы и посылки разбиты и валяются в пыли на улице деревни, а Миллер, бледный, с окровавленным лицом, стоит, прислонившись к избе.

Вокруг озверевшая толпа: кричат, машут кулаками.

Конечно, я тотчас же бросился на помощь. Увидав меня, толпа окончательно пришла в бешенство.

— Вот он, вот он, еретик поганый, проклятый американец, это он со своим дьяволом хозяином привез к нам смерть. Убить его, убить, — кричала толпа.

Все бросились на меня.

Но я огрел нагайкой передних, и они отступили. Взяв револьвер, я сказал:

— Кто двинется, будет убит! Клянусь вашим Богом.

Трусы отступили.

— Ну, теперь говорите, что вам надо. В чем дело, чем вы недовольны? Разве деревня не процветает и не богатеет с тех пор, как мой господин поселился здесь? Разве он мало помогает вам? Не поддерживает бедных и больных? Ну, говорите.

— Все это так, сударь, — ответил старый седой крестьянин, выходя вперед, — ваша правда, мы с приездом вашего господина забыли и думать о нужде. Но вот беда, за эти три месяца у нас больше покойников, чем за весь прошлый год, и все молодые, и болезнь какая-то невиданная: сегодня здоров, завтра умер. Ребята и думают, не ваш ли барин привез какое-то поветрие из-за моря. Говорят, ведь там и Бога нет, и живут люди некрещеные.

— Что вы, господа, — говорю я им, — да мы такие же христиане, как и вы; так же молимся Пресвятой Деве, а смерть всячому назначена от Бога.

— Немного затихли, — продолжал Смит, — стали шептаться, спорить.

Я тем временем посадил Миллера к себе на седло, на всякий случай.

Вдруг бежит баба, волосы косматые, платье ободрано и кричит:

— Ратуйте, люди Божьи, умерла моя девочка, черный черт ее задушил, сама видела, своими глазами видела. В бархате он весь и навалился на ребенка и давит, а как увидел меня, так и пустился бежать, да прямо к замку. Я хотела его схватить, так виши как меня отдали. — Все это она кричала бессвязно, прерывая слезами и проклятиями.

Толпа вновь ринулась на меня, тут я счел за лучшее удирать. На счастье, подо мной был наш Павлин — в одну минуту он смял передних, задние отскочили, а он вынес нас с Миллером на дорогу.

Догнать его, конечно, никто не смог, и вот мы здесь. Ворота заперты, что прикажете делать дальше?

— Да я их деревню с землей сровняю! Выдумали что: я привез к ним смерть, — опять вскипел Гарри. — Сейчас же дайте знать полковнику и просите роту солдат, расходы все за мой счет.

Смит хотел удалиться.

— Постойте, Смит. Гарри, выслушай меня или, вернее, нас, — сказал Джемс. — Мы все здесь свои, Смита я считаю за храброго и испытанного слугу, а потому хочу говорить и при нем. Это необходимо.

— Да, Гарри, как это ни дико с первого взгляда, но деревня отчасти права, считая нас причиной ее несчастий, — продолжал Джемс.

— Что, что мы привезли смерть? — спросил Гарри, выпучив глаза.

— Нет, не привезли, а, как бы лучше выразиться, напустили смерть на ее жителей, — продолжал Джемс.

Гарри посмотрел на доктора и тот ясно прочел вопрос: «Когда он сошел с ума?»

— Джемс здоров, он не сумасшедший, ты сейчас в этом убедишься, — ответил доктор.

Джемс от имени всех начал посвящать Гарри и Смита во все наблюдения, изыскания и, наконец, выводы.

Рассказано было видение Райта в Охотничьем доме; случай с Жоржем К., принятый доктором за лунатизм; появление голубой красавицы на балу и на озере.

Указаны места, освещдающие дело, в письмах Карло и в дневниках учителя и Риты.

Сопоставлены детали, сопровождавшие смерть виконта Рено, кornета Визе и, наконец, Жоржа К.

Наконец, Джемс рассказал о попытке уничтожить вампира и о спуске в новый склеп. О попытке, кончившейся так бесславно, потерпевшей полное фиаско.

Вначале Гарри недоверчиво улыбался, думая, что его мистифицируют, но чем дальше, тем становился серьезнее и только потирал лоб.

Когда Джемс кончил, Гарри вскочил и быстро прошелся несколько раз по комнате.

— Это черт знает что такое, какая-то сказка из “Тысячи и одной ночи”, — воскликнул он. — А впрочем, друзья мои, в ваших словах есть много правды. Ура нашему Шерлоку Холмсу, — улыбнулся он в сторону Джемса. — Мне и самому уже не раз приходило в голову задуматься над загадочностью здешних событий, — продолжал Гарри. — Люди мрут как мухи, то и дело говорится о каких-то не то снах, не то видениях, пропавшая голубая красавица, розовая записка... а тут еще и собственные приключения.

СНЫ ГАРРИ

— До сих пор я ничего не говорил вам, отчасти потому что сам не мог дать себе ясного отчета, отчасти боялся ваших насмешек. Ну а теперь я вам расскажу, слушайте, — начал Гарри.

Это было еще в Охотничьем доме, в которую из ночей — не помню.

Я лег спать. Вы все знаете, что спальня моя была третья по коридору, немного больших размеров, чем остальные, но все же с одним окном, выходящим в сад.

Сад в этом месте густо зарос сиренью и черемухой. Цветущие ветки так и лезли в открытое окно.

Мне не спалось.

Я пробовал лежать тихо, не шевелясь; пробовал, по совету доктора, считать до ста; старался думать об устройстве замка...

Ничего не помогало, сон бежал от меня...

Подушка казалась нестерпимо горячей, жесткий сенник — мягкой периной, чего я не переношу.

Я уже хотел вскочить на ноги, как на меня повсюля отрадная прохлада, точно тысячи крыльев навевали се...

Комната наполнилась какими-то образами, в душе проснулись неведомые желания. Образы, вначале неясные, неопределенные, начали мало-помалу становиться виднее и реальнее. Конечно, вы уже догадались, что это были образы прекрасных женщин.

Но это не были настоящие женщины, то есть я хочу сказать, это не были современные женщины.

Лица и тела их были темного, бронзового цвета, точно тропическое солнце обожгло их нежную, атласную кожу. Черные волосы прихотливо подняты и заплетены в сотни мелких косичек. У большинства на головах яркие перья тропических птиц. Вместо одежд на бедра накинуты шкуры леопарда, у иных весь костюм заключался в золотом пояссе.

Образы сливались, переливались, точно стеклышики в калейдоскопе.

Воздух был полон мелодичным шуршанием и шелестом... Звук этот напоминал или шелест дорогой шелковой материи, или трепет нежных голубиных крыльев.

Сильный, не известный мне до сих пор аромат кружил голову. Кровь стучала в висках. Душа рвалась вон из тела...

“Найди талисман, верни нам жизнь, будь нашим повелителем”, — шептал мне чудный женский голос.

Я не выдержал, вскочил... и проснулся. Темно.

Кровь бурно бежит по жилам, сердце стучит, как молот... Отдергиваю занавес, открываю окно. Луна сияет. Сирень и черемуха дуют свой аромат, но он мне противен, тускл.

Я хочу того, что видел во сне. Хочу услышать шуршание крыльев, хочу увидеть прекрасных женщин...

Но все напрасно! Все прошло!

Я не спал до утра.

Приключение свое я назвал сном и приписал действию старого токайского.

Помните, как вы все были удивлены, что я решительно отказался от употребления своего излюбленного напитка.

Теперь, когда большинство из вас видело сны, подобные моему, или что-то большее чем сны, что-то более

реальное, действительное, я утверждаю, что это не был вполне сон, как и последующие случаи.

— Как, ты потом еще видел такие сны? — вскричал Джемс.

— Да, еще два раза. Я расскажу вам все, — и Гарри, затянувшись несколько раз сигарой, начал:

— Другой раз опять в Охотничьем доме и опять не помню, в какую из ночей. Когда виконт Рено был уже похоронен, я пришел в спальню и отпустил Сабо.

Спать не хотелось.

Я отдернул темные занавески и открыл окно. Как и в памятную мне ночь, луна ярко сияла. Черемуха и сирень по-прежнему сильно благоухали, но аромат их на этот раз доставлял мне удовольствие.

Я сел в кресло, у окна. Цветущие ветки протянулись в открытое окно и при малейшем ветерке тряслись и сыпали белые лепестки на меня и на пол.

Не отдавая себе отчета, я следил за их падением... На светлом полу перебегали тени от веток, образуя пестрый рисунок, белые лепестки еще более усиливали пестроту. Они как-то сближались между собой и образовывали белое пятно... Но что это? Это уже не лепестки, а белое кисейное платье... скромное, простое... а у этого платья есть головка, с большими золотистыми косами, глаза голубые, бездонные, и сколько в них печали и горя... лицо бледное, даже прозрачное...

Это настоящий тип немецкой Гретхен. Я боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть видения.

Она тихо и боязливо приближается и склоняется надо мной... Нежные, крошечные ручки с длинными прозрачными пальчиками обвивают мою шею... Еще миг, и наши уста сомкнутся в сладком поцелуе.

Но в это мгновение раздается знакомый мне шелест крыльев, он еще сильнее, порывистее, чем в первый раз. Он точно врывается между мной и моей Гретхен.

Она отодвигается все дальше и дальше, образ ее бледнеет и исчезает, а на ее месте кружатся и вются прежние, медно-красные, обнаженные тела.

Пляска их еще бешенее, страстнее, чем раньше; аромат разгоряченных тел просто невыносим...

И опять я слышу нежный голос: "Верни талисман, дай нам жизнь!"

Утром Сабо нашел меня в кресле почти без чувств, но я строго запретил ему сообщать об этом нашему обществу.

Что я могу сказать? Чем объяснить?

Даже токайского, и того я не пил вечером.

— Теперь последний случай, — сказал Гарри, затянувшись опять сигарой.

Еще сегодня вы вспоминали приключение с незнакомкой в голубом платье, которая была на нашем бале-маскараде.

Могу признаться, что увлечен я был тогда не на шутку.

Конечно, я не поверил вам, что со мной была галлюцинация, а также и вашему уверению, что она таинственно исчезла.

Я был убежден в ее существовании, ведь я ее видел, осязаял, да и у меня в руках осталась розовая сердоликовая булавка. Чего же еще?

Мои усердные и добросовестные послемаскарадные визиты имели одну цель — найти ее. Два поверенных еврея делали то же самое, но... никакого следа, ни малейшего указания.

И я потерял надежду.

Помните, как я нервничал и злился... сваливая свое настроение на усталость и скуку от ежедневных визитов?

Однажды, когда я начал не то что забывать ее, а просто покорился своей участи, я шел пешком один из Охотничьего дома в замок.

В лесу, по дороге, есть небольшая открытая лужайка.

Подхожу к ней и через листву деревьев вижу голубое платье. Сердце забилось так, что я вынужден был пристановиться.

Да, несомненно, это ее платье, те же нежные переливы, тот же оттенок неба... Она... вот и пунцовые розы мелькают сквозь листву...

Она. Она.

Я даже не подумал в ту минуту, как она могла попасть в эту часть леса, да еще в бальном платье?

Я понял одно: нашел.

Бросаюсь вперед через кусты, сейчас я буду на опушке, сейчас я увижу ее, “мою милую, мое счастье...”!

Но мимо меня, мимо моего лица что-то проносится... Слышу знакомый звук летящих крыльев, чувствую аромат тела, хотя ничего не вижу.

“Наш повелитель, наш повелитель!” — как серебряные колокольчики, звенят голоса...

И ничего.

Я уже стою на полянке.

Тихо, светло. Посередине — большая лужа, оставшаяся после вчерашнего ливня, в ней отражается бесконечно го-лубое небо, а на краю лужи цветет красный полевой мак...

Я чуть не заплакал от ошибки! Принять лужу и мак за свою милую — не обидно ли?

Гарри замолчал.

— Ну а дальше? — спросил доктор.

— Дальше. А что ты думаешь об этом? — ответил вопросом на вопрос Гарри.

— Что думаю? Думаю, что не одно старое токайское тебе вредно.

— Ну а ты, Джемми? — обратился Гарри к Джемсу.

Джемс молчал.

— Ну! — еще раз обратился к нему Гарри.

— Позволь мне не отвечать тебе, — сказал Джемс, — фактов слишком мало, оснований никаких... а что я думаю — так фантастично, что вы только поднимите меня на смех.

СОН СМИТА

Смит, все время упорно молчавший, вдруг обратился к Гарри:

— Не знаю, мистер Гарри, должен ли я тоже рассказать “свой” сон или это неинтересно для господ? — спросил он нерешительно.

— Ну конечно, рассказывайте, — ответил Гарри.

— Сон, — не иначе как сон, а все же точно и не сон, — начал Смит.

— Небось, тоже видели женщин с розами да ненюфарами, — фыркнул доктор.

— Нет, доктор, что скрывать, какие уж мне женщины с розами, — печально ответил Смит, — деревенские девки и те зовут “рыжим дьяволом”. Эх, скорее бы в Америку, там рыжих уважают!

Несмотря на серьезность вопроса, всех насмешила выходка Смита.

— Итак, господин “рыжий дьявол”, что вам снилось? — спросил важно доктор.

— Это было за день до маскарада. Устал я страшно, работы было по горло: в день-то раз сто спустишься с верхнего этажа в подвалы замка, — начал Смит. — Как ткнулся в подушку, так моментально и заснул... Сколько спал, сказать не могу.

Я в подвале... зачем я сюда пришел? Да нет, это не наш замковый подвал... это что-то другое... “Неужели подземная тюрьма, тогда кто и за что меня посадил в нее?” — думаю я. Не может этого быть. А несомненно, я под землей, и глубоко под землей. Какая-то мертвая тишина, какой-то неуловимый запах.

“Ах, это наш новый мексиканский рудник”, — решаю я. Страх и оторопь сразу пропали. Я иду. Странно, наши шахты, особенно нижние, гораздо уже и ниже, а здесь совершенно свободно. Дотрагиваюсь рукой до стен, чтобы убедиться, есть ли деревянные подпорки, и, к удивлению, пальцы мои скользят и ощупывают гладкую, полированную поверхность. “Не иначе как это гранит или мрамор”, — проносится у меня в голове. Все же иду дальше. Коридор бесконечен.

Но вот по сторонам появляются очертания, неясные, неразборчивые, но чем дальше, тем определеннее, и я вижу, что в нишах стоят гробы, а в них — женские фигуры. Длинные одежды, длинные волосы... Я спешу, бегу... Вот и дверь.

Открываю и стою пригвожденный к порогу. Ничего не вижу. Ослепительный яркий свет бьет прямо в глаза.

Наконец с трудом различаю, что я в огромном пустом помещении; стены точно не стены, а бегущая вода, водопад. Откуда-то льется свет, сильный, яркий, но не электрический, да, пожалуй, и не солнечный.

Напротив — большой золотой не то трон, не то жертвенник. Откуда-то — не то из глубины, не то со всех сторон — слышу:

“Ищи сокровище, рой, копай, встань, встань!”

Тут я понимаю, что голоса раздаются не извне, а в моей собственной голове.

И опять я в наших замковых подвалах, но в котором, решить не могу... От одной из стен идет мерцающий свет.

“Здесь”.

В руках у меня железный лом, я замахиваюсь... и просыпаюсь...

Миллер стоит надо мной и усердно трясет меня за руку, говоря: "Встань, встань, иди, ищи мистера Гарри, привезли срочные депеши с плантаций".

Яркое солнце освещает комнату и слепит мне глаза...

— Целую неделю сон не выходил у меня из головы, — продолжал Смит. "Ищи, копай!", а что если это судьба, указание свыше? Замок старинный, разве не может быть в нем клада: "ищи, копай".

— Простите, мистер Гарри, я не утерпел, я пробовал искать и копать в подвалах... я даже копал в склепе. Ничего! — вздохнул Смит.

— Что же дальше? — спросил доктор.

— И дальше ничего! Все было один обман.

Общее молчание.

— Ну-с, а какое будет мнение общества об этом сне? — спросил Джемс.

— Джемми, это, наконец, невозможно, обсуждать каждый сон, — взмолился доктор. — Мало ли что кому снится! Поел на ночь лишнего, вот и готово. Прошлое воскресенье приналег я на сибирские пельмени, так всю ночь они вокруг меня плясали и летали... Разину рот, хочу схватить... а его уже нет. Смотрю, а он опять перед носом прыгает и пляшет. Пригорюю, хлоп губами — и ничего. Измучился. Пришлось утром риции выпить, — рассказывал совершенно серьезно доктор.

Все улыбались, один Джемс сердито махнул рукой на неунывающего доктора.

— На борьбу, — сказал Гарри, — это, право, интереснее, чем танцевать и делать визиты. Прежде всего, Смит, вы отправитесь к местному деревенскому священнику и попросите его завтра отслужить заказную обедню; обставьте возможно торжественное, мы все отправимся в церковь. Затем завтрак. Пригласите: священника, старшину, доктора и еще пять-шесть почетных деревенских обывателей. Дайте понять, что сегодняшнее буйство я приписываю пьяной молодежи и великодушно прощаю.

Приготовьте хорошее пожертвование на церковь, школу, больницу. Это я передам после завтрака местным властям.

Тогда же на деревню пошлите всякое угощение. Причиной праздника выставьте день моего рождения или получения нового ордена.

Этим мы временно заткнем рот крикунам, а сами зайдемся нашими нежелательными сожителями.

Итак, первое: вы говорите, что были в новом склепе и не нашли гробов, — продолжал Гарри. — Это естественно, так как они вынуты по моему приказу. Он открыл бумажник и вынул розовое маленькое письмо, и без запаха лаванды, которым оно пахло, ясно было, что оно от женщины. Гарри прочел:

“Каждый рыцарь прежде, чем обладать дамой сердца, совершает подвиг или исполняет каприз ее, тем он дороже ценится. Гробы Фредерика и Марии, графов Дракула, из склепа под статуей желательно перенести в общий фамильный склеп и не позже, как сегодня ночью. Безусловная тайна. Награда на сельском празднике, на озере.

Примета: голубое платье и алые розы.

Подпись: розовая сердоликовая булавка”.

— Записку эту я нашел у себя на столе.

Новое место погребения графской четы известно Смиту, — закончил Гарри.

Второе, — продолжал он вновь, — вы предполагаете, что “она” или, вернее “он” делают попытку овладеть мною; если так, то вопрос, почему же до сих пор я не только жив, но и шея моя цела?

— Да, мы давно наблюдаем и задаем себе вопрос, почему “она” отстала от тебя, — перебил Джемс. — Положим, мы с Райтом неустанно тебя караулим и стережем.

— Как, дорогие мои, да неужели это правда! — проговорил растроганный Гарри, протягивая руки Райту и Джемсу.

— Что же тут особенного? Разве мы не поклялись стоять один за другого и все за одного, — сказал Джемс просто.

— Спасибо, друзья, — еще раз поблагодарил Гарри. — Знаете ли, я начинаю думать, что прежний владелец, Карло, что ли, знал, какое у него соседство, и оберегался.

Теперь мне понятна его страсть к средневековому знаку заклинания нечистой силы — я говорю о знаке пентаграммы, о двух соединенных треугольниках.

Этот знак наполняет мою спальню, вы найдете его везде: на спинках кровати, на подоконниках окон, на порогах дверей, даже над камином и у топки печи. То он сделан из металла, то выложен мозаикой из дерева. На моей палке, на моем хлысте вы найдете тот же знак.

Меня вначале это заинтересовало до того, что я начал носить на шее цепь с пентаграммой. Смеясь, я решил: пусть и я сам, как и все мои вещи, буду отмечен каббалистическим знаком.

А вышло, что он оберегает меня! — говоря это, Гарри расстегнул жилет и показал на цепочке изящный золотой знак, отделанный дорогими камнями.

— Завтра же, Смит, вы закажете такие же знаки из серебра для себя и всей прислуги замка и нарисуете пентаграммы на дверях всех спален, — сказал Гарри. — Надеюсь, вы это сделаете без лишней огласки.

— Слушаю, мистер.

— Дальше. Вы говорите, что перечли все, что удалось найти? — обратился затем Гарри к Карлу Ивановичу.

— Да, мистер Гарри, все, исключая, как я уже и говорил мистеру Джемсу, старой Библии, но там ничего не может быть, — ответил Карл Иванович.

— Все равно, Смит, доставьте эту Библию немедля в замок, мы посмотрим ее вечером, а сейчас, друзья, дайте мне все бумаги, так сказать, “по этому делу”, я хочу все сам перечесть и продумать. Итак, до вечера! — сказал, вставая, Гарри.

XVII

Вечером в тесном кружке посвященных Гарри прочел то, что он нашел в старой Библии. Карл Иванович пришел в отчаяние, хватался за свою лысую голову, стонал: чуть не пропустили такого важного документа!

— Сам не знаю, почему я решил, что там ничего нет, — говорил, чуть не плача, обескураженный старик.

ИСПОВЕДЬ АЛЬФА

Гарри начал:

“Дорогой Карло, нам надо наконец объясниться. Настоящее положение становится невыносимым, я не раз

пытался заговорить с тобой, но ты ускользаешь от меня. Сначала я это приписывал слухаю, теперь же ясно вижу, что это не случай, ты бежишь от меня, от объяснений. Волей-неволей приходится прибегать к письму, что я и делаю.

Карло, милый, ведь мы друзья детства. Дружба наша тянется не один год. Мы не можем разойтись с тобой так, из-за ничего. (Каюсь, я порывался уехать, не поговорив с тобою.)

Зачем недомолвки, хождение кругом, будем говорить прямо и просто.

Ты меня ревнуешь к своей невесте, не отрицай. Но в умели ты?

Я кабинетная крыса, бедняк, со строгими взглядами на отношения к женщинам. Помнишь, как вы все, товарищи по коллегии, смеялись надо мной. Я, твой лучший друг, изменю всем и всему и буду отбивать у тебя любимую женщину, невесту??!

Скоро разбирая свое поведение, я, положа руку на сердце, не могу себя упрекнуть ни в одном слове, ни в одном нескромном взгляде. Клянусь тебе.

Все же я не могу вполне и тебя обвинить. В Рите есть какая-то перемена, и, прости меня, перемена к худшему. Во время болезни, когда ты поселил ее в лесном доме, она была иной. Мы целые дни проводили втроем: она, покойница Лючия и я.

Много говорили о поэзии, Италии. Девушки пели и играли на лютне. Я рассказывал о последних открытиях и изобретениях.

Самый строгий, неумолимый судья не нашел бы в наших отношениях и тени некорректности, ни слова порицания.

Да и ты сам, наезжая вечером и в разное время дня, входя без доклада, видел ли ты хоть раз что-либо намекающее на скрытые отношения? Ручаюсь, что нет.

В тот страшный день, когда внезапно Рита впала в летаргию, мы все потеряли голову.

Еще утром она была достаточно бодра, только взволнованна, казалось, что она чего-то ждет. Не было ли это предчувствие? Я все думал, что она ждет тебя, что вы, тихонько от нас, условились о твоем приезде. Но когда от тебя принесли букет полевых цветов, я убедился, что предположение мое неверно.

Ставя букет по просьбе Риты в серебряную вазу, я видел слезы у ней на глазах и в руках маленькую черную книжечку, по-видимому молитвенник.

Потом она попросила меня и Лючию оставить ее с Цецилией, говоря, что она очень устала. Мы вышли.

Вскоре же она отослала и Цецилию.

“Синьорита что-то пишет”, — сказала кормилица.

Мы с Лючией сидели в соседнем проходном салоне и ждали, когда нас позовут к Рите.

Вдруг раздался страшный крик. Мы бросились в комнату Риты, но это кричала не Рита, а старая Цецилия.

Рита же лежала на кушетке, вся вытянувшись и закинув голову назад.

Я бросился к ней, она тяжело открыла глаза и снова сомкнула их; думая, что ей дурно, я поспешил налить в стакан воды, но в ту минуту, когда я приподнял ее голову, чтобы дать ей напиться, она снова взглянула на меня, и... это в первый раз — мне показался ее взгляд... странным, что ли... в нем было что-то манящее, любовное... Она тихо прошептала:

— Поцелуй меня.

Испуганный, не отдавая себе отчета, я наклонился и поцеловал ее в губы...

В ту же секунду она откинулась, тяжело вздохнула и впала в летаргию или, как мы тогда сгоряча думали, умерла.

Наклоняясь еще раз, я невольно отшатнулся, лицо Риты сделалось злым, зубы оскалились и казались длинными, это была не та Рита, которую я знал, а чужая, злобная. Вскоре это выражение сменилось тихим и спокойным, такой ты ее и застал.

Ты помнишь, как мы все тогда потеряли головы, и я не то что скрыл, а просто забыл сказать тебе о поцелуе.

Затем начались приготовления к похоронам, перенесение тела в капеллу, твое, да и общее наше отчаяние.

Тогда же, по твоему желанию, закрыли салон Риты, где она умерла, и второпях забыли там бедную канарейку, а затем внезапное воскресение или оживление, не знаю, как выразиться, Риты, среди ночи во время бури, перепугавшее прислугу, да и, что греха таить, нас всех чуть не сильнее самой смерти.

После же “воскресения” Риты мне уже было неудобно сказать тебе о прощальном поцелуе; да я бы скоро его

и забыл, если б не ловил время от времени ее взгляд, напоминающий тот, что сопровождал поцелуй.

Ты как-то на днях написал мне, что находишь большую перемену в Рите, да и я нахожу эту перемену, и чем дальше, тем больше. Ты прав. Она расцветает физически, но как-то опускается нравственно: прежде такая чуткая к чужому горю, она теперь остается совершенно спокойной; даже смерть Лючии и других домашних проходит, не задевая ее совсем. К гибели своей любимицы канарейки она тоже отнеслась на удивление холодно.

Наружностью своей она перестала заниматься, я заключаю это из того, что все зеркала она приказала закрыть кисеей "в знак траура", как говорит она, и даже свой собственный туалет.

Ни песен, ни игры на лютне (кстати, лютня, кажется, тоже осталась в роковой комнате) я больше не слышу. Рита предпочитает уединение.

Характер ее тоже пошел на минус. Вот пример.

Последние дни перед летаргией она не расставалась со своим молитвенником, — знаешь, черная книжечка, — я и спросил, где она у ней, не принести ли? Рита вдруг разозлилась, глаза засверкали, зубы оскалились, и она наговорила мне дерзостей.

Другой раз я подал ей ручное зеркальце, с которым она тоже прежде никогда не расставалась, — так она не только его бросила, но растоптала каблуком, не пожалела даже художественной золотой оправы.

Несмотря на эти выходки, все же по временам я, как и говорил уже, ловлю на себе взгляд Риты, полный желания, призыва и страсти... да, страсти... Мне невыносим этот взгляд, страшен, я боюсь его. Боюсь как-то безответно, даже не по отношению к тебе. В нем есть что-то.

Меня прервали, принесли от тебя приглашение приехать в замок. Таким холодом веет от этого приглашения, в отличие от прежних, — такой официальный язык!..

Я отказался.

Завтра-послезавтра я исчезну с твоей дороги. В начале письма я искал объяснений с тобою, а под конец многое продумал и решил лучше уехать; уехать не прощаясь.

Оставлю тебе это письмо, ты сам поймешь, что отъезд — это лучшее, что я могу сделать. Спасибо за прежнюю любовь, крепко верю, что со временем ты опять

вернешь мне ее. Я же все люблю тебя по-прежнему и не переставал любить. Привет Рите, желаю вам обоим счастья.

Твой Альф

...Прошли сутки, а как перевернулся весь мир! Сейчас я не могу ясно представить, что случилось. Постараюсь вспомнить и записать. Это занятие обычно проясняет мою голову. Итак.

Я написал Карло прощальное письмо и оставил его на столе, собираясь при окончательном отъезде приписать несколько слов приветствий и пожеланий.

Дальше.

Гулял по саду: ночь тихая, лунная, озеро лежит, как зеркало, только воздух, как перед грозой.

Лег спать с открытым окном.

После полуночи мне показалось, что я не один в комнате и что на груди у меня тяжесть. Открываю глаза...

Пресвятая Дева Мария, Рита у моей постели, вернее, лежит на моей груди!

Что же это? Хочу вскочить, крикнуть... не могу... ведь я осрамлю ее! Что скажут люди! Что скажет Карло?

Ясно, Рита опять больна, иначе зачем бы она попала в мою комнату, да еще ночью? Она — или лунатик, или в бреду.

Что делать, чтобы не испугать ее?.. Все это вихрем проносится у меня в голове. А голова кружится, кружится, истома давит тело... Что делать, как быть?.. И опять все качается.

Затем я теряю сознание, это первый раз в жизни... Открываю глаза — никого нет. Полная тишина, луна заходит, веет предрассветный ветерок... И снова я не могу ничего понять. Куда она делась? Что она была здесь, я уверен, еще до сих пор пахнет ее любимыми лавандовыми духами. Что с ней стало? Зачем она приходила?

Что это мог быть сон, мне даже не пришло в голову, настолько все было реально. Вдруг меня пронзила мысль: случилось несчастье, Рита приходила за помощью!

В один миг я сорвался с кровати и оделся, второпях даже не заметив, что дверь моей комнаты закрыта, и вот только теперь, записывая все, я вспомнил это. Следовательно, еще одна загадка! Обежав дом, я не нашел ничего подозрительного: все спало, все тихо, везде темно. Я бро-

сился в сад. И там тихо. Запутавшись в траве, я упал в кусты шиповника и очень неудачно: изранил лицо, руки и даже сухим сучком ранил шею настолько сильно, что запачкал кровью рубашку.

Когда я вернулся в дом, то слуги уже начали вставать и на мои вопросы: не случалось ли чего ночью? — отвечали удивленными взглядами и полным отрицанием.

Вот факты. Какие же выводы?

Что она была у меня, это несомненно, закладываю душу!..

Первый вопрос: как попала?

Дверь закрыта. Ключ у меня... Следовательно, другим ключом, заказным, значит, с "заранее обдуманным намерением".

А если в окно? Оно достаточно низко от земли и было открыто. Если так, то все же с намерением, а не случай.

Второй вопрос: зачем приходила?.. Фу, даже в пот бросило, неужели Карло прав, и она меня любит, любит настолько сильно, что пришла сама? Рискуя всем... Неужели я так слеп и не видел этой страсти... Вот уж мой ночной обморок был некстати — что она подумала обо мне? Наверное, презирает теперь...

Третий вопрос: что же делать теперь?

Бежать, бежать, бежать немедля... А если она любит, сильно любит?.. Ну, погрустит и забудет... А ведь не все способны забывать, вот и я ее никогда не забуду...

Да и имею ли я теперь право уехать? Ведь она осрамила себя. Положим, никто не знает, что она ночью была у меня, но сама-то она сознает, что она, девушка, красавица, невеста другого, была ночью одна в комнате молодого мужчины... ведь я еще молод! Лежала у него на постели, на груди... Не замучает ли ее эта мысль?

Не должен ли я во что бы то ни стало остаться?

Нет, нет и нет... не финти и не хитри, Альф, сам с собою, не для тебя эта любовь! Пока ты честен, ты должен бежать.

В замок не пойду, уеду в город, закажу там почтовых лошадей и к вечеру уеду.

Решено... Рассвет.

• •

Вот тебе и уехал!

Правду говорит пословица: человек предполагает, а Бог располагает. Впрочем, тут Бог, наверное, участия не принимал!..

Я плохо ему молился, плохо верил, и он меня оставил этой ночью!

Сейчас я совершенно спокоен, спокоен, как человек, неизбежно приговоренный к смерти.

Весь ужас открытия правды, вся безвыходность моего положения отошли в сторону, и жалость жизни, и боязнь смерти — все переболело, перегорело... Теперь остался один долг — предупредить Карло. Лично я этого не могу. Она не допустит.

Пусть эти записки откроют ему страшную тайну. Чтобы оберечь их от Нее, я положу их в Библию. Конечно, будет следствие по случаю моей внезапной смерти, обыск в моей комнате, их найдут и передадут по адресу.

Чтобы Карло все было ясно, продолжаю рассказ. Итак, я решил уехать. В город, чтобы заказать почтовых, я отправился верхом. В лесу, на крутом повороте дороги лошадь моя заупрямилась. Несмотря на хлыст и шпоры, она не трогалась с места. Можно было думать, что она почуяла волка. Она вся дрожала и покрылась потом. Недоумевая, я слез и пошел пешком, таща коня в поводу.

За поворотом дороги я увидел Риту, сидящую на пне дерева, я, кажется, в первую минуту так же испугался ее, как и моя лошадь — волка.

Оправившись, я подошел и заговорил, притворяясь, что я ничего не знаю и не помню. Но один взгляд Риты показал мне, что она все помнит и видит мои уловки насквозь.

Я растерялся. Лошадь рванулась и убежала. Рита смотрела на меня, не спуская глаз, и голова моя опять начала кружиться, все закачалось. Я сел на траву.

Рита наклонилась к моему лицу и начала шептать:

— Зачем ты бежишь? Разве ты не видишь, не чувствуешь, что я люблю тебя?

Я хотел заговорить...

— Оставь, молчи. Я знаю, что ты скажешь, — продолжала она, — но какое нам дело до Карло и до всего земного? Ты будешь счастлив, вечно счастлив. Ты будешь бессмертен, я подарю тебе вечную жизнь, там, где я, Карло не может за мной следовать, не может мне принадлежать: его оберегают! — криво усмехнулась она.

Согласись на мою любовь, и я тебе открою тайны, каких не знает никто; я унесу тебя высоко-высоко, лунный луч будет нашей дорогой, а в час покоя мы будем сладко спать! А какое наслаждение пить горячую теплую кровь, а с ней и вечную жизнь! — продолжала она.

Я с ужасом отшатнулся.

Уже с первых слов Риты мне показалось многое странным в ее словах и обещаниях, и я со страхом убеждался в том, во что до сих пор не хотел верить...

Получив от тебя письмо о том, что твоя мать, по словам старого доктора, была вампиrom, я заинтересовался этим поверьем и купил старинную латинскую книгу, трактующую о ламиях, "не-мертвых" и т. п.

Поштудировав ее немного, я, конечно, отбросил ее в сторону, не мог же я тогда верить во всю эту чушь, не мог не считать все вымыслом. А ведь странности твоего старого доктора, его разговоры только еще больше укрепили мое мнение. Я был убежден, что вся история с вампира-ми — бред его большой фантазии. И вот теперь эта фантазия встала передо мной во всем своем ужасе правды!

Я понимал, что Рита любит и под влиянием чувства открывает мне многое, что не должно быть ранее открыто, или, быть может, она так верит в обладание мной, что уже не стесняется.

Она сама вампир, ее погубил или, как она выражается, "призвал к жизни" старый граф Дракула.

Он отдыхает в большом каменном гробу, он долго ждал ее... наконец, она пришла и вызвала его теплотой своего молодого душистого тела.

Чтобы достигнуть вечного существования, надо умереть для людей.

Так с ней и случилось. Но на вторую же ночь Дракула силой своего могущества заставил ее встать и жить между людьми, как бы по-прежнему.

Она так много говорила о прелести быть вампиром, что мозг мой больше и больше начал тускнеть и все пошло кругом.

— Так скорее достигну я первой степени силы, — добавила она.

Точно сквозь дрему я вспомнил, что в старинной книге сказано, что вампир не оставляет тени, не любит зеркал, потому что не отражается в них, не пьет, не ест, спит на закате солнца. И, к ужасу моему, я находил у Риты все

эти приметы! Или я их сам заметил, или о них сообщил мне Карло. Силы совершенно меня покинули.

— Ты согласен, милый, отдайся мне, не бойся, — шептала она. — Я отыскаю в моем гробу, и я заставлю Карло поставить твой гроб рядом с моим.

При этих словах я рванулся и вскочил:

— Нет, я не хочу! — вырвалось у меня.

Она зло рассмеялась.

— Не хочешь, тем хуже для тебя; тебе нет возврата к жизни. Не воображай, что ранки на твоей шее нанесены тебе сучком шиповника; о нет; это я ночью положила на тебя свою печать. Ты погиб. Ты можешь только выбирать: смерть, настоящую смерть, с червями и холодом могилы, или бессмертную жизнь вампира. Я до ночи даю тебе время на размышление. Ночью я приду. Ты не спрячешься, не уйдешь от меня — не пытайся. Выбирай, моя любовь и бессмертие или ты в недалеком будущем скелет, с провалившимися глазами и дырой вместо носа.

В это время возле нас раздались голоса; это были слуги, посланные Карло за Ритой.

Нам ничего не оставалось, как взяться под руку и идти в замок.

В удобных местах я все косился, ища тени от Него, от Риты, все еще надеясь на что-то.

Тени не было.

В замке я провел несколько неописуемых часов. Он и Рита не спускали с меня глаз; Карло невыносимо ревновал, сам я не знал, что предпринять, как спастись; ум мой мутился; я пробовал молиться, но не находил слов.

Вся прошлая жизнь в моем воспоминании... какой она мне показалась прекрасной, а будущее?

Сколько ждет меня интересной работы, открытый; быть может, любовь, но не эта проклятая, а святая, чистая... Я готов был рыдать, а тут Карло, с его резкими речами, и взгляд Его, Риты, говорящий:

— Ты мой, исхода нет!

Наконец я не выдержал и бросился бежать. Я не только забыл хлыст и перчатки, но даже шляпу.

И вот я пишу, торопясь исполнить последнее: открыть глаза Карло, а там... да помилует меня Бог.

Я решился погибнуть: вампиром я не буду. Скоро полночь! Луна сияет.

Мать моя, благослови меня, не дай мне в последнюю минуту жизни изменить себе и согласиться на мерзкое существование вампира.

Гарри кончил и начал усиленно курить: наступила тишина. Джемс первый не выдержал:

— Ну, — начал он, — теперь, после этого письма, если у кого из нас были еще сомнения, то они должны исчезнуть.

— Если сопоставить весь письменный материал, что у нас есть, и текущие события, то ты прав, Джемми, и приходится верить не только в существование вампиров, но и признать, что они живут где-то рядом с нами, — добавил доктор.

— Это мои милые родственники! — пробурчал Гарри.

— И они устроились в замке Дракула по-семейному, — сострил доктор.

— Будет, господа, к делу, — мрачно сказал Райт.

— Ты прав, Райт, к делу! Джемс, ты первый начал это дело, веди его дальше, — сказал хозяин.

Джемс даже покраснел от удовольствия.

— Смит, посмотрите, чтобы нас не подслушали, и возвращайтесь, — распорядился Гарри.

— Я не буду повторять, — начал Джемс, — ни фактов настоящего, ни выводов, сделанных на основании этих документов прошлого, а прямо начну с того, что существование “не-мертвых”, или вампиров, нами всеми, здесь присутствующими, принято. Принято также решение — уничтожить их как очень опасных существ. Или по крайности обезвредить, как были они обезврежены до нашего приезда.

Теперь ставлю вопросы: где они, сколько их и что надо делать?

Тут начинается область догадок и предположений.

Первый “не-мертвый” — это дед Дракула, привезенный в гробу из Америки: портрет его висит в Охотничьем доме, а место вампирического сна неизвестно, так как гроба мы не нашли. При нас он не появлялся совсем или, как более сильный и умный, лучше умеет скрывать свои злодеяния. Только вот вчерашия женщина в деревне кричала: “Был мужчина, весь в бархате”, до этого же случая всегда говорилось о женщинах.

Второй “не-мертвый” — это Мария Дракула, женщина в белом с золотистыми волосами и ненюфарами,

мертвыми розами; гроб ее в склепе, под статуей; теперь он в склепе под капеллой, и его нам может указать Смит.

Третий “не-мертвый” — это Рита, итальянка, портрет ее в галерее фамильных портретов; она брюнетка, в голубом платье, с розами; гроб ее пустой мы нашли в капелле, и он спущен в склеп. Место его также известно Смиту.

Других “не-мертвых” мы пока не знаем и будем надеяться, что их больше нет.

Теперь самое трудное: что делать?

Мы можем действовать только на закате и на восходе солнца, т. е. в часы вампирического сна наших врагов, во время их бессилия.

Кроме времени, мы еще стеснены тем, что должны действовать тихо, секретно, чтобы не всполошить и не напугать замковых слуг.

Завтра, после званого завтрака, отпустив большую часть слуг на праздник в деревню, мы спустимся в склеп и зайдемся гробами Марии и Риты.

Старого Дракулу нам придется выследить, а для этого мы поставим очередное дежурство по два человека.

Дежурные целую ночь должны провести в склепе не смыкая глаз.

На первое дежурство вызывается капитан Райт, ну, конечно, и я с ним, — кончил Джемс.

— Согласен, — сказал Гарри, — второе дежурство — мне. Надеюсь, что Карл Иванович, как человек старый, от дежурства будет освобожден.

XVIII

На другой день торжественное богослужение и званный завтрак прошли своим порядком; гости наугащались вволю, без конца пили за здоровье хозяина и его друзей.

А когда Гарри объявил о своих пожертвованиях, то восторгу не было пределов. Гарри, да и все участники предполагаемой вечерней экспедиции ничего не пили; они понимали, что надо иметь свежую голову и спокойные нервы.

Не первый раз в жизни шли они на опасность. Перед закатом солнца они под предводительством Джемса спустились по внутренней лестнице капеллы в склеп. Заранее было решено начать с гроба Риты, как уже находящегося в их распоряжении.

Смит отомкнул железную дверь: с неприятным скрипом, точно со стоном, она открылась; оттуда пахнуло сыростью, запахом тления и могилы. Темно. Пришлось зажечь взятые с собой фонари. Они тускло мерцали, конечно, от недостатка чистого воздуха...

Все это было вполне естественно, и тем не менее всем было как-то не по себе. Пробирала нервная дрожь. Чем ниже спускались в склеп, тем запах разложения чувствовался сильнее, свет фонарей плохо побеждал окружающий мрак.

Запинаясь и спотыкаясь о гробы и пьедесталы памятников, друзья тихо продвигались к той стене, у которой, по указанию Смита, был поставлен пустой гроб из капеллы.

Вот и он. Белая парчовая обивка от сырости потемнела и поблекла. Гроб осторожно отодвинули от стены, и все его окружили. Джемс вооружился осиновым колом, а Райт — тяжелым молотком, чтобы ударить по этому колу. Смит приготовился снять крышку, все остальные светили фонарями, и на груди у каждого блестел знак пентаграммы.

Все готово. Доктор смотрит на часы и при общем мертвом молчании объявляет:

— Час заката.

Крышка поднята.

Всем в головы ударили ужасный трупный запах, но... но... но гроб пуст! Пуст. Присутствующие окаменели; они ожидали всего что угодно, но только не этого!..

Джемс оправился первым: взяв фонарь, он начал внимательно осматривать внутренность гроба.

Белая атласная подушка еще сохраняла след головы человека; кружева были помяты и кое-где запачканы свежей кровью.

— Нет сомнения, Она недавно была здесь, — заметил он, — а раз Она посещает это место, мы рано или поздно поймаем Ее, — счел он нужным ободрить товарищей. — Теперь дальше, Смит, где гробы графа и графини?

Недавно в нише стояли оба гроба один над другим. Достали один из них. Теперь возник вопрос: который гроб принадлежит графу, который — графине?

Смит откровенно признался, что не знает, не помнит, который был в нижней нише нового склепа.

— Делать нечего, откроем сперва тот, который уже вынули, — распорядился Джемс.

Пришлось повозиться; наконец крышку отвинтили, сняли.

В гробу лежал мертвец, закрытый какой-то материей. При первой попытке снять ее она рассыпалась прахом.

И глазам всех предстала тяжелая картина человеческого разрушения: из-под шапки седых волос глядели пустые впадины глаз; зубы оскалились, и нижняя челюсть свалилась набок; костяшки рук рассыпались; часть их лежала на груди, часть скатилась вниз.

Костяк кое-где был прикрыт лоскутьями одежды.

Судя по стриженым волосам, это был, несомненно, мужчина.

Граф Фредерик.

Все сняли шляпы и перекрестились.

— Спи с миром! — сказал Джемс, закрывая крышку.

— Скорее, скорее, другой гроб, — сказал доктор, — время проходит, и Она тоже может улизнуть от нас.

Достали второй гроб, спеша. отвернули винты и сняли крышку.

Крик негодования вырвался у всех: и этот гроб был пустой.

В тот же момент по склепу прокатился взрыв злобного хохота.

Все тревожно переглянулись: эхом это не могло быть.

Прежде чем кто-либо успел открыть рот, по склепу пронесся вихрь, захлопали крылья, пламя фонарей заметалось... что-то завыло... застонало...

Все как-то помимо воли бросились к лестнице в капеллу; вслед беглецам вновь раздался злобный, торжествующий хохот.

Только вверху, в зале, товарищи пришли в себя.

— Уф, — прохрипел доктор.

Смит, этот храбрец, был белее полотна; у Карла Ивановича дрожала челюсть; Гарри грыз свою сигару, а Райт крикнул:

— Рому и стаканы.

На Джемса жалко было смотреть: до того поразила его неудача. Он осунулся, точно похудел и постарел в эти несколько часов.

За первой бутылкой рома последовала вторая и третья.

Слуги с удивлением посматривали на господ: бледные, молчат, пьют.

Райт, вечно спокойный, невозмутимый, ударила кулаком по столу и вскричал:

— А я Его выслежу; нам двоим на свете не жить! “Немертвый”, “не-мертвый”. Я ему покажу, какие бывают мертвые.

Райт расходился и хотел тотчас же снова спуститься в склеп.

С большим трудом Джемс уговорил его идти спать.

XIX

Назавтра, с самого утра, в замке начался переполох.

Караульные требовали от Смита расчета, говоря, что служить в доме, где водится чертовщина, они не могут... Покойники в склепе всю ночь хохотали, визжали, шумели...

Рассказы караульных начали волновать и другую прислугу.

Смит, конечно, объявил, что караульные были пьяны после гулянки на деревне, и тотчас же их рассчитал.

На деревне опять было два покойника; но так как оба были заклятые пьяницы, то молва решила, что они опились дарового угощения. Зато в замке на господ эти смерти произвели тяжелое впечатление.

Целый день Карл Иванович и Джемс читали и толковали непонятные места в старой книге “о ламиях”, призывали на помощь доктора... но дело вперед шло плохо. Райт стоял на одном, что он пойдет в склеп караулить; Джемс не допускал мысли отстать от него.

Карл Иванович тщательно осмотрел, крепки ли цепи пентаграммы, и, несмотря на воркотню Райта, набил его и Джемса карманы чесноком; даже на шляпы прикрепил по пучку этих белых вонючих цветов.

На закате солнца Райт и Джемс начали спускаться в склеп, с тяжелым чувством провожали их товарищи.

В склепе по-прежнему было темно и сырьо... Освещая себе путь фонарями, Джемс и Райт дошли до противоположной стены, где была дверь из склепа в сад. Они расположились по обе стороны так, чтобы видеть друг друга.

Райт поставил свой фонарь на перекладину большого черного креста, а сам сел к его подножию. Джемс предпочел поставить свой фонарь на могильную плиту, рядом с собой. Он рассуждал так: обопрешься о крест, будет удобнее сидеть — ну, против воли и задремлешь. Да и фо-

нарь, на всякий случай, иметь под рукой не мешает. Положим, у меня еще есть карманный потайной фонарь, ну, а все же лучше.

Затем Джемс начал осматриваться: перед ним выступали гробы, кресты, плиты, урны и другие памятники.

Захоронение в склепе было смешанное: часть гробов стояла на поверхности, часть была опущена в могилы и украшена памятниками.

Благодаря темноте и обширности склепа противоположных стен не было видно. Воздух был тяжелый, затхлый.

Джемс посмотрел на Райта; тот сидел спокойно, и огонек его сигары показывал, что он бодрствует.

Жутко. Тихо.

В голове Джемса начали проноситься образы прошлого. Детство, юность, жизнь, полная приключений, знакомств, и дружба с Райтом. Вот они большой компанией охотятся в прериях; дичь хорошая и опасная — буйволы.

Только на третий день охоты напали на большое стадо, и они с Райтом так увлеклись преследованием животных, что отделились от общества и углубились далеко в прерию.

Когда наконец повалили огромного быка, за которым они гнались, то увидели, что солнце закатилось, а лошади так измучены, что нечего и думать о немедленном возвращении в лагерь.

Эта случайность мало смущила охотников. Мысль провести ночь одним нисколько их не пугала.

Теплые одеяла, вода, фляжка вина, небольшой запас сухарей и огромный запас буйволиного мяса — от только что убитого быка — обеспечивали не одну ночь.

Стрепожили лошадей, развели костер и хорошо пожинали.

Хотя все было спокойно кругом, решили спать по очереди, и это, как оказалось потом, спасло их от гибели.

Ночью в прерии появились индейцы — они тоже охотились за буйволами и, конечно, не отказались бы от двух скальпов белых.

Индейцы расположились как раз в том же направлении, где находился лагерь охотников, и таким образом они очутились между ним и заблудившимися.

Целую неделю пришлось Райту и Джемсу скитаться по прерии, скрываясь от хищных взглядов индейских воинов.

Вот тут-то они и оценили друг друга и вернулись в свой лагерь закадычными друзьями.

Джемс так погрузился в воспоминания, что забыл все окружающее; внезапно он очнулся.

Все по-прежнему тихо, только клубы дыма, окружающие Райта, показывали, что времени прошло немало.

И вот кажется Джемсу, что кто-то шевелится в темноте. Он всматривается.

В самом деле, из темноты вырисовывается голова, бледное лицо с блестящими, злыми глазами; вот показывается одна рука: длинные, худые пальцы с заостренными, крепкими ногтями впиваются в край могильной плиты; вот и другая рука: ногти царапают камень, и сильным напряжением рук... тело ползет и ползет из могилы...

Тихо, неслышно поднимается "не-мертвый" из мира смерти и выходит из гроба.

Джемс не сомневается, что это старый Дракула. "Не мертвый" подходит к Райту и сбрасывает фонарь на землю. Тот потухает.

Затем "не-мертвый" начинает кружиться около Райта, стараясь сузить круги.

Из темноты появляются две женщины ослепительной красоты; они приближаются, в свою очередь, склоняются к сидящему, протягивают руки: такое впечатление, будто все они трое хотят загипнотизировать капитана, опутать его невидимой сетью.

Страшным напряжением воли Джемс прерывает свое оцепенение, хватает револьвер и стреляет в Дракулу.

От выстрела и последний фонарь тухнет. Гул выстрела, темнота; словно ураган проносится по склепу; что-то толкает Джемса, и он падает на колени.

В то же время слышно, что дверь из сада открывается; появляются люди с фонарями; с лестницы капеллы слышны голоса доктора и Карла Ивановича.

Выстрел Джемса услышан, и друзья спешат ему на помощь.

Райта и Джемса выводят на воздух. Они оба невредимы. Райт откровенно признается, что ничего не помнит, и чувствует страшную тяжесть в голове.

Джемс отделался еще легче: у него только ссадина на колене.

Наверху в комнатах их ожидает новость. Поздно вечером в замок пришел старый-престарый монах и попросил приюта. Затем он захотел видеть хозяина замка, и вот уже два часа, как они заперлись в кабинете.

Такая долгая беседа начала беспокоить Смита. Уж не случилось ли чего? Время загадочное, неспокойное.

Прошел еще час.

Нервность Смита заразила и остальных. Хотя была уже поздняя ночь, никто не думал о сне.

Прислуга тоже не ложилась. Всюду горели яркие огни.

Вот издалека, из деревни, долетел удар колокола. Еще и еще... несомненно, бьют набат. Не пожар ли?

Все бросились к окнам.

Нет, на деревне темно, но зато от нее к замку движется большая толпа народа. Видны факелы.

Толпа еще далеко, но можно уже различить, что она вооружена: вилы, косы и даже ружья ясно видны при вспышках огня.

Сомневаться, куда идет толпа, нечего. Ясно, она идет на замок и идет не с мирными целями.

Несколько бледных лакеев вбегают в зал с известием, что в деревне бунт. Там сейчас три новых покойника, и толпа идет в замок с целью убить его владельца. Грозят также его американским друзьям и слугам.

— Сейчас же все ворота и входы на запор! Везде поставить караул, — приказывает Райт.

Слуги мнутся; сразу видно, что на их верность положиться нельзя.

— Я приказываю запереть ворота и поставить караул! — повторяет Райт таким голосом и с таким угрожающим жестом, что слуги моментально испаряются.

Райт подходит к дверям кабинета и стучит.

Гарри уже слышал шум и выходит; за ним идет, тяжело опираясь на посох, высокий, сгорбленный старик.

Лицо изнуренное, но спокойное, уверенное. Большая седая борода придает ему вид патриарха.

Одет он бедно, как простой монах. Все же во всех движениях сквозится аристократ и воспитанный человек.

— Гарри, в деревне возмущение, бьют набат, вооруженная толпа идет сюда, — говорит Райт.

— Я уже все знаю, и все решено. Время терять нечего; нам в замке не отсидеться, так как на слуг положиться нельзя. Надо бежать! — объясняет Гарри.

— Как бежать, теперь, когда благодаря нашей неосторожности выпущены темные силы этого замка? — вскричал Джемс.

— В уме ли ты, Гарри? — прибавил Райт.

— По мне уж честнее погибнуть, лучше смерть, чем позорное бегство, — горячился Джемс.

— Полноте, друзья, успокойтесь, неужели вы могли допустить мысль, что я, спасая свою шкуру, отдаю здешнее население во власть вампиров? — сказал Гарри. — Вот перед вами прежний владелец замка, Карло, граф Дракула, — указал Гарри на старого монаха.

Все почтительно поклонились.

— Мы с графом обо всем переговорили и все решили, — сказал Гарри, — я надеялся еще сегодня ночью посвятить вас во все подробности, а завтра к вечеру и выехать. Но обстоятельства обернулись иначе. Мы должны ехать немедленно, а потому, друзья, идите и соберите только самые необходимые вещи, и сделайте это потихоньку от слуг. — Смит, предупредите Сабо, Джо и других наших американских служителей. Сбор через полчаса в нижнем зале, — докончил Гарри.

— А как же останется граф Карло, кто же займется вампирами? — спросил Джемс.

— Господа, за меня вам бояться нечего, — сказал спокойно старый граф, — меня толпа не тронет. Что касается вампиров, то я уже дал клятву мистеру Гарри и повторяю ее вам: “Я сделаю все, что возможно”.

Уничтожить “их” в настоящее время не можете ни вы, ни я. Но я знаю средство обезвредить “их” почти совсем.

Женщин я прикую к стенам этого замка (в нем ведь жить никто больше не будет), а старого “не-мертвого” я настолько свяжу, что ему придется убираться отсюда совсем.

Уничтожить же его теперь нет никакой возможности; час его еще не пробил. Но “истребитель” уже рожден, и скоро его детская рука сделается рукой мужа, и тогда... берегись, старый дьявол! Мститель придет.

Стан старика при этих словах выпрямился, глаза загорелись; он высоко, с угрозой поднял руку, точно проклиная его.

Все с благоговением смотрели на старого графа и все невольно поверили ему.

— Итак, в дорогу, седлайте лошадей, и с Богом! — закончил он.

Каждый поспешил в свою комнату, захватив необходимые или любимые вещи; но не прошло еще и назначенных полчаса, как замок был окружен толпой.

Посыкались крики, раздались угрозы, проклятия.

Ворота начали стучать и ломиться, требуя входа.

Толпа, видимо, не шла, а бежала к замку, и путь к отступлению был отрезан.

Долго ли выдержат ворота? И как пробиться через толпу, не причинив ей вреда и в то же время не потеряв своих?

Все в нижнем зале, все готовы. Но на что решиться?

— Через ворота нам не выбраться, придется оставить лошадей и бежать пешком, — говорит Гарри. — Замок окружен, надо рискнуть, спуститься со скалы.

— Это невозможно, — говорит граф Карло, — есть еще путь, — продолжает он, — существует ли у вас еще старый, пустой колодец возле замка? — обращается он к Смиту.

— Да, он закрыт досками.

— Но не засыпан? — тревожно спрашивает Карло..

— Нет.

— Ну, слава Богу, из него есть потайной спуск к подошве горы, к озеру. Скорее, скорее, давайте лестницу или веревки!

В это мгновение над капеллой раздается резкий удар колокола, еще, еще; поздно. Слуги изменили.

Набат гудит в самом замке.

Толпа во дворе, ворота открыты. Неистовый шум, гам, проклятия долетают в зал.

— За мной, в подвал, — командует граф Карло. — Смит, ломы, кирки, топоры, что возможно, — кричит он. — Одна сторона колодца примыкает к замковой стене; мы пробьем эту стену!!!

Конец

ЭПИЛОГ

(Из семейной хроники графов Дракула-Карди. По желанию Е. Л. Х.)

Палуба большого американского парохода. Чудный закат солнца; огненный шар вот-вот погрузится в волны, море охвачено светом, точно пожаром. Волны плещут о борт парохода и навевают на душу безотчетную грусть.

В привилегированном месте палубы сидит общество мужчин. Это Гарри, теперь граф Дракула-Карди, и его спутники, все старые, неизменные друзья: капитан Райт, доктор Вейс, Джемс и старый библиотекарь Карл Иванович. В памятную ночь бегства из старого замка в Карпатских горах Карл Иванович бежал со всеми, как-то не возник даже вопрос, что он может оставаться, что ему лично опасность не грозит.

Позднее, когда уставшие, грязные, оборванные после тяжелого и опасного спуска с горы, они явились в город, то Гарри не захотел расстаться со стариком. Тем более когда выяснилось, что Карл Иванович одинок на свете, ничего не имеет и существует тем, что занимается библиотекарством, где и когда случится.

— Нет, мистер Гарри, я не могу, я слишком стар, я буду вам в тягость, — твердил старик.

Гарри с всегдашим своим тактом уверил Карла Ивановича, что он будет не только полезен, но даже прямо необходим ему, самому Гарри, что ему нужен личный секретарь, а в Америке огромная библиотека в полном беспорядке. Карл Иванович, со слезами на глазах, согласился, и у Гарри с этого дня стало одним верным человеком больше.

Вот уже три дня, как пароход отошел от Гамбурга. Спешные сборы, ликвидация дел, расчеты поглотили последние дни перед отъездом. Теперь все хлопоты и заботы отошли в область прошлого, и друзья вздохнули наконец свободно.

— Слава Богу, кончено; теперь долго не заманите меня в Европу, — говорит Гарри. — По мне уж лучше иметь дело с команчами или хищными зверями, чем с прекрасными женщинами, которые спускаются по лучу месяца и кусаются, как гадюки; достаточно с меня всякой чертовщины!

— Кстати, Гарри, мы до сих пор не знаем, о чем сообщил тебе граф Карло, — сказал доктор.

— Да, да, за тобой рассказал, — подхватил Джемс.

— Извольте, если это вас еще интересует, — согласился Гарри.

Закурили новые сигары, уселись поудобнее и приготовились слушать.

— И время-то самое подходящее: закат солнца, — сказал Джемс.

— Вы, конечно, поймете, — так начал Гарри, — мое удивление, когда монах, которого я принял за бедного просителя, оказался графом Карло, а следовательно, и настоящим владельцем “моего” замка.

С первых же слов он уверил меня, что никаких прав на замок более не имеет и не желает иметь, что он давным-давно отказался от всякой собственности и посвятил свою жизнь посту и молитве. Что страшный грех тяготил его душу, и он надеялся вдали от света замолить и забыть его. Он дал обет больше не покидать своей кельи.

Вдруг до него дошли слухи о здешних событиях; то есть о моем приезде в замок и о том, что в окрестности — загадочная смертность.

Известие это поразило его, как громом!

Ведь он-то знал, что это за болезнь, откуда она, это и был его грех. По его слабости когда-то близкие ему женщины — мать и невеста — не были уничтожены, сделавшись вампирами. И вот теперь они губили окрестное население, выпивая его кровь.

Он знал также, что с годами их вампирическая сила увеличилась, и бороться с ними людям не посвященным очень трудно.

Сердце и разум сказали ему, что он обязан нарушить свою клятву не посещать мир и идти вновь в замок в Карпатских горах; несмотря на весь ужас и тяжесть его положения, он должен хоть и поздно, но исполнить свой долг.

Он спросил совета у своего духовника, очень ученого и старого прелата, который давно знал всю печальную

историю Карло. Прелат одобрил решение графа, дал ему священных облаток, без которых человек бессилен против нечистой силы, и предупредил, что по старым книгам ему известно существование “не-мертвого” в горах Карпат как очень сильного и хитрого, гибель которого зависит от мужественной женщины, но что время гибели еще не настало.

Относительно женщин, как более слабых, граф Карло предложил мне борьбу под его наблюдением и помощью.

Это, как вы знаете, не удалось. Мятеж вспыхнул раньше, чем мы ожидали.

Видя подобную случайность, граф решил остаться один и силой заговора вернуть женщин в положение спящих, ограничив их подвижность стенами замка.

В замке же без моего разрешения никто жить не может и не будет. Вы уже знаете, что через комиссионную контору все имущество замка, мною приобретенное, распродано, осталось только то, что до меня находилось в нем.

Теперь разрешение некоторых вопросов, относящихся собственно к вампирам и оставшихся для нас загадками.

Граф Карло в тяжелые минуты своей жизни вел записки, а теперь отдал их в мое распоряжение.

Они довольно обширны, но читать их все нет надобности. Многое нам уже известно, многое не подлежит общему оглашению, те же отрывки, которые могут представить для вас интерес, я позволю себе прочесть.

Гарри принес толстую тетрадь и начал, перелистывая ее, рассказывать:

— Выводы Джемми в большинстве случаев верны, — сказал он. — Причиной и началом всех несчастий был старый граф Дракула, ухитрившийся сам себя привезти в гробу из Америки под видом старого слуги; с его приездом началась первая загадочная эпидемия, во время которой и погибла мать Карло, молодая графиня Мария Дракула.

Она — это вампир с золотыми волосами и ненюфарами. Отец Карло знал тайну ее смерти, но от безмерной любви не решился воткнуть ей в сердце осиновый кол.

Охраняя себя и других, они со старым Петро и домашним доктором уложили ее в новый склеп и крепко заговорили. Затем граф Фредерик решил отказаться от света и караулить дорогую и страшную покойницу. Он молился

день и ночь, надеясь вымолить ей прощение и спокойную смерть.

Оберегая память жены, граф запретил сыну своему Карло возвращаться в замок, а с Петро и доктора взял страшную клятву ничего не говорить ему о причине смерти матери, а также и о последствиях этой смерти.

Этим распоряжением граф Фредерик сделал страшную ошибку. Он не рассчитал того, что Карло может захотеть вернуться на родину, и связал клятвой двух человек, которые могли предупредить его об опасности.

Как думал распорядиться граф Фредерик перед своей смертью — неизвестно. Он умер, не успев написать завещания.

Старый Петро похоронил графа в заранее подготовленном гробу, рядом с графиней, и проделал опять все, что требовалось для заклятия.

Затем он, по обету, пошел в Рим к Папе за святыми облатками и по дороге зашел в Венецию отдать отчет новому владельцу замка.

Решение графа Карло вернуться в родовой замок привело Петро в страшный ужас, и в то же время он не смел нарушить клятвы.

Упросив Карло подождать полгода, он бросился в Рим, ища там спасения и разрешения клятвенных уз.

Старый доктор, желая спасти сына своего друга, нарушил свою клятву, но это стоило ему временного помешательства, а главное, Карло ему не поверил. Тем более что ученый друг Альф, перед знаниями и умом которого преклонялся Карло, отверг и высмеял существование вампиров. И доказал ненормальность старика.

К несчастью, граф не дождался возвращения старого Петро и переехал в замок, привезя туда и невесту Риту.

Вначале все шло хорошо.

Новый склеп не был открыт, а старый Дракула спокойно лежал в своем каменном гробу.

“Потом все пошло прахом, — начал читать Гарри, — Рита начала хворать, хандрить; она бледнела, худела не по дням, а по часам, в то же время была ко мне нежна и как-то застенчиво ласкова. Она не отказывала мне в поцелуях, но как-то оглядывалась, оберегалась, точно боялась строгого взгляда старой тетушки. Меня это очень забавляло”.

Загадочная смерть Франчески сильно повлияла на Риту, и Карло решил, по совету старого доктора, который все требовал увезти Риту "чем дальше, тем лучше", и по своему личному мнению — веря в благоприятное влияние перемены места, — переселить невесту в лесной дом под надзор друга Альфа.

Он так и сделал.

Но и там больная продолжала хворать и, наконец, впала в летаргический сон, принятый за смерть.

«Мы одели дорогую покойницу, — вновь читал Гарри, — в голубое шелковое платье, я воткнул ей в волосы знаменитую гребенку императрицы — ведь она так любила ее. О гробе хлопотали Альф и Лючия, а я просил только одного: ничего не жалеть... я хотел, чтобы моей милой было хорошо лежать между лент и кружев.

Капеллу обтянули черным сукном, и я велел срезать все розы до единой... пусть умирают со своей госпожой.

Мы с Альфом, с помощью Лючии и Цецилии, вынесли Риту из ее салона. Мы не хотели, чтобы чужие входили в эту священную для нас комнату. И Альф и Лючия сразу откликнулись на мое предложение закрыть салон навсегда. Так он стоит и поныне.

При звоне колоколов в сопровождении всей дворни и деревни мы отнесли тело Риты в капеллу. Наутро была назначена заупокойная служба.

С вечера ничего не предвещало бури, а ночью вдруг поднялся ураган, да какой! Старики говорят, что давно не помнят такой грозы. Гром грохотал не смолкая. Черную тьму прорезывала поминутно яркая молния, ветер рвал с такой силой, что казалось, стены замка не выдержат.

Мы все собирались в столовой. Нервное напряжение от пережитого горя еще усилилось от воя бури и грохота грома.

Все молчали. Мне казалось, что мир разрушается, что никто и ничто не хочет существовать после смерти той, кто была лучшим украшением жизни.

И вот через шумы грозы мы слышим дикие голоса людей, в них нечеловеческий ужас, какой-то вой...

Двери с силой открываются, и в комнату врываются человек пять-шесть прислуги; все они бледны, волосы в беспорядке, и с криками: "Она встала, она идет!" кида-

ются кто ко мне, точно ища защиты, кто в противоположную дверь.

И прежде чем из отрывочных слов и восклицаний испуганных людей мы поняли, в чем дело, в дверях, к нашему ужасу, показалась Рита, сама Рита, умершая Рита.

В первую минуту я ничего не думал, не понимал, смотрел кругом, видел Риту в голубом нарядном платье, с розами у груди; видел старика доктора с выпученными глазами и трясущейся нижней челюстью; видел бледного Альфа...

Сколько мгновений продолжался наш столбняк, не знаю. Нас привел в себя радостный крик Лючии:

— Господи, это был обморок, ты жива, жива, Рита, о, как мы все счастливы!

Оцепенение было снято. Сразу все заговорили, поняли положение вещей, обрадовались, бросились к Рите. Один доктор-старик стоял, как истукан. Лицо его выражало растерянность и недоумение.

Рита была бледна и слаба, да это и понятно, такой глубокий обморок. А затем прийти в себя, в гробу, тоже чего-нибудь да стоит! Впрочем, она была так слаба, что ни мрачное убранство капеллы, ни гроб, казалось, не произвели на нее впечатления.

По крайне мере ни тогда, ни после она ни слова не сказала о своих ощущениях.

В ту же ночь в замке умерла молодая служанка, точно смерть не хотела уйти от нас без жертвы.

Смерть пришла и воцарилась в замке.

Не проходило недели без покойника, мы даже как-то привыкли к этому, тем более что эпидемия свирепствовала также и в деревне».

— Наступила так называемая вторая эпидемия, — сказал Гарри, прерывая чтение и перекидывая несколько листов тетради.

Карло сообщает о смерти Лючии, Альфа, итальянских лакеев, многих других людей и при этом жалуется, что Рита, прежде такая нежная и сострадательная, теперь спокойно и безразлично относится к смерти близких.

Дальше он пишет (и Гарри снова начал читать):

“На деревне погребальный звон не прекращается, и как это напоминает детство, и как жутко становится... Какие страхи встают кругом... А тут еще этот доктор со своими вампирами!

Бедный старик совершенно сошел с ума! Он, как привидение, день и ночь бродит по замку, всюду является неожиданно, распространяя скверный чесночный запах и разрисовывая везде, где возможно, пентаграмму, этот знак средневекового заклятия нечистой силы.

Особенно сильно он украшает им мои комнаты и мои вещи, я уже не спорю, лишь бы он избавил меня от букетов чеснока, а то повадился украшать ими мою спальню... Так что теперь у нас с ним по этому поводу молчаливое соглашение.

Пусть, зачем раздражать сумасшедшего! Зато с Ритой они теперь враги! Раньше он рыцарски ухаживал за ней, и она относилась к нему ласково, как к старому человеку, другу моих родителей. Теперь же она не переносит старика, прямо ненавидит его.

Я думаю, что это одна из причин, почему она завтра кает и обедает одна у себя в комнате.

Этой же причине я приписываю отказ Риты принять от меня последний подарок. А ведь вещица была заказана по ее личному желанию... и вышла, на удивление, удачно! Это на тонкой золотой цепочке знак пентаграммы, усыпанный бриллиантами, и камни самой чистой воды, точно летняя роса...

А Рита даже не хотела взять ее в руки. Обидно немнога... Эх, буду сам носить и помнить, что счастье обманчиво... и любовь... и дружба..."

Гарри прервал чтение и отодвинул тетрадь.

— Причиной всех несчастий и на этот раз был старый граф. Заговоренный Петро, он пятнадцать лет лежал смирно в гробу, но был еще настолько силен, что внушил Карло мысль привести в склеп Риту, а ей — желание опереться о каменный гроб. Прикосновение живого женского тела сняло заклятие, и старый вампир был свободен.

Он начал с того, что погубил свою освободительницу, наградив ее своей любовью и страшными последствиями этой любви.

Рита с его помощью в недолгое время стала сильным вампиром. Она вела двойное существование: днем жила между живыми, ловко обманывая их, а ночью являлась вампиром и губила их. Страстная любовь к другу своего жениха, Альфу, заставила ее забыть осторожность и сильно ее выдала, хотя Альф и умер, не успев ничего сказать Карло, не открыв тайны Риты.

Прощальное письмо Альфа, вложенное в Библию, так и не дошло по адресу. Граф Карло его не видел.

Все же у графа проснулись неясные подозрения и ревность, и он начал следить за Ритой.

Тут граф Карло переживает страшную драму.

“Она какая-то бесстыдная, сладострастная”, — пишет он, — или “чем больше я за ней слежу и наблюдаю, тем больше становлюсь в тупик. Она или сходит с ума, или у ней какая-нибудь таинственная болезнь, но болезнь психическая, так как физически она цветет и хорошеет день ото дня”.

“Чем объяснить такой поступок, — пишет он дальше, — Рита, тихонько оглядываясь, входит в мой кабинет, берет со стола тяжелое каменное пресс-папье и с силой кидает его в большое простеночное зеркало. Стекло вдребезги.

В ту же минуту она сталкивает с подставки тяжелую китайскую вазу, и та с грохотом падает на пол. Вбегают слуги.

— Ничего особенного, — объявляет холодно Рита, — скажите барину, что я нечаянно столкнула вазу, а она, падая, разбила стекло. Идите прочь.

Слуги, переглядываясь, молча уходят”.

.....

— Как раз в это время, — рассказывал Гарри дальше, — Карло подвернулась латинская книга “оламиях”. Он взял ее из лесного дома на память об Альфе и от бессонницы, которая его преследовала, принялся читать.

Карло признается, что ничего бы не понял в ней, если бы не рассказы старого доктора на эту тему. Тем не менее он не в состоянии поверить в существование вампиров, а тем более причислить к ним свою невесту. «В книге ясно сказано, что “они” выходят из могил, — пишет он. — Затем книга говорит...»

— Впрочем, это я вам прочту, — говорит Гарри, перекидывая листы.

“Книга говорит, что большей опасности подвергаются близкие люди. Вот если бы была правда, то я первый должен бы был умереть. А я жив и здоров, и никто ко мне по ночам не ходит... вот только я спать не могу... Что это, крик или мне показалось? Вероятно...

Фу, какая-то огромная черная кошка подкралась к моей двери, я даже испугался, а увидев меня, она тоже

испугалась, шмыгнула по темному коридору и пропала. Откуда она? Кажется, в замке нет такой; должно быть, забрела из соседнего леса. Надо будет..."

19-е

Ну и ночка! Сейчас светит ясное солнышко, а я все еще не могу сбросить ночной кошмар... а быть может, и действительность... а впрочем, я потерял мерило...

19-го. Позже.

Вчера ночью ко мне в комнату заглянула черная кошка и исчезла. Не успел я снова взяться за перо, как ворвался сумасшедший, на нем был халат, на голове чеснок, а в руках знаменитый кол, с которым он не расстается.

Оказывается, что кол у него осиновый и, чтобы добыть его, он ходил куда-то далеко, так как у нас в окрестности осины нет.

Старик вбежал и принял что-то искать в двух моих комнатах. Он заглядывал под кровать, в шкаф, под стулья, за портьеры и даже смотрел в печке.

— Нету, ушел.

— Да кто ушел, кого вы ищете? — спрашивала я.

— Да Его. Эхе-хе, понимаю, сюда-то не сунется! — весело засмеялся сумасшедший, показывая на знак пентаграммы, вырезанный им на пороге моей комнаты.

— Знаешь, — продолжал он, — я двери-то чесноком, чесноком замазал и завесил, так Он в окно да черной кошкой... сюда, вверх... а я за ним, да, видишь, ноги старые, не поспел, ушел Он... — Старик тяжело вздохнул и присел на стул.

Из отрывочных фраз и бормотания я наконец понял, что он завесил чесноком двери капеллы, а сам сторожил Его с колом. Этот-то Он старика — выходит не кто иной, как Рита, она же — вампир.

Будь передо мной не старик, я бы вздул его, несмотря на все его сумасшествие. Я думал тогда, что всякий вздор, даже сумасшествие, должен иметь меру.

Пока я соображал, как образумить старика, он вдруг опомнился, вскочил, схватил меня за руку и зашептал:

— Идем, идем, Он, наверное, у итальянца, у художника, засосет Он беднягу.

Постараться вырваться нечего было и думать, и я покорно пошел, вернее, побежал за сумасшедшим. Он быстро взобрался по лестнице, на третий этаж, где живет итальянский художник, и затем мы, словно воры, тихо стали красться по коридору.

Подошли к комнате итальянца. Старик осторожно приоткрыл дверь. Комната была залита лунным светом, окно открыто, и занавес на нем отодвинут.

Каково же было мое удивление, а потом бешенство, когда я увидел, что Рита, моя невеста, полулежит на груди итальянца к нему лицом.

Должно быть, я крикнул, потому что Рита подняла голову и обернулась... и о ужас, ужас!.. При ярком свете месяца глаза ее светились сладострастием и злобой, а по губам текла свежая, алая кровь.

— Видишь, видишь, — закричал старик и кинулся вперед... Сильный порыв ветра хлопнул створками окна, взметнул штору и ударил ею по старику, тот упал.

Я поспешил к нему на помощь, но луна померкла, и в комнате воцарился мрак. Нескоро я отыскал спички и свечку.

При слабом освещении я оглядел комнату — никого нет. Сумасшедший, охая, поднимался с полу, итальянец мирно спал.

Я готов был все признать за галлюцинацию, но тут старик подошел к кровати и, поднимая за плечи художника, спокойно объявил:

— Вот я и прав, Она засосала его.

В самом деле, художник был мертв. Лицо бледное, руки болтаются, как плети, на ночной рубашке свежая кровь.

Боже всесильный, что же это? Голова моя не выдержит... лопнет... Ведь выходит, что Рита "не-мертвый"... что она сосет кровь живых людей... Как я могу это понять и связать?.. Рита... кровь... нет и нет. Это я под влиянием старика схожу с ума... Это он мне навязывает свою болезненную идею... в то же время я сознаю, что я здоров, вполне здоров... а впрочем, все сумасшедшие считают себя здоровыми..."

— Что же дальше?

— Тут для графа Карло начинается страшный период сомнений, еще более ужасный, чем муки ревности, и он признается, что был на волосок от помешательства.

На счастье, вернулся из Рима старый Петро. Он сильно похудел и еще больше постарел. Но зато был торжественно спокоен и самоуверен.

— Господь Бог помиловал меня, а святой отец благословил послужить миру, я теперь ничего не боюсь. И за вас, мой дорогой господин, буду бороться со всей нечистой силой. Я вас спасу, не унывайте! — говорил он.

Петро провел целый день в деревне и уже знает все несчастья, постигшие замок.

— Затем он рассказал о Папе, о монастыре, где выдержал покаяние. “Так там хорошо, так хорошо, век бы не ушел, — сознается он, — вот только спешил сюда, боялся за вас, ну да слава Богу, не опоздал!”

Потом понемногу, деликатно Петро начал знакомить Карло со смертью матери. Но, увидав печаль на лице своего любимого господина, спросил: “Так вы знаете, все знаете. А кто сказал?”

Карло сознается, что знает многое, а сказал старый доктор.

— Так вот она, причина его сумасшествия, не сдержанная клятва, — соображает Петро, — а куда он уехал? Вам известно?

— Да никуда он не уезжал, а живет у меня в замке.

После признания Карло, что он знает тайну матери, Петро уже прямо говорит о своей миссии в мире. Эта миссия — уничтожение вампиров. Он приглашает Карло помочь ему.

— На наше счастье, матушка ваша лежит спокойно. Я уже осмотрел и склеп, и гору, все в исправности. Верно, “отмолил” ее старый граф. И слава Богу, а то каково это — вколачивать осиновый кол в сердце родной матери.

Петро подтверждает, что освобождение “старого дьявола” произошло благодаря прикосновению тела Риты, а стоило ему напиться свежей крови, он стал опять силен. Его только удивляет, что “старый” не погубил ее, так как это обыкновенная благодарность вампиров за освобождение.

— Я слышал, — продолжал Петро, — что ваша невеста была очень больна, при смерти, но поправилась, и люди говорят, что теперь она еще прекраснее, чем была до болезни.

— А ты не видал еще моей невесты? — спросил я.

— Нет, не удостоился еще.

Как мне теперь поступить: рассказать старику свои наблюдения и опасения или лучше молчать: не создавать ему предвзятой идеи. Это тем более удобно, что мой сумасшедший уехал зачем-то в город.

Решено, буду пока молчать.

27-го

По давно заведенному порядку мы с Ритой после обеда (хотя и обедаем на разных половинах) гуляем над обрывом. Прежде эти прогулки имели неизъяснимую прелест: нам всегда так много надо было сказать друг другу... а теперь мы точно отываем повинность перед слугами.

Вчера мы также ходили, перекидываясь фразами о погоде.

Как-то на площадку явился Петро. На нем была старинная парадная ливрея, на ногах туфли с большими пряжками, седые волосы тщательно причесаны, в руках у него был небольшой сверток.

Я сразу понял, что старик явился представиться своей будущей госпоже.

— Рита, — сказал я, — это мой старый дядька Петро, верный слуга моих родителей. — Рита снисходительно кивнула головой.

С низким поклоном Петро подошел к ручке. В первый раз мне неприятно бросилась в глаза перемена, произшедшая с руками Риты. Прежде розовые пальчики с нежными ноготками были теперь длинные, белые, и ногти твердые и острые.

Только Петро хотел коснуться руки, как Рита резко отдернула ее и сказала:

— Я не хочу!

Старик оторопел и так растерялся, что, вместо того чтобы уйти, протянул Рите сверток, говоря:

— Я принес для вас, сам святой отец благословил их.

Рита отпрыгнула в сторону, все лицо ее перекосила злоба, и, как-то шипя, она сказала:

— Убирайся прочь, дурак! — и быстро пошла к дому.

На бедного Петро жаль было смотреть. В его трясущихся руках лопнула бумага, и из нее повисли янтарные четки с маленьkim крестиком.

Для меня эта сцена была полна смысла.

Могла ли Рита в ее теперешнем положении принять четки, благословленные святым отцом?

— Успокойся, Петро, и отдай четки мне, — сказал я. — Мне они скоро пригодятся.

— Милый Карло, что же это? за что? — бормотал, плача, стариk.

— Полно, старина, мужайся, это значит только, что ты опоздал, а старый граф Дракула сделал свое дело — погубил ту, что помогла его освобождению.

После рассказов Карло и своих наблюдений Петро приходит к заключению, что Рита — вампир и что ее надо уничтожить.

Несмотря на все, в душе Карло по временам вспыхивает надежда, что это ошибка, галлюцинация, психоз... и вот Петро решается доказать ему правду.

Гарри остановился.

— Если вам не наскучило, то конец записок я могу прочесть весь без перерывов, — говорит он.

— Конечно, мы желаем знать все, — ответил Джемс за всех.

— В таком случае, Карл Иванович, будьте добры, замените меня, я устал. — И Гарри передал тетрадь Карлу Ивановичу.

Надев очки, тот начал:

“Петро усердно следит и караулит Риту. Он теперь убежден, что она часы своего вампирического сна проводит в своем гробу в капелле. Недаром она так заботливо его оберегает.

Сегодня ночью мы идем, чтобы окончательно в этом убедиться.

Вчера во время заката солнца, то есть во время, когда, по мнению Петро, вампиры должны лежать в могилах и Рита не могла следить за нами, что она, в свою очередь, делает, мы отправились на хоры, в капеллу.

Было тихо.

Последние лучи солнца освещали мрачное убранство стен, засохшие розы на полу и катафалк.

Петро поставил нам два стула и очертил мелом на полу круг, что-то шепча, и там, где сходились линии круга, нарисовал пентаграмму.

Прошло полчаса. Все тихо. Солнце закатилось. Наступил полумрак.

Невесело внизу чернел гроб, подсвечники, окутанные черным флером, аналой... Становилось жутко.

Петро по временам клал мне руку на колено, точно желая успокоить.

Темно, я закрыл глаза.

Открываю, капелла залита лунным светом, но при нем все принимают фантастические образы. Даже кажется, что розы ожили и благоухают...

Петро опять нажимает мне на колено, приглашая быть внимательным.

И что же — дверь из капеллы в склеп, за минуту перед тем закрытая — это я ясно видел, — открывается настежь, и в ней фигура. Это высокий, седой старик, в черном бархатном одеянии, на груди дорогая золотая цепь. Нет сомнений, это старый граф Дракула.

Если б вместо черного фона открытой двери была золотая рама, я поклялся бы, что портрет, сосланный когда-то моим отцом в лесной дом, перенесен в капеллу.

Старик, не торопясь, подходит к гробу. Крышка скользит: в гробу, в голубом платье, с розами на груди лежит Рита.

Она открывает глаза, счастливая улыбка озаряет ее лицо.

— Пора, милый, — и она протягивает руки старику. — Ты мой учитель, ты сделал меня могучей и сильной, я люблю тебя.

Рита приподнялась и села. Еще минута, и она уже стоит на ногах.

— Зачем только ты хочешь, чтоб я жила с ними днем? Мне лучше с тобою в темном склепе. Они мне противны, мне тяжело с ними. Вот и сейчас я чувствую их присутствие. — И она начала беспокойно оглядываться.

— Полно, они не смеют сюда явиться!

Мы сидели затаив дыхание.

— А если они здесь? — И Рита подняла голову по направлению к хорам.

В ту же минуту я заметил в руках Петро маленький ковчежец со святыми облатками.

— Уйдем отсюда, уйдем, — сказала Рита, и они обнялись, легко отделились от пола и понеслись в луче месяца к окну. На минуту они заслонили свет, а затем вновь стало светло.

И мы ясно увидели плотно закрытый гроб и крепко запертую дверь.

Все виденное казалось сном.

— Будем ждать, — сказал Петро, — летняя ночь коротка. Они скоро вернутся.

Сколько времени прошло — не знаю. Я устал, спина ныла, ноги одеревенели, голова была тяжелая.

В воздухе стоял ясный запах тления, как будто рядом был разлагающийся труп.

Скоро взойдет солнце. Риты нет. На окне сидит большая черная кошка. Я хочу уже встать, но кошка прыгает в капеллу, и это не кошка, а Рита.

Усталой походкой идет она к гробу, глаза сияют алым наслаждением, на губах кровавая пена. Минута, и она исчезла.

— Теперь скорее вон отсюда, — говорит Петро и берет меня за руку.

— Да-да, вон, — шепчу я, — и пора.

Едва дотащился до своей постели и упал, как убитый.

7-го

Что мы пережили сегодня! Ну и ночь! Она еще страшнее той, когда в первый раз встала Рита. Но по порядку.

После бессонной ночи, проведенной в капелле, а главное, от разных дум и пережитого горя я свалился на постель и заснул тяжело, без грез, без видений.

Вдруг кто-то сердито меня толкает, открываю глаза: передо мной стоит Рита. Лицо ее перекошено злобой, острые ногти впиваются в мою руку.

— Вставай, что же это за безобразие, твои два дурака залезли в мою капеллу и не хотят оттуда уходить. Прогони их сейчас же! И прикажи снять решетки и глупые цветы, — кричит Рита.

— Какие цветы, какие решетки, я ничего не знаю, — говорю я.

— Я так и знала, что ты ничего не знаешь! Идем! — и она тащит меня в капеллу.

Оказывается, сумасшедший ездил в город затем, чтобы заказать на окна капеллы решетки из омелы, и теперь они с Петро укрепили их на место и всюду развесили гирлянды цветов. Тяжелый запах сразу открыл мне, что эти белые цветочки не что иное, как чеснок.

— Прикажи убрать, прикажи убрать! — кричала Рита. Я взглянул на Петро.

— Хорошо, Рита, я распоряжусь, и завтра все уберут.

— Нет, сегодня же, сейчас! — настаивала Рита.

— Сегодня поздно, скоро закат солнца, а вечером никто из слуг не станет работать там, где стоит гроб, хотя бы и пустой, — сказал я самым равнодушным образом, — вот тебе ключ от входной двери капеллы, завтра, когда ты пожелаешь, тогда и очистят здесь. Я прикажу.

Рита взяла ключ и еще колебалась. Петро в это время проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Надо прочесть “Аве Мария”, солнце закатывается.

— Уходите прочь, я замкну дверь, — сказала Рита.

Мы вышли. Оба старика довольно улыбались и подталкивали друг друга.

— Ну, Карло, теперь за дело, пока ты спал, мы с Петро все приготовили, — сказал сумасшедший, и он сказал это спокойно и решительно. Голос был такой ясный.

Я невольно взглянул на него. Глаза светлые, разумные.

— Да, милый Карло, я поправился. Я теперь знаю, что я не один и что Петро поможет мне. Да и ты сам видишь теперь, что я говорил правду и только от горя и бессилия у меня кружилась голова и я, правда временами, сходил с ума. Сегодня же, когда я увидел Петро, мне сразу стало легче, а когда он мне все рассказал, то с меня точно гора свалилась! Вот помогу вам, кончим здесь все, и я пойду в тот монастырь, где был Петро. Хорошо там, он говорит!

— Дело, дело говори, пора уже, — перебил его Петро.

— Да, мы решили на всякий случай заделать окна решетками из омелы — через нее нечистая сила не проходит, — а двери, кроме наружной, замкнули и залили свинцом, смешанным со святой облаткой, так что ходу им, кроме двери, нет.

Два осиновых кола и большой молоток мы приготовили... так через четверть часа и пойдем.

Я буду держать кол, Петро ковчежец, и ты, Карло, должен вбить кол. Не бойся, я направлю его прямо в сердце, я ведь все же доктор. Покончим с женщиной, спустимся в склеп. Хорошо?

Я согласился.

Мы прошли в замок. Он был пуст. Слуги, видимо, нарочно были отпущены.

Старики принялись молиться, а я сел на окно и смотрел на закат солнца.

И вот картина за картиной стали вставать в моем воображении.

Закат солнца, темный канал, а на нем гондола — и черные красивые глаза...

Вот церковь. Орган тихо играет, и тут, близко от меня, — черные, милые глазки, но они не смотрят...

Вот снова черные глазки, но как они светятся, сколько ласки, любви... я чувствую нежные руки... запах роз... скоро-скоро она будет совсем моей, моей обожаемой женой...

“Идем”, — говорит кто-то. Меня берут за руку, ведут... кто, куда, зачем?

Мрачные стены обтянуты черным сукном, украшены белыми пахучими цветами. Серебряный гроб покрыт богато расшитой пеленой и засыпан розами...

Солнце закатилось, и последние отблески наполняют воздух бегающими зайчиками.

Жарко и душно.

Вот две черные фигуры подходят к гробу. Молча свертывают покров, снимают крышку.

В гробу, на белой шелковой подушке, вся в кружевах и лентах лежит дорогая мне головка, черные волосы, как короной, украшены жемчужным гребнем, между розовых губ блестят белые зубки... Встречи на канале, в церкви снова проносятся в моей голове. Виски стучат.

Вот одна из черных фигур подает мне что-то длинное и упирает это что-то в грудь моей невесты. Затем мне дают тяжелый молоток и я слышу:

— Ударь, сильнее ударь!

Я повинуюсь, поднимаю руку и... вдруг два милых, черных глаза тихо открываются, смотрят на меня не мигая, губки шепчут: “Карло”.

“Бей, бей”, — кричит голос мне в ухо. Я опять повинуюсь, поднимаю молоток... черные глаза печально мерцают, губы скорбно сжаты, маленькая ручка беспомощно

поднята... Минута. Молоток с грохотом падает на пол, и я сам валюсь на ступени катафалка.

Слышу отчаянный крик, злобный хохот... и теряю сознание.

Очнулся я поздно ночью у себя в комнате. Открываю глаза и вижу: Петро и доктор стоят возле моей кровати. Петро усердно меняет на моей голове компрессы, а доктор говорит:

— Ничего, отойдет, это Она его заколдовала. Ну да мы в обиду не дадим.

Вдруг страшный порыв ветра пронесся над замком. Захлопали двери, застучали ставни, слышно было, как забегали и засуетились слуги. Новый порыв ветра.

— Сорвало крышу, сломало старый дуб! — кричали голоса. Я вскочил на ноги.

— Ну, это Они, ведь на небе не было ни одного облачка давеча. Откуда же такая непогодь? — сказал Петро.

— Да, не иначе как Они, теперь Их время, — подтвердил доктор.

Затем они сообщили мне, что, когда вынесли меня в обморок из капеллы, они тотчас же закрыли дверь и залили свинцом с святой облаткой, как сделали это и раньше с остальными дверями. И вот теперь нечисть, не находя выхода, вызвала бурю.

Вдруг раздался такой удар грома, что казалось, сама скала, на которой стоит замок, лопнет сверху донизу.

Оба старика бросились на улицу, к дверям капеллы. Двери дрожали, точно кто могучей рукой потрясал их.. Вот внутри что-то упало и задребезжало, опять и опять. Звон разбиваемых стекол и звон металла сливался с ревом бури.

Внутри выли, стонали, скрежетали зубами, в окнах мелькали тени, то белое облако, то черная голова, то светились зеленые глаза...

Буря ревела неистово.

Каждую минуту казалось, что двери сорвутся с петель. Я ждал, что старая стена капеллы не выдержит и рухнет, похоронив нас под своими обломками.

Петро, с всклокоченными седыми волосами, в развеивающейся полумонашеской одежде, крепко стоял против двери, высоко над головой подняв заветный ковчежец. Лицо его светилось глубокой верой и решимостью.

Доктор лежал на земле, распластавшись крестом, он точно хотел своим телом загородить путь.

Новый, еще более страшный удар грома... я упал на пороге капеллы...

Старики страшно, нескладно запели молитвы.

Слуги с криками ужаса бросились в ворота замка. От страха они бежали в деревню.

Внезапно все стихло.

И вот в тишине, еще более жуткой, чем сама буря, раздался тихий, нежный голос, звавший меня, он прерывался стонами и слезами, в нем было столько любви и нежности...

Я невольно приподнялся, но в ту же минуту почувствовал, что что-то тяжелое придавило меня к земле и строгий, угрожающий голос доктора произнес:

— Лежи, ни с места! Или, клянусь Богом, я всажу в горло этот нож, — и на шее я почувствовал холодок стали.

Просьбы и мольбы из-за двери становились все нежнее. Я слышал ласковые названия, намеки, обещания... вся прежняя обожаемая Рита стояла передо мной...

Еще минута... И Бог знает чем бы кончилось!..

На мое счастье, раздался громкий удар колокола, за ним другой, третий...

Звонили в деревне. Звуки лились к небу, прося и требуя, в них смешивались и молитвенный благовест, и тревожный набат...

Оказалось, слуги бросились в деревню и рассказали о наших ужасах.

Священник, уже давно подозревавший, что в замке не все благополучно, бросился в церковь и приказал звонить. Он начал сборы крестного хода в замок.

Только что тронулись хоругви, как яркий луч солнца прорезал облака.

Моментально в капелле все смолкло. Звон колоколов победно усилился.

— Спасены, спасены, — шептали старики. И мы все трое опустились на колени.

В первый раз в жизни я молился от всей души и с полной верой!

Много позже.

Мне не много остается прибавить к этим запискам.

Успокоившись, мы решили не рисковать и капеллу не открывать. Чтобы обессилить нечисть, мы придумали Их

разъединить, то есть не допускать старого Дракулу в капеллу.

Старики поняли свою ошибку: они не заговорили внутренней двери между капеллой и склепом, и этим дали возможность вампирам действовать сообща.

Мы вырыли в склепе глубокую могилу и спустили туда каменный гроб с надписью: "Привезен из Америки". Петро с доктором его заговорили, как заговорили когда-то мою мать."

— Вот, Джемс, и причина, почему ты не нашел в склепе гроб графа Дракулы, — прервал Гарри чтение Карла Ивановича. — Но продолжайте!

— Да тут осталось всего несколько строк.

“Мы все трое уходим в монастырь, где будем молиться о дорогих нам когда-то людях. Да пошлет им Господь, по своей великой милости, вечный, могильный покой.

Быть может, Петро вернется, чтобы наблюдать за спокойствием погребенных.

А само время уничтожит их страшную силу.”

.....

Все молчат, переживая в душе драму графа Карло.

— Вот в том-то и была их ошибка, — прерывает, наконец, Гарри общее молчание. — Да, кстати, — говорит он, — я забыл вам показать.

И он вынимает из кармана что-то длинное и белое.

Это что-то оказалось женским ожерельем, оно было из жемчуга, застежкой служила змеиная голова с зелеными глазами, все прекрасной работы.

— Откуда это у тебя? Ведь это ожерелье Марии Дракула, привезенное из Америки? — спрашивает Джемс.

— В ту ночь, когда мы пробивали стену в старый колодец, я нашел в мусоре. Сунул в карман, да и забыл, — ответил Гарри, — и вот только сегодня оно опять попало мне под руку.

Все любуются и восхищаются красотой жемчуга и изяществом застежки.

— А все же было бы лучше, если б оно осталось на дне старого колодца! — прошептал со вздохом Джемс.

СОДЕРЖАНИЕ

ВАМПИР Владислав Реймонт 7

ВАМПИРЫ

*Фантастический роман барона Олшеври
из семейной хроники графов Дракула-Карди 195*

Серия МИР МИСТИКИ

Основатель серии И.В. Розова

ВАМПИРЫ

Сборник

Художник Владимир Радько

Редактор Н.А. Косаковская

Художественный редактор Ф.Е. Барбышев

Технический редактор В.А. Позднякова

Корректоры Ю.Е. Луговской, Л.Я. Далимова

Сдано в набор 2.09.91. Подписано в печать 27.03.92.

Формат 84×108¹/32. Гарнитура Тип Таймс.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 100 000. Зак. № 3802.

Цена договорная

Издательство «Ренессанс» СП «ИВО-СиД»

Москва, 1-й Басманный пер., д. 5/20, строение 2

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Нижполиграф».

Н. Новгород, ул. Варварская, д. 32.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
Серия
«МИР МИСТИКИ»

предлагает Вам
произведения отечественных и зарубежных авторов —
мистика, магия, приключения, фантастика —
в сочетании с тончайшими гуманистическими исследованиями
человеческой души.

Столь разных писателей объединяет вера в потусторонние силы.
В рассказах, повестях, романах раскрыта сфера деятельности этих сил —
в нашей «реальной» действительности.

ЭТО:

ТРАКТАТ О ВЕДЬМАХ
Сборник

Сборник мистических произведений
русских писателей
ПРИЗРАКИ

Сборник мистических произведений
русских писателей
ПРОФЕССОР БЕССМЕРТИЯ
(*А.Н. Апухтин, М.В. Лодыженский, К.К. Случевский*)

Брэм Стокер
ДРАКУЛА

Сборник оккультных и мистических
произведений
МЕССА ПРИВИДЕНИЙ

Говард Филлипс Лавкарт
ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ
Сборник

Густав Майриник
АНГЕЛ ЗАПАДНОГО ОКНА
Сборник

Алан Кардек
КНИГА ДУХОВ

Аллан Кардек
КНИГА МЕДИУМОВ

ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ...
Антология редкой литературы о вампирах

ПАПЮС
ПРАКТИЧЕСКАЯ МАГИЯ
(В трех частях)

